

КНУТЬ ГАМСУНЪ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

ВЪ 12 ТОМАХЪ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ

К. БАЛЬМОНГА, Ю. БАЛТРУШАЙТИСА
и С. ПОЛЯКОВА.

Т. VII.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.
1908.

Р $\frac{10}{2183}$

КНУТЬ ГАМСУНЪ

ВИКТОРІЯ

ПЕР. Ю. БАЛТРУШАЙТИСА

ВЪ СКАЗОЧНОЙ СТРАНѢ

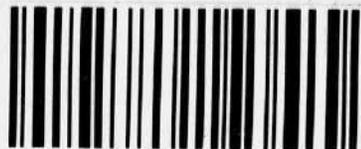
ПЕР. Ю. БАЛТРУШАЙТИСА

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.
1908.

801-15
2547

69406

306

2010380245

Содержательная
Библиотека
им. В. И. Ленина

73770-48

ВИКТОРИЯ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ
ПЕЧАТНОЕ ИСКУССТВО
НЕВСКІЙ ПР., д. № 140-2.

I.

Сынъ мельника шель и думаль. Онъ былъ крѣпкій малый четырнадцати лѣтъ, загорѣлый на солнцѣ и вѣтру, полный разныхъ идей.

Когда онъ выростеть, онъ будетъ рабочимъ на спичечной фабрикѣ. Это было бы такъ восхитительно опасно, пальцы у него могли бы оказаться въ сѣрѣ, и никто не рѣшался бы здороваться съ нимъ. Его страшное ремесло внушало бы его товарищамъ большое уваженіе къ нему.

Онъ наблюдалъ за своими птицами въ лѣсу. Онъ зналъ ихъ всѣхъ, помнилъ, гдѣ были ихъ гнѣзда, понималъ ихъ крики и откликался имъ по-разному. Онъ не разъ давалъ имъ шарики изъ тѣста съ мельницы отца.

Всѣ эти деревья вдоль тропинки были его хорошіе знакомые. Весною онъ пускалъ изъ нихъ сокъ, а зимою былъ для нихъ какъ маленькій отецъ, освобождалъ ихъ отъ снѣга, помогалъ ихъ вѣткамъ подняться. И даже наверху, въ заброшенной каменоломнѣ, ни одинъ камень не былъ ему невѣдомъ, онъ выдолбилъ на нихъ буквы и знаки и поставилъ отдѣльно ихъ, расположилъ ихъ, какъ прихожанъ вокругъ священника. Много поразительныхъ вещей происходило въ этой старой каменоломнѣ.

Онъ свернулъ съ тропинки и спустился къ плотинѣ. Мельница была въ ходу, ужасный и тяжелый шумъ окружилъ его. Онъ привыкъ бродить здѣсь по близости и громко разговаривать съ самимъ собою; каждый пузырекъ пѣны могъ рассказать какъ бы маленькую жизнь, а тамъ у шлюзы вода падала

внизъ отвѣсно и была похожа на бѣлую ткань, вывѣшенную для просушки. Въ пруду, ниже паденія, была рыба; онъ много разъ стоялъ тамъ со своей удочкой.

Когда выростетъ, онъ будетъ водолазомъ. Онъ хотѣлъ этого. И вотъ онъ бросается въ море съ палубы корабля и попадаетъ въ чужія царства и страны, гдѣ стоятъ большіе, изумительные лѣса и коралловый замокъ лежитъ на днѣ. И принцесса киваетъ ему изъ окна и говоритъ: Войди!

Тутъ онъ услышалъ свое имя сзади; стоялъ отецъ и кричалъ ему: Иоганнесь.

— Тамъ пришелъ посланный изъ замка. Ты долженъ переправить молодежь на островъ.

Онъ быстро ушелъ. Новую и большую милость встрѣтилъ сынъ мельника.

Барская усадьба, утопая въ зелени, имѣла видъ маленькаго замка, да, волшебнаго дворца. Домъ представлялъ выкрашенное въ бѣлую краску деревянное зданіе со множествомъ полукруглыхъ оконъ въ стѣнахъ и въ крышѣ, а когда въ усадьбѣ бывали гости, на круглой башнѣ развѣвался флагъ. Народъ называлъ его замкомъ. Но съ одной стороны усадьбы была бухта, а съ другой—большой лѣсъ; вдали виднѣлись нѣсколько маленькихъ крестьянскихъ избушекъ.

Иоганнесь очутился на пристани и посадилъ молодежь въ лодку. Онъ зналъ ихъ раньше, это были дѣти владѣльца замка и ихъ товарищи изъ города. Всѣ они были въ высокихъ сапогахъ и могли итти въ бродъ; Викторію же, на которой были маленькіе башмачки, и которой къ тому же было не больше десяти лѣтъ, пришлось выносить на берегъ, когда они пристали къ острову.

— Могу я вынести тебя?—спросилъ Иоганнесь.

— Я!—сказалъ горожанинъ Отто, юноша въ возрастѣ конфирмаціи, и взялъ ее на руки.

Иоганнесь стоялъ и смотрѣлъ, какъ ее вынесли высоко на берегъ, и слышалъ, какъ она благодарила. И вотъ Отто сказалъ, обернувшись;

— Такъ, а ты смотри за лодкой,—какъ его зовутъ?

— Иоганнесь,—отвѣтила Викторія.—Да, пусть онъ смотритъ за лодкой.

Онъ остался. Остальные ушли вглубь острова съ корзинами для собиранія яицъ. Онъ стоялъ нѣкоторое время и раздумывалъ; онъ бы съ радостью пошелъ съ остальными, а лодку они могли бы просто-напросто вытащить на берегъ. Слишкомъ тяжела? Она была не слишкомъ тяжела. И онъ ухватился за лодку и вытащилъ ее немного на сушу.

Онъ слышалъ смѣхъ и болтовню удалявшейся молодежи. Хорошо, прощайте. Но они отлично могли бы взять его съ собой. Онъ зналъ гнѣзда, къ которымъ онъ повелъ бы ихъ, удивительныя, тайныя пещеры въ горахъ, гдѣ обитали хищныя птицы со щетиной на клювѣ. Однажды онъ видѣлъ даже горностаю.

Онъ столкнулъ лодку и сталъ грести на другую сторону острова. Онъ ужъ порядочно отплылъ, какъ его окликнули.

— Гроби назадъ. Ты спугнешь птицъ.

— Я только хотѣлъ показать, гдѣ живетъ горностаю?—вопросительно отвѣтилъ онъ, Онъ подождалъ немного.—Мы могли бы еще выкурить гнѣздо червей?—У меня есть спички.

Онъ не получилъ никакого отвѣта. И онъ повернулъ лодку и поплылъ назадъ къ мѣсту высадки. Онъ вытащилъ лодку на берегъ.

Онъ выростетъ и купитъ островъ у Султана и воспретитъ всякій доступъ къ нему. Канонерка будетъ защищать его берега. Ваша Свѣтлость, явятся съ докладомъ слуги, тамъ судно сѣло на камень, оно разбилось, молодые люди погибаютъ на немъ. Пусть погибаютъ! отвѣчаетъ онъ. Ваша Свѣтлость, они взываютъ о помощи, мы еще можемъ спасти ихъ, и съ ними одѣтая въ бѣлое женщина. Спасите ихъ!

приказываетъ онъ громовымъ голосомъ. И вотъ онъ снова видитъ дѣтей владѣльца замка послѣ многихъ лѣтъ, и Викторія бросается къ его ногамъ и благодарить его за спасеніе. Не за что благодарить, это былъ просто мой долгъ, отвѣчаетъ онъ; идите съ Богомъ, куда хотите, по моимъ землямъ. И онъ повелѣваетъ открыть двери замка передъ гостями и потчуетъ ихъ яствами на золотыхъ блюдахъ, и триста черныхъ рабынь поютъ и пляшутъ имъ всю ночь. Когда же дѣтямъ владѣльца замка нужно уѣзжать, то Викторія не въ силахъ, она лежитъ въ пыли передъ нимъ и рыдаетъ, потому что она любитъ его. Позвольте мнѣ остаться здѣсь, не отталкивайте меня, Ваша Свѣтлость, сдѣлайте меня одною изъ вашихъ рабынь...

Онъ начинаетъ быстро шагать по острову, охваченный волненіемъ. Да, онъ хочетъ спасти дѣтей изъ замка. Какъ знать, можетъ быть, они теперь заблудились на островѣ? Можетъ быть, Викторія застряла между двумя камнями и не могла освободиться? Стоило ему только протянуть руку, и она была бы свободна.

Но дѣти такъ изумленно посмотрѣли на него, когда онъ явился. Онъ бросилъ лодку?

— Ты отвѣчаешь за лодку,—сказалъ Отто.

— Могу я показать вамъ, гдѣ здѣсь растетъ малина?—спросилъ Иоганнесъ.

Молчаніе въ обществѣ. Викторія тотчасъ же подхватила.

— Да ну? Гдѣ же?—спросила она.

Но горожанинъ скоро опомнился и сказалъ:

— Теперь намъ некогда заниматься этимъ.

Иоганнесъ сказалъ:

— Я знаю также, гдѣ найти раковины.

Новое молчаніе.

— А есть въ нихъ жемчужины?—спросилъ Отто.

— Подумайте, а вдругъ окажутся!—сказала Викторія.

Иоганнесъ отвѣтилъ.—Нѣтъ, онъ этого не зналъ; но рако-

вины лежали глубоко на бѣломъ пескѣ; нужно было взять лодку, и нужно было нырнуть за ними.

И эта мысль была совершенно осмѣяна, и Отто замѣтилъ:

— Да, у тебя видъ водолаза.

Иоганнесъ началъ тяжело дышать.

— Если вы хотите, я могу подняться на скалу и скатить тяжелый камень въ море,—сказалъ онъ.

— На что это нужно?

— Такъ, ни на что. Но вы тогда посмотрѣли бы.

Но даже это предложеніе не было принято, и Иоганнесъ, пристыженный, замолчалъ. И вотъ онъ отправился за яйцами, далеко отъ остальныхъ, на другой конецъ острова.

Когда все общество снова собралось внизу у лодки, то у Иоганнеса было гораздо больше яицъ, чѣмъ у остальныхъ; онъ осторожно несъ ихъ въ шапкѣ.

— Какъ же могло случиться, что ты нашелъ такъ много?—спросилъ горожанинъ.

— Я знаю, гдѣ гнѣзда,—счастливый, отвѣтилъ Иоганнесъ.

— Я положу ихъ къ твоимъ, Викторія.

— Постой!—закричалъ Отто,—зачѣмъ?

Всѣ смотрѣли на него. Отто показалъ на шляпу и спросилъ:

— Кто поручится мнѣ, что шапка чиста?

Иоганнесъ ничего не сказалъ. Его счастье вдругъ исчезло. И онъ направился назадъ на островъ съ яйцами.

— Что съ нимъ? Куда онъ идетъ?—нетерпѣливо говорить Отто.

— Куда же ты, Иоганнесъ?—кричитъ Викторія и бросается за нимъ.

Онъ останавливается и тихо говоритъ:

— Я положу яйца обратно въ гнѣзда.

Они стояли одно мгновеніе и смотрѣли другъ на друга.

— Я пойду въ каменоломню послѣ обѣда,—сказалъ онъ.

Она не отвѣчала.

— Я показаль бы тебѣ пещеру.

— Да, но мнѣ такъ страшно, отвѣтила она.—Ты говорилъ, въ ней такъ темно.

На это Іоганнесъ улыбнулся, несмотря на свое глубокое огорченіе, и смѣло сказалъ:

— Да, но вѣдь я же буду съ тобой.

... Онъ всѣ свои дни игралъ въ старой гранитной каменоломнѣ. Люди слышали, какъ онъ разговаривалъ и работалъ тамъ наверху, хотя онъ былъ одинъ; иногда онъ бывалъ священникомъ и совершалъ богослуженіе.

Это было давно заброшенное мѣсто, теперь тамъ росъ мохъ на камняхъ, и всякій слѣдъ рукъ человѣческихъ былъ уничтоженъ. Но внутренность таинственной пещеры сынъ мельника расчистилъ и убралъ съ большимъ искусствомъ, и тамъ жилъ онъ, какъ глава самой храброй шайки разбойниковъ на свѣтѣ.

Онъ звонитъ въ серебряный колокольчикъ. Прибѣгаетъ маленькій человѣчекъ, гномъ съ алмазомъ на шапкѣ. Это—слуга. Онъ бросается на землю. Когда придетъ принцесса Викторія, введи ее! говоритъ Іоганнесъ громкимъ голосомъ. Гномъ снова припадаетъ къ землѣ и исчезаетъ. Іоганнесъ удобно растягивается на мягкомъ диванѣ и думаетъ. Онъ усадитъ ее вонъ тамъ и предложить ей драгоценныя яства на серебряныхъ и золотыхъ блюдахъ; пылающій костеръ озаритъ пещеру; за тяжелой занавѣской изъ золотой парчи въ концѣ пещеры будетъ приготовлено ей ложе, и двѣнадцать рыцарей будутъ стоять на стражѣ...

Іоганнесъ встаетъ, выползаетъ изъ пещеры и прислушивается. Внизу на тропинкѣ раздается шелестъ въ вѣтвяхъ и листьѣ.

— Викторія!—зоветъ онъ.

— Да,—отвѣчаютъ.

Онъ идетъ ей навстрѣчу.

— Я почти не рѣшаюсь,—говоритъ она.

Онъ пожимаетъ плечами и отвѣчаетъ:

— Я только что былъ тамъ. Я теперь оттуда.

Они входятъ въ пещеру. Онъ указываетъ ей тронъ на камнѣ и говоритъ:

— На этомъ камнѣ сидѣлъ великанъ.

— Ахъ, не говори больше, не рассказывай мнѣ объ этомъ! Тебѣ не было страшно?

— Нѣтъ.

— Да, но ты говорилъ, что у него только одинъ глазъ; вѣдь это у гномовъ бываетъ.

Іоганнесъ задумался.

— У него были два глаза, но онъ былъ слѣпъ на одинъ. Онъ это самъ сказалъ.

— Что же онъ еще сказалъ? Нѣтъ, не говори!

— Онъ спрашивалъ, не хочу ли я служить у него.

— Да, но ты же не захотѣлъ этого? Боже тебя упаси!

— Конечно, я не отвѣчалъ нѣтъ.

— Ты съ ума сошелъ! ты хочешь, чтобы тебя заперли въ скалѣ?

— Да, не знаю. На землѣ тоже тяжело.

Молчаніе.

— Съ тѣхъ поръ, какъ появились эти городскіе мальчишки, ты все только съ ними,—говоритъ онъ.

Снова молчаніе.

Іоганнесъ продолжаетъ.

— Но у меня больше силы, чтобы носить тебя и высаживать изъ лодки, чѣмъ у любого изъ нихъ. Я увѣренъ, что я былъ бы въ состояніи держать тебя цѣлый часъ. Смотри.

Онъ обнялъ ее и поднялъ. Она держалась за его шею.

— Ну вотъ, ты больше уже и не можешь.

Онъ опустилъ ее на землю. Она сказала:

— Да, но Отто тоже силенъ. И онъ дрался со взрослыми.

Юганнесъ недовѣрчиво спрашиваетъ:

— Со взрослыми?

— Да, дрался. Въ городѣ.

Молчаніе. Юганнесъ задумался.

— Хорошо же, больше такъ нельзя,—говоритъ онъ.—Я знаю, что мнѣ дѣлать.

— Что же ты сдѣлаешь?

— Я поступлю къ великану.

— Нѣтъ, ты съ ума сошелъ, слышишь!—вскрикиваетъ Викторія.

— Ну, конечно, я очень радъ. Я такъ и сдѣлаю.

Викторія подумываетъ о выходѣ.

— Да, но онъ можетъ быть и не вернется больше?

Юганнесъ отвѣчаетъ:

— Вернется.

— Сюда?—спрашиваетъ быстро Викторія.

— Да.

Викторія встаетъ и хочетъ уходить изъ пещеры.

— Мы лучше уйдемъ.

— Это не къ спѣху,—говоритъ Юганнесъ, поблѣднѣвъ самъ.—Потому что раньше ночи онъ не придетъ. Въ полночь.

Викторія успокаивается и хочетъ снова сѣсть на свой тронъ. Но Юганнесу трудно побороть страхъ, который онъ вызвалъ самъ, ему становится слишкомъ опасно въ пещерѣ, и онъ говоритъ:

— Если ты непременно хочешь выходить, то у меня есть снаружи камень съ твоимъ именемъ. Я тебѣ могу показать его.

Они выползаютъ изъ пещеры и находятъ камень. Викторія горда и счастлива имъ. Юганнесъ растроганъ, онъ готовъ плакать и говорить:

— Увидѣвъ его, ты должна вспоминать обо мнѣ иногда, когда меня не будетъ. Дружески подумай обо мнѣ.

— Конечно,—отвѣчаетъ Викторія.—Но ты же вернешься?

— Ахъ, одному Богу извѣстно. Нѣтъ, не вернусь.

Они двинулись къ дому. Юганнесъ готовъ былъ плакать.

— Ну, прощай,—говоритъ Викторія.

— Нѣтъ, я могу пройти съ тобой еще немного.

То, что она такъ безсердечно торопится проститься съ нимъ, огорчаетъ его, возбуждаетъ гнѣвъ въ его раненомъ сердцѣ. Онъ вдругъ останавливается и съ понятною злобой говоритъ:

— Я тебѣ одно скажу, Викторія, что ты не найдешь никого, кто былъ бы столь же ласковъ съ тобой, какъ я. Я только это хочу сказать тебѣ.

— Да, но Отто тоже ласковъ,—возражаетъ она.

— Хорошо, бери его.

Они молча идутъ нѣсколько шаговъ.

— Я отлично устроюсь. Не бойся. Ты еще не знаешь, что я получу въ награду.

— Нѣтъ. Что же ты получишь въ награду?

— Полцарства. Это, во-первыхъ.

— Подумать только, что ты это получишь!

— А потомъ получу принцессу.

Викторія останавливается.

— Но это неправда?

— Да, онъ такъ и сказалъ.

Молчаніе. Викторія говоритъ про себя:

— Какой же у нея видъ?

— Ахъ, помилуй Богъ, она красивѣе всѣхъ людей на землѣ. И это мы заранѣе знаемъ.

Викторія поникла.

— Значитъ, ты хочешь получить ее?—спрашиваетъ она.

— Да,—отвѣчаетъ онъ,—такъ и будетъ.—Но такъ какъ Викторія дѣйствительно взволнована, то онъ прибавляетъ:— Но можетъ случиться, что я когда-нибудь вернусь. Что я выйду на землю.

— Да, но ты только не бери ея съ собой,—просить она.—
Зачѣмъ тебѣ брать ея?

— Нѣтъ, я могу вернуться и одинъ.

— Ты мнѣ общаешь?

— Ну, да, могу и обѣщать. Впрочемъ, тебѣ нечего беспокоиться объ этомъ! Вѣдь мнѣ трудно предполагать, чтобы ты беспокоилась объ этомъ.

— Ты не долженъ говорить такъ, слышишь,—отвѣчаетъ Викторія.—Я увѣрена, что она не такъ будетъ любить тебя, какъ я.

Теплая радость заставляетъ дрожать его юное сердце. При этихъ ея словахъ онъ готовъ былъ провалиться въ землю отъ счастья и стыда. Онъ не смѣлъ смотрѣть на нее, онъ смотрѣлъ въ сторону. И вотъ онъ поднялъ вѣтку съ земли, сталъ грызть ея кору и билъ себя по рукѣ. Наконецъ, онъ началъ свистѣть отъ смущенія.

— Такъ вотъ, мнѣ пора домой,—говоритъ онъ.

— Да, прощай,—отвѣчаетъ она и протягиваетъ ему руку.

II.

Сынъ мельника уѣхалъ. Онъ отсутствовалъ долго, посѣщалъ школу и такъ много учился, сталъ большой и сильный и у него появился пушекъ на верхней губѣ. До города было такъ далеко, дорога туда и обратно стоила такъ дорого, бережливый мельникъ держалъ сына въ городѣ зиму и лѣто въ теченіе многихъ лѣтъ. Онъ учился все время.

Но теперь онъ сталъ взрослымъ мужчиной, ему было восемнадцать, двадцать лѣтъ.

И вотъ какъ-то вечеромъ весною онъ высадился съ парохода. Надъ замкомъ былъ поднятъ флагъ въ честь сына, который пріѣхалъ на каникулы съ тѣмъ же пароходомъ; за нимъ была послана карета къ пристани. Юганнесь поклонился

владѣльцу замка, его женѣ и Викторіи. Какая большая и высокая стала Викторія! Она не отвѣтила на его поклонъ. Онъ снова снялъ шляпу и слышалъ, какъ она спрашивала у своего брата:

— Дитлефъ, кто это кланяется?

Братъ отвѣтилъ:

— Это—Юганнесь. Юганнесь Меллеръ.

Она снова бросила взглядъ на него; но теперь ему стало стыдно кланяться нѣсколько разъ. И карета тронулась.

Юганнесь направился домой.

Нѣтъ, Боже мой, какъ забавна и мала была избушка! Онъ не могъ войти въ дверь не согнувшись. Родители приготовили ему угощеніе. Глубокое волненіе охватило его, все было такъ трогательно и мило, отецъ и мать встрѣтили его, такіе сѣдые и добрые, они поочередно протянули ему руку и привѣтствовали его съ благополучнымъ возвращеніемъ.

Еще въ тотъ же вечеръ онъ пошелъ бродить кругомъ и осмотрѣлъ все, былъ у мельницы, у каменоломни, посѣтилъ мѣсто рыбной ловли, съ грустью слушалъ знакомыхъ птицъ, которыя уже свивали гнѣзда на деревьяхъ, и сбѣгалъ къ огромному муравейнику въ лѣсу. Муравьевъ не стало, муравейникъ вымеръ. Онъ сталъ рыться въ немъ; тамъ больше не было никакой жизни. Но пока онъ бродилъ кругомъ, онъ обратилъ вниманіе, что лѣсъ владѣльца замка сильно вырубленъ.

— Ты узнаешь здѣсь все?—въ шутку спросилъ отецъ.— Видѣлъ своихъ старыхъ дроздовъ?

— Я не все узнаю. Лѣсъ вырубленъ.

— Это—лѣсъ владѣльца замка,—отвѣтилъ отецъ.— Мы не будемъ считать его деревьевъ. Каждому нужны деньги, а владѣльцу замка нужно много денегъ.

Дни приходили и уходили, тихіе, славные дни, поразительные часы въ одиночествѣ, съ трогательными воспоми-

наніями дѣтства, призывъ назадъ къ землѣ и небу, къ воздуху и горамъ.

Онъ шелъ по дорогѣ къ замку. Утромъ его укусила оса, и верхняя губа у него распухла; еслибъ онъ встрѣтилъ кого-нибудь, онъ бы поздоровался и тотчасъ же пошелъ дальше. Онъ никого не встрѣтилъ. Въ саду замка онъ увидѣлъ даму; подойдя ближе, онъ низко поклонился и пошелъ дальше. Это была хозяйка замка. Онъ еще чувствовалъ сердцебіеніе, какъ въ старые дни, когда онъ проходилъ мимо замка. Уваженіе къ большому дому, ко множеству оконъ, къ строгой, стройной фигурѣ владѣльца замка, все еще сидѣло въ крови у него.

Онъ пошелъ дорогою къ пристани.

И тамъ онъ вдругъ встрѣтилъ Дитлефа и Викторію. Иоганнесъ былъ неприятно взволнованъ; они, пожалуй, подумали, что онъ шелъ за ними. Кромѣ того, у него распухла губа. Онъ замедлил шагъ, въ нерѣшительности, идти ли ему дальше. Онъ пошелъ. Онъ поклонился еще на большомъ разстояніи и, проходя мимо, держалъ шляпу въ рукѣ. Они оба молча отвѣтили ему на поклонъ и медленно прошли мимо. Викторія смотрѣла прямо на него; она нѣсколько измѣнилась въ лицѣ.

Иоганнесъ пошелъ дальше къ набережной; имъ овладѣло безпокойство, его шагъ сталъ нервнѣе. Нѣтъ, подумать только, какая большая стала Викторія, совсѣмъ большая, красивѣе, чѣмъ когда-либо раньше. Ея брови почти сомкнулись надъ носомъ, онѣ были какъ двѣ тонкія бархатныя полоски. Глаза стали темнѣе, очень темнаго синяго цвѣта.

Возвращаясь домой, онъ взялъ тропинку, которая вела черезъ лѣсъ, далеко отъ сада замка. Никто не долженъ былъ говорить, что онъ бѣгаетъ по пятамъ дѣтей владѣльца замка. Онъ вышелъ на холмъ, отыскалъ камень и сѣлъ. Птицы заливались дикимъ и страстнымъ пѣніемъ, манили,

искали другъ друга, летали съ вѣтками въ клювъ. Пряный запахъ земли, распускающейся листвы и гніющихъ деревьевъ стоялъ въ воздухѣ.

Онъ оказался на тропинкѣ Викторіи, и она какъ разъ шла навстрѣчу съ противоположнаго конца.

Безпомощная досада овладѣла имъ, ему хотѣлось быть далеко, далеко; разумѣется, на этотъ разъ она должна была подумать, что онъ слѣдовалъ за ней. Кланяться ему теперь снова? Ему можетъ быть слѣдовало смотрѣть въ другую сторону, а кромѣ того у него былъ этотъ укусъ осы.

Когда же она подошла довольно близко, онъ всталъ и снялъ шляпу. Она улыбнулась и кивнула головой.

— Добрый вечеръ. Съ прїездомъ,—сказала она.

Казалось, что губы у нея снова слегка вздрагиваютъ; но она тотчасъ же овладѣла собой.

Онъ сказалъ:

— Это нѣсколько странно; но я не зналъ, что ты здѣсь.

— Нѣтъ, вы этого не знали,—отвѣтила она. Это—моя фантазія, мнѣ пришло въ голову заглянуть сюда.

Ай! Онъ сказалъ *ты*.

— Какъ долго вы пробудете дома?—спросила она.

— Всѣ каникулы.

Онъ отвѣчалъ ей съ трудомъ, она вдругъ стала такъ чужда ему. Зачѣмъ же тогда она заговорила съ нимъ?

— Дитлефъ говоритъ, что вы такой способный, Иоганнесъ. Вы такъ блестяще выдержали экзамены. Онъ говорить еще, что вы пишете стихи; правда?

Онъ отвѣтилъ коротко и отвернулся:

— Да, понятно. Это всѣ дѣлаютъ.

Теперь она скоро уйдетъ, потому что она больше ничего не говорила.

— Неслыханное дѣло, сегодня меня укусила оса,—сказалъ онъ и показалъ на свой ротъ.—Поэтому у меня такой видъ.

— Значитъ, вы слишкомъ долго были въ отъѣздѣ, здѣшнія осы васъ больше не узнаютъ.

Ей было все равно, изуродовала его оса или нѣтъ. Да. Она стояла и вертѣла на плечѣ краснымъ зонтикомъ съ отдѣланной золотомъ ручкой, и ни до чего другого ей не было дѣла. А вѣдь онъ носилъ милостивую фрѣкенъ на рукахъ не одинъ разъ.

— Я и самъ не узнаю здѣшнихъ осъ,—отвѣчаетъ онъ;—раньше онѣ были моими друзьями.

Но она не поняла его многозначительныхъ словъ, она не отвѣчала. И онъ продолжалъ:

— Я здѣсь ничего не узнаю. Даже лѣсъ срубили.

Легкая судорога пробѣжала по ея лицу.

— Пожалуй, вамъ здѣсь нельзя сочинять стихи,—сказала она.—Подумайте, еслибъ вы захотѣли написать мнѣ стихи какъ-нибудь. Но что я говорю! Сами видите, какъ мало я смыслу въ этомъ.

Взволнованный, онъ молча смотрѣлъ въ землю. Она дружелюбно шутила надъ нимъ, говорила громкія слова и наблюдала, какое впечатлѣніе они производятъ. Извините, онъ не только писалъ все время, онъ учился, и больше, чѣмъ всѣ...

— Хорошо, мы еще увидимся. Пока же—прощайте.

Онъ снялъ шляпу и ушелъ, ничего не отвѣчая.

Ей слѣдовало бы знать, что ей и никому другому онъ писалъ свои стихи, всѣ, даже къ ночи, даже къ водяному. Но она никогда не узнаетъ этого.

Въ воскресенье пришелъ Дитлефъ и хотѣлъ взять его съ собою на островъ. Мнѣ опять придется быть гребцомъ, подумалъ онъ. Онъ пошелъ съ нимъ. У пристани бродили нѣсколько свободныхъ по случаю праздника человекъ, вообще же все было такъ мирно, и солнце тепло сверкало въ небесахъ. Вдругъ издали послышались звуки, они неслись съ залива, изъ-за острововъ; описывая большую дугу, къ пристани подплылъ почтовый пароходъ съ музыкой.

Юганнесь отвязалъ лодку и сѣлъ на весла. Онъ былъ въ причудливомъ и взволнованномъ настроеніи, этотъ свѣтлый день и музыка съ парохода соткали передъ его глазами за-вѣсу изъ цвѣтовъ и золотыхъ колосьевъ.

Почему Дитлефъ не садился? Онъ стоялъ на берегу и смотрѣлъ на людей и пароходъ, точно больше никуда не собирался. Юганнесь думалъ: я не стану больше сидѣть здѣсь на веслахъ, я поѣду къ берегу. Онъ началъ поворачивать лодку.

Вдругъ, ярко, мелькнуло что-то бѣлое передъ его глазами, и онъ услышалъ плескъ въ водѣ; отчаянный, многоголосый крикъ поднялся на корабль и среди стоявшихъ на берегу, и десятки рукъ и глазъ указывали на мѣсто, гдѣ исчезло бѣлое. Музыка тоже остановилась. Въ одинъ мигъ Юганнесь былъ на мѣстѣ. Онъ дѣйствовалъ совершенно инстинктивно, не разсуждая, наобумъ. Онъ не слышалъ, какъ мать на пароходѣ кричала: — моя дѣвочка, моя дѣвочка!—и онъ не видѣлъ больше никого. Онъ немедленно прыгнулъ изъ лодки и нырнулъ.

Его не было одно мгновеніе, минуту; было видно, какъ море кипѣло на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ нырнулъ, и было понятно, что онъ работалъ. Вопли на пароходѣ продолжались.

И вотъ онъ вынырнулъ снова, нѣсколько подальше, за нѣсколько аршинъ отъ мѣста несчастія. Ему кричали и въ бѣшенствѣ указывали:—Нѣтъ, вотъ здѣсь, вотъ здѣсь!

И онъ снова нырнулъ.

Новое мучительное мгновеніе, непрерывные вопли женщины и ломавшего руки мужчины на палубѣ. Другой человекъ прыгнулъ съ парохода, штурманъ, сбросившій куртку и башмаки. Онъ точно изслѣдовалъ мѣсто, гдѣ дѣвочка пошла ко дну, и всѣ надѣялись на него.

Тогда на поверхности воды снова показалась голова Юганнеса, еще дальше прежняго, на много аршинъ. Онъ потерялъ шляпу, его голова блестѣла, какъ голова тюленя на

солнца. Было видно, какъ онъ боролся съ чѣмъ-то, онъ съ трудомъ плыль, одна изъ его рукъ была несвободна. Спустя еще мгновение, ему удалось захватить что-то ртомъ, зубами, огромный узелъ; это была несчастная. Крики удивленія понеслись къ нему съ парохода и съ берега, самъ штурманъ должно быть услышалъ новый крикъ, онъ высунулъ голову и озирался кругомъ.

Наконецъ, Иоганнесъ достигъ лодки, которую отнесло въ сторону; онъ посадилъ въ нее дѣвочку и за нею вскарабкался самъ; все произошло безъ обдуманнаго плана. Народъ видѣлъ, какъ онъ наклонился надъ дѣвочкой и буквально сорвалъ съ нея платье на спинѣ, потомъ схватился за весла и помчался къ пароходу. Когда потерпѣвшую взяли и втащили на палубу, раздалось многократное, ликующее „ура“ въ честь спасителя.

— Какъ вамъ пришло въ голову искать ея такъ далеко въ сторонѣ?—спрашивали его.

Онъ отвѣчалъ:

— Я знаю дно. Кромѣ того, здѣсь теченіе. Я это зналъ.

Къ борту проталкивается господинъ, онъ смертельно блѣденъ, онъ улыбается искаженною улыбкой, и на его рѣсницахъ висятъ слезы.

— Взойдите на пароходъ на минуту!—кричитъ онъ внизъ. Я хочу поблагодарить васъ. Мы столькомъ обязаны вамъ. Только на минуту.

И человекъ отходитъ снова отъ борта, блѣдный, и въ слезахъ, и смѣясь.

Подаютъ трапъ, Иоганнесъ взбирается на палубу.

Онъ тамъ оставался недолго; онъ только оставилъ свое имя и свой адресъ, женщина обняла промокшаго человека, блѣдный, разстроенный господинъ сунулъ ему въ руку свои часы. Иоганнесъ вошелъ въ каюту, гдѣ два человека возились съ утопленницей; они сказали: Теперь она приходитъ въ себя, пульсъ бьется! Иоганнесъ смотрѣлъ на больную,

молодую, бѣлокурую дѣвочку въ коротенькомъ платьѣ; платье было совсѣмъ разорвано. Тогда кто-то надѣлъ шляпу на его голову, и его увели.

Онъ неясно сознавалъ, какъ онъ причалилъ къ берегу и вытащилъ лодку. Онъ слышалъ, какъ еще разъ прокричали „ура“, и какъ при отплытіи парохода гремѣла праздничная музыка. Съ головы до ногъ, холодомъ и сладостью пронеслась по нему волна наслажденія; онъ улыбался, шевелилъ губами, но не говорилъ.

— Стало быть, изъ поѣздки сегодня ничего не выйдетъ,—сказалъ Дитлефъ. У него былъ недовольный видъ.

Явилась Викторія, подошла и быстро сказала:

— Нѣтъ, ты съ ума сошелъ! Ему нужно пойти и переменить платье.

Иоганнесъ поспѣшилъ домой. Въ ухахъ у него все еще звучала музыка и громкое „ура“, глубокое волненіе продолжало толкать его впередъ. Онъ прошелъ мимо дома и свернулъ по дорогѣ черезъ лѣсъ, вверхъ, къ каменоломнѣ. Здѣсь онъ отыскалъ себѣ хорошее мѣстечко, гдѣ было солнце. Отъ его платья поднимался паръ. Онъ сѣлъ. Безумное и радостное волненіе до того овладѣло имъ, что онъ снова всталъ и началъ бродить кругомъ. Какъ онъ былъ полонъ счастья! Онъ упалъ на колѣни и съ горячими слезами благодарилъ Бога за этотъ день. Она стояла тамъ, она слышала крики „ура“; „ступай домой и надѣнь сухое платье“, — сказала она.

Онъ сѣлъ и неоднократно улыбнулся, охваченный восторгомъ. Да, она видѣла его за этой работой, она съ гордостью слѣдила за нимъ, когда онъ появился съ утонувшей въ зубахъ. Викторія! Викторія! Вѣдала ли она, какъ невыразимо онъ принадлежалъ ей въ каждое мгновение своей жизни! Онъ хотѣлъ бы стать ея слугою и рабомъ и собственноручно подметать ея дорогу. Онъ хотѣлъ бы поцѣловать оба ея маленькихъ башмачка и тащить ея коляску и класть дрова

въ ея печь въ холодные дни. Въ печку онъ положилъ бы золоченыхъ дровъ, Викторія.

Онъ оглянулся кругомъ. Никто не слышалъ его, онъ былъ наединѣ съ самимъ собой. Дорогіе часы онъ держалъ еще въ рукахъ, они тикали, они шли.

Спасибо, спасибо за этотъ славный день! Онъ гладилъ мохъ на камняхъ и упавшія вѣтки. Викторія не улыбнулась ему; ну, конечно, это же не въ ея характеръ. Она только стояла на пристани, легкой румянецъ разливался по щекамъ у нея. Можетъ быть, она взяла бы его часы, еслибъ онъ отдалъ ихъ ей.

Солнце опускалось, и тепло убывало. Онъ почувствовалъ, что онъ весь мокрый. И вотъ помчался домой съ легкостью пера.

Въ замкѣ были лѣтніе гости, пріѣзжіе изъ города, пляска и музыка. И флагъ развѣвался на круглой башнѣ день и ночь, цѣлую недѣлю.

И нужно было свозить сѣно домой; но лошади были заняты веселыми гостями, и сѣно стояло. Оставались большіе полосы нескошеннаго луга; но батраки были взяты, кто за кучера, кто за гребца, и сѣнокосъ остановился и затягивался.

А музыка продолжала играть въ желтомъ залѣ...

Старый мельникъ остановилъ свою мельницу и заперъ зданіе на эти дни. Онъ сталъ умнѣе; раньше бывало, что веселые горожане приходили цѣлыми толпами и въ шутку растаскивали его мѣшки съ зерномъ. Ибо ночи стояли такія теплыя и свѣтлыя, и было столько выдумокъ. Богатый камергеръ однажды, въ дни своей молодости, своими высокопоставленными руками принесъ на мельницу муравейникъ въ корытѣ и снова высыпалъ его. Теперь камергеръ былъ уже обремененъ годами; но его сынъ Отто все еще являлся въ замокъ и забавлялся поразительными вещами. Чего только не рассказывали про него...

Раздался топотъ и крики въ лѣсу. Вѣхала верхомъ молодежь, и лошади изъ замка лоснились и бѣсились. Всадники подвѣхали къ дому мельника, стучали своими хлыстами и хотѣли въѣхать внутрь. Дверь была такая низкая, но имъ все-таки хотѣлось въѣхать въ домъ.

— Здравствуйте, здравствуйте,—кричали они.—Мы хотѣли навѣстить васъ.

Мельникъ смиренно улыбался на эту выдумку.

И вотъ они слѣзли съ лошадей, привязали ихъ и пустили мельницу въ ходъ.

— Жернова пусты!—закричалъ мельникъ.—Вы испортите мельницу.

Но изъ-за оглушительнаго шума никто ничего не слыхалъ.

— Иоганнесь!—крикнулъ мельникъ изо всей силы своихъ легкихъ въ сторону каменоломни.

Иоганнесь пришелъ.

— Они мнѣ испортятъ мельницу!—закричалъ отецъ и показалъ.

Иоганнесь тихо направился къ гостямъ. Онъ былъ крайне блѣденъ, и на его вискахъ надулись жилы. Онъ узналъ Отто, сына камергера, носившаго форму кадета. Кромѣ него, были еще двое другихъ. Одинъ изъ нихъ улыбнулся и поклонился, чтобы задобрить его.

Иоганнесь не крикнулъ, даже не кивнулъ, но шелъ своей дорогой. Онъ направляется прямо къ Отто. Въ это время онъ замѣчаетъ двухъ всадницъ, выѣзжавшихъ изъ лѣсу; одна была Викторія. На ней было зеленое платье, и ея лошадь была бѣлая кобыла изъ замка. Она не слѣзаетъ, но остается въ сѣдлѣ и смотритъ на всѣхъ вопросительнымъ взглядомъ.

Тогда Иоганнесь мѣняетъ свое направленіе, обходитъ кругомъ, поднимается на плотину и открываетъ шлюзу; грохотъ мало-по-малу уменьшается, мельница останавливается.

Отто крикнулъ:

— Нѣтъ, пусть работаетъ. Зачѣмъ ты это дѣлаешь? Пускай мельница работаетъ, говорю.

— Это ты пустилъ мельницу?—спросила Викторія.

— Да,—отвѣчалъ онъ, улыбаясь.—Почему она стоитъ? Почему же ей не работать?

— Потому что она пуста,—отвѣтилъ Іоганнесь, задыхаясь, и смотрѣлъ на него.—Понимаете? Мельница пуста.

— Она же была пуста, слышишь,—сказала Викторія.

— Откуда же мнѣ знать?—спросилъ Отто и засмѣялся. Почему она была пуста, спрашиваю я? На ней не было зерна?

— Садись!—перебилъ его одинъ изъ товарищей, чтобы положить этому конецъ.

Они сѣли на лошадей. Одинъ изъ нихъ извинился, прежде чѣмъ уѣхать.

Викторія была послѣдняя. Отъѣхавъ нѣсколько шаговъ, она повернула лошадь и вернулась назадъ.

— Будьте любезны извиниться передъ вашимъ отцомъ за все это,—сказала она.

— Гораздо лучше было бы кадету сдѣлать это самому,—отвѣтилъ Іоганнесь.

— Да. Конечно; но. У него столько выдумокъ... Какъ давно я не видѣла васъ, Іоганнесь.

Онъ поднялъ глаза на нее, прислушиваясь, правильно ли онъ слышалъ. Она забыла послѣднее воскресенье, его великій день! Онъ отвѣтилъ:

— Въ воскресенье я видѣлъ васъ на пристани.

— Ахъ, да,—сказала она тотчасъ же.—Подумайте, какое счастье, что вы помогли штурману искать. Вы же нашли дѣвочку?

Онъ отвѣтилъ, коротко и обиженно:

— Да. Мы нашли дѣвочку.

— Или же...—продолжала она, точно ей что-то вспомнилось,—или вы одни... Ну, это все равно. Такъ вотъ, вы передадите поклонъ вашему отцу. Спокойной ночи.

Она кивнула, улыбаясь, подобрала поводья и уѣхала.

Когда Викторія скрылась изъ виду, огорченный и безпокойный, онъ бросился за нею въ лѣсъ. Онъ нашелъ Викторію стоящей у дерева, совсѣмъ одну. Она прислонилась къ дереву и всхлипывала.

Она упала съ лошади? она ушиблась?

Онъ подошелъ къ ней и спросилъ:

— Съ вами случилось несчастье?

Она сдѣлала шагъ ему навстрѣчу, она раскрыла объятія и, сияя, смотрѣла на него. Потомъ она остановилась, опустила руки и отвѣтила:

— Нѣтъ, со мной ничего не случилось; я слѣзла съ лошади и пустила ее впередъ.. Іоганнесь, вы не должны смотрѣть на меня такъ. Вы стояли у плотины и смотрѣли на меня. Что вамъ нужно?

Онъ пролепеталъ:

— Что мнѣ нужно? Я не понимаю...

— Здѣсь рука у васъ такая широкая,—сказала она и неожиданно положила свою руку на его руку.—Она у васъ такая широкая, въ сгибѣ. И вы совсѣмъ почернѣли отъ солнца, какъ олива...

Онъ шевельнулся, онъ хотѣлъ взять ее за руку. Тогда она подобрала свою юбку и сказала:

— Нѣтъ, со мной ничего не случилось. Мнѣ просто хотѣлось пройти домой пѣшкомъ. Спокойной ночи.

III.

Іоганнесь уѣхалъ снова въ городъ. И шли годы и дни, долгое, тревожное время работы и сновъ, ученья и стиховъ. Онъ сдѣлалъ большіе успѣхи, ему удалось написать стихотвореніе объ Эсѳири, „еврейкѣ, ставшей королевой Персіи“,—произведеніе, которое было напечатано и за которое онъ получилъ гонораръ. Другое стихотвореніе „Лабиринтъ Любви“,

вложенное въ уста монаха Вендта, сдѣлало его имя извѣстнымъ.

Да, что такое была любовь? Вѣтеръ, шумящій въ розахъ, нѣтъ, желтый блуждающій огонекъ въ крови. Любовь была адски-горячая музыка, заставляющая плясать даже сердца стариковъ. Она была какъ маргаритка, широко раскрывающаяся съ приходомъ ночи, и она была какъ анемона, что замыкается отъ малѣйшаго дыханія и умираетъ отъ прикосновенія.

Такова была любовь.

Она могла погубить человѣка, снова поднять его и снова заклеить; она могла любить сегодня меня, завтра тебя и завтра ночью его, до того она была непостоянна. Но въ то же время она могла быть неизбежна, какъ ненарушимая печать, и столь же неугасимо пылать до смертнаго часа, потому что она была вѣчная. Что же тогда была любовь?

Ахъ, любовь—лѣтняя ночь со звѣздами въ небесахъ и благоуханіемъ на землѣ. Но почему же она заставляетъ юношу ходить тайными путями, и почему она заставляетъ старца стоять на цыпочкахъ въ своей одинокой комнатѣ? Ахъ, любовь превращаетъ человѣческое сердце въ грибной садъ, въ пышный и безстыдный садъ, гдѣ растутъ таинственный и наглый грибъ.

Развѣ она не заставляетъ монаха прокрадываться въ закрытые сады и заглядывать ночью въ окна спящихъ? И развѣ она не поражаетъ монахиню безуміемъ и не помрачаетъ разсудокъ принцессы? Она склоняетъ голову короля до земли, такъ что его волосы подметають всю дорожную пыль, и при этомъ онъ шепчетъ про себя безстыдное слово и смѣется и высовываетъ языкъ.

Такова была любовь.

Нѣтъ, нѣтъ, она была еще совсѣмъ другая, и она была какъ ни одна вещь во всемъ мірѣ. Она пришла въ весеннюю ночь на землю, когда юноша увидѣлъ пару глазъ,

пару глазъ. Онъ смотрѣлъ и смотрѣлъ. Онъ цѣловалъ уста, и точно два свѣтила встрѣтились въ его сердцѣ, солнце, которое сверкало навстрѣчу звѣздѣ. Онъ упалъ въ объятія, и тогда на всемъ свѣтѣ онъ не слышалъ и не видѣлъ больше ничего.

Любовь—первое слово Творца, первая мысль, осѣнившая Его мозгъ. Когда Онъ сказалъ: Да будетъ свѣтъ! была любовь. И все, что Онъ создалъ, было высшее благо, и поэтому Онъ ни въ чемъ не пожалѣлъ о сотворенномъ. И любовь стала источникомъ міра и царицей міра; но всѣ ея пути полны цвѣтовъ и крови, цвѣтовъ и крови.

Сентябрьскій день.

Эта отдаленная улица была мѣстомъ его прогулки, онъ бродилъ по ней, какъ въ своей комнатѣ, потому что онъ никогда никого не встрѣчалъ, и вдоль обоихъ тротуаровъ тянулись сады, гдѣ стояли деревья съ красной и желтой листвою.

Какъ Викторія попала сюда? Какъ могла ея дорога проходить здѣсь? Онъ не ошибался, это была она, а можетъ быть, она же прошла здѣсь и вчера вечеромъ, когда онъ смотрѣлъ изъ своего окна.

Сердце у него сильно забилося, Онъ зналъ, что Викторія была въ городѣ, онъ слышалъ объ этомъ; но она вращалась въ кругахъ, куда не былъ вхожъ сынъ мельника. Съ Дитлефомъ онъ тоже не водилъ никакого знакомства.

Онъ собрался съ духомъ и пошелъ дамѣ навстрѣчу. Она не узнала его? Серьезная и задумчивая, она шла своей дорогой, гордо неся голову на своей длинной шеѣ.

Онъ поклонился.

— Здравствуйте,—отвѣтила она совсѣмъ тихо.

Она не обнаружила ни малѣйшаго намѣренія остановиться, и онъ молча прошелъ мимо. Въ ногахъ у него появились судороги. Въ концѣ маленькой улицы, по обыкно-

венію, онъ повернулъ. Я буду смотрѣть на тротуаръ и не взгляну вверхъ, думалъ онъ. И только сдѣлавъ десять шаговъ, онъ поднялъ глаза.

Она остановилась у какого-то окна.

Не скрыться ли ему въ ближайшую улицу? Зачѣмъ она стояла тамъ? Окошко было бѣдное, маленькая витрина, гдѣ было видно нѣсколько сложенныхъ на крестъ кусковъ краснаго мыла, крупа въ стеклянной банкѣ и нѣсколько бывшихъ въ употребленіи почтовыхъ марокъ.

Онъ могъ сдѣлать, пожалуй, еще десять шаговъ и потомъ повернуть.

И вотъ она взглянула на него, и вдругъ она пошла снова ему навстрѣчу. Она шла быстро, какъ бы набравшись мужества, и когда она заговорила, то съ трудомъ переводила духъ. Она нервно улыбалась.

— Здравствуйте, какъ я рада, что встрѣтила васъ.

Боже, какъ трепетало сердце у него; оно не билось, но дрожало. Ему хотѣлось сказать что-нибудь,—не удавалось, только губы у него дрожали. Ея платье благоухало, ея желтая юбка, или можетъ быть, ея уста. Въ это мгновеніе у него не было никакого впечатлѣнія отъ ея лица; но онъ узналъ ея тонкія плечи и видѣлъ ея длинную тонкую руку на ручкѣ зонтика. Это была правая рука ея. На ручкѣ было кольцо.

Въ первыя мгновенія онъ не думалъ объ этомъ и не испыталъ никакого ощущенія несчастья. Но ея рука была поразительно красива.

— Я пробыла въ городѣ цѣлую недѣлю, — продолжала она,—но я не видѣла васъ. Ахъ, да, я какъ-то видѣла васъ на улицѣ; мнѣ кто-то сказалъ, что это—вы. Вы стали такой большой.

Онъ пробормоталъ:

— Я зналъ, что вы въ городѣ. Вы долго пробудете здѣсь?

— Нѣсколько дней. Нѣтъ, недолго. Снова поѣду домой.
— Благодарю васъ, что мнѣ удалось привѣтствовать васъ,—сказалъ онъ.

Молчаніе.

— Да, вдобавокъ я еще заблудилась,—снова сказала она.—Я остановилась у камергеровъ; куди итти?

— Я провожу васъ, если позволите.

Они пошли.

— Отто дома?—спросилъ онъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Да, онъ—дома,—отвѣтила она коротко.

Изъ какихъ-то дверей вышли нѣсколько человѣкъ, они выносили фортепіано и загородили тротуаръ. Викторія по-сторонилась налѣво, она прислонилась всѣмъ тѣломъ къ своему спутнику. Іоганнесъ взглянулъ на нее.

— Простите,—сказала она.

По всему его тѣлу вспыхнуло блаженство отъ этого соприкосновенія, ея дыханіе одно мгновеніе коснулось его щеки.

— Я вижу, вы носите кольцо,—сказалъ онъ. И онъ улыбнулся и у него былъ равнодушный видъ.—Пожалуй, я могу поздравить васъ?

Что она могла отвѣтить ему? Онъ не смотрѣлъ на нее, но притаилъ дыханіе.

— А вы?—отвѣчала она,—у васъ нѣтъ еще кольца?—Правда, нѣтъ. Мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, кто-то передавалъ... Теперь столько рассказываютъ о васъ, и въ газетахъ печатаютъ.

— Я написалъ нѣсколько стихотвореній,—отвѣтилъ онъ.— Но вы, конечно, не видѣли ихъ.

— А развѣ не цѣлую книгу? Мнѣ кажется...

— Да, и маленькую книгу.

Они вышли на площадь, ей было не къ спѣху, хотя ей нужно было къ камергерамъ, она сѣла на скамейку. Онъ стоялъ передъ нею.

И вотъ она вдругъ протянула ему руку и сказала:

— Присядьте и вы.

И только когда онъ сѣлъ, она выпустила его руку.

Теперь или никогда! подумалъ онъ. Онъ основа пытался принять шутливый и равнодушный тонъ, онъ улыбался, смотрѣлъ въ пространство. Хорошо.

— Ахъ, да, вы обручены и даже не хотите сказать мнѣ этого. Мнѣ, вашему сосѣду по усадьбѣ.

Она задумалась.

— Я совсѣмъ не объ этомъ хотѣла говорить съ вами сегодня,—отвѣтила она.

Онъ вдругъ сталъ серьезенъ и тихо сказалъ:

— Да, да, всетаки я это отлично понимаю.

Молчаніе.

Онъ снова началъ:

Разумѣется, я все время зналъ, что мнѣ было бы бесполезно... да, что не мнѣ суждено... Я былъ просто сынъ мельника, а вы... Разумѣется, это такъ. Я даже и не понимаю, какъ я смѣю сидѣть теперь подлѣ васъ. Потому что мнѣ слѣдовало бы стоять передъ вами, или упасть вонъ тамъ, на колѣни. Такъ было бы правильнѣе. Но вѣдь это все... И всѣ эти годы, которые я отсутствовалъ, сдѣлали свое. И теперь я какъ бы смѣлѣе. Такъ какъ я же знаю, что я больше не ребенокъ, и знаю также, что вы не можете бросить меня въ тюрьму, еслибъ даже захотѣли. Поэтому я осмѣливаюсь говорить это. Но вы не должны сердиться на меня; я лучше буду молчать.

— Нѣтъ, говорите. Скажите все, что хотите.

— Могу? Все, что хочу? но тогда ваше кольцо не должно ни въ чемъ останавливать меня.

— Нѣтъ,—отвѣтила она тихо,—оно вамъ ни въ чемъ не мѣшаетъ. Нѣтъ.

— Что? Да, но что же оно значитъ тогда? Да благословить васъ Господь, Викторія,—я не ошибаюсь?—Онъ вскочилъ и нагнулся впередъ, чтобы заглянуть ей въ лицо.—Я хочу сказать, ваше кольцо ничего не значитъ?

— Садитесь.

Онъ сѣлъ.

Ахъ, нѣтъ, вы должны были знать, сколько я думалъ о васъ; Боже мой, была ли какая-нибудь другая малѣйшая мысль въ моемъ сердцѣ! Изъ всѣхъ, кого я видѣлъ, изъ всѣхъ, кого я знавалъ, не было другого чело-вѣка въ мірѣ, кромѣ васъ. Я не въ силахъ былъ думать иначе: Викторія—самая красивая и самая свѣтлая, и я знаю ее! Фрекенъ Викторія, думалъ я всегда. И въ тоже время я отлично понималъ, что никто не былъ такъ далекъ отъ васъ, какъ я; но я зналъ васъ—да, это было далеко не такъ ужъ мало для меня—зналъ, что вы жили тамъ и можетъ быть вспоминали обо мнѣ иногда. Разумѣется, вы не вспоминали; но я много вечеровъ просидѣлъ на своемъ стулѣ и думалъ, что вы, можетъ быть, вспоминали обо мнѣ иногда. И тогда, знаете, какъ бы открывалось небо предо мною, фрекенъ Викторія, и вотъ я писалъ вамъ стихи и покупалъ для васъ цвѣты на все, что у меня было, и приносилъ домой и ставилъ въ вазу. Всѣ мои стихи посвящены вамъ, только нѣсколько маленькихъ не вамъ, и они не напечатаны. Но вы же не читали и гѣхъ, что напечатаны. Теперь я началъ большую книгу. Ахъ, Боже, какъ я вамъ благодаренъ за то, что я такъ полонъ вами, и въ этомъ вся моя радость. Я всегда слышалъ или видѣлъ что-нибудь, что напоминало мнѣ о васъ, по цѣлымъ днямъ, и даже по ночамъ. Я написалъ ваше имя на потолокъ, и вотъ я лежу и смотрю; но служанка, что убираетъ у меня, не видитъ, я написалъ его такъ мелко, чтобы оно было для одного меня. Въ этомъ своего рода радость для меня.

Она отвернулась, разстегнула свое платье на груди и вынула бумагу.

„Смотрите!“ сказала она, тяжело дыша. „Я вырѣзала это и спрятала. Вы должны хорошенько запомнить, что я читаю это по вечерамъ. Сначала показалъ мнѣ это папа,

и я подошла къ окну и прочла. Гдѣ же это? не нахожу, сказала я и перевернула газету. Но я уже прочла и была такъ рада!"

Бумага дышала благоуханіемъ ея груди; она развернула и показала ему одно изъ его первыхъ стихотвореній, четыре короткихъ стиха къ ней, къ всадницѣ на бѣломъ конѣ. Это было простое и горячее признаніе сердца, изліяніе, котораго нельзя было сдержать, но которое вспыхивало въ строчкахъ, какъ зажигающіяся звѣзды.

„Да“, сказалъ онъ, „это я написалъ. Это было такъ давно, была ночь, тополя за моимъ окномъ такъ шумѣли, когда я писалъ. Вы въ самомъ дѣлѣ снова прячете ихъ? Благодарю васъ! Вы спрятали ихъ снова. Ахъ!“ воскликнулъ онъ восторженно, и голосъ у него былъ совершенно слабъ, „подумать только, что теперь вы уже не сидите больше такъ далеко. Я чувствую вашу руку рядомъ съ моей, отъ васъ вѣетъ тепломъ. Много разъ, когда я былъ одинъ и думалъ о васъ, я холодѣлъ отъ волненія; но теперь мнѣ тепло. Когда я былъ дома въ послѣдній разъ, вы были красивы; но теперь вы красивѣе. И глаза, и брови, ваша улыбка,—нѣтъ, я не знаю, что говорю, все вмѣстѣ, все“.

Она улыбалась и смотрѣла на него полузакрытыми глазами, темно-синими подъ длинными рѣсницами. Она тепло сіяла. Казалось, ею овладѣла глубочайшая радость, и она потянулась къ нему бессознательнымъ движеніемъ руки.

„Благодарю васъ!“ сказала она.

„Нѣтъ, Викторія, не благодарите меня“, отвѣтилъ онъ. Вся его душа рвалась къ ней, и онъ хотѣлъ говорить еще, говорить еще; это перешло въ беспорядочный жаръ, онъ точно опьянѣлъ. „Да, но Викторія, если вы немного любите меня... я не знаю, но скажите, что любите, даже если это и не такъ. Будьте добры! Ахъ, я обѣщаль бы вамъ стать чѣмъ-нибудь, стать большимъ, почти неслышанно большимъ. Вы и не подозреваете, чѣмъ я могъ бы стать;

я мечтаю объ этомъ иногда и знаю, что я весь полонъ несовершенныхъ дѣяній. Не разъ это рвется изъ меня, и по ночамъ, шатаясь, я брожу взадъ и впередъ по комнатѣ, потому что я полонъ образовъ. Въ сосѣдней комнатѣ лежитъ человекъ, онъ не можетъ уснуть, онъ стучитъ въ стѣну. На разсвѣтѣ, онъ приходитъ ко мнѣ, онъ въ бѣшенствѣ. Ничего, я не обращаю на него вниманія; потому что я такъ долго думалъ о васъ, что, казалось, вы у меня. Я подхожу къ окну и пою, начинается немного свѣтать, тополя шумятъ за окномъ. Спокойной ночи! говорю я наступающему дню. Это—вамъ. Теперь она спитъ, думаю я, спокойной ночи, Боже, благослови ее! И тогда я ложусь. И такъ проходитъ вечеръ за вечеромъ. Но я никогда не думалъ, что вы такъ прекрасны, Викторія. Такою я буду вспоминать васъ, когда вы уѣдете; такую, какъ вы теперь. Я буду помнить васъ такъ ясно...“

— А вы не пріѣдете домой?

— Нѣтъ. Я еще не кончилъ. Конечно, пріѣду. Я ѣду теперь же. Я не кончилъ, но я сдѣлаю все. Вы ходите теперь въ садъ? Выходите когда-нибудь по вечерамъ, Викторія? Я могъ бы видѣть васъ, пожалуй, могъ бы поклониться вамъ, мнѣ больше ничего нунужно. Но если вы немного любите меня, если только вы терпите меня, переносите, то скажите... обрадуйте меня... Знаете, есть пальма, которая цвѣтетъ единственный разъ въ своей жизни, хотя она живетъ семьдесятъ лѣтъ. Зонтичная пальма. Но она цвѣтетъ только одинъ разъ. Теперь я цвѣту. Да, я раздобуду денегъ и поѣду домой. Я продамъ все, что написалъ; я какъ разъ пишу большую книгу и я продамъ ее теперь же, завтра же, все, что у меня готово. Я получу цѣлую кучу денегъ за это. Вы хотѣли бы, чтобы я пріѣхалъ домой?

— Да.

— Благодарю, благодарю! Простите, если я слишкомъ много надѣюсь, слишкомъ много вѣрю, такъ прекрасно вѣ-

рять во что-нибудь необыкновенно большое. Это—счастливейший день, какой я пережилъ...

Онъ снялъ шляпу и положилъ ее рядомъ съ собой.

Викторія оглянулась кругомъ, внизъ по улицѣ шла дама и нѣсколько выше женщина съ корзиной. Викторія встретила, она вынула часы.

— Вамъ уже пора?—спросилъ онъ.—Скажите что-нибудь, прежде чѣмъ уйти, дайте мнѣ услышать вашъ... Я люблю васъ и говорю это. И отъ вашего отвѣта будетъ зависѣть, могу ли я... Я—весь въ вашей власти. Что вы отвѣтите? Молчаніе.

Онъ опускаетъ голову.

— Нѣтъ, не говорите ничего!—умолялъ онъ.

— Не здѣсь,—отвѣтила она.—Я сдѣлаю это тамъ.

Они пошли.

— Говорятъ, вы женитесь на маленькой дѣвочкѣ, на дѣвочкѣ, которую вы спасли; какъ ее зовутъ?

— На Камиллѣ, хотите сказать?

— На Камиллѣ Сейеръ. Говорятъ, вы женитесь на ней.

— Вотъ какъ. Зачѣмъ вы спрашиваете? Она еще мала. Я былъ у нея въ домѣ, онъ такой большой и богатый, замокъ, какъ вашъ; я былъ тамъ много разъ. Нѣтъ, она еще мала.

— Ей пятнадцать лѣтъ. Я встрѣтила ее, мы были вмѣстѣ. Я очень полюбила ее. Какая она милая!

— Я не женюсь на ней,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, неужели?

Онъ смотрѣлъ на нее. На его лицѣ мелькнула судорога.

— Но зачѣмъ вы говорите это теперь? Вы хотите обратить мое вниманіе на другую?

Она пошла быстрымъ шагомъ и не отвѣчала. Они очутились передъ домомъ камергера. Она взяла его за руку и увлекла его въ дверь, вверхъ по лѣстницѣ.

— Я туда не пойду,—сказалъ онъ полуудивленно.

Она нажала звонокъ, она повернулась къ нему, и ея грудь вздымалась.

— Я люблю васъ,—сказала она.—Понимаете? Я только васъ и люблю.

Внезапно она быстро увлекла его внизъ по лѣстницѣ, на три, на четыре ступени, обняла его и поцѣловала. Она дрожала.

— Я только васъ и люблю,—повторила она, тяжело дыша, съ совершенно опьяненными глазами.

Наверху открылась входная дверь. Она вырвалась и поспѣшила вверхъ по лѣстницѣ.

IV.

Подходить утро, брежетъ день, синеватый, трепетный сентябрьскій день.

Тихо шумятъ тополя въ саду. Раскрывается окно, въ него высовывается человѣкъ и напѣваетъ. Онъ не одѣтъ, онъ смотритъ на міръ, какъ раздѣтый безумный, который въ эту ночь совершенно опьянѣлъ отъ счастья.

Онъ вдругъ отворачивается отъ своего окна и смотритъ на свою дверь; кто-то постучался къ нему. Онъ кричитъ: Войдите! Какой-то человѣкъ входитъ.

— Здравствуйте!—говоритъ онъ вошедшему.

Это—пожилой человѣкъ, онъ блѣденъ и взбѣшенъ, въ рукѣ у него лампа, потому что еще не совсѣмъ разсвѣло.

— Я хочу еще разъ поставить вамъ на видъ, г. Меллеръ, г. Иоганнесь Меллеръ, считаете ли вы все это умѣстнымъ,— съ горечью лепечетъ человѣкъ.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Иоганнесь,—вы правы! Я тутъ писалъ, меня, видите ли, такъ захватило все, что я написалъ, я былъ счастливъ сегодня ночью. Но теперь я кончилъ. Я только раскрылъ окно и тихо пѣлъ.

— Вы рычали,—говорить человекъ. Я слышалъ самое громкое пѣніе, поняли. А вѣдь еще совсѣмъ ночь.

Иоганнесь роется въ своихъ бумагахъ на столѣ, беретъ горсть большихъ и маленькихъ листовъ.

— Смотрите!—кричить онъ.—Я вамъ говорю, у меня никогда не выходило такъ удачно. Это было, какъ длинная молнія. Однажды я видѣлъ молнію, протянувшуюся вдоль телеграфной проволоки,—Боже васъ упаси,—и у нея былъ видъ огненной простыни. Такъ пылало во мнѣ сегодня ночью. Что мнѣ дѣлать? Я не думаю, чтобы вы имѣли противъ меня еще что-нибудь, разъ вы знаете, въ чемъ тутъ дѣло. Я сидѣлъ здѣсь и писалъ, слышите, я не трогался; я помнилъ о васъ и велъ себя тихо. И вотъ насталъ мигъ, когда я пересталъ помнить объ этомъ, моя грудь готова была разорваться, возможно, что я и всталъ тогда, возможно, что я и еще разъ вставалъ въ продолженіе ночи и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ. Я былъ такъ радостенъ.

— Я не часто слышалъ васъ въ эту ночь—говорить человекъ.—Но совершенно непростительно съ вашей стороны открывать окно теперь, въ такой ранній часъ и рычать такъ.

— Да. Конечно, это непростительно. Но я же вамъ объяснилъ. Я провелъ безпримѣрную ночь, должны вы знать. Вчера я нѣчто пережилъ. Я шелъ по улицѣ и встрѣтилъ мое счастье, ахъ, послушайте меня, встрѣтилъ мою звѣзду и мое счастье. Ну вотъ, и потомъ она поцѣловала меня. Ротъ у нея былъ такой красный, и я люблю ее, она цѣлуетъ меня и опьяняетъ меня. Дрожали ли у васъ когда-нибудь ваши уста такъ сильно, что вы не могли говорить? Да, я не могъ говорить, мое сердце заставило дрожать все мое тѣло. Я прибѣжалъ домой и впалъ въ сонъ; я сидѣлъ здѣсь на стулѣ и спалъ. Когда насталъ вечеръ, я проснулся. Моя душа качалась вверхъ и внизъ отъ настроенія, и я началъ пи-

сать. Что я написалъ? Вотъ оно! Мною овладѣло рѣдкое и торжественное теченіе мыслей, небеса разверзлись, въ моей душѣ былъ какъ бы теплый лѣтній день, мнѣ ангель принесъ вина, я пилъ его, это опьяняющее вино, я пилъ его изъ гранатовой чаши. Слышалъ ли я, какъ били часы? Видѣлъ ли, какъ лампа догорѣла? Дай Богъ, чтобы вы поняли это! Я пережилъ все это еще разъ, я снова шелъ по улицѣ съ моей возлюбленной, и всѣ оглядывались на нее. Мы шли паркомъ, мы встрѣтили короля, отъ радости я снялъ мою шляпу передъ нимъ до земли, и король оглянулся на нее, на мою возлюбленную, потому что она такъ величественна и такъ прекрасна. Мы снова вернулись въ городъ, и всѣ школьники оглядывались на нее, потому что она молода и носить свѣтлое платье. Подойдя къ красному каменному дому, мы вошли. Я слѣдовалъ за нею по лѣстницѣ и хотѣлъ стать передъ ней на колѣни. Тогда она обняла меня и поцѣловала меня. Это было со мной вчера вечеромъ, не дальше. Еслибъ вы спросили меня, что я писалъ, то я написалъ одну непрерывную пѣсню радости, счастья. Точно счастье лежало, нагое, предо мной со своей длинной, смѣющейся шеей и тянулось ко мнѣ.

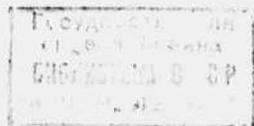
— Нѣтъ, я, право, не хочу болтать съ вами больше,—съ досадою и уныніемъ говорить человекъ.—Я говорилъ съ вами въ послѣдній разъ.

Иоганнесь останавливаетъ его въ дверяхъ.

— Пойдите. Нѣтъ, вы бы посмотрѣли, что ваше лицо какъ бы освѣтило солнце. Я это увидѣлъ теперь, когда вы повернулись, это—лампа, она бросила солнечное пятно на вашъ лобъ. Вы были уже не такъ огорчены, я это видѣлъ. Я открылъ окно, да, я громко пѣлъ. Я—радостный братъ всѣмъ. Такъ бываетъ порою, разсудокъ умираетъ. Мнѣ слѣдовало помнить, что вы еще спали...

— Еще весь городъ спитъ.

— Да, еще рано. Я хочу подарить вамъ что-нибудь. Вы

согласны принять вотъ это? Серебряный, я его получилъ въ подарокъ. Маленькая дѣвочка, которую я спасъ когда-то, подарила мнѣ его. Пожалуйста! Входитъ двадцать папиросъ. Вы не хотите принять его? Ахъ, да, вы не курите. Могу я зайти къ вамъ завтра утромъ и извиниться? Мнѣ хочется сдѣлать что-нибудь, просить у васъ прощенія...

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи. Теперь я лягу. Я вамъ общаю. Вы здѣсь больше ни звука не услышите. И впредь я буду осторожнѣе.

Человѣкъ ушелъ.

Иоганнесь вдругъ открылъ дверь и прибавилъ:

— Правда, теперь я уѣзжаю. Я больше не буду васъ тревожить, завтра я уѣзжаю. Я забылъ сказать вамъ.

Онъ не уѣхалъ. Различныя вещи удерживали его, ему нужно было устроить нѣсколько дѣлъ, кое-что купить, кое-что уплатить, пришло утро и вечеръ. Онъ блуждалъ, какъ безумный.

Наконецъ, онъ позвонилъ къ камергерамъ.—Викторія дома?

Викторія ушла по дѣламъ.

Онъ объясняетъ, что они изъ однихъ мѣстъ, онъ и фрѣкенъ Викторія, онъ хотѣлъ только засвидѣтельствовать ей почтеніе, если бъ она была дома, онъ позволилъ себѣ передать ей привѣтъ. Онъ хотѣлъ послать вѣсточку домой. Хорошо.

И онъ пошелъ въ городъ. Пожалуй, можно было встрѣтить ее, замѣтить, можетъ быть она сидѣла въ каретѣ. Онъ бродилъ до вечера. Онъ встрѣтилъ ее у театра, поклонился, улыбнулся и поклонился, и она отвѣтила на его поклонъ. Онъ хотѣлъ подойти къ ней, было всего нѣсколько шаговъ,—вдругъ онъ видитъ, что она не одна, съ нею Отто, сынъ камергера. Онъ былъ въ мундирѣ лейтенанта.

Иоганнесь думалъ: теперь она можетъ быть кивнетъ мнѣ, сдѣлаетъ маленькій знакъ глазами? Она шмыгнула въ театръ, покраснѣвъ, съ опущенной головой, точно хотѣла спрятаться.

Нельзя ли было увидѣть ее внутри? Онъ взялъ билетъ и вошелъ.

Онъ зналъ ложу камергера, да, у этихъ богатыхъ людей была ложа. Она сидѣла тамъ во всемъ своемъ великолѣпіи и смотрѣла по сторонамъ. Она взглянула на него? Ни разу!

По окончаніи дѣйствія онъ ждалъ ее въ корридорѣ. Онъ снова поклонился; она съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглянула на него и кивнула.

— Вотъ здѣсь ты можешь напитокъ,—сказалъ Отто, указывая впередъ.

Они прошли мимо.

Иоганнесь смотрѣлъ имъ вслѣдъ. Странная темнота омрачила его глаза. Всѣ эти люди сердились на него и толкали его; онъ машинально просилъ прощенія и стоялъ. Она исчезла.

Когда она вернулась, онъ низко поклонился ей и сказалъ:

— Извините, фрѣкенъ...

— Это—Иоганнесь,—сказала она, представляя.—Ты его не узнаешь?

Отто отвѣтилъ и кисло смотрѣлъ на него.

— Вы, очевидно, хотите узнать, какъ поживаютъ ваши,—продолжала она, и лицо у нея было прекрасное и спокойное.—Я, право не знаю, но, разумѣется, хорошо. Отлично. Я передамъ поклонъ Меллерамъ.

— Благодарю васъ. Фрѣкенъ скоро уѣзжаетъ?

— Въ одинъ изъ ближайшихъ дней. Итакъ, я передамъ поклонъ.

Она кивнула и ушла.

Иоганнесь снова смотрѣлъ ей вслѣдъ, пока она не

скрылась, и направился къ выходу. Онъ убивалъ время вѣчнымъ блужданіемъ, тяжелымъ и печальнымъ скитаніемъ вверхъ и внизъ по улицамъ. Въ десять часовъ онъ стоялъ передъ домомъ камергера и ждалъ. Театръ кончился, теперь она вернется. Онъ могъ бы, пожалуй, открыть дверцу кареты, снять шляпу, открыть дверцу кареты и поклониться до земли!

Наконецъ, черезъ полчаса, она вернулась. Могъ ли онъ стоять тамъ у двери и снова напомнить о себѣ? Онъ быстро шелъ вверхъ по улицѣ и озирался кругомъ. Онъ слышалъ, какъ ворота у камергера отворились, какъ въѣхала карета, какъ ворота снова закрылись. Тогда онъ повернулъ назадъ.

Теперь онъ цѣлый часъ продолжалъ бродить взадъ и впередъ передъ домомъ. Онъ не ждалъ никого, и у него не было никакого дѣла. Вдругъ отворяется дверь, и Викторія снова выходитъ на улицу. Она безъ шляпы и только накинула шаль на плечи. Она улыбается, полуробко, полусмущенно, и для начала спрашиваетъ:

— Вы бродите здѣсь и думаете?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ.—Думаю ли? Я только брожу.

— Я видѣла, какъ вы бродите здѣсь взадъ и впередъ, вотъ мнѣ и захотѣлось... Я видѣла васъ изъ окна. Я должна сейчасъ же вернуться.

— Благодарю васъ, что пришли, Викторія. Я тутъ былъ въ такомъ отчаяніи, но теперь это прошло. Простите, что я поклонился вамъ въ театрѣ; къ сожалѣнію, я еще справлялся о васъ у камергеровъ, мнѣ хотѣлось повидать васъ и узнать, что вы думаете, каково ваше намѣреніе.

— Да,—сказала она,—вы же знаете. Я такъ много сказала третьяго дня, что у васъ не должно быть сомнѣнія.

— Я все еще неувѣренъ ни въ чемъ.

— Не будемъ больше говорить объ этомъ. Я сказала достаточно, я сказала слишкомъ много, и теперь я сдѣлаю

вамъ больно. Я люблю васъ, я не лгала тогда и теперь не лгу; но столько вещей раздѣляетъ насъ. Я очень люблю васъ, охотно говорю съ вами, охотнѣе съ вами, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было другимъ, но... Да, мнѣ больше нельзя стоять здѣсь, насъ могутъ увидѣть изъ окна. Иоганнесь, тутъ столько основаній, которыхъ вы не знаете, и впредь вы не должны просить меня сказать, что я думаю. Я думала объ этомъ день и ночь; я думаю то, что сказала. Но это невозможно.

— Что невозможно?

— Все. вмѣстѣ взятое. Слушайте, Иоганнесь, пощадите мою и вашу гордость.

— Такъ. Хорошо. Пощажу! Но значить, вы обманули меня третьяго дня. Такъ ужъ случилось, что вы встрѣтили меня на улицѣ, вы были въ хорошемъ настроеніи, и вотъ вы...

Она повернулась и хотѣла уйти.

— Я сдѣлалъ какую-нибудь оплошность?—спросилъ онъ. Лицо у него было блѣдно и незнакомо.—Я хотѣлъ сказать, благодаря чему я лишился вашего...? Я въ чемъ-нибудь провинился въ эти два дня и двѣ ночи?

— Нѣтъ, не въ этомъ дѣло. Я только обдумала все это; вы не думали? Это всегда было невозможно, знайте это. Я люблю васъ, цѣню васъ...

— И уважаю васъ.

Она смотритъ на него, его улыбка оскорбляетъ ее и она продолжаетъ рѣшительнѣе:

— Боже мой, неужели вы сами не понимаете, что папа былъ бы противъ этого? Зачѣмъ вы заставляете меня говорить это? Вы сами понимаете. Къ чему бы это привело? Развѣ я не права?

Молчаніе.

— Да,—отвѣчаетъ онъ.

— Кромѣ того,—продолжаетъ она,—тутъ столько другихъ

причинъ... Нѣтъ, вы, право, впредь не приходите за мной въ театръ. Я положительно испугалась васъ. Не дѣлайте этого больше никогда.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ.

Она беретъ его за руку.

— Вы не могли бы прѣхать домой какъ-нибудь? Я была бы очень рада. Какая у васъ теплая рука; мнѣ холодно. Нѣтъ, теперь мнѣ пора. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи,—отвѣчаетъ онъ.

Улица, холодная и сѣрая, тянулась черезъ городъ, она была какъ песочный поясъ на видъ, вѣчная дорога для ходьбы. Ему попался мальчикъ, продававшій старья, измятыя розы; онъ подозвалъ его, взялъ одну розу, далъ мальчику пять кронъ золотомъ и пошелъ дальше. Вскорѣ послѣ этого онъ увидѣлъ толпу дѣтей, игравшихъ у воротъ. Десятилѣтнй мальчикъ тихо сидѣлъ и смотрѣлъ; у него старые, голубые глаза, которые слѣдятъ за игрой, впалыя щеки и четырехугольный подбородокъ, а на головѣ—полотняная шапка. Это была подкладка отъ шапки. Этотъ мальчикъ носилъ парикъ, болѣзнь волосъ навсегда обезобразила эту голову. Его душа, можетъ быть, также увяла.

На все это обратилъ онъ вниманіе, хотя у него не было сколько-нибудь яснаго представленія, на какомъ краю города онъ очутился, или куда онъ шелъ. Равно какъ начиналъ падать дождь, но онъ не чувствовалъ его и не раскрывалъ своего зонтика, хотя онъ носилъ его съ собою цѣлый день.

Когда же онъ, наконецъ, выбрался на площадь, гдѣ стояли скамейки, онъ подошелъ къ нимъ и сѣлъ. Дождь падалъ все сильнѣе и сильнѣе, онъ безсознательно раскрылъ зонтикъ и продолжалъ сидѣть. Немного спустя непреодолимая сонливость овладѣла имъ, его мозгъ заволокло туманомъ, онъ сомкнулъ глаза и началъ наклоняться и засыпать.

Черезъ часъ, онъ проснулся отъ громкаго разговора нѣсколькихъ прохожихъ. Онъ всталъ и пошелъ дальше.

Его мозгъ прояснился, онъ вспомнилъ все, что произошло, всѣ событія, даже мальчика, которому онъ далъ цѣлыхъ пять кронъ за одну розу. Онъ представилъ себѣ восхищеніе маленькаго господина, когда онъ нашелъ эту поразительную монету среди своей мелочи и убѣдился, что это было не двадцать пять эръ, а золотой пятикрановикъ. Ступай съ Богомъ!

Остальныхъ же дѣтей, можетъ быть, прогналъ дождь и они продолжали играть въ воротахъ въ чехарду, или катать шары. А изуродованный десятилѣтнй старецъ сидѣлъ и смотрѣлъ. Какъ знать, можетъ быть, онъ сидѣлъ и радовался чему-нибудь, можетъ быть, у него была кукла въ комнатѣ на заднемъ дворѣ, плясунъ, ванька-встанька. Можетъ быть, онъ не все потерялъ въ жизни, и была надежда въ его увядшей душѣ.

Вдругъ появляется красивая, стройная дама впереди него. Онъ вздрагиваетъ, останавливается. Нѣтъ, онъ ея не знаетъ. Она вышла изъ боковой улицы и спѣшила дальше, и у нея не было зонтика, хотя дождь лилъ, какъ изъ ведра. Онъ нагналъ ее, посмотрѣлъ на нее и прошелъ мимо. Какъ она была красива и молода! Она промокла, ей было холодно, и онъ не рѣшался приблизиться къ ней. И вотъ онъ закрылъ свой зонтикъ, чтобы ей не приходилось мокнуть одной. Когда онъ пришелъ домой, было уже за полночь.

На столѣ у него лежало письмо, карточка, приглашеніе. Сейеры были бы очень рады, еслибъ онъ могъ зайти къ нимъ завтра вечеромъ. Онъ встрѣтилъ бы знакомыхъ, въ томъ числѣ—отгадаетъ ли онъ?—Викторію, барышню изъ замка. Дружескій привѣтъ.

Онъ заснулъ на своемъ стулѣ. Часа черезъ два онъ проснулся отъ холода. Полупроснувшись, полусонный, пронизываемый холодной дрожью, усталый отъ дневныхъ несчастій, онъ сѣлъ къ столу и хотѣлъ отвѣтить на карточку, на приглашеніе; онъ не имѣлъ въ виду принимать его.

Онъ написалъ отвѣтъ и хотѣлъ опустить въ ящикъ. Вдругъ его поразило, что и Викторія приглашена. Хорошо, она ему ничего не сказала, она боялась, какъ бы онъ не пришелъ, она хотѣла освободиться отъ него тамъ, среди чужихъ людей.

Онъ разрываетъ свое письмо, пишетъ новое и благодаритъ, онъ будетъ. Внутренній жаръ заставляетъ его руку дрожать, своеобразная радостная горечь овладѣваетъ имъ. Почему же ему не пойти? Зачѣмъ онъ станетъ скрываться? Баста.

Его бурное душевное волненіе увлекаетъ его. Однимъ движеніемъ онъ отрываетъ горсть листовъ отъ своего стѣннаго календаря и оказывается на цѣлую недѣлю впереди во времени. Онъ представляетъ себѣ, что онъ чему-то радъ, безмѣрно увлеченъ, онъ хочетъ насладиться этимъ мгновеніемъ, хочетъ закурить трубку, усѣсться въ кресло и веселиться. Трубка совсѣмъ не въ порядкѣ, онъ тщетно ищетъ ножа, скребка, и вдругъ ломаетъ одну изъ стрѣлокъ часовъ въ углу, чтобы вычистить ею трубку. Ему пріятно смотрѣть на это разрушеніе, оно заставляетъ его смѣяться въ душѣ, и онъ ищетъ кругомъ другихъ предметовъ, которые онъ могъ бы привести въ негодность.

Время идетъ. Наконецъ, совсѣмъ одѣтый, въ своемъ мокромъ платьѣ, онъ бросается на постель и засыпаетъ.

Когда онъ проснулся, было уже поздно. Дождь продолжался, на дворѣ было мокро. Голова у него шла кругомъ, остатки сновъ, которые онъ видѣлъ, смѣшивались со вчерашними переживаниями; онъ не чувствовалъ никакой лихорадки, наоборотъ, его жаръ улегся, его обвѣяло прохладой, точно всю ночь онъ бродилъ по парному лѣсу и теперь очутился близъ воды.

Стучать, почтальонъ приноситъ ему письмо. Онъ вскрываетъ его, смотритъ, читаетъ и съ трудомъ можетъ понять его. Это отъ Викторіи, записка, поль-листа: она забыла

сказать ему, что вечеромъ она будетъ у Сейеровъ; она хочетъ встрѣтить его тамъ, она лучше объяснится съ нимъ, будетъ просить забыть ее, перенести это, какъ мужчина. Извиненіе, что бумага плоха. Дружескій привѣтъ.

Онъ вышелъ въ городъ, позавтракалъ, снова вернулся домой и, наконецъ, написалъ отказъ Сейерамъ, онъ не можетъ быть, ему было бы удобнѣе зайти, на примѣръ, завтра вечеромъ.

Это письмо онъ отослалъ съ разсылнымъ.

V.

Пришла осень, Викторія уѣхала домой, и маленькая отдаленная улица тянулась, какъ прежде, со своими домами и своей тишиной. Въ комнатѣ Юганнеса былъ свѣтъ по ночамъ. Онъ зажигался вечеромъ со звѣздами и погасалъ, когда свѣтало. Онъ работалъ и боролся, онъ писалъ свою большую книгу.

Проходили недѣли и мѣсяцы; онъ былъ одинъ и ни въ комъ не нуждался, къ Сейерамъ онъ больше не ходилъ. Его воображеніе часто вовлекало его въ свою дикую игру и примѣшивало къ его книгѣ неподходящіе вымыслы, которые потомъ ему приходилось зачеркивать и отбрасывать. Это очень задерживало его. Внезапный шумъ въ ночной тишинѣ, грохотъ кареты на улицѣ могли дать толчокъ его мысли и выбить ее изъ колеи:

Дорогу этой каретѣ на улицѣ, берегись!

Почему? Почему же, собственно, беречься этой кареты? Она проѣхала мимо, теперь она, пожалуй, за угломъ. Можетъ быть, тамъ стоитъ человѣкъ безъ платья, безъ шляпы, онъ стоитъ, нагнувшись впередъ, и встрѣчаетъ карету головою, онъ хочетъ, чтобы его переѣхали, непоправимо раздавили, убили. Человѣкъ хочетъ умереть, это его дѣло. Онъ

не застегиваетъ больше пуговицъ своей рубашки, и онъ пересталъ завязывать свои башмаки по утрамъ, все на немъ раскрыто, грудь у него голая и худая; онъ долженъ умереть... Человѣкъ дошелъ до крайности, онъ написалъ письмо другу, записку, маленькую просьбу. Человѣкъ умеръ и оставилъ это письмо. Въ немъ было число и подпись, оно было написано правильно и четко, хотя тотъ, кто писалъ, долженъ былъ черезъ часъ умереть. Это было такъ странно. Онъ сдѣлалъ даже обычный росчеркъ подъ своимъ именемъ. И черезъ часъ онъ умеръ... А вотъ другой человекъ. Онъ лежитъ, одинъ, въ маленькой комнатѣ, обшитой деревомъ и выкрашенной въ синюю краску. Что же изъ этого? Ничего. Во всемъ огромномъ мѣрѣ теперь только ему нужно умирать. Это овладѣваетъ имъ; онъ думаетъ объ этомъ, до полного истощенія. Онъ видитъ, что уже вечеръ, что на стѣнныхъ часахъ восемь, и онъ не понимаетъ, почему они не бьютъ. Часы не бьютъ. Уже нѣсколько минутъ девятого, и они продолжаютъ тикать, но не бьютъ. Бѣдный человекъ, его мозгъ уже начиналъ засыпать, часы *били*, и онъ не замѣтилъ этого. Потомъ онъ прокалываетъ дыру въ портретъ своей матери на стѣнѣ,—зачѣмъ ему больше этотъ портретъ, и зачѣмъ ему оставаться цѣлымъ послѣ него? Его усталые глаза падаютъ на горшокъ съ цвѣтами на столѣ, и онъ протягиваетъ руку и опрокидываетъ медленно и задумчиво цвѣточный горшокъ на полъ, такъ что тотъ разбивается. Потомъ онъ швыряетъ свой янтарный мундштукъ въ окно. На что онъ ему больше? Ему кажется такимъ яснымъ, что онъ не долженъ продолжать лежать здѣсь послѣ него. И черезъ недѣлю человекъ умеръ...

Иоганнесъ встаетъ и бродитъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Сосѣдъ въ ближайшей комнатѣ просыпается, его храпѣнне умолкаетъ, слышенъ вздохъ, его мучительный стонъ. Иоганнесъ идетъ на цыпочкахъ къ столу и снова садится. Вѣтеръ свиститъ въ тополяхъ за его окномъ и бросаетъ его

въ дрожь. Старые тополя стоятъ безъ листвы и похожи на печальныхъ уродовъ; нѣсколько шишковатыхъ вѣтокъ трутся о стѣну дома и издають скрипучій звукъ, какъ деревянная машина, треснувшая колотушка, что работаетъ и работаетъ.

Онъ бросаетъ взглядъ на свои бумаги и перечитываетъ. Да, его воображеніе опять отвлекло его въ сторону. Ему нечего дѣлать со смертью и проѣзжающей мимо каретой. Онъ описываетъ садъ, зеленый и пышный садъ возлѣ своего дома, садъ замка. Онъ это описываетъ. Теперь онъ—мертвый, весь подъ снѣгомъ, и все же онъ его описываетъ, и тамъ вовсе не зима и снѣгъ, а весна и благоуханіе и тихій вѣтерокъ. И вечеръ. Внизу раскинулась тихая и глубокая вода, и она точно море свинца. Пахнетъ сиренью, одна живая изгородь за другою стоитъ въ почкахъ и зеленой листвѣ, и воздухъ такъ тихъ, что слышно, какъ по другую сторону бухты токуетъ глухарь. Въ одной изъ садовыхъ аллей стоитъ Викторія, она одна, въ бѣломъ, ей двадцать лѣтъ. Тамъ стоитъ она. Ея фигура выше самыхъ высокихъ розовыхъ кустовъ, она смотритъ на воду, на лѣса, на сонныя горы вдаль; она—какъ бѣлая душа среди зеленого сада. Съ дороги внизу доносятся шаги, она идетъ немного впередъ, къ скрытой бесѣдкѣ, опирается локтями о стѣну и смотритъ внизъ. Человѣкъ на дорогѣ внизу снимаетъ шляпу, опускаетъ ее почти до земли и кланяется. Она киваетъ въ отвѣтъ. Человѣкъ озирается кругомъ, на дорогѣ нѣтъ никого, кто бы слѣдилъ за нимъ, и онъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ вверхъ, къ оградѣ. Тогда она отступаетъ назадъ и кричитъ: Нѣтъ, нѣтъ! И она машетъ ему рукою. Викторія, говоритъ онъ, то была вѣчная правда, что вы сказали однажды, я не долженъ былъ воображать, потому что это невозможно. Да, отвѣчаетъ она, но что вамъ нужно тогда? Онъ подошелъ къ ней совсѣмъ близко, только стѣна раздѣляетъ ихъ, и его отвѣтъ звучитъ: Что мнѣ нужно? Я только хочу, видите ли, постоять здѣсь одну минуту. Въ послѣдній разъ. Я хочу

подойти къ вамъ, какъ можно ближе; теперь я стою недалеко отъ васъ! Она молчитъ. Проходитъ минута. Спокойной ночи, говоритъ онъ и снова снимаетъ шляпу почти до земли. Спокойной ночи, отвѣчаетъ она. И онъ уходитъ, не оглядываясь назадъ.

Какое ему дѣло до смерти? Онъ комкаетъ исписанный листъ и бросаетъ его въ печку. Тамъ еще лежатъ другіе листы, которые нужно сжечь, чистѣйшая пустая игра вышедшаго изъ своихъ границъ воображенія. И онъ снова пишетъ о человѣкѣ на дорогѣ внизу, о блуждающемъ господинѣ, который поздоровался и простился, когда его минута кончилась. А въ саду осталась молодая дѣвушка, она была въ бѣломъ платьѣ и ей было двадцать лѣтъ. Она не хотѣла взять его; нѣтъ и нѣтъ. Но онъ стоялъ у стѣны, за которой она жила. Такъ близко отъ нея онъ былъ когда-то.

Снова прошли недѣли и мѣсяцы, и пришла весна. Снѣгу уже не было, далеко въ пространствѣ стоялъ шумъ точно освобожденныхъ водъ, отъ солнца до луны. Прилетѣли ласточки, и въ загородномъ лѣсу пробудилась радостная жизнь всевозможныхъ рѣзвящихся звѣрей и птицъ съ непонятными языками. Свѣжій и пряный запахъ поднимался отъ земли.

Его работа продолжалась всю зиму. Въ видѣ припѣва, сухія вѣтки тополей скреблись о стѣну день и ночь: теперь весна пришла, бури прошли, и сухая трещотка остановилась.

Онъ открываетъ окно и смотритъ наружу, на улицѣ уже тихо, хотя еще не полночь, звѣзды сверкаютъ на безоблачномъ небѣ, что предвѣщаетъ теплую и ясную погоду на завтра. Онъ слышитъ городской шумъ, который сливается съ вѣчнымъ гуломъ вдали. Внезапно раздается рѣзкій свистокъ локомотива, это сигналъ ночного поѣзда; онъ звучитъ,

какъ одинокое пѣніе пѣтуха въ тихую ночь. Теперь пора вернуться къ работѣ, этотъ свистокъ былъ для него, какъ призывъ, всю зиму.

И онъ закрываетъ окно и снова садится къ столу. Онъ бросаетъ книги, которыя онъ читалъ, и вынимаетъ бумагу. Онъ хватается за перо.

Теперь его большая работа почти закончена, недостаетъ только заключительной главы, въ видѣ привѣта съ отплывающаго корабля, и онъ у него уже намѣченъ въ головѣ:

Вотъ сидитъ господинъ въ гостиницѣ у дороги, онъ тамъ проѣздомъ и отправляется далеко, далеко въ свѣтъ. У него сѣдые волосы и борода, и много лѣтъ пронеслось надъ нимъ; но онъ еще крѣпокъ и силенъ, и едва ли онъ такъ старъ, какъ кажется. Снаружи стоитъ его коляска, лошади отдыхаютъ, кучеръ веселъ и доволенъ; потому что онъ получилъ вина и ѣду отъ гостя. Когда господинъ записалъ свое имя, хозяинъ узнаетъ его и кланяется ему и оказываетъ ему большія почести. Кто теперь живетъ въ замкѣ? спрашиваетъ господинъ. Хозяинъ отвѣчаетъ: Капитанъ; онъ очень богатъ; жена очень добра со всѣми. Со всѣми? спрашиваетъ господинъ самого себя и странно улыбается, даже и со мной? И господинъ садится и пишетъ, и написавъ, перечитываетъ бумагу, это—стихотвореніе, скорбное и спокойное, но со множествомъ горькихъ словъ. Но потомъ онъ рывкаетъ бумагу въ куски, и продолжаетъ сидѣть и рвать бумагу въ еще меньшіе кусочки. Тогда стучатъ въ его дверь, и входитъ одѣтая въ желтое женщина. Она поднимаетъ вуаль, это—хозяйка замка, фру Викторія. Она прекрасна, какъ царица. Господинъ порывисто встаетъ, его сумрачная душа въ тотъ же мигъ какъ бы озаряется внезапнымъ ночнымъ свѣтомъ.—Вы такъ добры со всѣми, говоритъ онъ съ горечью, вы даже ко мнѣ приходите. Она не отвѣчаетъ, она только стоитъ и смотритъ на него, и ея лицо покрывается густою краской. Чего вы хотите? спрашиваетъ онъ

съ прежнею горечью; вы пришли напомнить мнѣ о прошломъ? въ такомъ случаѣ это въ послѣдній разъ, милостивая государыня, теперь я уѣзжаю навсегда. И все еще не отвѣчаетъ молодая хозяйка замка, но губы у нея дрожатъ. Онъ говоритъ: Вамъ этого недостаточно, что я нѣкогда открылъ мое безуміе, такъ слушайте, я дѣлаю это снова: мое сердце рвалось къ вамъ, я былъ недостойнъ васъ, — теперь-то вы довольны? Онъ продолжаетъ съ возрастающимъ жаромъ: Вы мнѣ отвѣтили—нѣтъ, вы взяли другого; я былъ крестьянинъ, медвѣдь, варваръ, который въ своей юности забрелъ въ заповѣдную королевскую рощу. Но тутъ господинъ бросается въ кресло и рыдаетъ и умоляетъ: Ахъ, уйдите! Простите меня, ступайте вашей дорогой! И вотъ вся краска отхлынула отъ лица хозяйки замка. И она говоритъ, и она произноситъ слова такъ медленно и такъ четко: Я люблю васъ; поймите же меня, наконецъ, я именно васъ люблю. Прощайте!—И молодая хозяйка замка закрыла лицо руками и быстро вышла въ дверь...

Онъ кладетъ перо и откидывается назадъ. Да, точка, конецъ. Передъ нимъ лежала книга, всѣ исписанные листы, работа девяти мѣсяцевъ! Теплое довольство струится въ немъ, потому что его произведеніе доведено до конца. И пока онъ сидитъ тамъ и смотритъ въ окно, въ которомъ брезжетъ день, въ головѣ у него гудитъ и стучитъ, и его духъ работаетъ дальше. Онъ полонъ настроенія, его мозгъ—какъ неубранный, дикій садъ, гдѣ вздымается паръ отъ земли.

Онъ таинственнымъ образомъ проникъ въ глубокую, вымершую долину, гдѣ нѣтъ ничего живого. Въ глубинѣ, одинокій и заброшенный, стоитъ органъ и играетъ. Онъ подходитъ ближе, онъ изслѣдуетъ его, органъ исходитъ кровью, изъ одного его бока льется кровь, пока онъ играетъ. Далѣе—онъ приходитъ къ рынку. Тамъ все пустынно, ни одного деревца не видно и никакого звука не слышно, это просто—пустынный рынокъ. Но на песокъ слѣды людской обуви, а въ воз-

духъ стоятъ еще какъ бы послѣднія слова, которыя были сказаны на этомъ мѣстѣ, такъ недавно оно было брошено. Странное ощущеніе наполняетъ его, эти слова, оставшіяся въ воздухѣ надъ рынкомъ, тревожатъ его, приближаются, тѣснятъ его. Онъ отталкиваетъ ихъ отъ себя, и они возвращаются, и это не слова, это—старцы, толпа пляшущихъ старцевъ; теперь онъ видитъ ихъ. Почему они пляшутъ, и почему они пляшутъ совершенно безрадостно? Отъ этого хоровода старцевъ вѣетъ холодомъ, они его не видятъ, они—слѣпы, и когда онъ окликаетъ ихъ, они его не слышатъ, потому что они—мертвые. Онъ идетъ на востокъ, навстрѣчу солнцу, онъ приходитъ къ горѣ. Какой-то голосъ зоветъ: Ты у горы? Да, отвѣчаетъ онъ, я стою у горы. Тогда голосъ говоритъ: Гора, у которой ты стоишь,—моя нога; я связанъ, и лежу на краю свѣта, приди и освободи меня! И онъ отправляется на край свѣта. У какого-то моста стоитъ человѣкъ и поджидаетъ его, онъ собираетъ тѣни; человѣкъ изъ мускуса. Леденящій страхъ охватываетъ его при видѣ этого человѣка, который хочетъ отнять у него тѣнь. Онъ плюетъ въ него и грозитъ ему сжатыми кулаками; но человѣкъ стоитъ неподвижно и поджидаетъ его. Вернись! кричитъ голосъ сзади него. Онъ поворачивается и видитъ голову, которая катится передъ нимъ и показываетъ ему дорогу. Голова—человѣчья, и отъ поры до времени она тихо и молчаливо улыбается. Онъ слѣдуетъ за ней. Она катится дни и ночи и онъ слѣдуетъ за нею; у морского берега она проваливается сквозь землю и скрывается. Онъ идетъ въ бродъ въ море и тонетъ. Онъ стоитъ у тяжелой двери, и встрѣчаетъ большую, лающую рыбу. У нея грива на шеѣ, и она лаетъ на него, какъ собака. Сзади рыбы стоитъ Виктория. Онъ протягиваетъ къ ней руки, на ней совсѣмъ нѣтъ одежды, она улыбается ему, и въ ея волосахъ вѣетъ буря. Тогда онъ зоветъ ее, онъ самъ слышитъ свой собственный крикъ—и просыпается.

Юганнесь встаетъ и подходитъ къ окну. Стало почти свѣтло, и въ маленькое зеркало на оконной перекладинѣ онъ видитъ, что виски у него красные. Онъ тушитъ лампу и еще разъ перечитываетъ въ сѣромъ свѣтѣ дня послѣднюю страницу своей книги. Потомъ онъ ложится.

Къ вечеру того же дня Юганнесь заплатилъ за свою комнату, сдалъ свою рукопись и покинулъ городъ. Онъ уѣхалъ за границу, никто не зналъ, куда.

VI.

Большая книга вышла, цѣлое царство, маленькій шумящій міръ настроеній, голосовъ и видѣній. Ее покупали, читали и откладывали въ сторону. Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ; когда пришла осень, Юганнесь выбросилъ новую книгу. И что же? Его имя было вдругъ у всѣхъ на устахъ, счастье сопровождало его, эта новая книга была написана далеко, вдали отъ событий на родинѣ, и она была тихая и крѣпкая, какъ вино.

Дорогой читатель, вотъ разсказъ о Дидрикѣ и Иселинѣ. Написанный въ хорошее время, въ дни маленькихъ заботъ, когда все было легко переносить, написанный съ глубочайшимъ сочувствіемъ къ Дидрику, котораго Господь поразилъ любовью...

Юганнесь былъ въ чужихъ краяхъ, никто не зналъ, гдѣ. И прошло болѣе года, прежде чѣмъ кто-нибудь узналъ объ этомъ.

— Кажется, стучать въ дверь,—говоритъ старикъ мельникъ какъ-то вечеромъ.

И его жена и онъ прислушиваются и сидятъ тихо.

— Нѣтъ, ничего,—говоритъ она потомъ;—десять часовъ, скоро ночь.

Проходитъ нѣсколько минутъ.

Тогда громко и отчетливо стучать въ дверь, точно кто-то набрался мужества и сдѣлалъ это. Мельникъ отворяетъ. За дверью стоитъ фрѣкенъ изъ замка.

— Вы не должны пугаться, это—я,—говоритъ она и совершенно робко улыбается. Она входитъ; ей подають стулъ, но она не садится. У нея только шаль на головѣ, и на ногахъ маленькіе, легкіе башмаки, хотя еще не весна и дороги не высохли.

— Мнѣ хотѣлось только предупредить васъ, что весною пріѣзжаетъ лейтенантъ,—говоритъ она.—Лейтенантъ, мой возлюбленный. И онъ, пожалуй, будетъ стрѣлять здѣсь вальдшнеповъ. Объ этомъ мнѣ хотѣлось предупредить васъ, чтобы вы не испугались.

Мельникъ и его жена съ удивленіемъ смотрятъ на фрѣкенъ изъ замка. Ихъ никогда не предупреждали, когда гости въ замкѣ отправлялись на охоту въ лѣсъ и въ поля. Они покорно благодарятъ ее.

Викторія опять идетъ къ двери.

— Вотъ все, что я хотѣла. Я думала, вы—люди старые, и не мѣшаетъ сказать вамъ это.

Мельникъ отвѣчаетъ:

— И фрѣкенъ была такъ добра! И теперь фрѣкенъ промочила маленькіе башмаки.

— Нѣтъ, дорога сухая,—отрывисто говоритъ она.—Я все равно проходила здѣсь. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Она поднимаетъ щеколду и уходитъ. И вотъ она снова оборачивается въ дверяхъ и говоритъ:

— Правда, что Юганнесь,—вы слышали о немъ?

— Нѣтъ, ничего; спасибо, что освѣдомились. Ничего.

— Онъ же скоро вернется. Я думала, у васъ есть извѣстія.

— Нѣтъ, съ прошлой весны. Говорятъ, Юганнесь въ чужихъ краяхъ.

— Да, въ чужихъ краяхъ. Ему тамъ хорошо. Онъ пишетъ самъ, что переживаетъ дни маленькихъ заботъ. Значитъ, ему тамъ хорошо.

— Да, да, одному Богу извѣстно. Мы ждемъ его; но онъ не пишетъ намъ, никому. Мы просто ждемъ его.

— Ему же лучше, гдѣ онъ живетъ, разъ у него такія малыя заботы. Между прочимъ. Я только хотѣла узнать, вернется ли онъ весною. Еще разъ спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Мельникъ и его жена выходятъ за нею изъ дому. Они видятъ, какъ она сворачиваетъ назадъ въ замокъ, поднявъ голову, ступая маленькими башмаками по лужамъ грязи на мокрой дорогѣ.

Два дня спустя пришло письмо отъ Иоганнеса. Онъ возвращается домой черезъ какой нибудь мѣсяць, когда онъ окончитъ еще одну новую книгу. Въ это долгое время ему жилось хорошо, новая работа будетъ скоро доведена до конца, міровая жизнь шумно пронеслась въ его мозгу...

Мельникъ отправляется въ замокъ. По дорогѣ онъ изходитъ носовой платокъ съ мѣткою Виктори, она потеряла его третьяго дня вечеромъ.

Фрѣкенъ наверху, но одна изъ служанокъ берется передать ей, въ чемъ дѣло,—что нужно?

Мельникъ отказывается. Онъ лучше подождетъ.

Наконецъ, приходитъ фрѣкенъ.

— Я слышала, вы хотите говорить со мной? — спрашиваетъ она и открываетъ дверь въ другую комнату.

Мельникъ входитъ, передаетъ платокъ и говоритъ:

— А потомъ мы получили письмо отъ Иоганнеса.

Свѣтлое волненіе пробѣгаетъ по ея лицу, на мигъ, на короткій мигъ. Она отвѣчаетъ:

— Благодарю васъ. Да, платокъ—мой.

— Теперь онъ снова ѣдетъ домой,—продолжаетъ мельникъ почти шепотомъ.

Она принимаетъ холодное выраженіе.

— Говорите громко, Мѣллеръ; кто ѣдетъ?—отвѣчаетъ она.

— Иоганнесъ.

— Иоганнесъ. Ну, и что же?

— Ничего... мы думали, мнѣ слѣдуетъ сказать вамъ это. Мы говорили объ этомъ, моя жена и я, и она тоже такъ думала. Третьяго дня вечеромъ вы спрашивали, вернется ли онъ этой весной. Да, онъ вернется.

— Тогда вы рады?—говоритъ фрѣкенъ.—Когда же онъ вернется?

— Черезъ мѣсяць.

— Вотъ какъ. И больше ничего?

— Нѣтъ. Мы просто думали, что разъ вы спрашивали...

Нѣтъ, больше ничего. Только это.

Мельникъ снова понизилъ голосъ.

Она провожаетъ его къ двери. У выхода они встрѣчаютъ ея отца, и она говоритъ ему мимоходомъ, громко и равнодушно:

— Мельникъ рассказываетъ, что Иоганнесъ снова возвращается домой. Ты же помнишь Иоганнеса?

И мельникъ уходитъ изъ замка и даетъ себѣ слово, что онъ больше никогда, никогда не будетъ такъ глупъ и не станетъ слушаться своей жены, когда она захочетъ понимать скрытыя вещи. Онъ такъ и скажетъ ей.

VII.

Тонкую рябину у мельничной плотины онъ когда-то хотѣлъ срѣзать на удочку; теперь прошло много лѣтъ, и деревцо стало толще его руки. Онъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него и пошелъ дальше.

Вдоль ручья все еще процвѣтала непроницаемая чаща папоротниковъ, цѣлый лѣсъ, по дну котораго скотина протоптала себѣ постоянныя тропинки со сводами изъ листьевъ папоротниковъ надъ ними. Онъ пробирался черезъ пустырь, какъ въ дни дѣтства, плывя руками и отыскивая дорогу ногами. Насѣкомыя и червяки прятались отъ большого человѣка.

Наверху, у каменоломни, онъ нашелъ терновникъ, анемоны и фіалки. Онъ нарвалъ ихъ немного, знакомый запахъ звалъ его назадъ, къ минувшимъ днямъ. Вдали синѣли холмы сосѣдняго поселка, а по другую сторону залива начинала куковать кукушка.

Онъ сѣлъ; немного спустя, онъ началъ напѣвать. И вотъ, онъ услышалъ шаги на тропинкѣ внизу.

Быль вечеръ, солнце зашло; но тепло все еще трепетало въ воздухѣ. Надъ лѣсами, холмами и заливами лежалъ безконечный покой. Вверхъ къ каменоломнѣ поднималась женщина. Это была Викторія. Она шла съ корзиной.

Иоганнесъ всталъ, поклонился и хотѣлъ удалиться.

— Я не хотѣла мѣшать вамъ,—сказала она.—Я хотѣла набрать немного цвѣтовъ.

Онъ не отвѣчалъ. И онъ не подумалъ, что у нея въ саду всѣ цвѣты міра.

— Я взяла съ собой корзину, чтобы собрать цвѣтовъ,—продолжала она.—Но я, пожалуй, не найду ни одного. Намъ они нужны для гостей. У насъ будутъ гости.

— Здѣсь есть анемоны и фіалки,—сказалъ онъ.—Повыше обыкновенно растетъ хмель. Но, пожалуй, теперь еще слишкомъ рано.

— Вы теперь блѣднѣе прежняго,—замѣчаетъ она ему.—Больше двухъ лѣтъ прошло.—Вы, я слышала, были въ отъѣздѣ. Я читала ваши книги.

Онъ все еще не отвѣчалъ. Ему пришло въ голову, что ему, пожалуй, слѣдовало бы сказать: Да, добрый вечеръ,

фрѣкенъ! и уйти. Отъ мѣста, гдѣ онъ стоялъ, былъ одинъ шагъ до ближайшаго камня, оттуда еще одинъ до нея, и потомъ онъ могъ бы удалиться, какъ если бы это случилось само собой. Она стояла на самой его дорогѣ. На ней было желтое платье и красная шляпа, она была загадочна и прекрасна; шея у нея была открыта.

— Я мѣшаю вамъ пройти,—бормоталъ онъ и сошелъ внизъ. Онъ овладѣлъ собой, чтобы ничѣмъ не выдать своего волненія.

Теперь оставался одинъ шагъ между ними. Она не сторонилась, чтобы онъ могъ пройти дальше, но продолжала стоять. Они смотрѣли другъ другу въ лицо. Вдругъ она сильно покраснѣла, она опустила глаза и отошла въ сторону; на ея лицѣ появилось неопредѣленное выраженіе, но она улыбалась.

Онъ прошелъ мимо нея и остановился, ея печальная улыбка поразила его, и его сердце снова рвалось къ ней, и онъ сказалъ первое, что подвернулось:

— Вы, конечно, были въ городѣ много разъ съ тѣхъ поръ? Послѣ того раза?.. Теперь я знаю, гдѣ росли цвѣты въ прежніе дни: на холмѣ, возлѣ вашего флага.

Она обернулась къ нему, и онъ съ изумленіемъ замѣтилъ, что лицо у нея было блѣдно и взволновано.

— Хотите притти къ намъ на вечеръ?—сказала она.—Если только вы хотите притти на балъ? У насъ будетъ балъ,—продолжала она, и ея лицо снова начало краснѣть.—Приѣдутъ гости изъ города. Это будетъ скоро, но я извѣщу васъ точнѣе. Что вы скажете?

Онъ не отвѣчалъ. Это общество не для него, онъ не принадлежалъ къ замку.

— Вы не должны говорить „нѣтъ“. Вамъ не будетъ скучно, я позаботилась объ этомъ, у меня есть для васъ неожиданность.

Молчаніе.

— Вы больше не можете поразить меня,—отвѣтилъ онъ. Она кусала себѣ губу; улыбка отчаянія снова пробѣжала по ея лицу.

— Чего вы отъ меня хотите?—беззвучно спросила она.

— Я ничего отъ васъ не хочу, фрѣкенъ Викторія. Я сидѣлъ здѣсь на камнѣ, я хотѣлъ уйти.

— Ахъ, да, я шла домой, я цѣлый день бродила здѣсь, вотъ и забрела сюда. Я могла пробраться по рѣчкѣ, другою дорогою, тогда и не пришла бы...

— Дорогая фрѣкенъ, это—ваше мѣсто, не мое.

— Однажды я поступила съ вами дурно, Иоганнесъ, мнѣ хотѣлось бы заглазить это, исправить. Думается, я дѣйствительно могу поразить васъ... т. е., я надѣюсь, вы будете рады. Больше я не могу сказать. Но я просила бы васъ притти къ намъ на этотъ разъ.

— Если это можетъ доставить вамъ удовольствіе, то я приду.

— Придете?

— Да, благодарю васъ за вашу любезность.

Сойдя внизъ въ лѣсъ, онъ обернулся и смотрѣлъ назадъ. Она сѣла; корзина стояла возлѣ нея. Онъ не пошелъ домой, но продолжалъ бродить взадъ и впередъ по дорогѣ. Тысячи мыслей боролись въ немъ. Неожиданность? Она сказала это теперь, совсѣмъ недавно, голосъ у нея дрожалъ. Горячая и нервная радость возникаетъ въ немъ, заставляетъ бурно биться его сердце, и онъ чувствуетъ, какъ онъ поднимается надъ дорогой, по которой идетъ. Неужели простая случайность, что она была въ желтомъ и сегодня? Онъ видѣлъ ея руку, гдѣ нѣкогда было кольцо,—у нея не было кольца.

Проходитъ часъ. Испаренія лѣса и земли окутали его, проникали въ его дыханіе, въ его сердце. Онъ сѣлъ, легъ на спину, сложивъ руки подъ головой, и долго прислушивался къ голосу кукушки по другую сторону залива. Страстное пѣніе птицъ трепетало въ воздухѣ вокругъ него.

Итакъ, онъ снова пережилъ это! Когда она поднялась къ нему на каменоломню въ своемъ желтомъ платьѣ и въ своей кроваво-красной шляпѣ, у нея былъ видъ какъ бы порхающей бабочки, переходившей съ камня на камень и остановившейся передъ нимъ. „Я не хотѣла мѣшать вамъ“, сказала она и улыбнулась; улыбка у нея была красная, все лицо озарилось, она разсыпала звѣзды. Нѣсколько нѣжныхъ, синихъ жилокъ выступали на шеѣ у нея, нѣсколько веснушекъ подъ глазами сообщали ей теплую окраску. Она вступила въ свое двадцатое лѣто.

Неожиданность? Что она имѣла въ виду? Можетъ быть, она хотѣла показать ему его книги, положить передъ нимъ эти два, три тома и обрадовать его тѣмъ, что она купила ихъ всѣ и разрѣзала ихъ? Пожалуйста, немножечко вниманія и нѣжнаго утѣшенія! Не пренебрегайте моимъ ничтожнымъ приношеніемъ!

Онъ порывисто всталъ и стоялъ. Викторія возвращалась назадъ, ея корзина была пуста.

— Вы не нашли цвѣтовъ?—спросилъ онъ разсѣянно.

— Нѣтъ, я это бросила. Я даже не искала, я просто сидѣла тамъ.

Онъ сказалъ:

— Пока я еще помню: вамъ отнюдь не слѣдуетъ думать, что вы поступили дурно со мною. Вамъ нечего заглаживать какимъ-нибудь любезнымъ утѣшеніемъ.

— Да нѣтъ же,—отвѣтила она, захваченная врасплохъ. Она думала объ этомъ дальше, смотрѣла на него и соображала.—Нѣтъ. Мнѣ казалось, что въ тотъ разъ... Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы вы все время сердились на меня за то, что произошло.

— Нѣтъ, я не сержусь на васъ.

Она думаетъ еще нѣкоторое время. Вдругъ она выпрямляется.

— Тогда хорошо,—говоритъ она.—Нѣтъ, я такъ и должна

была знать. Это не оставило такого впечатлѣнія. Да, да, больше не будемъ говорить объ этомъ.

— Да, не будемъ. Мои впечатлѣнія безразличны для васъ теперь, какъ прежде.

— Прощайте,—сказала она.—Прощайте, пока.

— Прощайте,—отвѣтилъ онъ.

Они пошли, каждый своей дорогой. Онъ остановился и обернулся. Теперь она шла тамъ. Онъ протянулъ руки и шепталъ, говорилъ нѣжныя слова про себя: Я не сержусь на васъ, нѣтъ, нѣтъ, не сержусь; я все еще люблю васъ, люблю васъ...

— Викторія!—крикнулъ онъ.

Она слышала это, она вздрогнула и обернулась, но продолжала свой путь.

Прошло нѣсколько дней. Иоганнесь бродилъ въ крайнемъ безпокойствѣ и не работалъ, не спалъ; онъ проводилъ почти цѣлый день въ лѣсу. Онъ взобрался на крутой сосновый холмъ, гдѣ стоялъ флагъ замка; на мачтѣ развѣвался флагъ. Флагъ былъ поднять и на круглой башнѣ замка.

Странное возбужденіе овладѣло имъ. Должны были пріѣхать гости въ замокъ, ожидалось празднество.

Былъ тихій и теплый вечеръ; ручей пробѣгалъ, какъ пульсъ, черезъ согрѣтую мѣстность. Къ берегу скользилъ пароходъ и оставлялъ вѣеръ изъ бѣлыхъ полосъ на заливѣ. Теперь съ площади передъ замкомъ выѣхали четыре кареты и направились къ пристани.

Пароходъ причалилъ, господа и дамы вышли на берегъ и усѣлись въ кареты. Тогда началъ раздаваться рядъ выстрѣловъ съ замка: два человѣка стояли на круглой башнѣ и заряжали и стрѣляли, заряжали и стрѣляли изъ охотничьихъ ружей. Когда они сдѣлали двадцать одинъ выстрѣлъ, кареты подкатили къ подъѣзду замка, и стрѣльба прекратилась.

Да, въ замкѣ будетъ празднество; гостей встрѣтили фла-

гами и пальбой. Въ каретахъ сидѣло нѣсколько военныхъ въ томъ числѣ, можетъ быть, и Отто, лейтенантъ.

Иоганнесь спустился съ холма и направился домой. Его нагналъ одинъ изъ служителей замка и остановилъ его. У парня было письмо въ шляпѣ, онъ былъ посланъ фрѣкенъ Викторіей и долженъ былъ принести отвѣтъ.

Иоганнесь прочелъ письмо съ бьющимся сердцемъ. Викторія все-таки приглашала его, писала ему въ сердечныхъ выраженіяхъ и просила его прійти. На этотъ именно вечеръ она хотѣла просить его. Отвѣтъ съ посланнымъ.

Поразительная и неожиданная радость осѣнила его, кровь хлынула ему въ голову, и онъ отвѣтилъ человѣку, что придетъ, да, благодарите, онъ сейчасъ же придетъ. Пожалуйста!

Онъ сунулъ посланному до смѣшного большую монету и поспѣшилъ домой переодѣться.

VIII.

Въ первый разъ въ своей жизни онъ вошелъ въ ворота замка и сталъ подниматься по лѣстницѣ во второй этажъ. Оттуда навстрѣчу ему гудѣли голоса, его сердце билось сильно, онъ постучался и вошелъ.

Еще молодая, хозяйка замка пошла ему навстрѣчу и дружески привѣтствовала его, пожала ему руку. Она была рада видѣть его, она помнила его еще въ то время, когда онъ былъ вотъ такого роста; теперь онъ большой человѣкъ... И точно хозяйка замка хотѣла сказать ему еще больше, она долго держала его за руку и испытующе смотрѣла на него.

Подошелъ и владѣлецъ замка и протянулъ ему руку. Какъ сказала его супруга, большой человѣкъ, далеко не въ одномъ смыслѣ большой человѣкъ. Знаменитый человѣкъ. Онъ очень радъ...

Его представили господамъ и дамамъ, камергеру, кото-

рый былъ при всѣхъ своихъ орденахъ, женѣ камергера, помѣщику изъ сосѣдняго поселка, Отто, лейтенанту. Викторіи онъ не видѣлъ.

Прошло много времени. Вошла Викторія, блѣдная, даже нерѣшительная; она вела молодую дѣвушку за руку. Онѣ прошлись кругомъ по залу, здоровались со всѣми, говорили нѣсколько словъ съ каждымъ. Онѣ остановились передъ Иоганнесомъ.

Викторія улыбнулась и сказала:

— Вотъ, и Камилла, развѣ это не неожиданность? Вы знакомы.

Она постояла немного и посмотрѣла на нихъ обоихъ, затѣмъ вышла изъ зала.

Въ первое мгновеніе Иоганнесъ стоялъ неподвижно и въ замѣшательствѣ. Въ этомъ заключалась неожиданность; Викторія очень любезно нашла другую вмѣсто себя. Послушайте, люди, идите и берите другъ друга! Весна въ цвѣту, солнце свѣтитъ; раскройте окна, потому что садъ благоухаетъ, и на верхушкѣ березы играютъ скворцы. Почему вы не говорите другъ съ другомъ? Да смѣйтесь же!

— Да, мы знакомы,—сказала Камилла откровенно.— Вѣдь вы какъ разъ здѣсь вытащили меня изъ воды.

Она была молода, бѣлокурая и веселая, въ розовомъ платьѣ, ей было семнадцать. Иоганнесъ закусилъ зубы и смѣялся и шутилъ. Мало-по-малу ея веселыя слова дѣйствительно начали оживлять его, они бесѣдовали долго, біеніе его сердца успокоилось. У нея еще сохранилась милая привычка болѣе раннихъ лѣтъ склонять голову на бокъ и слушать въ ожиданіи, когда онъ говорилъ что-нибудь. Онъ узналъ ее, она не поразила его.

Викторія снова вошла, она взяла лейтенанта подъ руку, увлекла его за собой и сказала Иоганнесу:

— Вы знакомы съ Отто,—моимъ женихомъ? Вы же помните его.

Господа помнили другъ друга. Они говорятъ должныя слова, дѣлаютъ нужные поклоны и расходятся. Иоганнесъ и Викторія остаются одни. Онъ говоритъ:

— Въ этомъ заключалась неожиданность?

— Да,—отвѣчаетъ она раздраженно и нетерпѣливо,—я сдѣлала все, что могла, лучшаго я не могла придумать. Не дуйтесь же, лучше благодарите меня; я видѣла, вы были рады.

— Благодарю васъ. Да, я былъ радъ.

Невыносимое отчаяніе охватило его, лицо его смертельно поблѣднѣло. Если она сдѣлала ему больно когда-то, то теперь это было заглажено и вознаграждено сторицею. Онъ былъ положительно благодаренъ ей.

— И потомъ я замѣчаю, что сегодня на васъ ваше кольцо,—глухо сказалъ онъ.—Не снимайте его больше.

Молчаніе.

— Нѣтъ, теперь я его больше уже не сниму,—отвѣчаетъ она.

Они посмотрѣли другъ другу въ глаза. Губы у него дрожали, онъ указалъ головою на лейтенанта и сказалъ хрипло и грубо:

— У васъ хорошей вкусъ, фрѣкенъ Викторія. Онъ — красивый мужчина. Его эполеты увеличиваютъ его плечи.

Съ большимъ спокойствіемъ, она отвѣтила:

— Нѣтъ, онъ не красивъ. Но онъ — образованный человекъ. Это тоже чего-нибудь стоитъ.

— Это относилось ко мнѣ, благодарю васъ.—Онъ громко разсмѣялся и въ заключеніе безстыдно сказалъ:—И у него есть деньги въ карманѣ, это еще большаго стоитъ.

Она вдругъ удалилась.

Онъ, какъ опальный, скользилъ отъ стѣны къ стѣнѣ. Камилла заговаривала съ нимъ, спрашивала его, но онъ не слышалъ и не отвѣчалъ. Она говорила еще что-то, трогала его даже за руку и напрасно спрашивала снова.

— Ну, вот, онъ все думаетъ,—крикнула она, смѣясь.— Онъ думаетъ, онъ думаетъ!

Викторія услышала это и отвѣтила:

— Онъ хочетъ остаться наединѣ. Онъ и меня прогналъ.— Но вдругъ она подошла вплотную къ нему и громко сказала:—Вы, конечно, придумываете мнѣ извиненіе. Не хлопочите. Напротивъ, я должна извиниться передъ вами, что такъ поздно прислала вамъ приглашеніе. Очень невнимательно съ моей стороны. Я забыла про васъ до послѣдняго мгновенія, я почти совершенно забыла про васъ. Но надѣюсь, вы простите меня, потому что мнѣ нужно было думать о столькихъ вещахъ.

Онъ безмолвно смотрѣлъ на нее; даже Камилла смотрѣла то на одного изъ нихъ, то на другого и была явно изумлена. Викторія стояла прямо передъ нимъ со своимъ холоднымъ, блѣднымъ лицомъ. Она отомстила.

— Таковы наши теперешніе кавалеры,—сказала она Камиллѣ.—Не многого же намъ ждать отъ нихъ. Вонъ тамъ сидитъ мой возлюбленный и говоритъ объ охотѣ на лосей, а здѣсь стоитъ поэтъ и думаетъ... Скажите что-нибудь, поэтъ!

Онъ вздрагиваетъ; жилы на вискахъ у него посинѣли.

— Хорошо. Вы просите меня сказать что-нибудь. Хорошо.

— Ахъ, нѣтъ, не старайтесь.

Она уже хотѣла уходить.

— Чтобы сразу перейти къ дѣлу,—сказалъ онъ медленно и улыбаясь, но голосъ у него дрожалъ;—чтобы начать сразу: вы недавно влюбились, фрѣкенъ Викторія?

Нѣсколько мгновений было совершенно тихо; всѣ трое слышали бѣненіе своихъ сердецъ. Камилла робко отвѣчала:

— Разумѣется, Викторія влюблена въ своего жениха. Она только что обручилась, развѣ вы не знаете?

Двери въ столовую раскрылись.

Иоганнесь отыскалъ свое мѣсто и стоялъ передъ нимъ. Весь столъ качался вверхъ и внизъ передъ его глазами, онъ видѣлъ много людей и слышалъ гулъ голосовъ.

— Да, пожалуйста, здѣсь ваше мѣсто,—дружески сказала хозяйка замка.—Лишь бы всѣ теперь сѣлись, наконецъ.

— Извините!—внезапно сказала Викторія сзади него. Онъ посторонился.

Она взяла его карточку и переложила ее на нѣсколько мѣстъ дальше, на семь мѣстъ дальше, рядомъ со старымъ господиномъ, который когда-то былъ домашнимъ учителемъ въ замкѣ, и который, по слухамъ, выпивалъ. Она принесла назадъ другую карточку и сѣла.

Онъ стоялъ и смотрѣлъ на все это. Хозяйка замка, въ неприятномъ волненіи, занялась чѣмъ-то по другую сторону стола и перестала смотрѣть на него.

Онъ растерялся больше прежняго и, раздраженный, направился къ своему новому мѣсту; первое было занято однимъ изъ городскихъ друзей Дитлефа, молодымъ человѣкомъ съ брилльянтовой запонкой на груди. Налѣво отъ него сидѣла Викторія, направо—Камилла.

И обѣдъ начался.

Старый домашній учитель помнилъ Иоганнеса еще съ дѣтства, и между ними завязался разговоръ. Онъ рассказалъ, что онъ тоже занимался поэзіей въ дни своей юности, что у него лежатъ рукописи, что Иоганнесь при случаѣ долженъ почитать ихъ. Теперь его пригласили сюда на это семейное торжество, чтобы ему можно было принять участіе въ семейной радости по поводу обрученія Викторіи. Хозяинъ и хозяйка замка по старой дружбѣ приготовили ему эту неожиданность.

— Вашего я ничего не читалъ,—сказалъ онъ.—Я читаю самого себя, когда мнѣ хочется прочесть что-нибудь; у меня есть стихи и рассказы въ столѣ. Ихъ издадутъ послѣ моей смерти; я все-таки хочу, чтобы публика знала, кто я былъ.

Да, мы, старшіе по ремеслу, не такъ ужъ торопимся относить все въ типографію, какъ дѣлаютъ теперь. Ваше здорье.

Обѣдъ подвигается. Хозяинъ стучитъ въ свой стаканъ и встаетъ. На его почтенномъ, худомъ лицѣ играетъ волненіе, и онъ производитъ впечатлѣніе очень радостнаго человѣка. Иоганнесъ низко опускаетъ голову. Въ его стаканъ нѣтъ ничего, и никто не даетъ ему ничего; онъ наполняетъ стаканъ до верху самъ и снова поникаетъ. И вотъ началось!

Рѣчь была длинная и красивая и была принята очень радостнымъ гуломъ; помолвка была объявлена. Множество добрыхъ пожеланій льется со всѣхъ концовъ стола къ дочери хозяина замка и сыну камергера.

Иоганнесъ выпилъ свой стаканъ.

Черезъ нѣсколько минутъ его возбужденіе прошло, его спокойствіе вернулось; шампанское глухо пылаетъ въ его жилахъ. Онъ слышитъ, что и камергеръ говоритъ, и что снова кричатъ браво и ура и чокаются. Онъ взглядываетъ на мѣсто Викторіи; она блѣдна и, повидимому, мучается, она не поднимаетъ глазъ. Камилла, напротивъ, киваетъ ему и улыбается, и онъ киваетъ въ отвѣтъ.

Домашній учитель подлѣ него говоритъ дальше:

— Прекрасно, прекрасно, что двое принадлежатъ другъ другу. Мнѣ не привелось. Я былъ молодымъ студентомъ, большія надежды, большія способности; у моего отца было старинное имя, большой домъ, богатство, много, много кораблей. Я тоже могу сказать, что у меня были *очень* большія надежды. Она тоже была молода и знатнаго рода. И вотъ я прихожу къ ней и открываю свое сердце. Нѣтъ, отвѣчаетъ она. Вы можете понять ее? Нѣтъ, она не хочетъ, отвѣтила она. Тогда я сдѣлалъ все, что могъ, я продолжалъ работать и перенесъ это, какъ мужчина. И вотъ у моего отца настаетъ черный годъ, убытки, платежи по поручительству, словомъ, онъ обанкротился. Какъ же я поступилъ тогда?

Снова перенесъ это, какъ мужчина. И теперь-то она дѣйствительно больше не сторонится, дѣвушка, о которой я говорю. Она возвращается, приходитъ ко мнѣ въ городъ. Что ей было нужно отъ меня? спросите вы. Я сталъ бѣденъ, я взялъ маленькое мѣсто учителя, всѣ мои надежды разбиты, и мои стихи брошены въ ящикъ,—теперь-то она пришла и захотѣла. Захотѣла!

Домашній учитель смотрѣлъ на Иоганнеса и спросилъ:

— Вы можете понять ее?

— Но тогда-то вы сами не захотѣли.

— А развѣ я *могъ*, спрашивается? Бѣднякъ, бѣднякъ, голый, учительское мѣсто, махорка въ трубкѣ только по воскресеньямъ,—что вы думаете? Я не могъ поступить съ нею такъ дурно. Но я только спрашиваю: вы можете понять ее?

— Что же стало съ нею?

— Ахъ, Боже, вы не отвѣчете на мой вопросъ, она вышла замужъ за какого-то капитана. Черезъ годъ. За артиллерійскаго капитана. Ваше здорье.

Иоганнесъ сказалъ:

— Говорятъ, что нѣкоторыя женщины ищутъ примѣненія своему состраданію. Живется человѣку хорошо, онъ ненавидятъ его и чувствуютъ себя лишними; плохи его дѣла, и ему приходится согнуть спину, онъ торжествуютъ и говорятъ: я—здѣсь.

— Но почему она не согласилась въ счастливые дни? Я полонъ былъ надеждъ, какъ маленькій богъ.

— Стало быть, она ждала, пока вы не согнетесь до земли. Одному Богу извѣстно.

— Но я не согнулся до земли. Никогда. Я остался гордымъ и отказалъ ей. Что вы скажете на это?

Иоганнесъ молчалъ.

— Но вы, пожалуй, правы,—сказалъ старый учитель.— Видитъ Богъ, вы совершенно правы въ томъ, что вы гово-

рите,—воскликнулъ онъ, внезапно развеселясь, и выпилъ снова.—Въ концѣ концовъ она взяла стараго капитана; она ухаживаетъ за нимъ, кормитъ его и полная хозяйка въ домѣ. Артиллерійскій капитанъ.

Иоганнесь поднялъ глаза. Викторія сидѣла со стаканомъ въ рукѣ и пристально смотрѣла въ его сторону. Она высоко держала свой стаканъ. Онъ почувствовалъ толчокъ внутри, и тоже схватилъ свой стаканъ. Его рука дрожала.

Тогда она громко окликнула его сосѣда и смѣялась; она крикнула имя домашняго учителя.

Иоганнесь смиренно поставилъ свой стаканъ и, нерѣшительно, тоже улыбался передъ собой. Всѣ смотрѣли на него.

Старый учитель былъ растроганъ до слезъ такимъ любезнымъ вниманіемъ своей воспитанницы. Онъ залпомъ выпилъ свой стаканъ.

— И теперь вотъ я брожу здѣсь, старый человѣкъ,— продолжалъ онъ,—брожу здѣсь и попираю землю, одинокій и неизвѣстный. Такова моя доля. Никто не знаетъ, что во мнѣ живеть; но никто не слышалъ, чтобъ я ворчалъ. Вы знаете, что бываетъ съ горлицами. Не горлица ли, эта великая печальница, сперва мутитъ чистую, ясную ключевую воду, а потомъ пьетъ ее!

— Не знаю.

— Хорошо. Но это вѣрно. То же самое дѣлаю и я. Мнѣ не досталась та, что должна была быть моею въ жизни; но все же я не такъ ужъ бѣденъ радостью. Но я возмущаю ее. Вѣчно такъ-то вотъ возмущаю ее. И такимъ-то образомъ разочарованіе не можетъ торжествовать надо мною потомъ. Вы видите Викторію. Она теперь пила со мной. Я былъ ея учителемъ; теперь она выходитъ замужъ, и это меня радуетъ, я испытываю чисто личное счастье при этомъ, точно она моя родная дочь. Теперь я, пожалуй, буду учителемъ ея дѣтей. Право, въ жизни всякое счастье бываетъ. Но въ томъ, что вы говорили о состраданіи и женщинѣ и согнутой

спинѣ,—да, чѣмъ больше я думаю, тѣмъ больше вы правы въ этомъ. Свидѣтель Богъ, вы... Извините на мгновеніе.

Онъ всталъ, схватилъ свой стаканъ и направился къ Викторіи. Онъ уже былъ не вполнѣ твердъ на ногахъ и шель, сильно подавшись впередъ.

Было много рѣчей, говорилъ лейтенантъ, помѣщикъ изъ сосѣдняго поселка поднималъ стаканъ за женщину, за жену въ домѣ. Вдругъ всталъ господинъ съ брильянтовой запонкой и назвалъ имя Иоганнеса. Онъ получилъ позволеніе на то, что онъ дѣлалъ, онъ хочетъ привѣтствовать молодого поэта отъ лица молодыхъ. Это были любезныя слова, чисто-сердечная благодарность ровесниковъ, полная признательности и восхищенія.

Иоганнесь почти не вѣрилъ своимъ ушамъ. Онъ шепнулъ домашнему учителю:

— Онъ говорить обо мнѣ?

Учитель отвѣтилъ:

— Да. Онъ предупредилъ меня. Я самъ хотѣлъ сдѣлать это, Викторія просила меня объ этомъ еще до обѣда.

— Кто, вы говорите, просилъ васъ?

Учитель пристально смотрѣлъ на него.

— Никто,—отвѣтилъ онъ.

Во время рѣчи всѣ глаза были устремлены на Иоганнеса, даже хозяинъ замка кивнулъ ему, а жена камергера приставила свой лорнетъ къ глазамъ и смотрѣла на него. Когда рѣчь была кончена, всѣ выпили.

— Отвѣйте же ему, сказала домашній учитель.—Онъ стоялъ тамъ и говорилъ вамъ рѣчь. Сдѣлать это подобало старшему по профессіи. А кромѣ того, я совершенно не согласенъ съ нимъ. Совершенно не согласенъ.

Иоганнесь смотрѣлъ черезъ столъ на Викторію. Это она заставила господина съ брильянтовой запонкой говорить; зачѣмъ она это сдѣлала? Сначала она обратилась за этимъ къ другому, еще давно, днемъ, она думала объ этомъ; зачѣмъ

она сдѣлала это? Теперь она сидѣла и смотрѣла внизъ, и ни малѣйшее движеніе не выдавало ея.

Внезапно, глубокое и острое волненіе заливаетъ его глаза, онъ готовъ былъ броситься къ ея ногамъ и благодарить ее, благодарить ее. Онъ сдѣлаетъ это позднѣе, послѣ обѣда.

Камилла сидѣла и говорила налѣво и направо и улыбалась всѣмъ своимъ лицомъ. Она была счастлива, ея семнадцать лѣтъ не принесли ей ничего, кромѣ безотчетной радости. Она неоднократно кивала Иоганнесу и дѣлала ему знаки, что онъ долженъ встать.

Онъ всталъ.

Онъ говорилъ кратко, его голосъ звучалъ глубоко и взволнованно. Къ участію въ торжествѣ, которымъ семья празднуетъ радостное событіе, — изъ своей незамѣтности, — совершенно посторонній, привлеченъ и онъ. Онъ хочетъ благодарить того, кому, первому, пришла эта любезная мысль, и того, кто сказалъ ему столько пріятныхъ словъ. Но въ то же время онъ не могъ бы оставить безъ оцѣнки благосклонное вниманіе, съ которымъ все собраніе выслушало похвалу ему — постороннему. Единственное право, по которому онъ вообще явился сюда въ данномъ случаѣ, было то, что онъ сынъ сосѣда замка въ лѣсу...

— Да! — внезапно крикнула Викторія съ пылающими глазами.

Всѣ смотрѣли на нее, щеки у нея были красныя, и ея грудь волновалась. Иоганнесъ остановился. Наступило мучительное молчаніе.

— Викторія? — сказалъ хозяинъ замка съ изумленіемъ.

— Продолжайте! — снова крикнула она. — Это ваше единственное право; но говорите дальше! — И ея глаза вдругъ погасли, она начала безпомощно улыбаться и качала головой. Послѣ этого она обратилась къ отцу и сказала: — Я хотѣла только преувеличить. Онъ же самъ преувеличиваетъ. Нѣтъ, я не хотѣла мѣшать...

Иоганнесъ слышалъ это объясненіе и нашелъ выходъ; было слышно, какъ билось его сердце. Онъ замѣтилъ, что хозяйка замка смотрѣла на Викторію со слезами на глазахъ и съ безконечнымъ снисхожденіемъ.

Да, онъ преувеличилъ, сказалъ онъ; фрѣкенъ Викторія была права. Она такъ любезно напомнила ему, что онъ не только сынъ сосѣда, но и товарищъ дѣтей замка по дѣтскимъ играмъ, и этому послѣднему обстоятельству онъ обязанъ теперь своимъ присутствіемъ здѣсь. Онъ благодарилъ ее; такъ оно и было. Онъ былъ здѣсь дома, въ лѣсу замка нѣкогда заключался весь его міръ, за которымъ синѣла невѣдомая страна, мечта. Но въ тѣ годы онъ часто получалъ отъ Дитлефа и Викторіи приглашеніе на прогулки или игры, — это — великія переживанія его дѣтства. Впослѣдствіи, взвѣсивая это, онъ долженъ былъ сознаться, что эти часы имѣли значеніе для всей его жизни, которой никто не зналъ, и если правда — какъ было только что указано — будто все, что онъ написалъ, могло иногда *пылать*, то это зависѣло отъ того, что воспоминанія объ этихъ дняхъ воспламеняли его; то было отраженіе счастья, которымъ его осѣнили въ дѣтствѣ его товарищи по играмъ. Поэтому имъ принадлежала большая часть того, что онъ создалъ. Ко всеобщимъ добрымъ пожеланіямъ по случаю этой помолвки ему хотѣлось бы присоединить личную благодарность дѣтямъ замка за свѣтлые годы дѣтства, когда ни время, ни вещи не раздѣляли ихъ, за этотъ радостный, короткій лѣтній день...

Рѣчь была кончена, гости пили, продолжали ѣсть, и снова начались разговоры. Дитлефъ сухо замѣтилъ своей матери:

— Я совсѣмъ не зналъ, что, собственно, я написалъ его книги, а?

Но хозяйка замка не смѣялась. Она чокнулась со своими дѣтьми и сказала:

— Благодарите его, благодарите его. Все это было

весьма понятно; такой одинокій, какимъ онъ былъ въ дѣтствѣ... Что ты дѣлаешь, Викторія?

— Въ благодарность, я хочу послать ему съ горничной эту сирень. Нельзя?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ лейтенантъ.

Послѣ обѣда гости разбрелись по комнатамъ, по балкону и даже по саду. Иоганнесъ спустился въ первый этажъ и вошелъ въ садовую комнату. Здѣсь было нѣсколько чело-вѣкъ, двое курящихъ, помѣщикъ и еще одинъ, который вполголоса говорилъ о финансахъ хозяина замка. Его имѣніе было запущено, заросло, заборы развалились, лѣса вырублены, по слухамъ, ему даже будетъ трудно уплатить чудовищно большую сумму за страховку дома.

— А въ какую сумму застраховано?

Помѣщикъ назвалъ сумму, баснословную сумму.

Впрочемъ, въ замкѣ никогда не берегли денегъ, суммы здѣсь всегда были большія. Что, напримѣръ, стоитъ такой обѣдъ! Но теперь всюду стало пусто, даже въ пресловутомъ ларчикѣ съ драгоценностями хозяйки замка, и поэтому денежки зятя должны возстановить великолѣпіе.

— А много ли у него?

— Ахъ, у него такая уйма денегъ, что...

Иоганнесъ снова всталъ и вышелъ въ садъ. Цвѣла сирень, навстрѣчу ему, душистыми потоками, разливался запахъ скороспѣлокъ и нарциссовъ, жасминовъ и ландышей. Онъ отыскалъ уголокъ внизу у стѣны и усѣлся на камнѣ; кусты скрывали его ото всѣхъ. Онъ былъ утомленъ душевнымъ волненіемъ, онъ смертельно усталъ, его умъ помрачился; онъ думалъ встать и пойти домой, но продолжалъ сидѣть, тупо и безчувственно. Вдругъ онъ слышитъ шепотъ на усыпанной щебнемъ дорожкѣ, кто-то идетъ, онъ узнаетъ голосъ Викторіи. Онъ притаилъ дыханіе и ждетъ, сквозь листву

сверкаетъ и мундиръ лейтенанта. Обрученные прогуливаются вмѣстѣ.

— Я не нахожу,—говоритъ онъ,—чтобы все это было просто. Ты слушаешь, что онъ говоритъ, ты сидишь и безпокоена его рѣчью и вскрикиваешь. Что, собственно, это значило?

Она останавливается и, выпрямившись, стоитъ передъ нимъ.

— Тебѣ хочется знать?—говоритъ она.

— Да.

Она молчитъ.

— Мнѣ безразлично, разъ это ничего не значило,—продолжаетъ онъ.—Тогда тебѣ не зачѣмъ говорить.

Она снова поникаетъ.

— Нѣтъ, это ничего не значило,—отвѣчаетъ она.

Они идутъ дальше. Лейтенантъ нервно поднимаетъ свои эполеты и громко говоритъ:

— Онъ бы немного поостерегся. Иначе офицерская рука погладитъ его по ушамъ.

Они повернули къ бесѣдкѣ.

Иоганнесъ нѣкоторое время продолжалъ сидѣть, оцѣпенѣлый и разбитый, какъ прежде. Все начинало становиться ему безразличнымъ. Лейтенантъ заподозрѣлъ его, а его невѣста тутъ же начала оправдываться. Она сказала то, что нужно было сказать, успокоила сердце офицера и пошла дальше съ нимъ. И скворцы пересвистывались въ вѣтвяхъ надъ ихъ головами. Хорошо. Да ниспошлетъ имъ Богъ долгую жизнь... Онъ говорилъ ей за обѣдомъ и вырвалъ свое сердце; ему дорого стоило исправить и прикрыть ея безстыдный перерывъ, а она даже не поблагодарила его. Она взяла свой стаканъ и принялась пить. Ваше здоровье, смотрите на меня, какъ мило я пью... Вообще нужно смотрѣть на женщину съ боку, когда она пьетъ. Пусть она пьетъ изъ чашки, изъ стакана, изъ чего бы она ни пила, но нужно

смотрѣть на нее съ боку. Она жеманится, такъ что даже страшно. Она вытягиваетъ ротъ и погружаетъ нижній его край въ напитокъ, и она въ отчаяніи, если въ это время обращаютъ вниманіе на ея руку. Она этого не выдерживаетъ, она капитулируетъ. Она тотчасъ же начинаетъ придвигать свою руку къ себѣ, придавать ей все болѣе и болѣе красивое положеніе, и все это, чтобы скрыть морщину или менѣе красивый ноготокъ. Наконецъ, она больше не выдерживаетъ, и, внѣ себя, спрашиваетъ: на что это вы смотрите?.. Она когда-то поцѣловала его, когда-то, лѣтомъ. Это было такъ давно, Богъ знаетъ, было ли это даже въ дѣйствительности. Какъ это было, не сидѣлъ ли онъ на скамейкѣ? Они долго разговаривали, и когда они пошли, онъ шелъ такъ близко отъ нея, что касался ея руки. У одного подъѣзда она поцѣловала его. Я люблю васъ! сказала она... Теперь они прошли мимо, они, можетъ быть, сидѣли еще въ бесѣдкѣ. Лейтенантъ хотѣлъ дать ему пощечину, какъ онъ самъ сказалъ. Онъ отлично слышалъ это, онъ не спалъ, но онъ не всталъ, не подошелъ. Рука офицера, сказалъ онъ. Хорошо, ему все равно...

Онъ поднялся съ камня и пошелъ за ними въ бесѣдку. Она была пуста. На верандѣ главнаго зданія стояла Камилла и звала его; пожалуйста, кофе въ садовой комнатѣ. Онъ пошелъ за нею. Обрученные сидѣли въ садовой комнатѣ; тамъ же было нѣсколько другихъ. Онъ взялъ кофе, отошелъ въ сторону и выбралъ себѣ мѣсто.

Камилла начала разговаривать съ нимъ. У нея было такое ясное лицо, и она смотрѣла на него открытыми глазами, онъ не въ силахъ былъ не подчиниться ей, онъ говорилъ съ нею, отвѣчалъ на ея вопросы и смѣялся. Гдѣ онъ пропалъ? Въ саду? Совсѣмъ неправда, она обыскала садъ и не нашла его. Нѣтъ, нѣтъ, въ саду его не было.

— Онъ былъ въ саду, Викторія?—спрашиваетъ она.

Викторія отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, я его не видѣла.

Лейтенантъ бросаетъ на нее огорченный взглядъ и, чтобы предостеречь невѣсту, безъ нужды громкимъ голосомъ, кричитъ черезъ всю комнату помѣщику:

— Вы дѣйствительно хотѣли взять меня съ собой на охоту за вальдшнепами?

— Ну, да,—отвѣчаетъ помѣщикъ.—Милости просимъ.

Лейтенантъ смотритъ на Викторію. Она ничего не говорить и сидитъ попрежнему, не удерживаетъ его отъ этой охоты у помѣщика. Онъ все болѣе и болѣе мѣняется въ лицѣ и нервнымъ движеніемъ поглаживаетъ свои усы.

Камилла опять обращается къ Викторіи съ вопросомъ.

Тогда лейтенантъ, порывистымъ движеніемъ, встаетъ и говоритъ помѣщику:

— Хорошо, я ѣду съ вами сегодня вечеромъ, сейчасъ же.

Съ этими словами онъ покидаетъ комнату.

Помѣщикъ и нѣсколько другихъ слѣдуютъ за нимъ.

Наступило короткое молчаніе.

Вдругъ дверь открывается, и снова входитъ лейтенантъ. Онъ въ крайнемъ возбужденіи.

— Ты забылъ что-нибудь? — спрашиваетъ Викторія и встаетъ.

Подпрыгивая, онъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ у двери, точно онъ не въ силахъ стоять тихо, и идетъ прямо къ Іоганнесу, котораго онъ, какъ бы мимоходомъ, толкаетъ рукою.

— Эй, вы, поосторожнѣе, вы ударили меня въ глазъ,—сказалъ Іоганнесъ и глухо засмѣялся.

— Вы ошибаетесь,—отвѣтилъ лейтенантъ,—я далъ вамъ пощечину. Поняли? поняли?

Іоганнесъ вынулъ носовой платокъ, вытеръ глазъ и сказалъ:

— Вы этого не имѣли въ виду. Вы же знаете, что я могу сложить васъ пополамъ и сунуть васъ въ карманъ.

И при этомъ онъ всталъ.

Тогда лейтенантъ быстро открылъ дверь и вышелъ.

— Я это имѣлъ въ виду!—крикнулъ онъ назадъ въ комнату.—Я это имѣлъ въ виду, болванъ!

И онъ съ трескомъ захлопнулъ дверь.

Иоганнесъ снова сѣлъ.

Викторія еще стояла приблизительно по срединѣ комнаты. Она смотрѣла на него и была блѣдна, какъ трупъ.

— Онъ ударилъ васъ? — спросила Камилла въ крайнемъ изумленіи.

— Нечаянно. Онъ попалъ мнѣ въ глазъ. Посмотрите.

— Боже мой, покраснѣлъ, тамъ кровь. Нѣтъ, не трите, дайте мнѣ промыть водою. У васъ такой толстый носовой платокъ, смотрите сюда, спрячьте его; я возьму мой. На что это похоже, прямо въ глазъ!

Викторія тоже отдала свой платокъ. Она ничего не сказала, только губы у нея дрожали. Потомъ она, крайне медленнымъ шагомъ, подошла къ стеклянной двери, гдѣ она стояла спиною къ комнатѣ и смотрѣла наружу. Она изорвала свой носовой платокъ на мелкіе лоскуточки. Нѣсколько минутъ спустя, она открыла дверь и, тихо и молча, покинула садовую комнату.

IX.

Камилла, весело и непринужденно, шла на мельницу. Она была одна. Она вошла прямо въ избу и, улыбаясь, сказала:

— Простите, что я не постучалась. Рѣка здѣсь такъ шумить, что я считала это бесполезнымъ. Она оглянулась кругомъ и воскликнула:—Ахъ, какъ здѣсь мило! Мило! А гдѣ же Иоганнесъ? Я знаю Иоганнеса. Какъ его глазъ?

Ей подали стулъ и она сѣла.

Иоганнеса привели съ мельницы. Глазъ у него припухъ и затекъ кровью.

— Я пришла по собственному почину,—сказала Камилла навстрѣчу ему;—мнѣ такъ захотѣлось пройтись сюда. Вы продолжайте прикладывать холодную воду къ глазу.

— Не нужно,—отвѣтилъ онъ.—Нѣтъ, Господь съ вами, зачѣмъ вы пришли сюда? Хотите осмотрѣть мельницу? Спасибо, что пришли.—Онъ обнялъ свою мать, провелъ ее впередъ и сказалъ:—Вотъ, моя мама.

Они сошли внизъ къ мельницѣ. Старикъ мельникъ низко снялъ шляпу и что-то сказалъ; Камилла не слышала, но она улыбулась и сказала наугадъ:

— Спасибо, спасибо. Да, мнѣ очень хотѣлось осмотрѣть ее.

Шумъ пугалъ ее, она держала Иоганнеса за руку и устремила большіе, внимательные глаза на обоихъ мужчинъ, не скажутъ ли они чего-нибудь. У нея былъ видъ глухого. Множество колесъ и устройство мельницы приводило ее въ изумленіе, она смѣялась, въ своемъ рвеніи трясла руку Иоганнеса и показывала во всѣхъ направленіяхъ. Мельница была остановлена и снова пущена въ ходъ, чтобы показать ей все это.

Еще добрый часъ послѣ того, какъ Камилла покинула мельницу, она говорила комически громко, точно шумъ продолжалъ стоять въ ея ушахъ.

Иоганнесъ провожалъ ее на обратномъ пути до замка.

— Можете вы понять, какъ онъ посмѣлъ ударить васъ въ глазъ?—сказала она.—Зато онъ сразу же убрался, онъ уѣхалъ съ помѣщикомъ на охоту. Чудовищно неприятный поступокъ. Викторія рассказывала, что она не могла спать всю ночь.

— Значить, она можетъ спать по ночамъ,—отвѣтилъ онъ.—Когда вы думаете уѣхать домой?

— Завтра. А вы когда будете въ городѣ?

— Осенью. Могу я повидаться съ вами вечеромъ?

Она воскликнула:

— Ну, конечно! Вы рассказывали мнѣ о какой-то пещерѣ, вы должны показать мнѣ ее.

— Я зайду за вами,—сказалъ онъ.

На обратномъ пути домой онъ долго сидѣлъ на камнѣ, погруженный въ мечты. Теплая и счастливая мысль осѣнила его.

Къ вечеру онъ направился къ замку, остановился на дворѣ и послалъ сказать Камиллѣ. Пока онъ стоялъ и ждалъ, въ одномъ изъ оконъ второго этажа на мгновение появилась Викторія; она пристально посмотрѣла на него, повернулась и исчезла въ комнатѣ.

Явилась Камилла, онъ повелъ ее къ каменоломнѣ и пещерѣ. Онъ былъ въ чрезвычайно спокойномъ и счастливомъ настроеніи, молодая дѣвушка развеселила его, ея свѣтлыя, легкія слова вспыхивали вокругъ него, какъ маленькое благословеніе. Сегодня добрые духи были вблизи...

— Я помню, Камилла, что однажды вы подарили мнѣ кинжалъ. Въ серебряныхъ ножнахъ. Я положилъ его въ ящикъ вмѣстѣ съ другими вещами; потому что онъ былъ ненуженъ мнѣ.

— Да, онъ былъ ненуженъ вамъ; но что же?

— Да, теперь я потерялъ его.

— Какое несчастье. Но можетъ быть я достану другой вмѣсто него. Попробую.

Они пошли домой.

— А помните тяжелый медальонъ, который вы какъ-то подарили мнѣ? Онъ былъ очень массивный и тяжелый, изъ золота, и стоялъ на подставкѣ. Въ медальонъ вы написали нѣсколько ласковыхъ словъ.

— Да, помню.

— Въ прошломъ году, за границей, я отдалъ медальонъ, Камилла.

— Ахъ, что вы, правда? Скажите, отдали! Почему же?

— Его получилъ отъ меня юный другъ, на память. Одинъ русский. Онъ упалъ на колѣни и благодарилъ меня.

— Онъ такъ обрадовался? Боже мой, я убѣждена, что онъ былъ неистово радъ, разъ онъ упалъ на колѣни. Взаимнѣ, вы получите другой медальонъ, чтобы носить самому.

Они вышли на дорогу между мельницей и замкомъ.

Иоганнесь остановился и сказалъ:

— У этого куста однажды со мною случилось нѣчто. Я пришелъ сюда какъ-то вечеромъ, что въ своемъ одиночествѣ я дѣлалъ часто въ то время, и было лѣто и ясная погода. Я легъ за кустомъ и думалъ. И вотъ на дорогѣ тихо появились два человекъ. Дама остановилась. Ея спутникъ спросилъ: Почему вы остановились? Но не получивъ никакого отвѣта, онъ снова спросилъ. Что-нибудь случилось? Нѣтъ, отвѣтила она; но вы не должны смотрѣть на меня такъ. Я просто шелъ и смотрѣлъ на васъ, сказалъ онъ. Да, отвѣтила она, я знаю, что вы любите меня, но папа не хочетъ допустить этого, понимаете; это невозможно. Онъ борочеть: Да, это невозможно. Тогда она говоритъ: У васъ такая широкая рука, вотъ здѣсь; у васъ такіе широкіе ручные суставы! И въ то же время она беретъ его за кисть руки.

Молчаніе.

— Да, чѣмъ же это кончилось?—спросила Камилла.

— Не знаю,—отвѣтилъ Иоганнесь.—Зачѣмъ она сказала это про суставы его рукъ?

— Можетъ быть, они были красивые. И на немъ была бѣлая рубашка,—ахъ, я это отлично понимаю. Можетъ быть, и она любила его.

— Камилла!—воскликнулъ онъ,—еслибъ я очень любилъ васъ, и ждалъ нѣсколько лѣтъ, я только спрашиваю... Однимъ словомъ, я недостоинъ васъ; но вы полагаете, что

когда-нибудь вы захотѣли бы стать моею, еслибъ я просилъ васъ въ ближайшемъ году, или черезъ два года?

Молчаніе.

Камилла вдругъ густо покраснѣла и смутилась, она поворачиваетъ свое нѣжное тѣло впередъ и назадъ и складываетъ руки. Онъ обнимаетъ ее за талию и спрашиваетъ:

— Вы допускаете это когда-нибудь? Вы хотите?

— Да,—отвѣчаетъ она и прикивается къ нему.

На слѣдующій день онъ провожаетъ ее на пристань. Онъ цѣлуетъ ея маленькія руки съ дѣтскимъ, невиннымъ выраженіемъ, и полонъ благодарности и радости.

Викторіи не было.

— Почему никто не провожаетъ тебя?

Съ ужасомъ въ глазахъ, Камилла рассказываетъ, что въ замкѣ чудовищное горе. Утромъ пришла телеграмма, хозяинъ замка смертельно поблѣднѣлъ, старый камергеръ и супруга камергера вскрикнули отъ боли, — вчера вечеромъ на охотѣ Отто убить наповаль.

Юганнесъ схватилъ Камиллу въ объятія.

— Убить? Лейтенантъ?

— Да. Они везутъ его тѣло. Чудовищно!

Они пошли дальше, каждый со своими мыслями; и только народъ на пристани, пароходъ, команда, заставили ихъ очнуться. Камилла стыдливо подала ему руку, онъ поцѣловалъ ее и сказалъ:

— Да, да, я недостойнъ тебя, Камилла, нѣтъ, во всѣхъ отношеніяхъ. Но я сдѣлаю для тебя все, что могу, если ты захочешь быть моею.

— Я буду твоею. Я этого хотѣла все время, все время.

— Я приѣду черезъ нѣсколько дней, — сказалъ онъ.— Черезъ недѣлю я снова увижусь съ тобой.

Она сѣла на пароходъ. Онъ махалъ ей, продолжалъ ма-

хать, пока не потерялъ изъ виду. Когда онъ повернулся и хотѣлъ итти домой, сзади него стояла Викторія; и она держала свой носовой платокъ и махала Камиллѣ.

— Я пришла слишкомъ поздно,—сказала она.

Онъ не отвѣчалъ. Что ему, собственно, было сказать. Утѣшать ее въ потерѣ, поздравлять, пожать ей руку? Голосъ у нея былъ такъ беззвученъ, и такая глубокая растерянность была на ея лицѣ, тяжелое переживаніе запечатлѣлось на немъ.

Народъ оставилъ пристань.

— Вашъ глазъ все еще красный,—сказала она и въ то же время начала итти. Она оглянулась на него.

Онъ стоялъ.

Тогда она вдругъ повернула назадъ и подошла къ нему.

— Отто умеръ, — сказала она рѣзко, и глаза у нея горѣли. — Вы не говорите ни слова, вы настолько выше. Онъ былъ въ тысячу разъ лучше васъ, слышите. Знаете, какъ онъ умеръ? Его застрѣлили, вся его голова была раздроблена въ куски, вся его маленькая, глупая голова. Онъ былъ въ тысячу разъ...

Она разразилась рыданіями и большими, отчаянными шагами направилась домой.

Поздно вечеромъ раздается стукъ у мельника; Юганнесъ открываетъ дверь и смотритъ наружу; на дворѣ стоитъ Викторія и киваетъ ему. Онъ идетъ за ней. Она крѣпко хватаетъ его за руку и уводитъ его за собою по дорогѣ; рука у нея холодна, какъ ледъ.

— Лучше присядьте,—сказалъ онъ.—Присядьте и отдохните немного; вы такъ возбуждены.

Они садятся.

Она бормочетъ:

— Что вы должны думать обо мнѣ, разъ я не могу оставить васъ въ покоѣ!

— Вы очень несчастны, — отвѣчаетъ онъ. — Теперь вы должны слушаться меня и успокоиться, Викторія. Могу я помочь вамъ чѣмъ-нибудь?

— Ради Отца Небеснаго, вы должны простить мнѣ все, что я сказала вамъ сегодня! — умоляла она. — Да, я очень несчастна, я была несчастна много лѣтъ. Я сказала, что онъ въ тысячу разъ лучше васъ; то была неправда, простите меня! Онъ умеръ, и онъ былъ моимъ женихомъ, вотъ и все. Вы думаете, все это произошло по моей доброй волѣ? Иоганнесь, вы видите? Вотъ, мое обручальное кольцо, я получила его давно тому назадъ, давно; теперь я бросаю его — бросаю его. — И она бросила кольцо въ лѣсъ; они оба слышали, какъ оно упало. — Это папа хотѣлъ. Папа бѣдень, онъ совсѣмъ нищій, а Отто предстояло получить столько денегъ. Ты должна поступить такъ, сказалъ мнѣ папа. — Я не хочу, — отвѣтила я. — Подумай о твоихъ родителяхъ, — сказалъ онъ, — подумай о замкѣ, о нашемъ древнемъ имени, о моей чести. — Да, въ такомъ случаѣ я хочу, — отвѣтила я, — подождите три года, но я хочу. Папа благодарилъ меня и ждалъ, Отто ждалъ, всѣ они ждали; но кольцо я получила тотчасъ же. И прошло много времени, и я увидѣла, что мнѣ ничто не помогало. Зачѣмъ намъ было ждать дольше? Теперь веди моего мужа, — сказала я папѣ. — Да благословить тебя Господь, — сказалъ онъ и снова благодарилъ меня за то, что я хотѣла сдѣлать. И вотъ пріѣхалъ Отто. Я не пошла на пристань встрѣчать его, я стояла въ своемъ окнѣ и смотрѣла, какъ онъ подъѣзжалъ. Тогда я побѣжала къ мамѣ и бросилась передъ нею на колѣни. — Что съ тобою, дитя мое? — спросила она. — Я не могу, — отвѣчала я, — нѣтъ, я не могу принять его, онъ пріѣхалъ, онъ стоитъ внизу; но лучше застрахуйте меня, и я брошусь въ заливъ или въ рѣчку, это лучше для меня. — Мама смертельно блѣднѣетъ и плачетъ надо мной. Приходитъ папа. — Видишь ли, дорогая Викторія, теперь ты должна сойти внизъ и принять его, —

говоритъ онъ. — Я не могу, не могу, — отвѣчаю я и повторяю свои слова, — что онъ долженъ быть милосердъ и застраховать мою жизнь. — Папа не отвѣчаетъ ни слова, но онъ садится въ кресло и начинаетъ дрожать и думать. — Видя это, я говорю: — Ведите моего мужа; я принимаю его.

Викторія останавливается. Она дрожитъ. Иоганнесь беретъ у нея и другую руку и согрѣваетъ ее.

— Спасибо, — говоритъ она. — Иоганнесь, будьте такъ добры и сожмите покрѣпче мою руку! Пожалуйста, сдѣлайте это! Боже, какой вы теплый! Я такъ благодарна вамъ. Но то, что я вамъ сказала на пристани, вы должны простить.

— Да, это уже давнымъ — давно забыто. Хотите я принесу вамъ вашу шаль?

— Нѣтъ, спасибо. Но вы не понимаете, что я дрожу, такъ какъ голова у меня слишкомъ горяча. Иоганнесь, я должна просить у васъ прощенія въ столькихъ вещахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо. Ну вотъ, теперь вы спокойнѣе. Сидите смирно.

— Вы говорили въ честь меня, вы держали рѣчь. Я потеряла всякое сознание, когда вы встали и до тѣхъ поръ, когда вы снова сѣли; я только слышала вашу голосъ. Онъ былъ какъ органъ, и онъ приводилъ меня въ отчаяніе, лишилъ меня разсудка. Папа спрашивалъ, зачѣмъ я крикнула вамъ и перебила васъ; онъ очень сожалѣлъ объ этомъ. Но мама не спрашивала, она понимала это. Я сказала мамѣ все, много лѣтъ тому назадъ я ей сказала это, а два года тому назадъ повторила, вернувшись назадъ изъ города. Тогда-то я встрѣтила васъ.

-- Не будемъ говорить объ этомъ.

— Нѣтъ, но простите меня, слышите, будьте милосерды! Что мнѣ дѣлать на свѣтѣ? Теперь папа ходитъ дома, онъ ходитъ взадъ и впередъ по конторѣ, это такъ чудовищно для него. Завтра воскресенье; онъ рѣшилъ отпустить всѣхъ

людей; это—единственное, что онъ рѣшилъ сегодня. Лицо у него посѣрѣло, и онъ ничего не говорить, такъ на него по-дѣйствовала смерть зятя. Я сказала мамѣ, что хочу пойти къ вамъ.—Мы обѣ должны, ты и я, сопровождать завтра въ городъ камергеровъ,—сказала она.—Я пойду къ Іоганнесу,—повторила я.—Папа не можетъ достать денегъ на насъ троицъ, самъ онъ останется здѣсь,—отвѣчала она и все говорила о другихъ вещахъ. Тогда я пошла къ двери. Мама смотрѣла на меня. Теперь я иду къ нему,—сказала я въ послѣдній разъ.—Мама подошла къ двери и поцѣловала меня и отвѣтила:—Хорошо, да благословить васъ Богъ!

Іоганнесъ выпустилъ ея руки и сказалъ:

— Ну, вотъ, теперь вы согрѣлись.

— Тысячу разъ спасибо, да, теперь мнѣ тепло. Да благословить васъ Богъ,—сказала она.—Я рассказала мамѣ все, она знала объ этомъ все время.—Но, милая, кого же ты любишь, дѣтка?—спросила она.—И ты можешь еще спрашивать?—отвѣчала я;—я люблю Іоганнеса, только его я и любила всю мою жизнь, любила, любила.

Онъ сдѣлалъ движеніе.

— Уже поздно. Вы думаете, о васъ не будутъ беспокоиться дома?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ она.—Вы знаете, что я васъ люблю, Іоганнесъ, вы же видѣли это? Я такъ тосковала по васъ въ эти годы, что никому, никому не понять. Я шла по этой дорогѣ и думала: теперь я лучше остановлюсь немного въ лѣсу, у дороги; потому что онъ любилъ ходить здѣсь. Я такъ и дѣлала. Въ тотъ день, когда я услышала, что вы пріѣхали, я одѣлась въ свѣтлое, въ свѣтло-желтое платье, я замирала отъ напряженія и тоски, все ходила изъ двери въ дверь.—Какъ ты сіяешь сегодня!—сказала мама.—Я ходила и говорила про себя все время: вотъ онъ опять вернулся домой! Онъ безподобенъ, и разъ онъ вернулся домой, онъ вдвойнѣ безподобенъ! На слѣдующій день я уже не

выдержала, и я снова одѣлась въ свѣтлое и поднялась къ каменоломнѣ, чтобы встрѣтить васъ. Вы помните? Я встрѣтила васъ, но я не сорвала ни одного цвѣтка, какъ говорила, да я и не за этимъ пришла. Вы больше уже не были рады видѣться со мной; но все же спасибо, что я встрѣтила васъ. Это было три года тому назадъ. Вы держали вѣтку въ рукахъ и слѣдили и ударяли ею, когда я пришла; когда же вы ушли, я подняла вѣтку и спрятала ее и принесла ее съ собою домой.

— Да, но, Викторія,—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ,—теперь вы не должны больше говорить мнѣ объ этомъ.

— Нѣтъ,—испуганно отвѣтила она и схватила его за руку.—Нѣтъ, не должна. Нѣтъ, вы же этого не хотите.—Она начала нервно гладить его по рукѣ.—Нѣтъ, вѣдь мнѣ нельзя ожидать, что вы захотите. И, кромѣ того, я причинила вамъ столько боли. Неужели вы даже со временемъ не простите меня?

— Да, да, все. Не въ этомъ дѣло.

— Въ чемъ же тогда?

Молчаніе.

— Я обрученъ,—отвѣтилъ онъ.

На слѣдующій день—въ воскресенье—хозяинъ замка лично пришелъ къ мельнику и просилъ его притти въ полдень и отвезти тѣло лейтенанта на пароходъ. Мельникъ не понималъ его и пристально смотрѣлъ на него; но хозяинъ замка въ краткихъ словахъ объяснилъ, что онъ отпустилъ всю челядь, люди отправились въ церковь, и изъ прислуги дома не осталось никого.

Хозяинъ замка, очевидно, не спалъ всю ночь, у него былъ

видъ мертвеца и, кромѣ того, онъ былъ не бритъ. Все-таки, по обыкновенію, онъ размахивалъ тростью и держался прямо.

Мельникъ надѣлъ свое лучшее платье и отправился. Когда онъ запрягъ лошадей, хозяинъ замка самъ помогъ ему вынести тѣло въ коляску. Все совершалось тихо, почти таинственно, никого не было и никто не смотрѣлъ.

Мельникъ поѣхалъ на пристань. Сзади шли камергеръ и супруга камергера, и кромѣ того, хозяйка замка и Викторія. Всѣ они шли пѣшкомъ. Хозяинъ, одинъ, остался на лѣстницѣ и неоднократно кланялся; вѣтеръ рвалъ его сѣдые волосы.

Когда тѣло внесли на пароходъ, сѣли и провожавшіе. Хозяйка замка крикнула мельнику, чтобы онъ передалъ поклонъ хозяину замка, а потомъ и Викторія просила его о томъ же.

И пароходъ тронулся. Мельникъ стоялъ долго и смотрѣлъ вослѣдъ. Былъ сильный вѣтеръ, и заливъ кипѣлъ; только черезъ четверть часа пароходъ исчезъ за островами. Мельникъ поѣхалъ домой.

Онъ поставилъ лошадей на конюшню, далъ имъ корма и хотѣлъ войти и передать хозяину замка поклоны, которые онъ привезъ. Между тѣмъ дверь въ кухню оказалась закрытой. Онъ обогнулъ домъ и хотѣлъ войти съ главнаго подъѣзда; и главная дверь была заперта.—Теперь полдень,—и хозяинъ замка спитъ,—подумалъ онъ. Но человѣкъ онъ былъ исполнительный и, желая выполнить взятое на себя порученіе, отправился въ людскую поискать кого-нибудь кому бы онъ могъ передать поклоны. И въ людской не было ни души. Онъ снова вышелъ на дворъ, обошелъ кругомъ и вошелъ въ комнату горничныхъ. Даже здѣсь не оказалось никого. Весь дворъ вымеръ.

Онъ собирался, было, снова выходить, какъ замѣтилъ свѣтъ свѣчи въ погребѣ замка. Онъ остановился. Въ маленькія оконца съ рѣшетками онъ могъ ясно видѣть чело-

вѣка, ходившаго по погребу со свѣчою въ одной рукѣ и съ краснымъ, обитымъ шелкомъ кресломъ—въ другой. Это былъ хозяинъ замка. Онъ былъ выбритъ и одѣтъ въ черный сюртукъ, какъ для праздника.—Я, пожалуй, могъ бы постучать ему въ окно и передать поклонъ отъ госпожи,—подумалъ мельникъ, но продолжалъ стоять.

Хозяинъ замка оглянулся кругомъ, прислушался и снова оглянулся кругомъ. Онъ вытащилъ мѣшокъ, въ которомъ, повидимому, было сѣно или солома, и поставилъ его у входа. Потомъ полилъ мѣшокъ какою-то жидкостью изъ кружки. Послѣ этого принесъ нѣсколько ящиковъ, соломы и развалившуюся лѣстницу для цвѣтовъ и полилъ и это изъ кружки; мельникъ обратилъ вниманіе, что при этомъ онъ старался не запачкать своихъ пальцевъ или платья. Онъ взялъ коротенькій огарокъ и поставилъ его на мѣшкѣ, потомъ осторожно обложилъ его соломой. И тогда хозяинъ замка усѣлся въ кресло.

Мельникъ все съ большимъ и большимъ изумленіемъ смотрѣлъ на всѣ эти приготовленія, его глаза были какъ бы прикованы къ окошку въ погребѣ, и въ его душу запало темное предчувствіе. Хозяинъ замка совершенно тихо сидѣлъ въ креслѣ и смотрѣлъ на свѣчу, какъ она горѣла все дальше и дальше; руки у него были скрещены. Мельникъ видитъ, какъ онъ стряхиваетъ пылинку съ рукава своего чернаго сюртука и снова скрещиваетъ руки.

Тогда старый мельникъ, въ испугѣ, издаетъ крикъ.

Хозяинъ замка поворачиваетъ голову и выглядываетъ въ окно. Вдругъ онъ вскакиваетъ и подходитъ къ самому окну, гдѣ онъ останавливается и смотритъ наружу. Это былъ взглядъ, въ которомъ запечатлѣлось все страданіе міра. Его ротъ былъ странно искривленъ, онъ протягиваетъ къ окну обѣ свои сжатые въ кулакъ руки, грозя, молча; наконецъ, онъ грозитъ только одной рукою и отходитъ назадъ вглубь погреба. Когда онъ толкнулъ стулъ, свѣча опро-

кинулась. И въ тотъ же мигъ вспыхнуло огромное пламя.

Мельникъ вскрикиваетъ и бѣжитъ наружу. Совершенно обезумѣвъ отъ страха, онъ одно мгновеніе бѣгаетъ по двору и не знаетъ, что ему дѣлать. Онъ бѣжитъ къ окну погреба, разбиваетъ ногою стекло и кричитъ; потомъ онъ нагибается, хватается руками за желѣзныя перекладины и расшатываетъ ихъ, сгибаетъ, вырываетъ ихъ.

И вотъ онъ слышитъ голосъ изъ погреба, голосъ безъ словъ, стонъ, точно покойника изъ-подъ земли, онъ раздается дважды, и мельникъ, въ ужасѣ, бѣжитъ отъ окна, черезъ дворъ, внизъ по дорогѣ, домой. Онъ не рѣшался оглянуться назадъ.

Когда, нѣсколько минутъ спустя, онъ вернулся туда съ Іоганнесомъ, то весь замокъ, старый, большой деревянный домъ, стоялъ въ яркомъ огнѣ. Пришли еще двое съ пристани; но и они не могли ничего сдѣлать. Все погибло.

Но уста мельника были безмолвны, какъ могила.

Если кто спросить, что такое любовь, то она не что иное, какъ вѣтеръ, который шумитъ въ розахъ и потомъ затихаетъ. Но часто она и какъ несокрушимая печать, что хранится всю жизнь, хранится до смерти. Богъ создалъ много видовъ ея и видѣлъ, какъ она то длится, то погибаетъ:

Двѣ матери идутъ одною дорогою и бесѣдуютъ. Одна одѣта въ радостное, голубое платье, потому что ея возлюбленный вернулся домой изъ путешествія. Другая одѣта въ трауръ. У нея были три дочери, двѣ темныхъ, третья—бѣлокурая, и бѣлокурая умерла. Это было десять лѣтъ тому

назадъ, цѣлыхъ десять лѣтъ, и все же мать носить трауръ по ней.

— Такъ славно сегодня!—ликуетъ мать, одѣтая въ голубое, и хлопаетъ руками.—Тепло опьяняетъ меня, любовь опьяняетъ меня, я полна счастья. Я могла бы раздѣться донага здѣсь же на дорогѣ и воздѣть мои руки къ солнцу и цѣловать его.

Но одѣтая въ черное тиха, и она не улыбается и не отвѣчаетъ.

— Ты все еще скорбишь о твоей маленькой дѣвчкѣ?—спрашиваетъ голубая, въ невинности своего сердца.—Развѣ уже не десять лѣтъ, какъ она умерла?

Черная отвѣчаетъ:

— Да. Теперь ей было бы пятнадцать лѣтъ.

Тогда голубая говоритъ, чтобы утѣшить ее:

— Но у тебя другія дочери въ живыхъ, у тебя двѣ остались.

Черная рыдаетъ:

— Да. Но средь нихъ нѣтъ бѣлокурой. Та, что умерла, была такая бѣлокурая.

И обѣ матери расстаются и каждая идетъ своей дорогою, каждая со своей любовью...

Но у каждой изъ двухъ темнокудрыхъ дочерей своя любовь, и онѣ любятъ одного и того же человѣка.

Онъ пришелъ къ старшей и сказалъ:

Я хочу просить у васъ добраго совѣта, потому что я люблю вашу сестру. Вчера я измѣнилъ ей, она застала меня, когда я цѣловалъ ея служанку въ корридорѣ; она слегка вскрикнула, это былъ стонъ, и прошла мимо. Что мнѣ теперь дѣлать? Я люблю вашу сестру, ради Бога переговорите съ нею и помогите мнѣ!

И старшая поблѣднѣла и схватилась за сердце; но она улыбалась, точно хотѣла благословить его, и отвѣтила:

— Я вамъ помогу.

На слѣдующій день онъ пошелъ къ младшей и бросился передъ нею на колѣни и открылъ ей свою любовь.

Она осмотрѣла его съ головы до ногъ и отвѣтила:

— Къ сожалѣнью, у меня только десять кронъ лишнихъ, если вы это имѣете въ виду. Но подите къ моей сестрѣ, у нея больше.

Съ этими словами, гордо поднявъ голову, она покинула его.

Но, придя въ свою комнату, она бросилась на полъ и ломала руки отъ любви.

На улицѣ зима и холодъ, туманъ, пыль и вѣтеръ. Иоганнесъ снова въ городѣ, въ старой комнатѣ, въ которой онъ слышитъ трескъ тополей о деревянную стѣну, и изъ окна, которой онъ не разъ привѣтствовалъ разсвѣтающій день. Теперь солнце скрылось.

Его работа все время развлекала его,—большіе листы, которые онъ исписалъ, и которыхъ становилось все больше и больше, съ теченіемъ зимы. Это былъ рядъ сказокъ изъ страны его воображенія, безконечная ночь съ краснымъ солнцемъ.

Но дни были разные, хорошіе чередовались у него съ плохими, и порою, когда ему лучше всего работалось, какая-нибудь мысль, пара глазъ, слово изъ прошлаго могли возникнуть въ немъ и вдругъ погасить настроеніе. Тогда онъ вставалъ и начиналъ бродить взадъ и впередъ по комнатѣ, отъ стѣны къ стѣнѣ; онъ часто дѣлалъ это, на его полу образовалась бѣлая дорожка, и дорожка становилась бѣлѣе съ каждымъ днемъ...

Сегодня, не въ силахъ ни работать, ни думать, не въ силахъ найти покой отъ воспоминаній, я сяду и опишу, что я пережилъ однажды ночью. Дорогой читатель, сегодня у меня такой чудовищно нехорошій день. Снѣгъ идетъ, почти не видно ни одного человѣка на улицѣ, все сумрачно, и моя

душа такъ ужасающе пуста. Я бродилъ по улицѣ, а потомъ и здѣсь, у себя въ комнатѣ, по цѣлымъ часамъ и старался немного сосредоточиться; но время подошло къ вечеру, и мнѣ не стало лучше. Я, кому слѣдовало бы быть теплымъ, я холоденъ и блѣденъ, какъ догорѣвшій день. Дорогой читатель, въ этомъ состояніи я попытаюсь описать свѣтлую и полную возбужденія ночь. Потому что работа приводитъ меня къ покою, и когда пройдетъ нѣсколько часовъ, я, можетъ быть, снова буду радостенъ...

Стучать въ дверь, и Камилла Сейеръ, его молодая, тайная невѣста, входитъ къ нему. Онъ кладетъ перо и встаетъ. Они оба улыбаются и здороваются.

— Ты не спрашиваешь меня о балѣ,—говоритъ она сейчасъ же и бросается въ кресло.—Я танцевала всѣ танцы. Затянулось до трехъ часовъ. Я танцевала съ Ричмондомъ.

Онъ отвѣтилъ:

— Тысячу разъ спасибо, что пришла, Камилла. Я такъ плачевно унылъ, а ты такъ радостна; это поможетъ мнѣ. Представь, а какъ ты была одѣта на балу?

— Въ красное, разумѣется. Ахъ, Боже, я не помню, но конечно, я, должно быть, много говорила, много смѣялась. Было восхитительно. Да, я была въ красномъ, никакихъ рукавовъ, ни намека. Ричмондъ состоитъ при посольствѣ въ Лондонѣ.

— Вотъ какъ.

— Его родители — англичане, но онъ родился здѣсь. Что ты сдѣлалъ со своими глазами? Они такіе красные. Ты плакалъ?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ и смѣется;—но я пристально всматривался въ свои сказки, а тамъ такъ много солнца. Камилла, если ты хочешь быть дѣйствительно милой дѣвушкой, то не рви больше этой бумаги, какъ ты уже сдѣлала.

— Ахъ, Боже, какъ я задумалась. Извини, Иоганнесъ.

— Пустяки; тутъ просто нѣсколько замѣтокъ. Но послушай: и у тебя, конечно, была роза въ волосахъ?

— Ну, да. Красная роза; она была почти черная. Знаешь, что, Юганнесь, мы могли бы поѣхать въ Лондонъ во время нашего свадебнаго путешествія. Тамъ вовсе не такъ страшно, какъ говорить, и просто выдумки, что тамъ такіе туманы.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Ричмондъ. Онъ сказалъ это сегодня ночью, а онъ знаетъ. Да, ты знакомъ съ Ричмондомъ?

— Нѣтъ, я съ нимъ незнакомъ. Когда-то онъ держалъ рѣчь въ честь меня; у него была брильянтовая запонка въ сорочкѣ. Вотъ все, что я помню о немъ.

— Онъ восхитителенъ. Нѣтъ, когда онъ подошелъ ко мнѣ и поклонился и сказалъ: Вы, фрѣкенъ, поди, меня больше не узнаете... Послушай, я дала ему розу.

— Дала? Какую розу?

— Ту, что была у меня въ волосахъ. Я эту дала ему.

— Тогда ты была очень влюблена въ Ричмонда.

Она краснѣетъ и горячо оправдывается.

— Ну вотъ еще, ничуть. Человѣкъ можетъ нравиться, можно быть хорошаго мнѣнія о человѣкѣ, безъ того, чтобы... Фу, Юганнесь, ты съ ума сошелъ! Я никогда больше не буду называть его имени.

— Богъ съ тобою, Камилла, я не имѣлъ въ виду... право, ты не должна думать... Напротивъ, я буду благодарить его за то, что онъ занималъ тебя.

— Да, тебѣ такъ и слѣдовало бы поступить—рѣшиться поступить такъ! Я же, съ своей стороны, больше не скажу ему ни слова въ жизни.

Молчаніе.

— Да, да, оставь это,—говорить онъ.—Ты хочешь уже уходить?

— Да, мнѣ больше нельзя. Далеко ли подвинулась твоя работа? Объ этомъ мама спрашивала. Представь, я не

видѣлась съ Викторіей много недѣль, а теперь встрѣтила ее.

— Теперь?

— По дорогѣ сюда. Она улыбалась. Нѣтъ, Боже мой, какъ она осунулась! Послушай, ты не скоро придешь къ намъ?

— Да, скоро,—отвѣчаетъ онъ и вскакиваетъ. По его лицу разлилась краска.—Можетъ быть, въ ближайшіе дни. Раньше я долженъ написать кое-что, я недавно обдумалъ это, конецъ моей сказки. Ахъ, я долженъ написать кое-что, написать кое-что! Представь себѣ землю, какою она кажется сверху, какъ великолѣпное, диковинное папское облаченіе. Въ его складкахъ бродятъ люди,—они бродятъ попарно,—вечеръ и тишина,—часъ любви. Это будетъ называться: Полю. Думаю, что это будетъ сильно; у меня часто бывало это видѣніе, и всякій разъ моя грудь какъ бы готова разорваться, и я могъ бы обнять землю. Тамъ бродятъ люди, и звѣри, и птицы, и всѣмъ имъ данъ часъ любви, Камилла. Волна восторга близится, глаза становятся пламеннѣе, груди дышатъ. Тогда поднимается нѣжное красное зарево отъ земли; это—заревое стыдливости всѣхъ нагихъ сердецъ, и ночь окрашивается въ розовый цвѣтъ. Но далеко въ глубинѣ стоятъ огромныя, дремлющія горы; онѣ ничего не видѣли и ничего не слышали. И утромъ Господь бросаетъ свое теплое солнце на все. Это должно называться: Полю.

— Вотъ какъ.

— Да. И тогда я приду, когда кончу это. Тысячу разъ спасибо, что ты была здѣсь, Камилла. И ты не должна больше помнить, что я говорилъ. Подъ этимъ я не разумѣлъ ничего дурного.

— Я ровно ничего не помню. Но я никогда больше не стану упоминать его имя. Я этого никогда не сдѣлаю.

Въ ближайшее утро Камилла приходитъ снова. Она блѣдна и въ чрезвычайномъ безпокойствѣ.

— Что съ тобой?—спрашиваетъ онъ.

— Со мной? Ничего,—быстро отвѣчаетъ она.—Я только тебя и люблю. Ты, право, не долженъ думать, что со мной случилось что-нибудь, и что я не люблю тебя. Нѣтъ, теперь ты услышишь, что я придумала: мы не поѣдемъ въ Лондонъ. Что намъ дѣлать тамъ? Онъ не зналъ, что говорилъ, этотъ человѣкъ, тамъ больше тумановъ, чѣмъ онъ думаетъ. Ты смотришь на меня, зачѣмъ ты это дѣлаешь? Я вовсе не упоминала его имени. Этакій лжець, онъ мнѣ все налгалъ; мы не поѣдемъ въ Лондонъ.

Онъ смотритъ на нее, начинаетъ прислушиваться.

— Нѣтъ, мы не поѣдемъ въ Лондонъ, — говоритъ онъ задумчиво.

— Не правда ли! Стало-быть не поѣдемъ. Ты кончилъ свою вещь о полѣ? Боже, какъ меня это интересуетъ. Ты долженъ кончить это поскорѣе и притти къ намъ, Иоганнесь. Чась любви, не такъ ли это было? И восхитительное папское облаченіе со складками, и яркочерная ночь, Боже, какъ я еще помню все, что ты рассказывалъ мнѣ объ этомъ. Въ послѣднее время я не часто бывала здѣсь; но впредь я буду приходить каждый день и справляться, не кончилъ ли ты.

— Я скоро кончу, — говоритъ онъ и продолжаетъ смотреть на нее.

— Сегодня я взяла твои книги и положила у себя въ комнатѣ. Я хочу перечестъ ихъ снова; это нисколько не утомитъ меня, я очень рада. Послушай, Иоганнесь, ты могъ бы быть такъ любезенъ проводить меня домой; потому что я не знаю, вполне ли мнѣ безопасно возвращаться домой. Не знаю. Пожалуй, кто-нибудь ждетъ меня на улицѣ; ходить и ждать, пожалуй. Я почти увѣрена...—Вдругъ она раздражается слезами и лепечетъ:—Я назвала его лжецомъ, я не хотѣла этого. Мнѣ неприятно, что я сдѣлала это. Онъ

не лгалъ мнѣ, напротивъ, онъ все время... Во вторникъ у насъ будутъ гости, но его не будетъ, а ты долженъ притти, слышишь. Обѣщаешь? Но мнѣ все-таки не хотѣлось говорить о немъ дурно. Я не знаю, что ты думаешь обо мнѣ...

Онъ отвѣтилъ:

— Я начинаю понимать тебя.

Она бросается ему на шею, прячется на его груди, дрожа, смущенная.

— Да, но я и тебя люблю,—восклицаетъ она.—Ты не долженъ думать иначе. Я не только его люблю, потому что до этого еще не дошло. Когда ты спросилъ меня въ прошломъ году, я такъ обрадовалась; но теперь явился онъ. Я этого не понимаю. Неужели это такъ чудовищно съ моей стороны, Иоганнесь? Я, пожалуй, люблю его немножечко больше, чѣмъ тебя; я этого не могу измѣнить, это нашло на меня. Ахъ, Господи, я не спала много ночей, съ тѣхъ поръ какъ увидѣла его, и я люблю его все больше и больше. Что мнѣ дѣлать? Ты настолько старше, ты долженъ сказать мнѣ. Теперь онъ провожалъ меня сюда, онъ стоитъ на улицѣ и ждетъ, чтобы проводить меня снова домой, и теперь онъ, пожалуй, замерзъ. Ты презираешь меня, Иоганнесь? Я не цѣловала его, нѣтъ, не цѣловала, ты долженъ вѣрить мнѣ; я только отдала ему свою розу. Почему ты не отвѣчаешь, Иоганнесь? Ты долженъ сказать, что мнѣ дѣлать, потому что я больше не выдержу.

Иоганнесь тихо сидѣлъ и слушалъ ее. Онъ сказалъ:

— Мнѣ нечего отвѣчать на это.

— Спасибо, спасибо, дорогой Иоганнесь, очень мило съ твоей стороны, что ты не пришелъ въ бѣшенство,—сказала она и вытерла свои слезы.—Но ты не долженъ думать, что я не люблю тебя. Боже мой, я буду приходить къ тебѣ чаще прежняго и дѣлать все, что ты хочешь. Но все дѣло въ томъ, что его я больше люблю. Я этого не хотѣла. Это не моя вина.

Онъ молча всталъ и, надѣвъ шляпу, сказалъ:

— Намъ не пора?

Они сошли по лѣстницѣ.

На улицѣ стоялъ Ричмондъ. Это былъ черноволосый, молодой человекъ съ карими глазами, блиставшій молодостью и жизнью. Морозъ окрасилъ его щеки въ красное.

— Вы замерзли?—сказала Камилла и побѣжала къ нему.

Голосъ у нея дрожалъ отъ волненія. Вдругъ она поспѣшила назадъ къ Іоганнесу, взяла его подъ руку и сказала:

— Прости, что я тебя тоже не спросила, не холодно ли тебѣ. Ты не надѣлъ пальто; сходить за нимъ? Нѣтъ? Да, во всякомъ случаѣ застегни свою куртку.

Она застегнула его куртку.

Іоганнесъ протянулъ Ричмонду руку. Онъ былъ въ странномъ, разсѣянномъ состояніи, какъ если бы то, что теперь случилось, собственно, не касалось его. Онъ нерѣшительно, полуулыбкой, улыбнулся и пробормоталъ:

— Радъ снова повидаться съ вами.

У Ричмонда не было замѣтно ни виноватаго вида, ни притворства. Когда онъ здоровался, по его лицу пробѣжала радость встрѣчи, и онъ низко снялъ шляпу.

— Недавно я видѣлъ одну изъ вашихъ книгъ въ окнѣ книжнаго магазина въ Лондонѣ,—сказалъ онъ.—Перевели. Было такъ пріятно увидѣть ее тамъ, какъ привѣтъ съ родины.

Камилла шла по срединѣ и поочередно смотрѣла на нихъ. Наконецъ, она сказала:

— Стало-быть, во вторникъ ты придешь, Іоганнесъ. Да, прости, что я думаю только о себѣ,—прибавила она и засмѣялась. Но она тотчасъ же, съ раскаяніемъ, обратилась къ Ричмонду и просила притти и его. Будутъ одни знакомые, Викторія и ея мать тоже приглашены, да еще соберется человекъ десять.

Іоганнесъ вдругъ остановился и сказалъ:

— Въ сущности, я охотно вернусь назадъ.

— До свиданія, во вторникъ,—отвѣтила Камилла.

Ричмондъ взялъ его руку и чистосердечно пожалъ ее.

И вотъ молодые, одинокіе и счастливые, пошли своей дорогой.

Одѣтая въ голубое мать была въ чудовищномъ волненіи, каждый мигъ она ждала сигнала изъ сада, а путь оттуда былъ несвободенъ, никто не могъ пройти имъ, пока ея мужъ не ушелъ изъ дому. Ахъ, этотъ мужъ, этотъ мужъ съ его сорока годами и лысиной! Что это за зловѣщая мысль заставила его такъ поблѣднѣть сегодня вечеромъ, и приковала его къ стулу, твердо и неумолимо, гдѣ онъ сидитъ, не отрываясь отъ своей газеты?

У нея не было ни минуты покоя; теперь было одиннадцать часовъ. Дѣти уже давно легли спать; но мужъ не уходилъ. Что если раздастся сигналъ, дверь откроется маленькимъ, дорогимъ ключемъ—и двое мужчинъ встрѣтятся, встанутъ лицомъ къ лицу и взглянутъ другъ другу въ глаза! Она не смѣла продумать эту мысль до конца.

Она ушла въ самый темный уголъ комнаты, ломала руки и, наконецъ, откровенно сказала:

— Уже одиннадцать. Если тебѣ *нужно* въ клубъ, то уже пора.

Онъ вдругъ всталъ, еще блѣднѣе прежняго, и вышелъ изъ комнаты, вышелъ изъ дому.

За садомъ останавливается онъ и слышитъ свистокъ, маленькій сигналъ. Слышны шаги по щепю, въ дверной замокъ втыкается ключъ, поворачивается;— и, немного спустя, появляются двѣ тѣни на занавѣскѣ въ комнатѣ.

И онъ уже раньше зналъ сигналъ, шаги и двѣ тѣни на занавѣскѣ, ему было извѣстно все.

Онъ идетъ въ клубъ. Онъ открытъ, тамъ свѣтъ въ окнахъ; но онъ не входитъ. Въ теченіе получаса онъ бродитъ по улицамъ и передъ своимъ садомъ, въ теченіе без-

конечныхъ двухъ четвертей. Дайте мнѣ подождать еще четверть часа! думаетъ онъ, и продолжаетъ ее до трехъ. И вотъ онъ входитъ въ садъ, поднимается по лѣстницѣ и звонитъ у своей собственной двери.

Является служанка и открываетъ, высовываетъ голову въ дверь и говоритъ:

— Фру уже давнымъ-давно...

— Да, да, легла спать, отвѣчаетъ онъ.—Передайте фру, что ея мужъ вернулся домой.

И служанка уходитъ. Она стучится къ фру и докладываетъ черезъ закрытую дверь:

— Я должна передать,—что баринъ вернулся.

Фру спрашиваетъ внутри:

— Что ты говоришь, баринъ вернулся? Кто тебѣ велѣлъ передать?

— Самъ баринъ. Онъ стоитъ за дверью.

Тогда за дверью раздается безпомощный стонъ въ комнату фру; доносится горячій шепотъ, какая-то дверь открывается и снова запирается. Потомъ все утихаетъ.

И входитъ господинъ. Жена встрѣчаетъ его съ замирающимъ сердцемъ.

— Клубъ былъ закрытъ,—тотчасъ же говоритъ онъ, изъ состраданія и милости.—Я послалъ сказать тебѣ, чтобы ты не испугалась.

Она падаетъ въ кресло, утѣшенная, освобожденная, спасенная. Въ этомъ блаженномъ настроеніи ея доброе сердце переполняется и она спрашиваетъ о самочувствіи мужа:

— Ты такъ блѣденъ. Тебѣ не хорошо, дорогой?

— Мнѣ не холодно,—отвѣчаетъ онъ.

— Но съ тобою случилось что-нибудь? Лицо у тебя такъ странно искажено.

Мужъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, я улыбаюсь. Очевидно, у меня такая манера улыбаться. Я хочу присвоить себѣ эту гримасу.

стоянными мыслями объ этомъ. Вдругъ все это переходитъ ко мнѣ, и я говорю самому себѣ: хорошо, это у тебя на роду не написано, и такъ далѣе; но все-таки я дѣлаю это, я рѣшаюсь, потому что такъ, очевидно, написано на звѣздахъ. Такъ-то вотъ все и вышло.

— Поздравляю!—сказалъ Иоганнесъ.

Стопъ! ни слова больше! Я знаю, что вы хотите сказать. А ту, первую, хотите вы сказать,—неужели вы забыли вѣчную любовь вашей юности? Какъ разъ это вы хотите сказать. Но, съ моей стороны, я позволю себѣ спросить васъ, почтеннѣйшій, куда дѣвалась моя первая, единственная и вѣчная любовь? Развѣ она не взяла капитана артиллеріи? Въ заключеніе, я предложу вамъ еще одинъ маленькій вопросъ: видѣли вы когда-нибудь, *когда-нибудь*, чтобы чело-вѣкъ получилъ ту, кого онъ долженъ былъ получить? Есть сказаніе объ одномъ чело-вѣкѣ, котораго Господь услышалъ настолько, что онъ получилъ свою первую и единственную любовь. Но это не привело къ дальнѣйшему великолѣпно для него. Почему же нѣтъ? снова спросите вы, и, видите ли, я вамъ отвѣчу: Нѣтъ, по той простой причинѣ, что она тотчасъ же умерла—*тотчасъ же*, слышите, ха-ха-ха, черезъ одинъ мигъ. И такъ всегда. Разумѣется, никто не получаетъ той женщины, которую долженъ былъ получить; если же это и бываетъ одинъ единственный разъ по проклятому праву и справедливости, то она вотъ тотчасъ же умираетъ. Все кончается однѣми церемоніями. Такимъ образомъ, мужчинѣ приходится приискивать себѣ любовь, по возможности, другого рода, и ему не приходится умирать отъ такой перемѣны. Говорю вамъ, все это такъ мудро устроено природой, что онъ отлично переноситъ это. Вы только посмотрите на меня.

Иоганнесъ сказалъ:

— Я вижу, что вамъ хорошо.

— Покуда что, великолѣпно. Слушайте, ощутите и смотрите! Развѣ море безрадостныхъ заботъ пронеслось надъ

моей особой? У меня есть платье, обувь, домъ и семья, жена, дѣти—ну, ея мальчуганъ. Что я хотѣлъ сказать еще, насчетъ моей поэзіи, то я сейчасъ же отвѣчу на вопросъ. Ахъ, мой юный коллега, я старше васъ и, пожалуй, нѣсколько щедрѣе надѣленъ природою. Я держу свою поэзію въ сундукѣ. Она издастся послѣ моей смерти. Тогда вы не испытали никакого удовольствія отъ нея, возрадите вы. Вы опять ошибаетесь, покуда что, я радую ею мой домъ. По вечерамъ, когда зажигается лампа, я отпираю сундукъ, достаю мои стихи и читаю ихъ вслухъ моей женѣ и мальчугану. Ей сорокъ лѣтъ, ему—двѣнадцать, оба въ восторгѣ. Если вы заглянете къ намъ разокъ, получите ужинъ и тодди. Я васъ пригласилъ. Да упасетъ васъ Богъ отъ смерти.

Онъ протянулъ свою руку Іоганнесу. Вдругъ онъ спросилъ:

— Вы слышали о Викторіи?

— О Викторіи? Нѣтъ. Да, я слышалъ сегодня, вотъ сейчасъ...

— Развѣ вы не видѣли, что она больная, что она сѣрѣетъ все больше и больше у насъ же на глазахъ?

— Я не видѣлъ ея съ прошлой весны. Она еще больна?

Домашній учитель отвѣтилъ комически рѣзко и топнулъ ногою:

— Да.

— Я какъ разъ теперь слышалъ... Нѣтъ, я совсѣмъ не видѣлъ, чтобъ она чахла, я не встрѣчался съ нею. Она очень больна?

— Очень. Вѣроятно уже умерла, поняли?

Ошеломленный Іоганнесъ, смотрѣлъ на этого человѣка, на свою дверь, входитъ ли ему или стоять здѣсь, опять на человѣка, на его длинный сюртукъ, его шляпу; онъ улыбался, растерянно и болѣзненно, какъ нищій.

Старый домашній учитель продолжалъ, грозя:

— Еще примѣръ; вы можете отрицать его? Даже ей не

удалось соединиться съ тѣмъ, кто долженъ былъ принадлежать ей, съ ея возлюбленнымъ съ дѣтскихъ лѣтъ, съ молодымъ, великолѣпнымъ лейтенантомъ. Онъ отправился на охоту однажды вечеромъ, зарядъ попадаетъ ему прямо въ лобъ и раздробляетъ его черепъ на-двое. Вотъ онъ и палъ, жертва маленькаго обстоятельства, которое ниспослалъ ему Господь. Викторія, его невѣста, начинаетъ чахнуть, червь снѣдалъ ее, источилъ ея сердце, какъ сито; мы, ея друзья, видѣли это. И вотъ нѣсколько дней тому назадъ она была въ гостяхъ у какихъ-то Сейеровъ; впрочемъ, она рассказывала мнѣ, что и вы должны были быть тамъ, но не пришли. Словомъ, въ гостяхъ тамъ она движется сверхъ своихъ силъ, воспоминанія о ея возлюбленномъ бурно охватываютъ ее и заставляютъ ее веселиться изъ упрямства, она танцуетъ, танцуетъ весь вечеръ, танцуетъ, какъ бѣшенный человѣкъ. И вотъ она падаетъ, на полу оказывается кровь, поднимаютъ ее, выносятъ, увозятъ домой. Больше ей уже не до того.

Домашній учитель вплотную подходитъ къ Іоганнесу и строго говоритъ:

— Викторія умерла.

Совсѣмъ какъ слѣпой, Іоганнесъ начинаетъ водить передъ собой руками.

— Умерла? Когда она умерла? Правда, Викторія умерла?

— Она умерла,—отвѣчаетъ учитель.—Она умерла сегодня утромъ, теперь передъ обѣдомъ.—Онъ сунулъ руку въ свой карманъ и вынулъ тяжелое письмо.—И она довѣрила мнѣ передать вамъ вотъ это письмо. Вотъ оно. Послѣ моей смерти,—сказала она.—Она умерла. Я вручаю вамъ письмо. Моя миссія кончена.

И не простившись, не сказавъ больше ни слова, домашній учитель повернулся, медленно пошелъ внизъ по улицѣ и исчезъ.

Іоганнесъ остался одинъ съ письмомъ въ рукѣ. Викторія

умерла. Онъ то и дѣло громко называль ее по имени, и у него былъ безчувственный, почти жесткій голосъ. Онъ смотрѣлъ на письмо и узналъ почеркъ; тамъ были большія и малыя буквы, прямыя линіи, а та, что написала ихъ, умерла!

И вотъ онъ направляется къ своей двери, вверхъ по лѣстницѣ, отыскиваетъ подходящій ключъ и открываетъ дверь. Въ его комнатѣ было холодно и темно. Онъ садится къ окну и при послѣднихъ лучахъ дневного свѣта читаетъ письмо Викторіи.

— Дорогой Іоганнесъ!—писала она.—Когда вы будете читать это письмо, я буду уже мертва. Теперь все такъ странно для меня, я больше не стыжусь передъ вами и снова пишу вамъ, какъ если бы не было ни малѣйшей помѣхи. Раньше, пока я еще вполне принадлежала живой жизни, я предпочла бы мучиться ночь и день, чѣмъ снова писать вамъ; но теперь я начала умирать, и больше не думаю этого. Постороннимъ я показалась блѣдной, докторъ изслѣдовалъ меня и нашель, что у меня сохранился лишь остатокъ одного изъ легкихъ,—чего же мнѣ стыдиться больше?

Я лежала здѣсь въ постели и думала о послѣднихъ словахъ, которыя я вамъ сказала. То было вечеромъ, въ лѣсу. Тогда я не думала, что это будутъ мои послѣднія слова, иначе я тогда же простилась бы съ вами и поблагодарила бы васъ. Теперь я больше не увижу васъ, и теперь сожалею, что я не бросилась ницъ передъ вами и не поцѣловала вашихъ ногъ и земли, по которой вы ходили, и не показала вамъ, какъ невыразимо я любила васъ. Я лежала здѣсь и желала вчера и сегодня, чтобы мнѣ не стало хуже, чтобы мнѣ можно было вернуться домой и пойти въ лѣсъ и отыскать мѣсто, гдѣ мы сидѣли, когда вы держали меня за обѣ руки; тогда я могла бы лечь на землю и посмотреть, не найду ли вашего слѣда, и цѣловать весь верескъ кругомъ. Но теперь я не могу вернуться домой, если мнѣ не станетъ немного лучше, какъ надѣется мама.

Дорогой Іоганнесъ! Странно думать, что мнѣ не пришлось сдѣлать ничего другого, какъ явиться на землю и любить васъ, и теперь я говорю жизни—Прости. Повѣрьте, что странно лежать здѣсь и ждать дня и часа. Я шагъ за шагомъ отдаляюсь отъ жизни и отъ людей на улицѣ и грохота каретъ; весны я уже не увижу больше никогда, и эти дома, и улицы, и деревья въ паркѣ останутся послѣ меня. Я сидѣла сегодня въ кровати и немного смотрѣла въ окно. На углу, внизу, появились двое, они встрѣтились, они поклонились и взяли другъ друга за руки и при этомъ смѣялись, они говорили; и мнѣ было такъ странно, что я, лежавшая и смотрѣвшая на это, должна умереть. Я подумала: тѣ двое внизу не знаютъ, что я лежу здѣсь и жду своего часа; но если бы они даже знали, они бы все равно привѣтствовали другъ друга и говорили другъ съ другомъ, какъ теперь. Въ прошлую ночь, когда стало темно, я думала, что мой послѣдній часъ пробилъ, мое сердце начало останавливаться и, казалось, издали, ко мнѣ уже доносился гулъ вѣчности. Но въ слѣдующее мгновеніе я вернулась назадъ издалека и начала снова дышать. То было совершенно неописуемое чувство. Но мама думаетъ, что, пожалуй, я просто вспомнила ручей или водопадъ, тамъ, дома.

Боже милосердый, вы должны знать, какъ я васъ любила, Іоганнесъ! Мнѣ не удалось показать вамъ, столько вещей помѣшало мнѣ въ этомъ, и прежде всего моя собственная природа. Папа былъ тоже жестокъ по отношенію къ самому себѣ, а я—его дочь. Но теперь, когда я должна умереть, и все уже слишкомъ поздно, я пишу вамъ еще разъ и говорю вамъ это. Я спрашиваю себя, зачѣмъ я это дѣлаю, разъ оно безразлично для васъ, въ особенности же, разъ я уже не буду больше жить; но мнѣ до послѣдняго мгновенія хотѣлось бы быть подлѣ васъ, чтобы не чувствовать себя покинутой, какъ прежде. Вотъ вы читаете это, но мнѣ чудится, будто я вижу ваши плечи и руки и вижу всѣ ваши движенія

надъ письмомъ, когда вы держите его передъ собою и читаете. И мы не такъ ужъ отторгнуты другъ отъ друга,—думаю я.—Я не могу послать за вами, я не имѣю никакого права на это. Мама хотѣла извѣстить васъ еще два дня тому назадъ, но я предпочла написать. Мнѣ еще хотѣлось, чтобы вы вспоминали меня такою, какъ я была когда-то, пока я еще не была больна. Я помню, что вы... (Здѣсь нѣсколько словъ зачеркнуто)... мои глаза и брови; но и они уже не тѣ, что прежде. И по этой причинѣ мнѣ не хотѣлось, чтобы вы пришли. И я хочу просить васъ не смотрѣть на меня въ гробу. Я, конечно, все еще почти такая же, какъ при жизни, только нѣсколько блѣднѣе, и лежу я въ желтомъ платьѣ; но вы бы все равно раскаялись, если бъ вы пришли и увидѣли меня.

Я принималась писать это письмо сегодня много разъ, и все же мнѣ не удалось сказать вамъ и тысячной доли того, что мнѣ хотѣлось бы сказать. Для меня такъ чудовищно умирать, я не хочу этого, я еще такъ горячо уповаю на Господа, что, можетъ быть, мнѣ будетъ немного лучше, хотя бы только до весны. Тамъ свѣтлые дни, и листва на деревьяхъ. Если бъ я опять была здорова, я бы никогда больше не сдѣлала вамъ больно, Иоганнесъ. Сколько я плакала и думала объ этомъ! Ахъ, мнѣ хотѣлось бы выйти на улицу и ласкать всѣ камни и останавливаться и благодарить каждую ступень на лѣстницахъ, по которымъ я прошла, и быть доброй со всѣми. Все равно, какъ бы мнѣ трудно ни пришлось, лишь бы жить. Я бы никогда больше не стала жаловаться ни на что, нѣтъ, я улыбалась бы тому, кто напалъ бы и ударилъ бы меня, и стала бы благодарить и прославлять Бога, лишь бы жить. Моя жизнь совсѣмъ не пережита, я ничего не сдѣлала ни для кого, и эта упущенная жизнь теперь должна кончиться. Если бъ вы знали, какъ мнѣ не хочется умирать, вы, можетъ быть, сдѣлали бы что-нибудь, сдѣлали бы все, что въ вашей власти. Вы, конечно, ничего не можете сдѣлать; но я думала, что если бы вы и весь

мнръ молились за меня и не хотѣли бы разстаться со мною, то Господь даровалъ бы мнѣ жизнь. Ахъ, какъ я была бы благодарна, тогда я больше никому не причинила бы зла никогда, но улыбалась бы всему, что мнѣ было бы суждено, лишь бы получить возможность жить.

Мама сидитъ здѣсь и плачетъ. Она просидѣла такъ всю ночь и оплакивала меня. Отъ этого мнѣ нѣсколько легче, это смягчаетъ горечь моего прощанія. Сегодня я еще думала: что бы вы сказали, если бъ въ одинъ прекрасный день я подошла къ вамъ на улицѣ, красиво одѣтая, и не сказала вамъ ни одного обиднаго слова, но дала бы вамъ розу, которую я купила бы раньше. И сейчасъ же послѣ этого я подумала, что мнѣ никогда больше не сдѣлать того, что хочу; потому что мнѣ уже никогда не выздоровѣть, прежде чѣмъ умереть. Я такъ часто плачу; я тихо лежу и плачу, непрерывно и безутѣшно; отъ этого мнѣ не больно въ груди, лишь бы не рыдать. Иоганнесъ, дорогой, дорогой другъ, мой единственный возлюбленный на землѣ, придите ко мнѣ теперь и побудьте здѣсь немного, когда начнетъ смеркаться. Я не буду плакать тогда, но улыбаться, сколько могу, отъ одной радости, что вы пришли.

Нѣтъ, гдѣ моя гордость и мое мужество! Я теперь не дочь моего отца; но это зависитъ отъ того, что силы покинули меня. Я страдала долгое время, Иоганнесъ, задолго до этихъ послѣднихъ дней. Когда вы были за границей, я страдала, и потомъ, послѣ того, какъ я приѣхала въ городъ весною, я только и дѣлала, что страдала каждый день. Я никогда раньше не знала, какъ безконечно долга можетъ быть ночь. Я видѣла васъ дважды на улицѣ въ это время; въ первый разъ вы напѣвали, проходя мимо меня, но вы меня не видѣли. Я надѣялась увидѣть васъ у Сейеровъ; но вы не пришли. Я не стала бы разговаривать съ вами, ни подходить къ вамъ, но была бы благодарна, что могу смотрѣть на васъ издали. Но вы не пришли. И

тогда я подумала, что, можетъ быть, изъ-за меня. Въ одиннадцатъ я начала танцовать, потому что мнѣ стало невыносимо ждать дольше. Да, Іоганнесъ, я любила васъ, любила только васъ всю мою жизнь. Сама Викторія пишетъ это, и Богъ читаетъ это черезъ мое плечо.

И теперь я должна сказать вамъ прости, уже стало почти темно, и я не вижу больше. Прощайте, Іоганнесъ, спасибо за каждый день. Когда я буду улетать отъ земли, я все еще буду благодарить васъ до послѣдняго мгновенія и твердить всю дорогу ваше имя про себя. Живите же счастливо всю вашу жизнь, и простите мнѣ все то, что я причинила вамъ, какъ и то, что я не могла броситься ницъ передъ вами и просить у васъ этого прощенія. Я дѣлаю это теперь въ моемъ сердцѣ. Живите же счастливо, Іоганнесъ, и прощайте навѣки. И еще разъ спасибо за каждый день и часъ. Я больше не могу.

Ваша Викторія.

Теперь зажгли лампу, и мнѣ стало гораздо свѣтлѣе. Я лежала въ глубокомъ забытїи и снова была далеко отъ земли. Слава Богу, теперь мнѣ было не такъ страшно, какъ прежде, я даже слышала тихую музыку, и прежде всего не было темно. Я такъ благодарна. Но теперь я больше уже не въ силахъ писать. Прощайте, мой возлюбленный...

ВЪ СКАЗОЧНОЙ СТРАНѢ

КАВКАЗСКІЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ и СНЫ.

I.

Въ началѣ сентября мы въ С.-Петербургѣ. Мнѣ предстоитъ, на государственную стипендію, совершить путешествіе по Кавказу, Востоку, Персіи, Турціи. Мы прибыли изъ Финляндіи, гдѣ мы прожили одинъ годъ...

На девятнадцати болотистыхъ островахъ Петръ Великій основалъ городъ, ровно двѣсти лѣтъ тому назадъ. Нева всюду перерѣзаетъ странно разорванный на участки, странно смѣшанный городъ, гдѣ великолѣпныя западно-европейскія казармы чередуются съ византійскими зданіями и очаровательными мазанками. Массивные музеи и картинныя галереи стоятъ, гдѣ стоятъ, но и кіоски, навѣсы, невѣроятныя человѣческія жилища гордо красуются на солнцѣ и занимаютъ свое мѣсто. Собирались перенести городъ въ болѣе сухое мѣсто,—но столько же легко могли говорить о перемѣщеніи Россіи. Есть вещи въ С.-Петербургѣ, которыхъ не поднять: Зимній дворецъ, Петропавловская крѣпость, Эрмитажъ, церковь Воскресенія Христова, Исакиевскій соборъ. Но С.-Петербургъ перемѣщается, какъ перемѣщается Россія: онъ расширяется, становится больше, больше...

Наше пребываніе въ Петербургѣ было коротко. Стояла скверная и холодная погода, всего десять градусовъ, сады и парки обнажались. Теперь мнѣ въ первый разъ въ моей жизни нужно было запастись паспортомъ, и я ѣду въ посольство соединенныхъ королевствъ. Я пріѣзжаю не во-время. Контора заперта. Передъ посольствомъ стоитъ молодой красивый человѣкъ и читаетъ письмо. У него корона на палкѣ

съ золотымъ набалдашникомъ. Съ виду онъ не русскій, и я приподнимаю шляпу и обращаюсь къ нему по-норвежски. Онъ отвѣчаетъ по-шведски и можетъ объяснить мнѣ приемные часы въ посольствѣ.

Я возвращаюсь въ указанное время. Теперь я снова вижу молодого господина. Это—капитанъ Берлингъ, онъ—здѣшній военный аташе; его имя въ послѣдствіи часто упоминалось въ газетахъ по поводу его дѣла съ полковникомъ Бьерншерной.

Такъ какъ я не подумалъ выправить паспортъ заблаговременно, то у посольства оказалось много хлопотъ изъ за меня. Но баронъ Фалькенбергъ вошелъ въ мое положеніе. Онъ выписалъ мнѣ большущій паспортъ съ короной и порфирой и потомъ объѣздилъ азіатскія посольства и снабдилъ эту бумагу самыми странными крючками, знаками и печатями. Безъ помощи барона мы никоимъ образомъ не могли бы тронуться въ путь въ тотъ же день, и я очень признателенъ ему за его готовность оказать услугу.

Какъ міръ малъ! Я неожиданно встрѣчаю знакомаго на петербургскихъ улицахъ.

Вечеромъ мы заблаговременно приѣзжаемъ на Николаевскій вокзалъ. Здѣсь я впервые вижу горящія лампы передъ образами. Когда двери въ глубинѣ открываются, то пыhtятъ локомотивы и грохочутъ колеса; но средь этого шума горятъ вѣчныя лампы день и ночь, день и ночь, передъ образами. Онѣ—какъ маленькіе алтари съ двумя ступенями, и онѣ мерцаютъ въ полной тишинѣ.

И русскіе крестятся на нихъ, приходя и уходя. Они крестятся, и нагибаются, и кладутъ поклоны, и снова крестятся; они продѣлываютъ все это привычнымъ движеніемъ и очень торопливо. Говорятъ, русскіе никогда не отправляются въ путешествіе, не совершивъ этого обряда, матери подносятъ дѣтей къ святымъ, и старые офицеры въ орденахъ снимаютъ шапки и, со множествомъ поклоновъ и крестясь, молятся о счастливомъ пути.

А снаружи грохочутъ локомотивы и колеса, гремящая Америка.

Входятъ гвардейцы; у нихъ бѣлыя шапки съ красными околышами. Гвардейцы—дворяне съ разныхъ концовъ Россіи, люди, которые во время своего пребыванія въ Петербургѣ держатъ четверку лошадей на конюшнѣ и множество лакеевъ въ домѣ. Въ этомъ видѣ они отбываютъ свою воинскую повинность и избѣгаютъ общества обыкновенныхъ офицеровъ. Входитъ молодой гвардеецъ, три одинаково одѣтыхъ лакея несутъ его вещи на станцію. Одинъ изъ лакеевъ состарился на своей службѣ и надѣдаетъ молодому господину своей безконечной заботливостью и называетъ его ласкательнымъ именемъ. И баринъ отвѣчаетъ ему каждый разъ и снисходительно улыбается старику, избавляетъ его отъ всякихъ хлопотъ и посылаетъ двухъ остальныхъ по всѣмъ направленіямъ. Онъ беретъ съ собою только одного изъ своихъ лакеевъ въ дорогу.

Мы обращаемъ вниманіе на молодую красавицу со множествомъ брилліантовыхъ колецъ на лѣвой рукѣ. У нея по три, по четыре кольца на каждомъ пальцѣ, это имѣетъ поразительный видъ, кольца покрываютъ всѣ суставы. Она, повидимому, знатная особа, она нѣжно прощается съ двумя пожилыми дамами, экипажи которыхъ стоятъ у подъѣзда. Нашъ поѣздъ долженъ тронуться; дама ѣдетъ въ сопровожденіи двухъ слугъ.

И вотъ мы благополучно и счастливо покидаемъ станцію Петербургъ. Моя жена не забыла ничего, кромѣ своего плаща.

Наши спутники—добрѣйшіе и любезнѣйшіе люди на свѣтѣ, финскій инженеръ, служащій у Нобеля въ Баку и прожившій въ Россіи много лѣтъ, и его супруга; она родомъ изъ Баку, и родной языкъ ея—русскій. Съ ними и ихъ маленькая дочь.

Каждое отдѣленіе въ поѣздѣ—спальное. Насъ пассажи-

ровъ цѣлое множество, мои спутники рассыпаются по поѣзду, а меня самого сажаютъ въ тѣсное купѣ, гдѣ уже сидятъ три господина, и средь нихъ нѣмецъ, порядочно выпившій.

Поѣздъ сквозной, но проходъ такъ узокъ, что двое съ трудомъ могутъ разойтись.

Теперь мы вступаемъ въ великую Русь.

*

Ночью я, къ сожалѣнiю, просыпаюсь, и храпѣнiе пьянаго человѣка не даетъ мнѣ снова уснуть. Я поднимаюсь и кашляю въ его сторону. Не просыпаясь, онъ лѣниво поворачивается на другой бокъ и продолжаетъ храпѣть. Я встаю и напрасно подхожу къ спящему человѣку, чтобы разбудить его; его храпѣнiе неожиданно прекращается, и я снова ложусь. И вотъ онъ начинаетъ снова храпѣть.

Не смыкая глазъ, я лежу безконечно долгое время, я не знаю, какъ долго, потому что я не могу безъ большихъ хлопотъ достать моихъ часовъ изъ-подъ подушки. Потомъ я засыпаю.

И просыпаюсь. Поѣздъ стоитъ. Больше уже не темно; жара въ купѣ душитъ меня, и я опускаю на нѣсколько дюймовъ окно. И вотъ я слышу поразительный звукъ снаружи. Вдругъ мною овладѣваетъ нѣжное чувство счастья при этомъ звукѣ, я одѣваюсь и спѣшу на воздухъ. Это скворцы пересвистываются. Я не понимаю, какъ здѣсь могутъ быть скворцы въ это время года: они прилетѣли сюда, возвращаясь на югъ, и дальше не собираются?

Мороситъ дождь, но погода теплая и прiятная. Поѣздъ трогается снова, народъ просыпается и встаетъ въ крестьянскихъ избахъ, мимо которыхъ мы ѣдемъ, я вижу мужчинъ, стоящихъ въ однѣхъ рубахахъ въ дверяхъ, какъ у меня на родинѣ. Въ семь часовъ я выхожу на какую-то станцію и пью кофе; прислуживаютъ лакеи во фракахъ, въ бѣлыхъ бу-

мажныхъ перчаткахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Я научился спрашивать: Сколько? Но я не хорошо понимаю отвѣтъ, все же я, какъ ни въ чемъ не бывало, вручаю монету, которую нужно размѣнять. Получивъ сдачу, я основательно пересчитываю, достаточно ли я получилъ, хотя я почти ничего не понимаю въ деньгахъ, потомъ я кладу на поднось двадцать копѣекъ на чай, что, какъ я вижу, дѣлаютъ другiе, и снова вхожу въ вагонъ. Да, думаю я про себя, ты положительно молодецъ путешествовать по Россiи. Встрѣтъ я теперь кого-нибудь изъ земляковъ, кто бы захотѣлъ пить кофе, то я взялся бы показать ему, какъ это дѣлается, и научилъ бы ихъ спрашивать: Сколько? и вообще помогъ бы ему.

Бреде Кристенсенъ былъ у меня такимъ молодцомъ въ Парижѣ. Онъ долженъ былъ выучить меня по-французски. „И когда ты выучишься по-французски, то будетъ довольно легко выучиться по-итальянски и испански“, сказалъ онъ. Вотъ уже цѣлыхъ три языка, думалъ я. „А отсюда и къ португальскому не Богъ вѣсть какой трудный переходъ“, сказалъ онъ еще, однимъ словомъ, чтобы подзадорить меня; онъ отчасти обнадеживалъ меня даже языкомъ басковъ. Но я никогда не выучился по-французски, и такимъ образомъ, и остальные языки отпали сами собой. И хотя Бреде Кристенсенъ положилъ, пожалуй, вдвое меньше труда, чѣмъ я, все же онъ теперь—профессоръ египтологiи въ Лейденѣ. Но въ Россiи онъ, конечно, оказался бы совершенно безпомощнымъ, и пришлось бы звать меня.

Мои спутники не вставали. Мы ѣдемъ по равнинѣ, пересѣкаемъ болота, поля ржи. Въ равнинѣ иногда попадаютъ лиственные лѣса, березы и ольхи, какъ у меня на родинѣ, и маленькiя птички на деревьяхъ. Въ ямѣ, гдѣ берутъ щепень, съ кирками и лопатами, работаютъ мужчины и женщины. Это—славяне, думаю я, и я не вижу, чтобы они вели себя иначе, чѣмъ германцы. Они и одѣты, какъ мы, и столь же трудолюбивы, они только провожаютъ поѣздъ

голубыми глазами, и потомъ снова работаютъ. Мы проѣзжаемъ мимо кирпичнаго завода, кирпичи кладутъ на землю для просушки на солнцѣ. Рабочіе одинаково неутомимо трудятся и здѣсь, и я не вижу никакого надсмотрщика съ кнутомъ въ рукѣ.

Вся мѣстность раскинулась просторно и открыто. Налѣво лѣсъ, дорожка врѣзается въ лѣсъ, и по ней идетъ человекъ. Столько родного въ этомъ зрѣлищѣ,—я такъ давно не былъ на родинѣ и теперь смотрю на это съ радостью. Дорожка на половину заросла, и человекъ, идущій по ней, несетъ мѣшокъ на спинѣ. Куда ему нужно такъ рано по утра? думаю я; очевидно, у него есть какое-нибудь дѣло по другую сторону лѣса. Онъ плетется впередъ такимъ медленнымъ и ровнымъ шагомъ, потомъ я его не вижу больше.

Снова начинается широкая равнина, здѣсь пасется стадо. Пастухъ опирается о свой длинный посохъ и смотритъ на насъ, онъ одѣтъ въ тулупъ, хотя мороситъ дождь. Это—старикъ, я смотрю ему прямо въ лицо и машу ему съ платформы, но онъ не отвѣчаетъ. Онъ, пожалуй, столь же счастливъ, какъ и мы, остальные, ему нужно немного пищи, кой-какое платье и одна икона; но маленькое право голоса въ селѣ можетъ быть для него не самое дорогое на свѣтѣ. Хотѣлось бы знать, вспоминаетъ ли онъ путешественника, который махалъ ему изъ поѣзда, какъ я теперь сижу здѣсь и вспоминаю его.

Черезъ пятнадцать часовъ ѣзды отъ Петербурга мои спутники, наконецъ, встаютъ. Мы въ Москвѣ.

II.

До сихъ поръ, я былъ въ четырехъ изъ пяти частей свѣта. Разумѣется, я не былъ въ нихъ всюду, а въ Австраліи я вовсе не былъ, все-таки я достаточно побродилъ по

широкому свѣту и видѣлъ кое-что; но равнаго Московскому Кремлю я ничего не видѣлъ. Я видѣлъ красивые города, и нахожу, что Прага и Будапештъ красивы: но Москва сказочна. Впрочемъ, я слышалъ, что сами русскіе говорятъ: Масква. Правильно ли это или нѣтъ?

У Спасскихъ воротъ извозчикъ оборачивается на козлахъ, снимаетъ шапку и предлагаетъ намъ сдѣлать то же самое. Царь Алексѣй установилъ эту церемонію. Мы обнажаемъ наши головы, мы видимъ, что и всѣ другіе, ѣдущіе и пѣшіе, проходятъ ворота съ обнаженной головой; извозчикъ ѣдетъ дальше—и мы въ Кремль.

• Въ Москвѣ четыре съ половиною сотни церквей и часовенъ, и, когда на всѣхъ колокольняхъ звонятъ колокола, то воздухъ дрожитъ надъ миллионнымъ городомъ. Съ высоты Кремля открывается море великолѣпія. Я не представлялъ себѣ такого города на землѣ: зеленые, красные и золотые купола и верхушки башенъ со всѣхъ сторонъ. Это золото и эта синева затемняетъ все, что мнѣ снилось. Мы стоимъ возлѣ памятника Александра и держимся за перила и смотримъ въ даль, и здѣсь некогда говорить что-нибудь, но наши глаза становятся влажными.

Направо отъ насъ, передъ арсеналомъ, стоитъ Царь-пушка. Она такъ неимоверно велика, что напоминаетъ мнѣ круглый корпусъ локомотива. Жерло, шириною ровно въ одинъ метръ въ діаметръ, и ядра вѣсятъ тысячу килограммовъ. Я читалъ, что она пускалась въ дѣло, но я не знаю настоящей ея исторіи; на ней число 1586 г. Москвичи часто воевали и часто защищали свой священный городъ. Возлѣ огромнаго колокола, лежащаго на землѣ въ другомъ мѣстѣ, находятся сотни завоеванныхъ пушекъ. Колоколь, Царь-Колоколь, вышиною въ восемь метровъ и можетъ вмѣстить двадцать человекъ.

Въ Кремлѣ, на возвышеніи, стоитъ Успенскій соборъ. Церковь не очень велика, но это—церковь съ наибольшимъ

количеством драгоценных камней на землѣ. Здѣсь коронуются цари. Золото, серебро, драгоценные камни всюду, орнаменты, мозаика отъ земли до самого свода, сотни иконъ, изображенія патріарховъ, образа Христа, темная живопись. Есть одинъ уголокъ въ церкви, гдѣ еще осталось немного свободного мѣста: тамъ, гдѣ каждый новый царь укрѣпляетъ огромный драгоценный камень въ даръ церкви. Тамъ было очень маленькое мѣстечко, ожидающее камней новыхъ царей. И теперь горятъ здѣсь въ стѣнѣ брилліанты, сапруды, сапруды, рубины.

Тамъ есть и еще нѣсколько мелочей, которыя показываетъ церковный сторожъ. Въ то время какъ набожные москвичи стоятъ передъ разными алтарями и творятъ свои молитвы, служитель, не слишкомъ тихимъ голосомъ, объясняетъ, что это—часть ризы Христовой, это, подъ стекломъ,—гвоздь изъ Креста Господня, а это, въ ящикѣ подъ замкомъ,—частица ризы Дѣвы Маріи. Мы съ радостью даемъ денегъ служителю и нищимъ у дверей и уходимъ, совершенно пораженные сказкой.

У меня нѣтъ никакого чувства, что я преувеличиваю. Можетъ быть, и вкралась ошибка въ мое воспоминаніе о церкви, потому что я не могъ дѣлать замѣтокъ на мѣстѣ же, пока я былъ тамъ и былъ ошеломленъ и не видѣлъ никакого конца этимъ несслуханнымъ сокровищамъ; но я увѣренъ, что еще многого, очень многого я не перечислилъ и даже не видѣлъ. По всѣмъ угламъ сверкало, а свѣтъ былъ слабый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, такъ что многія детали пропали для меня. Но церковь—одна большая драгоценность. Богатство украшеній все же было не всегда пріятно, особенно помню я, что царскіе тяжелые, огромные камни на стѣнѣ показались мнѣ нелѣпыми и безвкусными. Когда я впоследствии увидѣлъ персовъ съ однимъ брилліантомъ на шапкѣ, то это показалось мнѣ красивѣе.

И мы осмотрѣли памятникъ Пушкина, посѣтили нѣ-

сколько церквей, пару дворцовъ, Грановитую палату, музеи, Третьяковскую галерею. И поднимались на колокольню Ивана Великаго съ четырьмястами пятьюдесятью ступеней и смотрѣли на Москву. Лишь отсюда можно обозрѣть величье безпримѣрной Москвы.

Но какъ міръ малъ. Я нахожусь въ центрѣ Россіи, и въ одинъ день встрѣчаю капитана Тавастшерну на улицѣ...

Часъ отъѣзда рѣшенъ. Безполезно вымалывать еще одинъ лишній день; здѣсь еще столько смотрѣть. Самъ Мольтке затерялся немного въ этомъ городѣ, онъ пишетъ, что Москва—городъ, „который можно представить мысленно, но котораго никогда нельзя увидѣть въ дѣйствительности“. А вѣдь онъ какъ разъ стоялъ на колокольнѣ Ивана Великаго и смотрѣлъ на Москву...

Я стою въ дверяхъ нашей гостиницы и вижу, что пуговица на моей зеленой курткѣ ослабла. Это самая важная пуговица, думаю я, и пытаюсь затянуть ее, но дѣлаю только хуже. У меня, конечно, были нитки съ иглой съ собою; но въ которомъ изъ чемодановъ? Вотъ вопросъ. Однимъ словомъ, я отправляюсь въ городъ разыскивать портного.

Я иду и иду. Я не знаю, какъ портной по-русски, по-фински я зналъ, и въ Финляндіи я хорошо объяснялся цѣлый годъ, а здѣсь вотъ не знаю. Я брожу четверть часа по улицамъ и заглядываю въ окна, не сидитъ ли кто и не шьетъ ли; но счастье мнѣ неблагопріятно.

Въ какихъ-то дверяхъ стоитъ пожилая женщина. Я хочу пройти мимо женщины и не имѣть съ ней никакого дѣла, но она говоритъ мнѣ что-то и кланяется и показываетъ на мою болтающуюся пуговицу. Я киваю; въ томъ-то и дѣло, что пуговица ослабла, и что я ищу портного. И я знаками спрашиваю ее о портномъ. Женщина кланяется и начинаетъ итти впереди меня и показывать. Мы идемъ нѣсколько минутъ, и женщина останавливается у какихъ-то дверей. Здѣсь она указываетъ на верхъ дома и хочетъ оставить меня,

она кланяется, рѣшительно довольная всѣмъ. Я вынимаю серебряную монету и показываю женщинѣ и хочу взять ее съ собою на лѣстницу. Этого она не понимаетъ—или, можетъ быть, не такъ понимаетъ: она не хочетъ. Я рѣшаю итти самому впередъ и по возможности увлечь ее съ собою, такъ какъ я понимаю, что безъ ея помощи мнѣ невысказано найти портного въ этомъ большомъ домѣ. Я показываю ей монету, и киваю ей и поднимаюсь по лѣстницѣ. Тогда она смѣется страннымъ смѣхомъ и все-таки идетъ за мною, хотя и дѣлаетъ это, качая головой. Старая бестія!

У первыхъ же дверей я указываю на пуговицу на моей курткѣ, и указываю на дверь и вопросительно смотрю на нее. Тогда ее осѣняетъ мысль, что я дѣйствительно ищу портного, ея смѣхъ прекращается, но и она довольна такимъ оборотомъ дѣла, и теперь ведетъ уже она и бѣжитъ впередъ по лѣстницѣ. Она бѣжитъ до самаго верха и стучитъ въ дверь, гдѣ имѣется нѣсколько странныхъ буквъ на картонѣ. Какой-то человекъ отворяетъ. Женщина сдаетъ меня ему, смѣясь и что-то долго говоря; все это время человекъ стоитъ за дверью, а женщина и я—снаружи. Когда человекъ, наконецъ, понялъ, что у меня серьезное и твердое намѣреніе дать крѣпко пришить пуговицу, потому что я не могу добраться до моихъ швейныхъ принадлежностей, онъ раскрываетъ дверь настежь. Я плачу женщинѣ, она взглядываетъ на монету и кланяется и называетъ меня генераломъ и княземъ. Она кланяется еще разъ и спускается по лѣстницѣ.

Обстановка въ комнатѣ портного состоитъ изъ стола, пары стульевъ, дивана и одной иконы, видно еще и нѣсколько картинъ религіознаго содержанія на стѣнахъ. На полу играютъ двое дѣтей. Жены портного, очевидно, не было дома, оставался только отецъ съ дѣтьми. Я глажу дѣтей по головкѣ, и они смотрятъ на меня темными, черными глазами. Пока портной пришиваетъ пуговицу, мы съ дѣтьми становимся друзьями, они разговариваютъ со

мною и показываютъ мнѣ разбитую чашку, съ которою они играютъ. Я хлопаю руками и дѣлаю видъ, что чашка великолѣпна. Они отыскиваютъ и приносятъ мнѣ много вещей, и, наконецъ, мы начинаемъ строить домъ на полу.

Когда пуговица была пришита, я спрашиваю: Сколько?

Портной что-то отвѣтилъ, чего я не понялъ.

О портныхъ я раньше зналъ, что если ихъ спросить, сколько имъ слѣдуетъ за укрѣпленіе пуговицы, они отвѣчаютъ: Ничего не нужно. Или: Сколько сами положите. А это — уловка. Если я самъ буду оцѣнивать, то пуговица обойдется мнѣ дорого. Придется по мѣрѣ силъ быть графомъ и дать много. А портной могъ бы откровенно и честно потребовать двадцать пять эръ и получить ихъ; если же я самъ буду цѣнить, то получится пятьдесятъ. И вотъ этотъ русскій портной стоялъ и зналъ уловку и говорилъ что-нибудь въ томъ смыслѣ, что я долженъ рѣшить самъ. Откуда мнѣ было знать цѣны на различныя вещи въ Россіи? Онъ объ этомъ не подумалъ.

Я показалъ на самого себя и сказалъ: Иностранецъ.

Онъ улыбнулся, и кивнулъ, и отвѣчалъ.

Я повторилъ.

Онъ отвѣтилъ еще больше; но слова „копейка“ онъ не произнесъ.

И мнѣ снова пришлось быть графомъ. Можно не разъ пытаться путешествовать, какъ маленькій гражданинъ, и это ничего не поможетъ.

На улицѣ я рѣшилъ ѣхать назадъ въ гостиницу на конкѣ. Когда я порядочно отѣхалъ, подходитъ кондукторъ и говоритъ мнѣ что-то. Очевидно онъ спрашиваетъ, куда мнѣ нужно, подумалъ я; я назвалъ гостиницу. И вотъ весь вагонъ смотритъ на меня и начинаетъ дѣлать свои замѣчанія, а кондукторъ указываетъ назадъ, далеко назадъ, что я, молъ, ѣду въ совершенно противоположномъ направленіи, а гостиница—тамъ. И мнѣ приходится вылѣзть.

Пока я брожу по улицѣ, я замѣчаю, что много народа входитъ въ одинъ домъ и поднимается по лѣстницѣ во второй этажъ. Тамъ, пожалуй, есть на что посмотрѣть, и я вошелъ. Какой-то человѣкъ заговариваетъ со мной на лѣстницѣ. Я улыбаюсь, и смѣюсь, и снимаю шляпу. Тогда человѣкъ тоже улыбается и идетъ рядомъ со мной, онъ открываетъ дверь и пропускаетъ меня.

Здѣсь большое собраніе, ресторанъ. Теперь мой человѣкъ начинаетъ представлять меня, онъ что-то говоритъ окружающимъ и я понимаю, что онъ объясняетъ, какъ онъ нашелъ меня на лѣстницѣ. Я кланяюсь всѣмъ и вынимаю мой большой паспортъ. Никто не понимаетъ его. Я показываю, что мое имя написано здѣсь и что я такой-то и такой-то. Они ничего не понимаютъ, но они хлопаютъ меня и находятъ, что у меня все въ порядкѣ. Потомъ одинъ изъ нихъ подходитъ къ стойкѣ и требуетъ музыки. И тотчасъ же начинаетъ играть органъ. Это въ честь тебя! думаю я и встаю и кланяюсь во всѣ стороны. Какъ по волшебному знаку, мнѣ начинаетъ становиться очень весело, я спрашиваю вина, и насъ набирается довольно таки много распивать его. По залу прошелъ слухъ, что въ Москвѣ я—пріѣзжій, и нашелся человѣкъ, говорящій по-французски; но мнѣ казалось, что все шло хорошо и по-русски, и вдобавокъ я не силенъ во французскомъ, такъ что появленіе человѣка было мнѣ неприятно. Но мы наливаемъ и ему и усаживаемъ его съ нами.

Здѣсь пестрая жизнь и много странныхъ одѣяній, изысканныхъ и простыхъ, попеременно. За прилавкомъ стоитъ пожилая женщина и молодая дѣвушка. Одинъ господинъ, при удобномъ случаѣ, говоритъ что-то молодой дѣвушкѣ, и мнѣ представляется, что къ ней обращаются съ этимъ впервые. Одно мгновеніе она стоитъ и не понимаетъ, потомъ она краснѣетъ. Блаженъ, кто еще можетъ краснѣть въ первый разъ! Въ жизни нѣтъ ничего, равнаго первому разу. Потомъ уже краснѣютъ только отъ стыда.

Когда я уходилъ, два лакея бросились внизъ по лѣстницѣ и раскрыли предо мной выходную дверь и называли меня превосходительствомъ.

— Я опять брожу по улицамъ, но я не знаю, гдѣ я, какъ не знаю дороги домой. Это—несравнимое ощущеніе, я заблудился; никто не знаетъ, что это за чувство, кто не испыталъ. Я по своей волѣ воспользовался моимъ законнымъ правомъ пройти. Я подхожу къ ресторану и рѣшаю войти и съѣсть что-нибудь, потому что и въ этомъ отношеніи я поступаю вполне, какъ хочу. Но такъ какъ здѣсь очень пышно и такъ какъ вдобавокъ ко мнѣ подходитъ свѣтловолосый лакей во фракѣ, то я нахожу болѣе подходящимъ другое мѣсто, мимо котораго я только что прошелъ, и я возвращаюсь назадъ къ первому мѣсту. Здѣсь я усаживаюсь.

Здѣсь тоже большой ресторанъ, но у него не столь европейскій видъ, гости одѣты своеобразнѣе и два лакея, въ курткахъ. Въ глубинѣ, залъ теряется въ саду съ деревьями.

Я доволенъ и свободенъ. Точно я нашелъ убѣжище, и мнѣ долго ненужно торопиться домой. Я выучился произносить: щи. Немногіе выучиваются, но я выучился. И я могу написать это не такъ, какъ пишутъ нѣмцы. Щи—супъ съ говядиной. Но это не обыкновенный говяжій супъ, но великолѣпное русское блюдо съ разной говядиной и яйцами, и сметаной, и зеленью. И вотъ я требую шей и получаю. Но слуга хочетъ помочь мнѣ и въ дальнѣйшемъ и приноситъ еще разныхъ другихъ вещей. Кромѣ этого, я самъ спрашиваю икры, правильно ли это, или нѣтъ. И потомъ я спрашиваю пива.

Длинноволосый священникъ появляется вдругъ въ открытыхъ дверяхъ, и креститъ и благословляетъ насъ, и сдѣлавъ это, онъ направляется дальше по улицѣ. Я счастливъ, что нашелъ это мѣсто; здѣсь нѣсколько подалеже сидятъ нѣсколько добрыхъ, пожилыхъ людей и тихо разговариваютъ и ѣдятъ,

и лица у нихъ не отвратительныя и безобразныя, какъ обыкновенно бываетъ у стариковъ, но, наоборотъ, открытыя и крѣпкія, и у нихъ вполнѣ густые волосы. Славяне! думаю я и смотрю на нихъ, народъ будущаго, завоеватели міра послѣ германцевъ! У такого народа можетъ возникнуть литература, какъ русская, безпредѣльно, вздымаясь до небесъ, восемью глубокими, горячими источниками, въ лицѣ его восьми гигантовъ-поэтовъ. Намъ, другимъ, уже давно нужно было попытаться присмотрѣться къ нимъ и сблизиться съ ними. Но театральное хозяйство они предоставляютъ другимъ поэтамъ.

Народъ приходитъ и уходитъ. Является компанія нѣмцевъ, и располагается рядомъ съ моимъ столомъ и громко выкрикиваетъ свои нѣмецкія восклицанія. По ѣдѣ и напиткамъ, которыя имъ приносятъ, я заключаю, что они намѣрены сидѣть долго, и я дѣлаю знакъ слугѣ перенести мой приборъ въ глубину зала, къ саду и деревьямъ; но онъ не понимаетъ. Тогда одинъ изъ нѣмцевъ любезно спрашиваетъ, что мнѣ угодно, и я вынужденъ прибѣгнуть къ его помощи. Меня пересадили, но я забываю поблагодарить нѣмца, и мнѣ приходится пройти назадъ черезъ весь залъ и сдѣлать это.

Слуга подаетъ мнѣ жаркое. Мнѣ довольно трудно ѣсть еще, послѣ сытныхъ щей, но слуга во всякомъ случаѣ поступаетъ правильно, онъ исходитъ изъ того, что мужчина долженъ ѣсть много, чтобы потомъ и выдерживать долгое время; это—взглядъ здоровыхъ людей. Я хочу курить и пить кофе, и получаю и папиросы и кофе, сдѣлавъ знакъ одинъ только разъ.

За однимъ изъ столовъ сидитъ общество, съ виду похожее на семью изъ отца, матери, двухъ сыновей и одной дочери. У молодой дѣвушки темные глаза, непроницаемые и глубокіе, міръ. Руки у нея большія и длинныя. Я сижу и смотрю на нее и подыскиваю одно слово, которое могло бы выразить всю ея внѣшность и сущность: это—нѣжность. Тихо ли она

сидитъ, наклоняется ли въ сторону, смотритъ ли на кого-нибудь, она нѣжна во всемъ. Взглядъ у нея такой добрый и довѣрчивый, какъ у молодой кобылицы съ жеребенкомъ. Я читалъ, будто у славянъ выдающіяся скулы, и у нихъ это есть, и большія скулы дѣлали ихъ похожими лицомъ на лошадей; но было любопытно смотрѣть на нихъ. Потомъ глава семейства расплачивается, и компанія уходитъ.

Я продолжаю сидѣть за полнымъ столомъ, и слуга ничего не убираетъ. И хорошо, потому что, пожелай я, наконецъ, съѣсть кусокъ мяса, все было бы къ моимъ услугамъ. Я въ самомъ дѣлѣ начинаю посматривать на ѣду; кто сказалъ, что табакъ и кофе не хороши въ серединѣ обѣда? Говоря короче, одинъ я здѣсь могу дѣлать какое угодно заключеніе. Я съ отличнымъ аппетитомъ ѣмъ мясо.

Я сижу здѣсь и чувствую себя дома, т.-е. далеко, стало быть, въ своей тарелкѣ. Самый уютный ресторанъ, въ какомъ я сидѣлъ. И вотъ я встаю, и подхожу къ образу, и кладу поклонъ и крещусь, какъ дѣлали другіе. Ни слуга, какъ и никто изъ посѣтителей не обращаетъ на это вниманія, и я не чувствую ни малѣйшей неловкости, возвращаясь назадъ на свое мѣсто. Радость очутиться въ этой великой странѣ, о которой я такъ много читалъ, становится моимъ единственнымъ чувствомъ, она переходитъ во внутреннюю необузданность, которое въ данное мгновеніе я и не стараюсь обуздать. И вотъ я начинаю напѣвать, не съ тѣмъ, чтобы оскорбить кого-нибудь, но чтобы радоваться самому. Я сижу и вижу, что масло на столѣ трогали пальцами, на немъ два добрыхъ отпечатка. Что же изъ этого? думаю я, на Кавказѣ будетъ еще хуже, масло—нѣжный товаръ. Я пользуюсь удобнымъ случаемъ и вонзаю нѣсколько разъ вилку въ масло и дѣлаю его неузнаваемымъ. Потомъ я ловлю себя на томъ, что психологически это неправильно, и не поддаюсь дальнѣйшему внушенію.

Я могъ бы просидѣть въ ресторанѣ гораздо дольше, но

приходить нѣмецъ и выгоняетъ меня. Ему нужно въ одно загороженное мѣсто въ саду, и по дорогѣ туда онъ заговариваетъ со мной, предлагаетъ свою помощь и впредь, если мнѣ понадобится. Онъ чрезвычайно любезенъ, и я очень благодаренъ этому человѣку; но онъ принижаетъ меня и сравниваетъ меня съ землею. Какъ только онъ ушелъ, я расплачиваюсь и произношу одно слово, которое я выучилъ еще въ Финляндіи: Извозчикъ. И слуга приводитъ князю извозчика.

Извозчику я говорю: Вокзалъ. Но въ Москвѣ пять желѣзнодорожныхъ станцій, и кучеръ спрашиваетъ: который? Я дѣлаю видъ, что припоминаю. Такъ какъ на это уходитъ время, извозчикъ начинаетъ отгадывать, и когда онъ доходитъ до рязанскаго вокзала, я подтверждаю и говорю, что этотъ. И извозчикъ везетъ меня туда и крестится передъ каждой церковью, мимо которой мы ѣдемъ, и передъ каждымъ воротами, гдѣ имѣется икона.

У меня было смутное представленіе, дѣйствительно ли на рязанскій вокзалъ мнѣ нужно, но оказалось, что я былъ правъ. Приѣхавъ туда, я безъ труда нашель дорогу въ гостиницу.

III

Было слишкомъ поздно ѣхать въ тотъ же день, и мы уѣхали на слѣдующій день. Если бъ мнѣ еще разъ повидать Москву!

Къ нашему изумленію, на станціи мы снова встрѣтились съ дамою со множествомъ брильянтовыхъ колецъ на пальцахъ. Она ѣхала съ тѣмъ же поѣздомъ. Это странное совпаденіе получило нѣкоторое объясненіе въ глубинѣ земли донскихъ казаковъ. Молодой гвардеецъ тоже ѣдетъ, онъ присоединился къ дамѣ, они бесѣдуютъ и смотрятъ другъ на друга восхищенными глазами. У него георгіевскій крестъ на груди. Я обращаю вниманіе, что на его золотомъ

портсигарѣ имѣется гербъ и корона. Я не могу понять, какъ эти два человѣка стали неразлучны, у нихъ есть даже собственное маленькое купе, куда никто не входитъ. Должно быть они—мужъ и жена, новобрачные, остановившіеся въ Москвѣ повеселиться. Но на станціи въ Петербургѣ, казалось, они не знали другъ друга. И ихъ прислуга явилась на вокзалъ не вмѣстѣ.

Мы проѣзжаемъ мимо московскаго дачнаго поселка. Несчетное количество домиковъ, современныхъ швейцарскихъ, скучныхъ. Но черезъ три часа ѣзды отъ Москвы мы уже среди безконечныхъ полей ржи и пшеницы, въ русской черноземной полосѣ.

Начались осеннія полевые работы. Здѣсь пахутъ гуськомъ, двѣ или три лошади идутъ другъ за другомъ, каждая съ маленькой деревянной сохой, сзади идетъ лошадь съ бороной. Я вспоминаю, какъ мы пахали въ Америкѣ, въ безконечныхъ преріяхъ Красной рѣки, въ десять плуговъ, дни и недѣли. И мы сидѣли на плугѣ, какъ въ креслѣ, подъ нимъ были колеса, и мы сидѣли, и пѣли, и ѣхали.

То здѣсь, то тамъ движутся люди въ равнинѣ, они обрабатываютъ землю, женщины и мужчины; у женщинъ красныя блузы, а мужчины въ бѣлыхъ и сѣрыхъ грубыхъ рубахахъ безъ куртокъ, нѣкоторые въ тулупахъ. Вдоль всей дороги—села съ крытыми соломой избушками.

Благодаря нашимъ спутникамъ, семьѣ инженера, въ купе стало извѣстно, что мы двое ѣдемъ на Кавказъ и не знаемъ языка,—инженеръ долженъ какъ разъ ѣхать на Дербентъ и на пароходѣ, Каспійскимъ моремъ, въ Баку, тогда какъ намъ нужно ѣхать черезъ горы, въ Тифлисъ. Когда кондукторъ прорѣзаетъ наши билеты, по близости стоитъ какой-то офицеръ и слышитъ, что мы ѣдемъ во Владикавказъ, онъ уходитъ и возвращается съ другимъ офицеромъ, который обращается ко мнѣ и говоритъ, что онъ съ удовольствіемъ поможетъ намъ при перевалѣ черезъ горы. Ему нужно

туда же, говорить онъ, только сначала онъ заѣдетъ въ Пятигорскъ, городъ съ сѣрными источниками и купаньями и великосвѣтскимъ обществомъ. Онъ пробудетъ тамъ недѣлю, а мы въ это время должны только подождать его во Владикавказѣ. Я благодарю офицера. Онъ — толстый, довольно пожилой человѣкъ, но со странно-щегольскими манерами; онъ говоритъ на многихъ языкахъ, громко и свободно, но съ ошибками. Лицо у него непріятное, еврейское.

Инженеръ, могущій все и знающій все въ этой странѣ, предлагаетъ намъ сунуть кондуктору два рубля, чтобы получить отдѣльное купѣ. Мы дали и насъ перевели. Потомъ ему пришло въ голову, что намъ слѣдуетъ дать ему еще разъ, чтобы онъ взял у насъ билеты. Иначе ночью насъ будутъ будить при каждой смѣнѣ кондукторовъ. И мы сунули ему еще разъ, сколько было по карману. Все было устроено тутъ же. Удобная и практическая система взятокъ. Останавливаешь такого-то вотъ кондуктора во время его поспѣшнаго служебнаго обхода по поѣзду и роняешь одно слово объ отдѣльномъ купѣ. Это слово сказано не въ обиду, кондукторъ уходитъ, но, спустя нѣкоторое время, онъ возвращается, и купѣ готово. Онъ нагружаетъ на себя большую часть багажа и идетъ впередъ, а мы слѣдуемъ за нимъ гуськомъ и скоро оказываемся въ маленькой комнаткѣ, которая принадлежитъ намъ однимъ. И теперь мы просто-напросто кладемъ кондуктору въ руку наши два рубля. Мы всѣ смотримъ на него, и онъ смотритъ на насъ и благодаритъ, и обѣ стороны довольны. Конечно, приходится вступать въ маленькую сдѣлку и съ каждымъ новымъ кондукторомъ, но ему-то можно безъ всякаго стыда предложить гораздо меньшую взятку, только въ видѣ дружескаго подарка.

Наступаетъ ночь, становится все темнѣе и темнѣе. Купѣ освѣщается парой стеариновыхъ свѣчей въ стеклянныхъ фонаряхъ, но это—скудный свѣтъ, и намъ ничего больше не остается, какъ ложиться и спать.

Отъ поры до времени, сквозь сонъ, я слышу свистокъ локомотива. Это—не обычный свистокъ, какъ у локомотивовъ въ другихъ странахъ свѣта, напротивъ, онъ раздается, какъ корабельная сирена. Здѣсь, среди русскихъ равнинъ, поѣздъ—единственный корабль.

Ночью я просыпаюсь отъ жары въ купѣ. Я пытаюсь подняться и открыть вентиляторъ въ потолкѣ, но не могу достать его. Тогда я падаю назадъ и снова засыпаю.

*

Ясное утро, воскресенье, шесть часовъ. Мы стоимъ на станции въ городѣ Воронежѣ. Здѣсь родился Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, здѣсь онъ бродилъ по полямъ и писалъ. Онъ будто никогда не научился писать на своемъ языкѣ грамотно, но онъ былъ поэтъ и шестнадцати лѣтъ отъ роду уже написалъ книгу стиховъ. Его отецъ, какъ простой скотопромышленникъ, не могъ имѣть крѣпостныхъ, но у него были средства, и онъ покупалъ и бралъ въ залогъ крѣпостныхъ. И вотъ среди нихъ была Дуняша, молодая дѣвушка, которую любилъ поэтъ Кольцовъ и былъ любимъ. Говорятъ, онъ ей написалъ прекрасные стихи. Онъ ходилъ и пасъ отцовскій скотъ на лугахъ и написалъ множество пламенныхъ и полныхъ тоски стиховъ. Но однажды онъ посланъ былъ за покупкой скота, и отецъ взялъ и продалъ Дуняшу помѣщику далеко на Дону. Когда молодой Кольцовъ вернулся домой и узналъ объ этомъ, то онъ смертельно заболѣлъ, и снова выздоровѣлъ, и никогда не забывалъ Дуняши и сталъ теперь писать стихи еще лучше, чѣмъ когда-либо раньше. Потомъ онъ былъ „открытъ“ дворяниномъ Станкевичемъ и пріѣхалъ въ Москву и Петербургъ, гдѣ испортился и сталъ пьяницей и сошелъ въ могилу тридцати четырехъ лѣтъ отъ роду.

Изъ-за своей любви.

Въ Воронежѣ стоитъ ему памятникъ....

Гвардеецъ и дама съ брилліантовыми кольцами раскрыли свою дверь отъ жары. Я вижу ихъ въ купѣ, они уже встали и совершенно одѣты, но лица у обоихъ печальны. Маленькій узелокъ на ниточкѣ, думаю я. Но немного спустя я этого больше не думаю, они шепчутся по-французски и нѣжны другъ съ другомъ даже на нашихъ глазахъ. Когда офицеръ хочетъ уходить, дама внезапно удерживаетъ его на одинъ мигъ и откидываетъ его голову назадъ и цѣлуетъ его. И они улыбаются другъ другу и ихъ только двое во всемъ поѣздѣ. Отношенія были какъ нельзя лучше. Нельзя было не видѣть, что они новобрачные.

Оказывается, что со свѣчи въ купѣ всю ночь капалъ стеаринъ на мою куртку. Я открываю это теперъ, но слишкомъ поздно, мой внѣшній видъ значительно испорченъ, и я скребу стеаринъ ножомъ и ногтями. Я бы утѣшился, если бъ кромѣ меня стеаринъ обезобразилъ и другихъ, но хитрый инженеръ, конечно, не повѣсилъ своего платья у другого фонаря. Мнѣ попадается кто-то изъ поѣздной прислуги, и я убѣждаю его на разныхъ языкахъ, что со мною нужно сдѣлать что-нибудь, и человекъ горячо киваетъ мнѣ въ отвѣтъ, что онъ согласенъ со мной. Послѣ этого я его отпускаю. Я, само собою разумѣется, думаю, что черезъ мигъ онъ вернется и сдѣлаетъ со мною, что нужно. Въ душѣ, я вижу его съ разными жидкостями и горячимъ утюгомъ, и кускомъ сукна, и пропускной бумагой, и углями, и щеткой. Потому что я весь въ пятнахъ.

Возлѣ меня стоитъ черкесскій офицеръ, и у него такой видъ: на немъ высокіе лакированные сапоги, широкія брюки и коричневый складчатый бурнусъ съ кожанымъ поясомъ. Спереди за поясомъ длинный кинжалъ на животѣ, рукоятка у него рѣзная и золоченая. Поперекъ груди торчатъ верхушки восемнадцати круглыхъ металлическихъ трубочекъ, въ родѣ наперстковъ съ гранатовымъ донышкомъ. Это бу-тафорскіе патроны. На головѣ у него барашковая шапка.

Проходятъ армянскіе евреи. Это—купцы, богатый народъ, которыхъ, повидимому, не гнететъ никакая земная нужда. Они ходятъ въ черныхъ кафтанахъ изъ шелковаго атласа и отдѣланныхъ серебромъ и золотомъ поясахъ. Двое изъ евреевъ очень красивы, но у молодого мальчика, котораго они везутъ съ собою, лицо евнуха и заплывшее жиромъ тѣло. Крайне отвратительное впечатлѣніе производитъ то, что его спутники обращаются съ нимъ, какъ съ дамой. Такіе еврей-торговцы постоянно разъѣзжаютъ между Россіей и Кавказомъ. Изъ большихъ городовъ они возятъ съ собою товары въ горы, оттуда же возвращаются въ большіе города съ издѣліями и коврами горцевъ.

Поѣздъ идетъ. Мы дѣлаемъ огромную дугу, еще черезъ двадцать минутъ въ сторонѣ виднѣтся большой Воронежъ со своими тысячами домовъ, куполами и верхушками башенъ. Потомъ мы пересѣкаемъ большія поля съ арбузами и подсолнечниками, посаженными вперемѣшку въ одномъ и томъ же полѣ. Арбузы лежатъ на землѣ, какъ большіе желтые комья снѣга, а подсолнечники вздымаются надъ ними, какъ огненно-желтый лѣсъ въ равнинѣ. Подсолнечникъ разводятъ въ южной и средней Россіи изъ-за масла. Цвѣточные лепестки маринуются и превращаются въ лакомство высокаго достоинства. Кромѣ того, здѣсь всюду видны люди, которые ходятъ и жуютъ подсолнечное сѣмя, выплевывая шелуху. Это — потѣшный и чистый жевательный табакъ здѣшняго народа. Кондукторъ стоитъ и добродушно пожевываетъ, прорѣзая наши билеты, кучеръ на козлахъ, лавочники за прилавкомъ также пожевываютъ и почтальоны въ городахъ ходятъ отъ двери до двери со своими письмами и жуютъ подсолнечное сѣмя, выплевывая шелуху.

На горизонтѣ мы замѣчаемъ большое черное пятно не высоко надъ землей. Оно похоже на воздушный шаръ, который тихо стоитъ въ равнинѣ и не поднимается выше. Намъ объясняютъ, что мы видимъ корону большого дерева.

Въ каменноугольномъ бассейнѣ это называется „деревомъ“.

Мы на Дону.

Безчисленные стога соломы и сѣна, стоятъ, какъ улья, въ равнинѣ, то здѣсь, то тамъ стоитъ вѣтряная мельница, мертвая и тихая, стада коровъ пасутся почти неподвижно. Отъ поры до времени я пытаюсь сосчитать животныхъ, произвести быстрый подсчетъ, и я дѣлаю это слѣдующимъ образомъ: сначала я сосчитываю гдѣ-нибудь ровно пятьдесятъ головъ и смотрю, какую площадь онѣ занимаютъ въ равнинѣ, потомъ я закрываю одинъ глазъ и намѣчаю равную же площадь, которую складываю съ первой, получается сто животныхъ. Съ этихъ поръ я считаю только площадями въ сто головъ, причѣмъ мнѣ приходится то прибавлять, то убавлять, соображаясь съ тѣмъ, идетъ ли скотъ густою толпою или вразсыпную. Такимъ образомъ, я нахожу, что стада бываютъ до и свыше тысячи воловъ, коровъ и телятъ. Два или три пастуха стерегутъ гурты съ длиннымъ посохомъ въ рукѣ; они ходятъ въ тулупахъ на жаркомъ солнцѣ и живутъ совсѣмъ безпечно дни свои, хотя у нихъ нѣтъ собакъ. Мнѣ вспоминается жизнь среди огромныхъ пастбищъ въ Техасѣ, гдѣ пастухи разбѣзжаютъ верхомъ и гдѣ имъ приходится прибѣгать къ револьверу противъ сосѣднихъ пастуховъ, крадущихъ скотъ. Самъ я не испыталъ этого, я нѣсколько разъ пытался получить мѣсто ковбоя, но былъ забракованъ по разнымъ причинамъ. Кстати, о близорукости: я вижу теперь дальше, чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ. Зато теперь по ночамъ, когда я сижу при лампѣ, зрѣніе начинаетъ еле-еле замѣтно убывать. И тогда приходится прибѣгать къ выпуклымъ очкамъ. А потомъ переходить на болѣе сильные очки и псалтирь.

Станція Колодезная. Здѣсь попадаются пестро одѣтыя женщины, на нихъ столько краснаго и синяго, что изъ поѣзда онѣ похожи на поле движущагося мака. Онѣ продаютъ фрукты,

и мы начинаемъ покупать виноградъ. Я хочу купить невѣроятное количество винограда, чтобы имѣть запасъ; но инженеръ отсовѣтовалъ: теперь какъ разъ время сбора винограда, и потомъ, по мѣрѣ приближенія къ Кавказу, виноградъ будетъ лучше. Женщины догадываются, что инженеръ удерживаетъ меня въ моей торговлѣ съ ними, но онѣ не отвѣчаютъ ему на это ненавистью, онѣ дружелюбно разговариваютъ съ этимъ человѣкомъ, знающимъ ихъ языкъ, и рассказываютъ ему много разныхъ вещей. Это — крѣпкія и здоровыя крестьянки съ загорѣлыми лицами, съ черными волосами и приподнятыми носами. Глаза у нихъ каріе. У нихъ красные и синіе платки на головѣ и шеѣ, потому что сегодня воскресенье, и у нихъ красныя и синія юбки. У многихъ овечьи сарафаны шерстью внутрь, у нѣкоторыхъ же полотняные сарафаны съ мѣховой опушкой. Но весь этотъ мѣхъ, въ которомъ онѣ ходятъ, не мѣшаетъ имъ быть босыми. Ноги у нихъ красивыя.

Начинается степь, но еще встрѣчаются группы ивъ или липъ возлѣ деревень. Стадо гусей бродитъ и щиплетъ траву въ степи, и я насчитываю до четырехсотъ въ одномъ большомъ стадѣ. Ближайшіе поворачиваются къ поѣзду и хотятъ насъ укусить, пока мы проѣзжаемъ мимо. Все мирно и тихо, потому что — воскресенье, вѣтряныя мельницы стоятъ, отъ поры до времени мы слышимъ колокольный звонъ. Мы часто видимъ бродячія толпы людей, это — народъ изъ церкви, онѣ идетъ и разговариваетъ о своихъ дѣлахъ, какъ народъ по дорогѣ изъ церкви у меня на родинѣ. Когда мы проѣзжаемъ деревни, дѣти машутъ намъ, и куры, въ смертномъ страхѣ, бѣгаютъ и прячутся.

Я кланяюсь офицеру, который хотѣлъ быть нашимъ спутникомъ по Кавказу, но онѣ отвѣчаетъ важно и холодно. Потомъ онѣ вдругъ узнаетъ меня и протягиваетъ обѣ руки. Онѣ не узналъ меня, теперь, разумѣется, узналъ въ тотъ же мигъ... Хорошо ли я спалъ? Мало удобствъ въ Россіи...

Стало быть, только одну недѣлю во Владикавказѣ, а потомъ онъ подѣдетъ. Въ Пятигорскѣ ему нельзя не заѣхать, тамъ—дамы!

Его еврейская фізіономія невыносима, и онъ самъ помогаетъ мнѣ избавиться отъ него. Когда я начинаю избѣгать его и отмалчиваться, онъ это сейчасъ же замѣчаетъ, отвѣчаетъ тѣмъ же, заговариваетъ съ другими и не обращаетъ на меня вниманія,—слава Богу.

Теперь всюду завариваютъ чай и всюду курятъ; многія дамы тоже курятъ. Достаютъ кипятокъ на станціяхъ, а чайники имѣются у самихъ пассажировъ; съ этихъ поръ чаепитіе продолжается до поздняго вечера.

Одиннадцать часовъ, солнце начинаетъ печь невыносимо въ купѣ. Мы открыли вентиляторъ въ потолокъ и наполовину спустили наше окно. Но теперь пыль!

Въ двѣнадцать часовъ мы на маленькой станціи, называющейся Подгорное. Здѣсь мы видимъ на песчаной дорогѣ форейторовъ, солдатъ, пустую карету съ цвѣточными гирляндами, запряженную четверкой, потомъ конвой верховыхъ казаковъ. Рядомъ со всѣмъ этимъ, пѣшкомъ, идетъ генераль и молодой офицеръ, оба въ мундирахъ. Карета, конвой и солдаты останавливаются у станціи въ ту самую минуту, когда подходит поѣздъ.

Теперь я слышу рыданія и французскія восклицанія въ купѣ новобрачныхъ, дама съ брильянтовыми кольцами выходитъ, блѣдная, заплаканная, смущенная, она оборачивается и обнимаетъ гвардейца въ дверяхъ, выпускаетъ его и вдругъ выбѣгаетъ изъ поѣзда. Смущенный и взволнованный господинъ остается, онъ бросается къ окну и смотритъ наружу.

Когда дама сошла на землю, ей дѣлаютъ на караулъ. Она бросается генералу на грудь, слышны радостныя привѣтствія и поздравленія по-французски; она оставляетъ генерала и бросается къ молодому офицеру, и эти три человѣка обнимаются и цѣлуются въ глубочайшемъ душевномъ вол-

неніи. То были отецъ, дочь и братъ? Братъ прибѣгалъ къ такимъ страннымъ восклицаніямъ. Ну, не плачь больше! говорятъ господа и успокаиваютъ ее и поглаживаютъ. Но дама все-таки плачетъ и только изрѣдка улыбается. Она рассказываетъ, что она заболѣла въ Москвѣ, но не хотѣла телеграфировать, пока не выздоровѣла и могла ѣхать дальше. Молодой человѣкъ называетъ ее милой и восторгается ея героической болѣзью, и молчаніемъ и великолѣпіемъ во всѣхъ отношеніяхъ. Инженеръ узнаетъ отъ одного изъ конвойныхъ, что это — князь ***, его дочь и женихъ дочери, молодые должны обвѣнчаться сегодня, теперь же; невѣста выздоровѣла и пріѣхала домой въ самое послѣднее мгновеніе, да благословить ее Господь!

И дама садится въ украшенную цвѣтами карету, а отецъ съ женихомъ садятся каждый на свою осѣдланную лошадь и ѣдутъ по обѣ стороны ея и все время разговариваютъ, наклоняясь къ ней. Когда же карета и всадники и конвой выѣхали на песчаную дорогу, дама машетъ назадъ отъ кареты—не то, что машетъ, но какъ бы нѣсколько взмахиваетъ платкомъ, прежде чѣмъ утираться имъ.

Потомъ нашъ локомотивъ свиститъ, и мы отъѣзжаемъ отъ станціи.

Но гвардеецъ все стоитъ, прижавшись лицомъ къ стеклу, пока только можетъ видѣть украшенную цвѣтами карету. Потомъ онъ запираетъ дверь своего купѣ и нѣсколько часовъ остается одинъ въ жаркой комнаткѣ.

*

Открывъ нашу дверь, мы выходимъ въ проходъ. Здѣсь расположился одинъ армянинъ. Онъ устроилъ себѣ цѣлую постель изъ подушекъ. Подъ нимъ вышитый желтый шелковый матрацъ и надъ нимъ полосатое шелковое одѣяло. Въ такой дорогой роскоши, онъ растянулся передъ опущеннымъ окномъ и въ тучѣ пыли. Онъ снялъ сапоги, и

бумажные носки на его ногах порядочно продырявлены, пальцы торчат наружу. Подъ головой у него двѣ подушки, наволочки очень грязныя, но сквозь проколотый узоръ въ ткани, въ отверстія видны собственно подушки, изъ шелка и шитыя золотомъ.

Приходятъ новые люди и располагаются въ проходѣ возлѣ армянина. Это—кавказскіе татары. Ихъ жены съ закрытыми лицами, одѣты въ одноцвѣтныя красныя бумажныя платья и сидятъ тихо и безмолвно на своихъ подушкахъ. Мужчины со смуглыми лицами, рослые, въ сѣрыхъ плащахъ поверхъ своихъ бурнусовъ и съ разноцвѣтными шелковыми шарфами вокругъ талии. За шарфомъ они носятъ кинжалы въ ножахъ.

Нашъ локомотивъ отапливается теперь сырою нефтью изъ Баку, и запахъ этого топлива въ сильной жарѣ гораздо неприятнѣе каменноугольной гари.

Мы вдругъ останавливаемся на крошечной станціи въ степи. Мы должны пропустить встрѣчный владикавказскій поѣздъ. Въ ожиданіи, мы выходимъ и потягиваемся. Жарко и тихо, и большая толпа пассажировъ кишитъ кругомъ въ разговорахъ и съ пѣснями. Показывается и гвардеецъ. Онъ больше не печалится, одинокіе часы въ его запертомъ купѣ снова приободрили его; Богъ знаетъ, можетъ быть, на него снизошелъ подкрѣпляющій сонъ въ эти часы. Онъ разгуливаетъ теперь съ молодой дамой, курящей папиросу. Она безъ шляпы, и предоставляетъ солнцу жечь свои черныя волосы. Они говорятъ по-французски и за словомъ въ карманъ не лѣзутъ, ихъ смѣхъ звонокъ. А княжна, дама съ брильянтовыми кольцами, можетъ быть, въ это мгновеніе стоитъ уже у алтаря, съ другимъ.

Изъ поѣзда выскакиваетъ человѣкъ съ узломъ въ рукѣ. У него совсѣмъ истемна-желтое лицо и черныя, какъ смоль лоснящіеся волосы и борода. Это — персъ. Онъ выбираетъ себѣ маленькое мѣстечко на землѣ, развязываетъ свой узелъ

и разстилаетъ двѣ скатерти на землѣ. Потомъ снимаетъ свои башмаки. Я начинаю догадываться, что этотъ человѣкъ собирается показывать фокусы съ ножами и шарами; но я ошибаюсь: персъ долженъ совершать свою молитву. Онъ вынимаетъ нѣсколько камешковъ изъ своего кафтана и кладетъ ихъ на скатерти, потомъ обращается къ солнцу и начинаетъ обрядъ. Сначала онъ стоитъ, какъ вкопанный. Съ этихъ поръ онъ не замѣчаетъ ни одного человѣка въ окружающей его цѣлой толпѣ, онъ пристально смотритъ на два камешка и погруженъ въ молитву. Потомъ онъ бросается на колѣни и наклоняетъ туловище неоднократно къ землѣ; при этомъ онъ заставляеть камешки мѣнять мѣсто на скатерти: тотъ, который былъ дальше, онъ придвигаетъ ближе и налѣво. Онъ встаетъ, разводитъ передъ собою руками ладонями внизъ и шевелитъ губами. Теперь грохочетъ владикавказскій поѣздъ мимо насъ, и нашъ локомотивъ подаетъ свистокъ; но персъ не беспокоится. Поѣздъ не уйдетъ, пока онъ не кончитъ, а уйдетъ, значить такова воля Аллаха. Онъ снова бросается на землю и заставляеть камешки перемѣнить мѣсто, и вообще столь непростительно перемѣшиваетъ ихъ, что больше я не въ силахъ разобратъся. Теперь онъ одинъ на землѣ, всѣ пассажиры сѣли въ поѣздъ. Торопись, человѣкъ! думаю я. Но персу нужно еще положить нѣсколько поклоновъ и хорошенько раскрыть руки передъ собою. Поѣздъ начинаетъ трогаться, персъ послѣднее мгновеніе стоитъ прямо, повернувшись къ солнцу, — потомъ подбираетъ свои скатерти, камешки и башмаки и влѣзаетъ въ поѣздъ. И не было ни слѣда торопливости въ его движеніяхъ. Нѣкоторые зрители на платформѣ пробормотали нѣчто въ родѣ „браво“, но невозмутимый магометанинъ не замѣчаетъ ни слова со стороны „невѣрующихъ собакъ“, онъ съ важнымъ видомъ возвращается на свое мѣсто въ поѣздѣ.

На какой-то станціи, гдѣ мы стоимъ тихо и беремъ воду, я замѣчаю, наконецъ, поѣздного слугу, который долженъ

былъ вычистить стеаринъ на моей курткѣ. Онъ стоитъ на платформѣ черезъ два вагона отъ меня. Я кланяюсь ему и улыбаюсь, чтобы не спугнуть его, и подойдя къ нему ближе, я улыбаюсь еще усерднѣе и я добродушенъ. Онъ тоже киваетъ и улыбается и, увидѣвъ бѣлую дорожку стеарина на моей курткѣ, всхлопываетъ обѣими руками и что-то говорить, потомъ бросается въ свое отдѣленіе въ поѣздѣ. Теперь онъ бѣжитъ за кислотой и горячимъ утюгомъ, думаю я. Что онъ сказалъ, я не понялъ, но надо полагать, что онъ, молъ, вернется сію же минуту, г. графъ! И я ждалъ. Локомотивъ набралъ воды, свистнулъ и началъ двигаться,— и мнѣ уже нельзя было ожидать дольше...

Я нѣсколько разъ встрѣчался со вчерашнимъ офицеромъ, нашимъ будущимъ спутникомъ въ горахъ. Онъ меня совсѣмъ не узнаетъ больше, я обидѣлъ его, слава Богу. На одной станціи, гдѣ мы ужинали, онъ сидѣлъ совсѣмъ рядомъ со мной. Онъ положилъ свой толстый кошелекъ совсѣмъ на виду. Конечно, не съ тѣмъ, чтобы искушать меня украсть кошелекъ, но чтобы показать, что на немъ была серебряная корона. Но Богъ знаетъ, серебряная ли была корона, и имѣлъ ли онъ право на эту корону. Когда я расплатился, онъ не сказалъ ни слова и не вмѣшался; но какой-то господинъ по другую мою руку обратилъ мое вниманіе, что я получилъ слишкомъ мало сдачи. Онъ объясняетъ служащему ошибку, и я тотчасъ же получаю свои деньги. Я встаю и съ благодарностью кланяюсь господину.

Мы рѣшили не брать офицера въ спутники и скрыться отъ него во Владикавказѣ.

Въ девять часовъ вечера непроглядная тьма. Свѣтятъ огни въ деревняхъ въ степи, и больше мы не видимъ ничего. Отъ поры до времени мимо насъ мелькаетъ единственный огонекъ, въ одинокой крытой соломою избушкѣ, гдѣ, конечно, живутъ ужасно бѣдные люди.

Вечеръ мягокъ и темень, душень и темень. Я стою въ

проходѣ у открытаго окна и, кромѣ того, держу дверь на платформу полуоткрытой, но все равно такая жара, что я долженъ держать платокъ въ рукѣ и все время утираться. Дальше въ вагонѣ раздается пѣсня армянскихъ евреевъ: это жирный старый еврей и жирный евнухъ поютъ нѣчто въ родѣ дуэта. Безчинство продолжается безконечно долго, два часа; отъ поры до времени они оба смѣются надъ тѣмъ, что пѣли, и потомъ снова начинаютъ свое однообразное пѣніе. Голосъ евнуха скорѣе птичій, чѣмъ человѣческой.

Ночью мы проѣзжаемъ большой городъ Ростовъ, гдѣ почти ничего не видно, благодаря темнотѣ. Многіе изъ нашихъ пассажировъ вылѣзаютъ здѣсь.

На платформѣ мнѣ удалось увидѣть толпу киргизовъ. Какъ они попали сюда изъ восточныхъ степей, я не пойму; но я слышалъ, что ихъ называли киргизами. На мой взглядъ они немногимъ отличались отъ татаръ. Это—кочевники, они гоняютъ своихъ овецъ и коровъ съ мѣста на мѣсто и пасутъ ихъ въ степи. Овца — ихъ денежная единица, у нихъ нѣтъ другой: за жену они платятъ четыре овцы, а за корову—восемь овецъ. За лошадь даютъ четыре коровы, а за ружье—три лошади. Объ этомъ я гдѣ-то читалъ. Я смотрю на желтовато-смуглыхъ, нѣсколько косоглазыхъ людей и киваю имъ; они отвѣчаютъ и улыбаются. Я даю имъ немного денегъ, и они очень рады и благодарятъ. Теперь насъ двое европейцевъ смотритъ на нихъ, и другой европеецъ можетъ немного говорить съ ними. Они некрасивы, по нашимъ понятіямъ, но у нихъ дѣтскій взглядъ и чрезвычайно маленькія и какъ бы безпомощныя руки. Мужчины одѣты въ тулупы и въ зеленые и красные высокіе сапоги; у нихъ кинжалы и рогатины. Женщины въ пестрыхъ бумажныхъ юбкахъ; у одной изъ женщинъ соломенная шляпа, отдѣланная лисьимъ мѣхомъ. У нихъ совсѣмъ нѣтъ украшеній, и на видъ они очень бѣдны. Европеецъ возлѣ меня

даетъ имъ рубль, и получивъ его, они снова благодарятъ и завязываютъ его въ платокъ.

*

Прекрасное, ясное утро въ степи; высокая и пожелтѣлая трава тихо шелеститъ на вѣтру, со всѣхъ сторонъ просторъ необозримъ.

Бываютъ три вида степей: травяныя степи, песчаная степи и солончаковыя степи. Только ранней весною трава здѣсь служитъ кормомъ для скота, уже въ июль мѣсяцъ она затвердѣваетъ, деревянѣетъ и становится уже несъѣдобной. Потомъ подходитъ осень, какъ теперь, иногда могутъ пойти сильные дожди, и солнце не такъ ужъ жжетъ, и подъ сухою, шелестящей степной травой можетъ быстро вырасти мягкая, нѣжная и зеленая трава и множество красивыхъ цвѣтовъ. И насѣкомыя, и животныя, и птицы снова просыпаются и живутъ; глубоко изъ степи доносятся разнообразныя трели и свистъ перелетныхъ птицъ, и бабочки снова порхаютъ вверхъ и внизъ, взадъ и впередъ, въ воздухѣ. Но если не обратить особаго вниманія на это, то ничего нельзя будетъ увидѣть, кромѣ желтой сожженной травы на цѣлыя мили кругомъ; поэтому въ это время года степь не похожа на море, она—сродни желтой пустынѣ.

Изъ поэзи всѣхъ степняковъ глубже прочувствована и лучше воспѣта казацкая. Ни о калмыцкой, ни о киргизской, ни о татарской степяхъ не сказано такихъ прекрасныхъ и милыхъ словъ, какъ о казацкой. И все же степь приблизительно одинакова у всѣхъ этихъ народовъ въ обширной русской землѣ. Но казакъ отличается отъ остальныхъ степняковъ. Во-первыхъ, степь—мѣсто его первоначальнаго жительствова, тогда какъ остальные—пришлецы, одни—остатки „золотой“, другіе—„синей“ орды. Кромѣ того, они—воины, тогда какъ остальные—пастухи и земледѣльцы. Казакъ никогда не былъ рабомъ хана, пана или боярина, чѣмъ были

остальные. „Казакъ“ долженъ означать „свободнаго человѣка“, читаль я.

Кзаки населяютъ свою собственную землю. Имъ принадлежитъ огромная площадь чрезвычайно плодородной земли. Они освобождены отъ государственныхъ податей, но въ военное время должны снаряжаться на свой собственный счетъ. Въ мирное время они тоже обрабатываютъ поля и воздѣлываютъ кукурузу и пшеницу и виноградъ и охотятся на звѣрей въ степи, но въ военное время они составляютъ сказочно-храбрый контингентъ въ храброе русское войско.

Теперь мы ѣдемъ по землѣ казаковъ...

Здѣсь, вдали отъ всѣхъ станцій и вдали отъ всѣхъ городовъ, мы встрѣчаемъ телѣгу съ офицеромъ въ шапкѣ съ краснымъ околышемъ. Съ нимъ конвой казаковъ. Онъ пробирается степью въ косомъ направленіи отъ насъ. Можетъ быть, ему нужно въ городъ, тамъ, можетъ быть, расположена станица, казачій поселокъ, то или другое мѣсто въ степи, но намъ ничего не видно, потому что земля—шаръ. Черезъ часъ мы проѣзжаемъ мимо татарскаго аула. Его палатки, какъ стога сѣна. Татары попадаютъ всюду въ южной Россіи, даже здѣсь, въ землѣ казаковъ. Они, главнымъ образомъ,—пастухи, это—ловкіе, высокоодаренные люди, они всѣ безъ исключенія умѣютъ читать и писать, а я читаль, что не всѣ казаки грамотны.

Одинъ изъ армянскихъ евреевъ говоритъ мнѣ что-то, изъ чего я понимаю слово, Петровскъ. Нѣтъ, отвѣчаю я хорошо по-русски, нѣтъ, Владикавказъ, Тифлисъ. Онъ киваетъ и понимаетъ каждое слово. Стало быть, я могу начать вести бесѣду по-русски; теперь-то кому-нибудь на родинѣ послушать бы меня! Думая, что еврей хочетъ посмотреть на офицера въ телѣгѣ въ степи, я протягиваю ему бинокль. Онъ качаетъ головой и не беретъ. Взамѣнъ, онъ снимаетъ свои серебряныя часы на длинной серебряной цѣпочкѣ, держитъ ихъ передо мной и говоритъ: восемьдесятъ рублей!

Я раскрываю свой словарь и вижу, сколько онъ съ меня спрашиваетъ. Потѣхи ради, я рассматриваю часы, они—большіе и толстые и похожи на старомодный хронометръ, я прислушиваюсь: стоятъ; тогда я вынимаю изъ кармана мои золотые часы и хочу уничтожить еврея этимъ зрѣлищемъ. Но онъ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго признака изумленія, точно онъ почуялъ, что я держу эти часы, чтобы заложить ихъ въ случаѣ нужды. Я думаю: сколько я получилъ бы за его часы? Пожалуй, десять кронъ. А за мои собственные я доводилъ ссуду до сорока. Они не выдерживали сравненія. Нѣтъ! твердо говорю я и отклоняю его часы. Но еврей держитъ ихъ передъ собой и медлитъ и наклоняетъ голову на бокъ. Тутъ я беру ихъ еще разъ въ руку и показываю ему, какіе они старые и плохіе, и прикладываю ихъ къ уху и не слышу ни малѣйшаго звука. Стоять! не долго думая, говорю я, потому что не хочу разговаривать съ нимъ. Тогда еврей улыбается и беретъ часы назадъ. Онъ даетъ мнѣ понять, что теперь онъ сдѣлаетъ что-то. Онъ открываетъ нижнюю крышку и показываетъ мнѣ внутренность. Часы тамъ тонкіе, рѣзные; но ничего особенно значительнаго. Но еврей проситъ меня посмотрѣть, что будетъ дальше. Онъ открываетъ и рѣзную крышку и показываетъ внутренность. Тамъ крайне неприличная картина. Картина, повидимому, забавляетъ его, онъ смѣется и наклоняетъ голову на бокъ и смотреть. И все время настаиваетъ, чтобъ я смотрѣлъ хорошенько. Тогда онъ всовываетъ ключикъ и поворачиваетъ его на полоборота,—часы идутъ. И не одни часы идутъ, и картина идетъ, картина въ ходу.

Въ тотъ же мигъ я понимаю, что эти часы стоятъ дороже моихъ. Конечно, нашлись бы и такіе, кто бы дорого заплатилъ за нихъ и цѣнилъ весьма высоко.

Тогда еврей смотритъ на меня и говоритъ: пять тысячъ! Пять тысячъ! въ ужасѣ вскрикиваю я и ничего не понимаю. Но еврей закрываетъ часы и прячетъ ихъ въ карманъ и

уходить. Старая скотина! Десять тысячъ кронъ за безнравственные часы. Попадись ему менѣ твердый человѣкъ, торговля состоялась бы. Я видѣлъ, какъ ему почти не хотѣлось заводить часы, и онъ повернулъ ключъ только на полоборота, чтобы сберечь драгоценный механизмъ.

Еще только девять часовъ, но солнце жжетъ столь же горячо, какъ вчера въ одиннадцать, и мы сидимъ въ тѣни. Здѣсь въ степи мы видимъ нѣсколько знакомыхъ цвѣтковъ, про-свирнякъ, желтоглавъ, колокольчики. Вообще же ландшафтъ, какъ вчера, съ равнинами, сплошными равнинами, полями ржи, кукурузы, стадами; то здѣсь, то тамъ стога сѣна и соломы, то здѣсь, то тамъ деревни съ группами ивъ кругомъ. Степному жителю нужно и немного деревьевъ, въ болѣе крупныхъ станицахъ съ церковью стоятъ даже акации. Люди и лошади всюду за работой въ поляхъ; надъ стадомъ овецъ вдали медленно кружить взадъ и впередъ орелъ.

Мы ѣдемъ совсѣмъ медленно и, по опыту моихъ кондукторскихъ временъ въ Америкѣ, я могъ бы выскочить изъ поѣзда и схватиться за послѣдній вагонъ и вскочить назадъ. Мы проходимъ по участку пути въ починкѣ, и поэтому мы идемъ такъ тихо. Теперь время завтрака, и чтобы имѣть тѣнь, всѣ рабочіе сидятъ въ палаткѣ, но изъ палатки высовываются мужскія и женскія головы. Собака сидитъ снаружи и лаеетъ на насъ.

Станція Тихорѣцкая. У нашего попутчика-инженера въ прошломъ году здѣсь украли деньги. Онъ стоялъ у буфета съ бутылкой пива; едва онъ поднесъ стаканъ ко рту, какъ почувствовалъ толчекъ, но выпилъ стаканъ. Потомъ схватился за свой боковой карманъ, и бумажника не было. А воръ скрылся. Онъ былъ слишкомъ жаденъ, онъ хотѣлъ накрасть побольше въ одинъ пріемъ, развернуть свою дѣятельность и въ поѣздѣ; но здѣсь онъ былъ пойманъ какъ разъ въ тотъ мигъ, когда онъ хотѣлъ уйти съ чемоданомъ какого-то офицера. Позвали жандарма, вора обыскали, и инженеръ

тутъ же получилъ свой бумажникъ назадъ. Съ другимъ, пожалуй, это пошло бы не такъ скоро, но инженеру посчастливилось.

Мы приѣзжаемъ на станцію Кавказскую, гдѣ у насъ есть четверть часа на завтракъ. Здѣсь начало Кавказа. Мы видимъ огромныя поля кукурузы и большіе площади съ подсолнечниками, теперь мы видимъ также и большіе виноградники. Налѣво стоитъ княжеская резиденція. Въ бинокль, я вижу замокъ съ флигелями и куполами; крыша сіяетъ яркой зеленой краской. Вокругъ замка много другихъ строеній съ красными и позолочеными крышами. За ними тянется лѣсъ, это, конечно,—паркъ. Все это подымается здѣсь изъ чернозема въ степи. Въ солнечномъ мерцаніи, все это какъ бы нѣсколько виситъ надъ землей и плыветъ дальше, къ горизонту, все дальше. Заколдованный замокъ...

Чѣмъ больше мы приближаемся къ горамъ, тѣмъ меньше народа становится въ поѣздѣ. Армянинъ съ шелковымъ матрацомъ нашель себѣ другое мѣсто на солнцѣ, и я занимаю его мѣсто, потому что тамъ тѣнь. Но сперва я чищу его долго и хорошо, на всякій случай. Добрый армянинъ лежалъ нѣсколько безпокойно въ своей роскоши.

Часы бѣгутъ.

Въ городкѣ и на станціи Армавирѣ мы снова покупаемъ груши и виноградъ. Виноградъ—самый великолѣпный, какой я пробовалъ въ своей жизни, и стыжусь, что раньше я съ наслажденіемъ ѣлъ такую вещь, какъ европейскій виноградъ. Въ сравненіи съ этимъ французскій, нѣмецкій, венгерскій, греческій виноградъ—какъ лѣсная ягода. Здѣшній таетъ во рту. И кожа вмѣстѣ съ мякотью растворяется въ глотокъ вина. У него нѣтъ кожицы, онъ почти безъ кожицы. Таковъ кавказскій виноградъ. Цвѣтомъ онъ какъ виноградъ остальныхъ странъ, черный, зеленый и синий, но онъ, пожалуй, нѣсколько крупнѣе.

На платформѣ станціи среди многихъ другихъ ходитъ

черкесскій офицеръ. Онъ одѣтъ такъ: на немъ лакированные высокіе сапоги съ золоченой пряжкой съ наружной стороны икры. Его коричневая черкеска, доходящая почти до лодыжки, перехвачена въ талии золоченымъ поясомъ, за которымъ наискось на животѣ торчитъ отдѣланный золотомъ кинжалъ. На груди торчатъ концы восьми позолоченныхъ патронныхъ гильзъ. Съ боку у него длинная, узкая сабля, сабля влачится, рукоятка выложена бирюзой. Рубаха или нижнее платье у него изъ бѣлаго сырого шелка, черкеска открыта на груди и бѣлая шелковая грудь отливаеъ серебромъ на солнцѣ. У него черныя блестящіе волосы и бѣлоснѣжная шапка изъ длинношерстой тибетской козы, шерсть которой свисаетъ ему на лобъ. Его одежда производитъ пестрое впечатлѣніе, но не его лицо. Мнѣ объясняютъ, что его форма узаконена, но что у другихъ изъ льна, у него изъ шелка, а что у другихъ изъ жести, у него изъ золота. Онъ—княжичъ. Всѣ кланяются ему на станціи, и онъ отвѣчаетъ всѣмъ; съ нѣкоторыми онъ заговариваетъ и спокойно выслушиваетъ длинные отвѣты. Точно онъ спрашиваетъ, какъ они живутъ, и куда они ѣдутъ, и какъ поживаетъ жена и здоровы ли дѣти. Но во всякомъ случаѣ онъ не говоритъ ничего непріятнаго, потому что всѣ благодарятъ его и имѣютъ довольный видъ. Два мужика, въ блузахъ и съ кожаными поясами, подходятъ къ нему и кланяются, они снимаютъ шапки, и кладутъ ихъ подъ мышку, и низко кланяются, и что-то говорятъ. И молодой офицеръ выслушиваетъ ихъ и даетъ имъ отвѣтъ, которымъ они довольны. Но потомъ они начинаютъ говорить больше, они что-то объясняютъ и перебываютъ другъ друга. Офицеръ останавливаетъ ихъ короткимъ словомъ, и они надѣваютъ свои шапки. Имъ было, конечно, приказано сдѣлать это въ виду жары. И послѣ этого они продолжали разговаривать; но вотъ офицеръ смѣется и качаетъ головой въ знакъ отказа и говоритъ: Нѣтъ, нѣтъ, и потомъ уходитъ. Но мужики идутъ за нимъ. Вдругъ офи-

церь оборачивается, указывает на нихъ и говоритъ: Стоять! И мужики стоятъ. Но они все еще жалуются и продолжаютъ говорить. Другіе смѣются надъ ихъ жалобами и урезони-ваютъ ихъ, но они никакъ не уймутся; я слышу ихъ пла-чущіе голоса еще и послѣ того, какъ поѣздъ начинаетъ двигаться.

Я стою и думаю объ этомъ офицерѣ и мужикахъ. Онъ, конечно, ихъ хозяинъ, ему, пожалуй, принадлежало и село, гдѣ мы были, какъ, пожалуй, принадлежалъ и волшебный замокъ, который мы видѣли утромъ, и много миль черно-зема, который мы потомъ проѣзжали. Стоять! сказалъ онъ мужикамъ, и они стояли. Когда однажды въ Петербургъ гроз-ная толпа преслѣдовала Николая Перваго на улицахъ, онъ только обернулся, указалъ и крикнулъ своимъ рѣзкимъ го-лосомъ: На колѣни! И толпа упала на колѣни.

Человѣка, который *можетъ* приказывать, слушаются. Съ восторгомъ слушались Наполеона. Слушаться—наслажденіе. И у русскаго люда это еще осталось.

Валишевскій въ своей книгѣ о Петрѣ Великомъ расска-зываетъ: когда Берггольцъ въ 1722 г. былъ въ Москвѣ, онъ присутствовалъ при трехъ казняхъ черезъ колесованіе. Стар-шій изъ преступниковъ умеръ послѣ шести часовъ мученія, двое остальныхъ пережили его. Когда одному изъ нихъ, среди ужасныхъ пытокъ удалось немного приподнять свою изломанную руку, чтобы вытереть свое лицо, онъ замѣтилъ, что онъ пролилъ нѣсколько капель крови на колесо, на которомъ онъ лежалъ. Тогда онъ еще разъ поднялъ раз-дробленную руку и тщательно, какъ могъ, вытеръ кровь. Съ такими людьми можно пойти далеко. Но когда нужно преодолѣть ихъ врожденные инстинкты, ихъ представленія и ихъ предрасудки, то врядъ ли можно добиться многого кротостью. Тогда приказъ совершаетъ чудо, царское слово, кнутъ. Стоять! сказалъ офицеръ. И мужики остановились...

Какой-то господинъ возлѣ меня говоритъ мнѣ что-то.

Я не понимаю словъ, но такъ какъ онъ въ то же время показываетъ на мою куртку, я догадываюсь, что онъ гово-рить о стеаринѣ. Я объясняю добрыми старыми норвеж-скими словами, что я только жду человѣка, который долженъ прійти со всякими кислотами и утюгомъ, чтобы вывести стеаринъ. Но тогда у него появляется выраженіе состраданія на лицѣ, какъ если бы онъ больше не вѣрилъ, что этоть человѣкъ прійдетъ. И, не долго думая, онъ начинаетъ тереть мою куртку своимъ рукавомъ. Онъ носитъ пенснэ, и пенснэ сва-ливается у него, но онъ ничего не замѣчаетъ и продолжаетъ тереть. Немного спустя, стеаринъ начинаетъ исчезать. Къ моему удивленію, я вижу, что имѣю дѣло со специалистомъ и что бѣлая дорожка на моей курткѣ въ концѣ кон-цовъ совершенно исчезла. Тогда я облумываю, что мнѣ дать человѣку, мою карточку, сигару или рубль. Я остано-вливаюсь на визитной карточкѣ, какъ на самомъ изыскан-номъ; но когда я сталъ искать у себя карточекъ, то никакъ не могъ найти, очевидно, онъ у меня гдѣ-нибудь въ багажѣ. Я ограничиваюсь тѣмъ, что благодарю господина, я говорю на всѣхъ моихъ языкахъ и благодарю его, и человѣкъ улы-бается и, что есть мочи, киваетъ въ отвѣтъ. Но теперь наша дружба какъ бы заключена на всю жизнь, человѣкъ заво-дитъ со мною разговоръ по-русски. Я понимаю не все, мнѣ это немыслимо, но что онъ говоритъ о стеаринѣ, я сужу по тому, что онъ много разъ называетъ слово стеаринъ. Главная тема его рѣчи мнѣ, стало-быть, ясна, но я не могу отвѣтить ему, такъ какъ онъ, видно, ничего не понимаетъ на моемъ языкѣ. Онъ подзываетъ много другихъ и замѣшиваетъ въ дѣло и ихъ, наконецъ, вокругъ меня собирается десять человѣкъ. Я не могу стоять молча, я снова начинаю все время гово-рить по-норвежски, и я говорю, не скупясь. Это превосходить всякія ожиданія, они киваютъ и соглашаются, когда я го-ворю что-нибудь громкимъ голосомъ и заглушаю ихъ. Среди моихъ слушателей теперь оказывается и поѣздной служащій,

который нѣсколько разъ обѣщаль мнѣ вывести стеаринъ, и когда я показываю мою куртку, что пятна исчезли, онъ что-то говорить, тоже довольный такимъ обстоятельствомъ.

Но мой спутникъ въ купѣ высовываетъ голову въ дверь и не можетъ понять, что за норвежцевъ я разыскалъ. Скоро они начинаютъ громко и неблаговоспитанно смѣяться тамъ внутри, и этотъ смѣхъ приводитъ моихъ слушателей въ смущеніе, послѣ чего, одинъ за другимъ, они умолкаютъ и расходятся.

У одной маленькой станицы, гдѣ мы останавливаемся, молотятъ зерно на утрамбованной землѣ въ степи. Множество пшеничныхъ сноповъ кладутъ широкой полосой на землю. Потомъ разфѣзжаютъ на лошадахъ и волахъ по пшеничнымъ снопамъ, пока колосья окончательно не растаптываются. Это — молотьба. Меня больше не удивляетъ, что въ русскомъ зернѣ попадается песокъ и маленькіе камешки. Я вспоминаю изъ своего дѣтства на сѣверѣ, какъ рыбаки Финмаркена привезли домой архангельское зерно, и какъ маленькая мельница моего отца съ трудомъ справлялась съ этимъ товаромъ. Дѣло доходило до того, что сыпались искры на мельницѣ, когда она размалывала русское зерно. И это представлялось мнѣ страннымъ. Тогда я еще не видѣлъ всевозможныхъ методовъ молотьбы. Но теперь я увидѣлъ. До метода въ пшеничныхъ преріяхъ Америки, гдѣ мы работали съ огромной паровой молотилкой и гдѣ мякина, земля и солома дымились тучами въ преріи. Но самый забавный методъ мы видѣли здѣсь, гдѣ молодая казачка молотила волами. Онѣ держали обѣими руками длинный бичъ и громко погоняли животныхъ. И когда онѣ хлопали бичемъ, онѣ описывали красивую фигуру въ воздухѣ. И сами казачки не были ни толсты, ни полны, ни богато одѣты, нѣтъ, напротивъ.

Равнина теперь уже болѣе волниста, она уже не такъ гладка, далеко, далеко налѣво мы даже замѣчаемъ непре-

рывную цѣпь вершинъ на горизонтѣ, это—начало Кавказскихъ горъ. Въ окрестностяхъ, земля здѣсь очень плодородная, строенія въ равнинѣ попадаютъ чаще, и на склонахъ горъ видны поселки. Здѣсь большіе виноградники и плодовые сады, но все еще нѣтъ лѣсовъ; только вокругъ деревушекъ появляются маленькія рощи акацій. Жара увеличивается; мы поочередно запираемся въ купѣ и надѣваемъ самое легкое, что у насъ есть.

На телеграфныхъ столбахъ, все время сопровождавшихъ насъ, иногда больше, иногда меньше проволокъ; здѣсь ихъ девять.

Жара становится все пуще и пуще, и эта сильная жара нѣсколько удивляетъ меня, вѣдь раньше мнѣ приходилось бывать гораздо дальше на югѣ. Хотя мы далеко на востокѣ, но мы находимся на широтѣ Сербіи Сѣверной Италиі и Южной Франціи. Къ тому же и не настолько тихо, чтобъ могло быть душно, мы открыли всѣ окна и всѣ двери съ обѣихъ сторонъ вагона, дуетъ цѣлая буря, такъ что мы должны держаться за шляпы. Но вѣтеръ раскаленъ, мы съ трудомъ можемъ дышать въ немъ. Лицами, мы похожи на темные піоны и дамы вздуваются и у нихъ оказываются забавно большіе носы, на смѣхъ всѣмъ. Дамы, конечно, вымылись сегодня утромъ. А подобная суетность мститъ за себя во время долгаго путешествія по желѣзной дорогѣ.

Мы встрѣчаемъ поѣздъ съ керосиномъ и нефтью изъ Баку. И запахъ этихъ жирныхъ вагоновъ отравляетъ и безъ того горячій воздухъ.

Пятигорскъ расположенъ дальше налѣво; мы останавливаемся на маленькой станціи и высаживаемъ ѣдущихъ на воды. Слава Богу, здѣсь офицеръ-еврей покидаетъ поѣздъ; онъ меня рѣшительно не узнаетъ больше; но нужно постараться уѣхать изъ Владикавказа раньше, чѣмъ онъ подоспѣетъ туда!

Въ Пятигорскѣ имѣются санаторіи, купальни. Горы стоятъ,

каждая отдѣльно, со своими вершинами. Тамъ есть горячіе источники, до сорока градусовъ тепла, и есть источники съ такимъ большимъ содержаніемъ сѣры, что если положить кисть винограда въ эту воду, то въ нѣсколько часовъ сѣра выкристаллизовывается на нихъ, образуя твердыя вѣтки и виноградъ изъ сѣры. Эти диковинки продаютъ на станціяхъ.

Мы видимъ снѣговья горы вдали, онѣ почти сливаются съ бѣлыми облаками въ небесахъ. Какое-то сказочное зрѣлище, какъ эти огромныя горныя массы поднимаются изъ степи и стоятъ тамъ и сверкаютъ на солнцѣ.

Въ семь часовъ вечера жара упала, Кавказскія горы все время высятся налѣво, мы приближаемся къ нимъ, и становится все прохладнѣе и прохладнѣе. Мы начинаемъ закрывать двери въ поѣздѣ. Черезъ два часа становится холодно, и мы закрываемъ даже окна. Пятна стеарина снова выступаютъ на моей курткѣ, холодъ дѣлаетъ ихъ видимыми снова. Мой специалистъ былъ, значить, обманщикъ, лишь пустилъ пыль въ глаза.

Солнце уже давно скрылось за горизонтомъ, горы стали бѣловато-зелеными, въ своемъ отдаленіи и въ своей мощи онѣ кажутся самостоятельнымъ міромъ. Тамъ есть и пики, и сѣдла, и башни, и минареты, все изъ снѣга. И мы, чужіе, можемъ понять, что писали Пушкинъ, Лермонтовъ и Толстой — о первомъ зрѣлищѣ ихъ мистическаго великолѣпія.

Быстро темнѣетъ. Мы подъѣзжаемъ къ станціи Бесланъ, гдѣ инженеръ долженъ пересѣсть въ другой поѣздъ и ѣхать прямо въ Баку. Съ этихъ поръ мы должны продолжать путь одни. Взошелъ мѣсяцъ, половина мѣсяца, но и множество звѣздъ зажглось. Горныя громады тѣснятъ все время возлѣ насъ. Часа черезъ два собираются тучи, мѣсяцъ и звѣзды исчезаютъ, и наступаетъ непроницаемая тьма. Въ этой темнотѣ мы видимъ два огромныхъ костра въ степи, это обжигаютъ известь подъ открытымъ небомъ.

Искры то и дѣло взлетаютъ высоко вверхъ, у огня движутся тѣни, собаки лаютъ.

На станціи довольно темно, фонари то здѣсь, то тамъ даютъ лишь слабый свѣтъ, и мы можемъ видѣть съ трудомъ, когда прощаемся съ нашими спутниками. Еще долго послѣ отхода поѣзда съ семьей инженера въ Петровскъ и Дербентъ, мы бродили по станціи Бесланъ въ темнотѣ. За чѣмъ мы стоимъ здѣсь? Если бѣ знать! Но у кого мы могли бы спросить? И кто могъ бы отвѣтить? Слишкомъ два часа мы ходимъ по станціи и все больше и больше свыкаемся съ темнотой, и въ концѣ концовъ видимъ вполне хорошо.

Пьяный крестьянинъ свалился у стѣны. Онъ спитъ или лишился сознанія и не проявляетъ ни малѣйшаго признака жизни. Господинъ въ формѣ и съ полоской на шапкѣ велитъ унести крестьянина, и два сторожа тащатъ его подъ руки по платформѣ и скрываются. У него не было подтяжекъ, брюки и жилетъ отдѣлились у него на животѣ, и мы увидѣли, что онъ былъ совсѣмъ безъ рубашки. И его утащили, какъ животное, какъ мертваго. Но если бѣ мы и могли сколько-нибудь помочь ему, больше уже было бы некогда. Проносится поѣздъ, и наша линія, наконецъ, свободна, раздается свистокъ, мы торопимся въ наше купѣ и чувствуемъ, что мы въѣзжаемъ въ ночь.

Черезъ полтора часа мы во Владикавказѣ. Теперь уже половина двѣнадцатаго. Мы опоздали на три часа.

IV

Владикавказъ.

Носильщикъ! — зовемъ мы нѣсколько разъ. Слово, какъ мы его произносимъ, наконецъ, понято, является носильщикъ. Онъ несетъ наши вещи на извозчика. И извозчикъ везетъ насъ въ гостиницу.

Часть ночи, но гостиница еще освѣщена. Два швей-

цара съ золотою полоской на шапкѣ встрѣчаютъ насъ у подъѣзда.

— Говорите по-французски?

— Нѣтъ.

— По-нѣмецки?

— Нѣтъ.

— По-англійски?

— Нѣтъ.—Только по-русски, татарски, грузински, армянски и персидски.

„Только?“

Мы все равно слѣзаемъ, расплачиваемся съ кучеромъ и идемъ съ вещами въ третій номеръ. Здѣсь только одна кровать. Знаками, мы требуемъ еще кровать и въ отвѣтъ намъ киваютъ, что получимъ. Уже поздно и мы голодны, нужно получить что-нибудь поѣсть сейчасъ же, пока поваръ не ляжетъ спать. Моя спутница начинаетъ сперва говорить о хорошемъ омовеніи. Я знаю свою обязанность и стучу немного по столу, что раньше пища, а потомъ бездѣлушки, роскошь и суета. И дѣлается по-моему.

Внизу, въ столовой, мы получаемъ жареную баранину, пироги и щи. Лакей умѣетъ по-русски, онъ еще понимаетъ пиво и медъ по-англійски, но это мы знаемъ и по-русски, такъ что это намъ ни къ чему. Но все идетъ забавно и гладко. За исключеніемъ того, что ѣда очень дорога.

Послѣ ужина мы уходимъ. Уже два часа, но мы видимъ, что по другую сторону улицы много фруктовыхъ и табачныхъ лавокъ еще открыто. Мы идемъ туда и покупаемъ виноградъ.

Когда мы возвращаемся домой, то въ комнатѣ стоитъ еще одна кровать, но она не приготовлена. Мы звонимъ. Является горничная. Она босая и вообще очень легко одѣта, въ виду жары. Мы даемъ ей понять, что теперь нужно предпринять что-нибудь со второй постелью, и она киваетъ и уходитъ. Она не сказала ни слова, такъ что мы не могли

рѣшить, какимъ языкомъ она владѣла, но, судя по виду, она говорила по-татарски. Мы снова выходимъ на улицу и въ ожиданіи покупаемъ фрукты, два мѣшечка, такъ что у насъ ихъ уйма. Мы удаляемся и бродимъ въ теплое сумракѣ.

Непроницаемая тьма, но передъ каждымъ навѣсомъ, гдѣ продаютъ фрукты, табакъ и горячіе пирожки, виситъ лампа. Лезгинецъ, или кто онъ тамъ, стоитъ въ каждой лавчонкѣ и, сильно вооруженный, продаетъ свой мирный виноградъ и папиросы; у него сабля, кинжалъ и пистолетъ за поясомъ. Подъ кустами акацій, взадъ и впередъ, ходитъ много народа, не тотъ, такъ другой покупаетъ что-нибудь, но большинство ходитъ и напѣваетъ или молча мечтаетъ; нѣкоторые остановились подъ деревьями и стоятъ тамъ. Чѣмъ дальше ѣдешь на Востокъ, тѣмъ меньше люди говорятъ. Древніе народы преодолѣли точку зрѣнія болтовни и смѣха, они молчатъ и улыбаются. Должно быть, такъ-то лучше. Коранъ создалъ міросозерцаніе, котораго нельзя обсуждать на собраніяхъ, его положеніе одно: Счастье въ томъ, чтобы перенести жизнь, потому что будетъ лучше. Фатализмъ,

Передъ одной изъ будокъ сидитъ человѣкъ и тренькаетъ на балалайкѣ, расплывчато, однообразно, музыка ископаемой жизни. Мы думаемъ: Слава Богу, что онъ сидитъ здѣсь и все время наигрываетъ. Онъ доставляетъ всѣмъ намъ маленькую милую радость, и самъ онъ не перестаетъ, значить, и самъ онъ радуется этому. Этотъ поразительный народъ въ этой поразительной странѣ! У нихъ есть время играть и способность держать языкъ за зубами. Да благословить Господь такія страны, разъ онѣ еще существуютъ на свѣтѣ! У нихъ не можетъ быть сосѣда лучше славянина, потому что у самого славянина струны въ груди. Когда греки около 500 г. воевали съ арабами, то однажды они взяли въ плѣнъ цѣлый отрядъ своихъ враговъ. Среди плѣнниковъ были три славянина. Эти славяне ходили съ гусями въ рукахъ. То было ихъ оружіе.

Теперь музыкантъ начинаетъ тихо напѣвать подь свое бряцанье. Мы ни слова не понимаемъ, но эта колыбельная, гнусавая задушевность напѣва дѣйствуетъ на насъ. И мы вспоминаемъ „Сакунталу“ Драхмана, она также невещественна, неуловима,—сплошной золотой потокъ. Отъ поры до времени проходитъ русскій офицеръ-христiанинъ стоящихъ здѣсь полковъ. Онъ долженъ проходить мимо всѣхъ этихъ проявленій магометанства. Но онъ дѣлаетъ это безъ отвращенія, потому что онъ—славянинъ. Онъ, можетъ быть, возвращается изъ своего клуба и долженъ итти домой и лечь спать. Но лезгинецъ не уходитъ домой, онъ продолжаетъ играть ночью. Мы, европейцы, зашли далеко, мы рады лежать, и наша постель полна тканей. Мы достигли того, что тоскуемъ по зимѣ и, проведя нѣсколько лѣтнихъ недѣль, мы чувствуемъ успокоеніе снѣгомъ, оконченълой смертью. Никто не убивается, что лѣто прошло, никто не болѣетъ объ этомъ и не плачется. Все это такъ превратно, что даже не поймешь. „Худшее осужденіе жизни въ томъ, что никто не оплакиваетъ ея смерти“. И когда мы снова достигаемъ цѣли желаній нашихъ сердецъ, и снова наступаетъ зима, то мы въ отчаяніи не идемъ въ берлогу, что было бы естественно, нѣтъ, мы работаемъ, стремимся, бьемся въ снѣгу. И въ длинные вечера, когда ничто живое не можетъ шевельнуться изъ-за стужи, мы топимъ наши печи и читаемъ. Читаемъ романы и газеты. Но древнія племена не читаютъ, они уходятъ въ ночную темноту и наигрываютъ пѣсни. Тамъ еще сидитъ этотъ человекъ подь акаціей, и мы видимъ и слышимъ, какъ онъ играетъ,—въ такой-то странѣ мы очутились. Когда одинъ варварскій императоръ сталъ европейцемъ, онъ началъ пользоваться Кавказомъ, какъ — мѣстомъ изгнанія. И онъ преимущественно ссылалъ сюда поэтовъ.

Ночь проходитъ, но такіе здѣсь нравы, что люди все равно не ложатся. Жизнь имъ милѣ сна, лишь бы была теплая и звѣздная ночь. Коранъ не воспретилъ людямъ

ничего, люди могутъ лакомиться виноградомъ, люди могутъ отлично пѣть подь звѣздами. Оружіе за поясомъ здѣсь кое-что значить, оно означаетъ войну, и великолѣпіе, и побѣду, и барабаны. Но наряду съ этимъ и балалайка означаетъ кое-что, она знаменуетъ любовь и волненіе степи и шелестъ въ листьѣ акацій. Когда началась послѣдняя война между греками и турками, одинъ турецкій офицеръ такъ ясно сказалъ, кто долженъ былъ потерять. И потомъ снѣ еще сказалъ: О, тамъ польется кровь ручьями, и появится кровь на цвѣтахъ, вотъ какъ будутъ падать греки. Я читалъ это гдѣ-то, и это поразило меня своимъ языкомъ и своимъ замѣчательнымъ представленіемъ. Кровь на цвѣтахъ! Гг. прусскіе офицеры, когда вы говорили такъ?

Когда мы вернулись домой, кровати, конечно, были приготовлены до извѣстной степени, но не хватало воды, полотенца и спичекъ. И кровати въ сущности были вовсе не приготовлены, а лежали только двѣ криво разостланныхъ простыни на каждой изъ нихъ. Моя спутница начинаетъ расправлять и разглаживать простыни, конечно, не ради особенной пользы, которую можно было бы извлечь себѣ изъ этого, но чтобы выучить горничную хорошему искусству и, стало быть, изъ любви къ дѣлу. Онѣ помогаютъ другъ другу, и такъ какъ онѣ объ подражаютъ рѣчи другъ друга, то мнѣ приходится слышать величайшія странности. Мы требуемъ одѣяла къ постелямъ, потому что здѣсь только простыни—служанка уходитъ и возвращается съ однимъ одѣяломъ. Мы просимъ еще одѣяло, стало быть, по одному на каждую кровать, и служанка приноситъ еще одно одѣяло. Потомъ—нельзя ли намъ получить воды. Горничная ничего не понимаетъ. Мы изо всѣхъ силъ объясняемъ и, наконецъ, ее осѣняетъ мысль, что намъ нужно воды. Но тутъ глупыми оказались мы. Служанка просто ставитъ босую ногу на педаль въ умывальникъ, и вода струею брызжетъ въ тазъ. Такъ ужъ здѣсь устроены умывальники; въ Россіи всегда умываются

въ проточной водѣ, и это намъ слѣдовало помнить по Москвѣ. Вы, иностранцы, умываетесь вашей собственной грязью, говорятъ русскіе. Но въ заключеніе дѣло дошло до полотенца, нельзя ли намъ получить полотенце? Горничная уходитъ и возвращается съ однимъ полотенцемъ. Спички имѣются у меня въ карманѣ, и вотъ мы кланяемся, и желаемъ горничной спокойной ночи, и отпускаемъ ее, чтобы покончить съ нею.

Долгое путешествіе по желѣзной дорогѣ перевернуло всѣ отдѣльныя части въ нашихъ головахъ, въ нихъ пляшетъ множество свободныхъ вещей, мы все еще ѣдемъ; лично я чувствую вдобавокъ нѣкоторую усталость, недомоганіе, жаръ. Это можно вылѣчить маленькой рюмкой, говорю я. И вотъ мнѣ приходится наливать коньякъ въ пивной стаканъ.

Проспавъ часть, я просыпаюсь отъ сильной жары въ комнатѣ и убѣждаюсь, что мнѣ ни за что на свѣтѣ не нужно было требовать одѣяль. Я опять засыпаю, на этотъ разъ подъ одною простыней. Около пяти часовъ я просыпаюсь отъ холода и теперь думаю, что мнѣ ни за что на свѣтѣ не слѣдовало снимать одѣяла. Словомъ, у меня началась кавказская лихорадка, и мнѣ пришлось провести безпокойную ночь.

Ахъ, мнѣ пришлось провести много такихъ ночей.

V.

Утромъ мы освѣдомляемся о поѣздкѣ въ горы; мы ведемъ переговоры при помощи господина, говорящаго по-нѣмецки и по-французски, котораго, на наше счастье, мы встрѣчаемъ въ гостиницѣ. Намъ нельзя достать никакихъ почтовыхъ лошадей, пріѣзжающая компанія изъ 64 французовъ по телеграфу заняла всю почту. Намъ совѣтуютъ обратиться по этому дѣлу на почтовую станцію; здѣсь мы встрѣчаемъ слушающаго, говорящаго по-нѣмецки. Онъ объясняетъ, что всѣ казенныя лошади заняты на шесть дней впередъ. Шесть

дней во Владикавказѣ! Въ горахъ мы могли бы и не такъ ужъ спѣшить, въ случаѣ надобности, но не здѣсь, въ равнинѣ, въ степномъ городѣ. И пробудь мы здѣсь шесть дней, офицеръ изъ Пятигорска могъ бы вдобавокъ догнать насъ и, пожалуй, нельзя было бы избавиться отъ него.

Почтовый чиновникъ совѣтуетъ намъ снять частный экипажъ съ четырьмя лошадьми. Это будетъ стоить гораздо дороже, но,—далѣе онъ совѣтуетъ намъ взять за кучера моллоканина, пьющаго молоко. Эти люди—религиозные сектанты и никогда не пробуютъ алкоголя ни въ какомъ видѣ.

Оба предложенія почтоваго чиновника звучали благо-разумно, за исключеніемъ одного. Предложеніе насчетъ четырехъ лошадей звучало неблагоразумно. Что касается вопроса, не графы ли мы, то я не отрицалъ, благо онъ и не предлагалъ мнѣ опредѣленнаго вопроса; но будь то капризь или необходимость,—теперь мы желали путешествовать, какъ простые граждане, и я даю ему понять это. Онъ объясняетъ тогда, что четыре лошади необходимы въ виду крутого пути въ гору, такъ какъ насъ двое, и имѣется багажъ; да и самъ онъ ѣздилъ черезъ горы на четырехъ лошадяхъ. У этого человѣка былъ такой видъ, что онъ никогда не позволилъ бы себѣ неблаго-разумнаго поступка, наоборотъ, у него былъ видъ, точно въ свое время это путешествіе на четырехъ лошадяхъ отняло у него послѣднюю копейку; такой-то онъ былъ на видъ. Изнуренный, исхудалый чиновникъ съ растрепанными волосами и длиннымъ тонкимъ носомъ. Я горячо благодарю его за его любезность по отношенію къ намъ и хочу уходить. Тогда моя спутница предлагаетъ дать человѣку пару рублей. Я сбавляю до одного и осторожно протягиваю ему серебряную монету. Ему не нужно никакой благодарности, это ничего не стоило. Разумѣется, но мы хотѣли проявить нашу признательность. Тогда человѣкъ принялъ монету и отложилъ ее въ сторону на конторкѣ. И потомъ

онъ снова началъ возиться со своими бумагами. Моя спутница сказала: Видишь самъ, онъ былъ бы болѣе радъ двумъ рублямъ.

Изъ гостиницы мы посылаемъ за молоканиномъ и экипажемъ съ четырьмя лошадьми; господинъ, говорящій по-французски и по-нѣмецки, снова помогаетъ намъ. Этотъ услужливый человекъ—статскій, въ обыкновенномъ европейскомъ платьѣ, изящный господинъ, но производитъ впечатлѣніе военнаго, и мы считаемъ его полковникомъ. Онъ съ просьбою.

Является молоканинъ.

Вы молоканинъ? предложилъ я спросить. Впрочемъ, я впервые въ жизни освѣдомлялся о вѣроисповѣданіи кучера, прежде чѣмъ нанять его.

Да, онъ молоканинъ.

Кучерь требуетъ 57 рублей за доставку насъ черезъ горы въ Тифлисъ. Но на эту сумму онъ, конечно, не можетъ достать намъ казачьяго конвоя.

Казачій конвой? Что намъ съ нимъ дѣлать? Развѣ онъ не могъ ѣхать безъ конвоя?

Кучерь, въ свою очередь, спрашиваетъ, рѣшимся ли мы ѣхать безъ казаковъ.

Мы смотримъ другъ на друга.

Тогда нашъ переводчикъ, полковникъ, рѣшаетъ вопросъ и говоритъ, что намъ не нужно никакого конвоя; мы изъ тѣхъ, кто полагается на волю Божию. Что могли бы взять съ насъ разбойники и грабители? У насъ не было денегъ на этой землѣ, мы были миссіонеры, намъ нужно ѣхать въ Персію и Китай, и въ нашихъ чемоданахъ—однѣ библіи. И поэтому мы не нуждаемся ни въ какомъ конвоѣ.

И молоканинъ съ своей стороны былъ не хуже насъ. На что намъ казачій конвой изъ семи человекъ спереди и сзади насъ? Словомъ, не было ничего опаснаго, онъ уже ѣздилъ этой дорогой и знаетъ ее.

Мы сговорились. Мы даемъ кучеру десять рублей впередъ и получаемъ въ залогъ его извозчицью бляху съ номеромъ. По дорогѣ онъ долженъ получить пять рублей на прокормленіе себя и лошадей, и, пріѣхавъ въ Тифлисъ, мы уплачиваемъ ему остальные сорокъ два рубля. Путешествіе должно продолжаться трое сутокъ. Оно должно начаться завтра въ пять часовъ утра.

Но въ дверяхъ молоканинъ оборачивается и хочетъ точно установить, что если мы начнемъ сворачивать въ горахъ съ дороги и предпринимать экскурсіи въ аулы и къ племенамъ въ сосѣднія горы, то ему нужно пятнадцать рублей въ день за ожиданіе. Мы сбавляемъ цѣну до двѣнадцати и соглашаемся.

Все въ порядкѣ.

Мы идемъ осматривать городъ. Владикавказъ, „Повелитель Кавказа“,—полуевропейскій городъ съ 45.000 жителей, театромъ, парками и обсаженными деревьями бульварами. Для обозрѣвателя здѣсь ничего интереснаго, кромѣ того, что ремесленники сидятъ и работаютъ на улицѣ, какъ въ южной Европѣ, но съ тою разницей, что, какъ всѣ кавказцы, эти ремесленники—красивые люди, смуглые красавцы арабскаго типа. Мы подходимъ къ скамейкѣ, гдѣ сидятъ трое и обрабатываютъ металлъ. Они нарѣзаютъ и оправляютъ кинжалы и сабли, украшенія для поясовъ, женскія украшенія. Я покупаю палку, которую только что кончилъ одинъ изъ художниковъ, она съ металлической насѣчкою и четырьмя зелеными камнями. Она очень дешева, восемь рублей; рисунокъ ея—византийскій. Я сосчиталъ, что рукоятка палки составлена приблизительно изъ 9000 металлическихъ гвоздиковъ и кусочковъ.

Человѣку неважно было продать свой товаръ. Онъ всталъ, когда мы подошли къ его станку, но онъ не сказалъ ни слова, и только стоялъ. Я осмотрѣлъ всѣ его палки и не торопился; когда я спросилъ о цѣнѣ, онъ произнесъ свой

короткій отвѣтъ по-русски и потомъ молчалъ. Когда я расплатился съ нимъ, онъ благодарилъ не по-русски, но сказалъ одно слово на другомъ языкѣ и кивнулъ. Онъ все время стоялъ, и, только когда мы ушли, мы видѣли, какъ онъ снова сѣлъ.

Намъ нужно купить плоды. Вѣдь въ горахъ будетъ холодно, а у насъ почти нѣтъ верхняго платья съ собою. Нашъ говорящій по-французски и по-нѣмецки полковникъ отправляется съ нами. Мы скоро находимъ лавку съ плодами; хотя полковникъ тоже нездѣшній, но ему очень легко найти дорогу, куда слѣдуетъ.

Передъ нами раскладываютъ скучные европейскіе плоды разныхъ сортовъ, и мы бракуемъ ихъ. Напротивъ, мы выбираемъ нѣсколько мягкихъ мѣховыхъ одѣялъ съ длинной шерстью, самыхъ великолѣпныхъ, какіе мы видѣли. Сколько стоятъ?

Голубоглазый человѣкъ въ черномъ шелковомъ кафтанѣ стоитъ за прилавкомъ, смотритъ въ прейсъ-курантъ и отвѣчаетъ: восемнадцать рублей.

— За оба, поясняя, говоритъ намъ полковникъ. Восемнадцать рублей за оба одѣяла.

Но голубоглазый человѣкъ понимаетъ по-нѣмецки, онъ, можетъ быть,—нѣмецъ, и отвѣчаетъ:—Нѣтъ, восемнадцать рублей за штуку.

Полковникъ, конечно, зналъ это сначала, но онъ на всякій случай прикидывается крайне изумленнымъ. Онъ вынимаетъ свое пенснэ, сажаетъ его на носъ, потомъ смотритъ на купца и никакъ не можетъ опомниться, онъ не говоритъ ни слова. Купецъ тоже смотритъ на полковника, и они оба стоятъ такъ нѣкоторое время.

Купецъ долженъ первый спасовать, онъ говоритъ: Да, восемнадцать рублей. И онъ развертываетъ одѣяла и начинаетъ объяснять цвѣтъ, сортъ шерсти, качество. Здѣсь рѣчь не о простыхъ одѣялахъ, мы же должны понять это...

Но полковникъ молча отбрасываетъ одѣяла и собирается уходить. Мы слѣдуемъ за нимъ. Тогда полковникъ оборачивается и говоритъ: Могу я сказать вамъ одну вещь:—сколько вы хотите за одѣяла?

Купецъ отвѣчаетъ: тридцать шесть рублей, и снова принимается расхваливать одѣяла.

Тогда полковникъ говоритъ намъ по-французски, что, очевидно, нельзя купить ихъ дешевле.

— Нѣтъ, ихъ нельзя продать дешевле,—говоритъ проклятый нѣмецъ, а можетъ быть и французъ.

Полковникъ спорить съ нимъ еще нѣкоторое время, но безуспѣшно; одѣяла заворачиваются, и я долженъ платить. Когда я считаю мои бумажки и дохожу до тридцати четырехъ, полковникъ вдругъ заявляетъ—стопъ. И онъ протягиваетъ купцу деньги и говоритъ, что больше онъ не получитъ ни копейки. Купецъ жметъ и не беретъ денегъ.

— Тогда берите одѣяла назадъ, оставьте ихъ у себя говорить полковникъ. Но въ то же время онъ суетъ большой свертокъ мнѣ подъ мышку и указываетъ на дверь. Потомъ бросаетъ деньги на прилавокъ и уходитъ за нами на улицу.

*

Полубезсонная ночь, благодаря кавказской лихорадкѣ и кавказскимъ клопамъ.

Въ половинѣ четвертаго я просыпаюсь и встаю. Темно, но фруктовая и табачная лавки по другую сторону улицы, по обыкновенію, освѣщены. Я слышу, какъ гдѣ-то въ домѣ звонятъ. Стало быть, не слишкомъ рано звонить, думаю я и тяну за шнурокъ. Никто не приходитъ. Я снова звоню и ложусь на открытое окно, и смотрю на улицу, и жду. Никто не приходитъ. Тогда я снова звоню.

Мы звонили шесть разъ, чтобы получить наши башмаки и маленькій завтракъ.

Изъ нашихъ оконъ мы замѣчаемъ, что молоканинъ со-

вершенно точно останавливается передъ гостиницейъ въ половинѣ пятаго. Онъ одно мгновение разговариваетъ со швейцаромъ и снова уѣзжаетъ. Мы спускаемся внизъ и находимъ швейцара, но мы не можемъ разговориться съ нимъ ни на какомъ языкѣ и не понимаемъ ни слова изъ того, что онъ намъ объясняетъ. Уже пять часовъ.

Молоканинъ снова подѣзжаетъ къ гостиницѣ; но когда я начинаю выносить нашъ багажъ въ карету, то его снимаютъ и снова уносятъ въ гостиницу. Этой странности мы не понимаемъ, какъ не понимаемъ, о чемъ разговариваютъ кучеръ и швейцаръ. Мы тогда рѣшаемъ, что гостиница задерживаетъ багажъ потому, что мы еще не уплатили по счету. Тогда я выпрямляюсь и становлюсь важной персоной для нихъ и произношу по-норвежски здоровую рѣчь, здобную рѣчь, подобающія слова. Я забываю, что мы—миссіонеры, и вынимаю свой бумажникъ и хлопаю по нему и прибѣгаю къ слову миллионъ, оно почти также звучитъ и по-русски, такъ что мы можемъ произвести нѣкоторое впечатлѣніе на нихъ. Когда это не помогаетъ, то я говорю еще громче и кричу: счетъ—давайте же маленькій счетъ!

Но прислуга видитъ, что намъ ничего нельзя объяснить, и по необходимости идетъ и будитъ нашего вчерашняго переводчика, полковника. Онъ спускается внизъ, довольно легко одѣтый, здороваается и проситъ извиненія за свой туалетъ. И теперь объясняется, что нашему отѣзду мѣшаетъ полиція. Въ мѣстности свирѣпствуетъ лошадиная эпидемія, наша скотина должна быть освидѣтельствована, полиція вызывала кучера вчера поздно вечеромъ.

Мы опять на мели.

Когда же мы можемъ уѣхать?

Только около полудня.

Но тогда мы не доберемся до назначенной станціи къ ночи.

Теперь полковникъ ломаетъ голову и долго совѣщается

со швейцаромъ и кучеромъ. И приходитъ къ рѣшенію, что мы должны ѣхать на квартиру къ полиціимейстеру и обратиться къ нему частнымъ образомъ. Я долженъ послать къ нему мой паспортъ и мою карточку, и служитель изъ гостиницы долженъ сопровождать меня и повліять на него своимъ ручательствомъ за лошадей.

Теперь нужно отыскать мои карточки. Мы обыскиваемъ наши чемоданы и, къ сожалѣнію, всѣмъ людямъ становится ясно, что они содержатъ не библии. Но мы не находимъ моихъ карточекъ. Гдѣ же онѣ были? У меня была цѣлая коробка карточекъ, потому что я никогда не пользуюсь ими. Должно быть, мы ихъ сунули въ вещи, оставшіяся въ Гельсингфорсѣ. Въмѣсто моихъ собственныхъ, я случайно нахожу карточку композитора Сибелиуса, карточку Альберта Эдельфельта, карточку Венцеля Гагельстама и карточку фру Маши Гагельстамъ; полковникъ выбираетъ карточку Венцеля Гагельстама и говоритъ, что она годится. Мы боимся, что имя на карточкѣ не сходится съ именемъ въ паспортѣ, но полковникъ отвѣчаетъ, что ихъ не станутъ сличать въ такой ранній часъ.

И вотъ мы ѣдемъ.

Но полиціимейстеръ еще не вставалъ.

Мы ѣдемъ назадъ въ гостиницу. Нужно снова звать полковника. Теперь онъ телефонируетъ спящему полиціимейстеру и добивается письменнаго разрѣшенія на отѣздъ, которое будетъ послано на почтовую станцію.

Стало быть, все въ порядкѣ.

Мы нагружаемъ нашъ багажъ въ карету и расплачиваемся. Сама комната обошлась дешево, пять рублей, но въ счетъ былъ поставленъ рубль за подушки, за два полотенца пятьдесятъ копѣекъ, на ряду съ другими странностями. Но мы безпрекословно уплачиваемъ, благодаримъ въ послѣдній разъ нашего несравненнаго полковника и уѣзжаемъ изъ гостиницы. Было уже половина седьмого.

На почтовой станции я передаю карточку Гагельстама. Приветливый вчерашний чиновник берет ее, смотрит на имя и достает письменное разрешение полицмейстера. И вот мы покончили съ Владикавказомъ. Счастливаго пути! кланяется почтовый чиновникъ.

VI.

Свѣжее утро, на горахъ тучи, и солнце еще не всходило. Мы ѣдемъ по аллеѣ изъ пирамидальныхъ тополей, мы встречаемъ множество телѣгъ съ фруктами, ѣдущихъ въ городъ, и почти за безцѣнокъ покупаемъ нѣсколько мѣшочковъ винограда. Потомъ мы ѣдемъ вдоль Терека и подъѣзжаемъ къ водопою; насъ поражаетъ, что это мѣсто носить совершенно норвежскій характеръ, и мы выльзаемъ изъ кареты и остаемся здѣсь нѣсколько дольше, чѣмъ нужно. Тучи поднимаются, все большая и большая часть горъ обнажается передъ нами, кромѣ вершинъ. Мы пріѣзжаемъ къ шлагбауму, гдѣ требуютъ дорожныхъ денегъ, и такъ какъ мы должны долго ждать квитанціи на два рубля, то мы снова выльзаемъ и разговариваемъ съ лошадьми и кучеромъ. Нашего молоканина зовутъ Корнѣемъ Григорьевичемъ, онъ—русскій, пятидесяти лѣтъ, съ темными длинными волосами и бородой и въ синемъ кучерскомъ кафтанѣ. Онъ спрашиваетъ, не французы ли мы, но когда мы объясняемъ, откуда мы, онъ ничего не понимаетъ и безнадежно смотритъ на насъ. Будь мы французы, онъ бы сразу же зналъ, что мы изъ Франціи; имя Франціи проникло на Кавказъ со времени свиданія царя съ Феликсомъ Форомъ въ Кронштадтѣ. Корнѣй Григорьевичъ произноситъ даже альянсъ и гордо улыбается своей осѣдомленности.

Потомъ является квитанція, шлагбаумъ поднимается, и мы проѣзжаемъ.

Нѣтъ ни одного достойнаго упоминанія подъема въ пути. Мы ѣдемъ по глубокой долинѣ, которая кажется непрохо-

димо узкой, съ могучими горами по обѣимъ сторонамъ; по куда что мы слышимъ глухой шумъ Терека въ глубинѣ. Терекъ не глубокъ въ это время года, но онъ течетъ очень быстро, потому что изливается прямо съ Казбека и имѣетъ очень высокое паденіе. Мы ѣдемъ среди известковыхъ горъ, дорога проложена съ боку горы, надъ нею крыша, ей недостаетъ только одной стѣны въ сторону Терека, чтобы быть туннелемъ. Здѣсь ужасная известковая пыль, пыль стоитъ неподвижно и омрачаетъ воздухъ, она осаждается на очки и бинокли. Видимая намъ сторона горы покрыта листовнымъ кустарникомъ и можжевельникомъ и низкорослыми хвойными деревьями почти до самой вершины.

Часа черезъ два туманъ уходитъ съ горныхъ вершинъ; свѣтитъ солнце. Становится все теплѣе и теплѣе. Корнѣй разстегиваетъ свой кожаный поясъ, снимаетъ кафтанъ, старательно складываетъ его, потому что онъ—человѣкъ порядка, и садится на него. Мы раскрываемъ зонтики отъ солнца.

Мы пріѣзжаемъ на первую станцію въ горахъ, Балту, которую минуемъ. Изъ всѣхъ описаній, какія я читалъ, я зналъ, что здѣсь у Балты начинаются горы. Какъ если бы у насъ не было горъ раньше! Ландшафтъ мѣняется, мы смотримъ сквозь могучее ущелье, склоны котораго уходятъ въ небеса, со снѣговыми вершинами вдаль, но направо и налево отъ насъ горы покрыты зеленью; на нихъ нѣтъ ни деревьевъ, ни кустовъ, одинъ пырей. А надъ вершинами кружатся орлы. Мы видѣли уже много орловъ сегодня.

Миновавъ эти обнаженные горы, мы подъѣзжаемъ къ другимъ, покрытымъ кустарникомъ. Это—особенность Кавказа. Въ то время какъ одна гора зеленѣетъ до вершины, гладкая, безъ единаго куста, сосѣдняя гора покрыта самою пышною растительностью. Это—не лѣсъ, но кустарникъ, частью высокой кустарникъ изъ листовныхъ деревьевъ. Здѣсь различной вышины дубъ, каштаны, букъ, изрѣдка

сосна, чаще всего береза. Наша милая сѣверная береза не-
утомима, она доходитъ до самой вершины, тогда какъ всѣ
другія деревья замерзаютъ и останавливаются.

Начиная отсюда, дорога сильно поднимается, мы ѣдемъ
съ малыми промежутками шагомъ. Мы минуемъ станцію
Ларсь, окруженную превышающими тысячу метровъ горами.
Дорога идетъ зигзагомъ, всякій видъ закрытъ, мы не мо-
жемъ видѣть ни впередъ, ни назадъ, мы видимъ лишь спину
и голову Корнѣя. То здѣсь, то тамъ, вдоль дороги лежатъ
и спятъ люди; это—рабочіе, они должны посыпать щебнемъ
и исправлять дорогу, но устраиваютъ себѣ отдыхъ. Они
одѣты по-черкесски, но сняли оружіе съ поясовъ. Оказывается,
что всѣ встрѣчные люди въ горахъ одѣты по-черкесски, не
будучи черкесами, сами татары, даже сами русскіе одѣваются
такъ. А черкесовъ здѣсь нѣтъ: большинство ихъ переселилось
въ Турцію, когда русскіе покорили ихъ, тѣ же, что остались,
живутъ по сю сторону Кавказа, въ бассейнѣ рѣки Кубани, а
одно племя, кабардинцы, живетъ на сѣверѣ отъ Влади-
кавказа. Это когда-то непримиримое племя, отказавшееся
даже вступить въ армію Шамиля, чтобы тѣмъ ожесточен-
нѣ бороться съ русскими самостоятельно, живетъ теперь
ближе къ Россіи, чѣмъ любое другое кавказское племя,
жившее раньше въ горахъ. Славянинъ покорилъ его, и оно
стало его сосѣдомъ.

Дорога такъ сдавлена, что какъ бы хочеть пропускать
насъ впередъ лишь пядь за пядью. Потомъ она нѣсколько
раздвигается, и мы переѣзжаемъ Терекъ по желѣзному
мосту. Русло очень сжато, рѣка шумитъ дико, вода жел-
товато-сѣрая отъ извести, она какъ супъ. У моста попа-
дается нѣсколько одуванчиковъ. Мы слѣзаемъ и смахиваемъ
известковую пыль съ нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобы дать имъ
снова дышать, мы даже поливаемъ ихъ водою изъ Терека изъ
цинкового ведра Корнѣя. Самъ Корнѣй стоитъ и смотритъ
на насъ и начинаетъ проявлять нетерпѣніе. Мы не постоянно

дѣлали эти глупости, но на этотъ разъ возникъ въ каретѣ
споръ, насколько эти печальныя растенія были живы или
умерли, и именно этотъ вопросъ мы и хотѣли выяснить.
Корнѣй, въ концѣ концовъ, успокаивается и оставляетъ насъ,
онъ тоже слѣзаетъ, садится на краю дороги и смотритъ на
насъ. Онъ, пожалуй, думаетъ, что мы совершаемъ своего
рода религиозный обрядъ надъ одуванчикомъ, разъ мы—
миссіонеры.

Растенія не были мертвыя. Когда намъ пришла хорошая
идея срѣзать одно изъ нихъ, оказалось, что соки въ немъ
въ порядкѣ.

И Корнѣй везетъ насъ дальше.

Мы закрываемъ зонтики, потому что солнце теперь снова
закрыто. Мы минуемъ вереницу ломовыхъ извозчиковъ, ко-
торыя лежатъ и спятъ по обѣ стороны дороги. Ихъ шесть
человѣкъ, и у всѣхъ оружіе на животахъ. Они выбрали это
мѣсто для отдыха, потому что здѣсь тѣнь. Лошадей они
выпрягли и привязали и дали кукурузы; но одна лошадь
ничего не получила, или съѣла все до-чиста, и мы остано-
вливаемся и беремъ для нея немного у остальныхъ лошадей.
Въ это время люди просыпаются, и они лежатъ на локтяхъ,
и смотрятъ на насъ и разговариваютъ между собой. Уви-
дѣвъ, что мы дѣлаемъ, они киваютъ и смѣются, и они встали
и подошли къ намъ и дали обдѣленной лошади еще больше
кукурузы. Когда мы уѣхали, они снова легли.

И вотъ мы приѣзжаемъ къ Дарьяльскому форту съ его
круглыми выступами и пушками и часовыми. Я читалъ, что
уже Плиніи описывалъ Дарьяльское ущелье и сильное укрѣп-
леніе Куманію, стоявшее здѣсь и запиравшее проходъ без-
численнымъ племенамъ. Нѣсколько солдатъ могли остано-
вить цѣлое войско у этого тѣснаго ущелья.

Подъемъ пути возрастаетъ, горы смыкаются тѣснѣе и
тѣснѣе вокругъ насъ, казалось, всякая надежда исчезла,
видна только полоска неба надъ нашими головами. Это да-

вить насъ, мы невольно замолкаемъ. Вдругъ, на крутомъ поворотѣ дороги, направо, открывается огромный зѣвъ, и мы видимъ, совсѣмъ близко, ледяную вершину Казбека съ ея бѣлоснѣжно сверкающими на солнцѣ ледниками. Онъ стоитъ тутъ же передъ нами, тихій и высокій, безмолвный. Странное чувство пронизываетъ насъ, гора стоитъ тамъ, какъ бы замороженная остальными горами, она точно существо изъ другого міра, что стоитъ и смотритъ на насъ.

Я вылѣзаю изъ кареты, и отхожу къ концу коляски, и держусь за нее крѣпко и смотрю. Въ это мгновеніе меня охватываетъ чувство головокруженія, я поднимаюсь надъ дорогой, точно вишу надъ ней, и какъ бы стою лицомъ къ лицу съ Богомъ. Звонкая тишина, я слышу только дыханіе вѣтра вокругъ вершины, тучи ползутъ по срединѣ ея, но не доходятъ до верхушки. Я бывалъ и раньше въ горахъ, я былъ на кругахъ Гардангера и Ютунгейма, и немного въ Баварскихъ Альпахъ и въ Колорадо и во многихъ другихъ мѣстахъ, но раньше я не чувствовалъ себя такимъ лишеннымъ почвы на землѣ; но здѣсь я стю и держусь крѣпко. Потомъ вершина окутывается въ тучу, которая закрываетъ ее. Видѣніе исчезло. Только гора продолжаетъ гудѣть въ облакахъ.

Меня зовутъ въ карету, и я карабкаюсь назадъ.

Я вспоминаю изъ своего дѣтства на сѣверѣ странную ночь, то была тихая, лѣтняя ночь. Я плылъ въ лодкѣ, но я не гребъ, я держалъ весла и сидѣлъ въ лодкѣ, повернувшись лицомъ впередъ. Всѣ морскія птицы умолкли, и на сушѣ не было видно ничего живого. И вотъ изъ водной глади всплываетъ голова, и съ нея струится вода. То былъ моржъ, но онъ былъ какъ существо изъ другого міра, онъ лежалъ и смотрѣлъ на меня открытыми глазами и думалъ. Взглядъ его былъ какъ у человѣка...

Мы снова переѣзжаемъ Терекъ по желѣзному мосту.

Дорога здѣсь порядочно раскрывается, и намъ видно на полверсты впередъ. Мы поднимаемся круто, дорога проходить теперь приблизительно по срединѣ горнаго склона, и по всей дорогѣ движутся люди, лошади, волы, ослы, всадники съ винтовками черезъ плечо. Человѣческаго жилья не видно.

Большое стадо овецъ стоитъ у самой дороги, при немъ четыре пастуха съ длинными посохами. У пастуховъ огромныя мѣховыя шапки на головахъ, вообще же они одѣты легко и довольно таки оборваны. Овцы всѣ бѣлыя, все стадо тихо пасется на горѣ, животныя кажутся камнями среди другихъ камней. Онѣ, можетъ быть, стоятъ такъ, чтобы орлы принимали ихъ за камни.

Нѣкоторое время спустя, мы видимъ передъ собою станцію Казбекъ, цѣлый маленькій городокъ изъ домовъ. Разорванные горы громадами высятся кругомъ, но склоны у нихъ зеленые, и до самыхъ вершинъ лежитъ скошенное сѣно въ маленькихъ копнахъ. Овцы пасутся въ горахъ до самаго верху, мы видимъ ихъ на самой высокой горѣ, въ небесахъ, какъ бѣлыя движущіяся крапинки. На вершинѣ одной изъ горъ стоитъ монастырь съ высокой башней, въ снѣгу. Вокругъ станціи, внизу, множество маленькихъ огородовъ при домахъ; въ Терекѣ нѣсколько человѣкъ купаютъ своихъ лошадей.

Мы подѣзжаемъ къ станціи.

*

При остановкѣ, насъ окружаетъ проворная дѣтвора, продающая горный хрусталь и разноцвѣтные камешки. Мы проѣхали 43 версты и теперь должны отдыхать три часа; Корнѣй отпрягаетъ лошадей. Когда я спрашиваю его, могутъ ли наши вещи остаться въ каретѣ во время отдыха, то мнѣ кажется, что онъ дѣлаетъ неувѣренный жестъ; тогда я нахожу болѣе надежнымъ захватить мелкія вещи въ комнату.

Здѣсь мы получаемъ обѣдъ, великолѣпную жареную баранину и великолѣпный супъ, послѣ этого мы получаемъ даже тонкій пирогъ. Но чистота весьма умѣренная. Слуга носить коричневый кафтанъ и великолѣпно вооруженъ; онъ старательно накрываетъ княжеской четѣ, кладетъ даже одинъ плакированный приборъ. Стекланная же пробки отъ бутылокъ съ уксусомъ и прованскимъ масломъ исчезли, и добрый слуга снабдилъ ихъ новыми пробками изъ газетной бумаги. Но его величавая осанка, съ которою онъ ставилъ все это великолѣпіе на столъ, подавляла всякую критику.

Онъ показываетъ въ окно и указываетъ на ледникъ, теперь, впрочемъ, отчасти закрытый туманомъ. Казбекъ! говоритъ онъ. Мы киваемъ ему въ отвѣтъ и уже знаемъ это, но когда мы спрашиваемъ о монастырѣ, который мы видимъ высоко въ снѣгахъ, онъ что-то отвѣчаетъ, но мы понимаемъ лишь то, что это—русскій монастырь. Никто изъ кавказцевъ не причисляетъ себя къ русскимъ. И уже столько времени послѣ покоренія находятся наивные воинственные горцы, говорящіе, что русскій лишь тогда получить доступъ въ ихъ страну, если онъ будетъ вести себя хорошо, иначе нѣтъ.

Корнѣй сказалъ, что мы должны отдыхать до шести. Мы понимаемъ кое-что изъ его словъ, и онъ большой мастеръ объясняться знаками. Когда мы держимъ передъ нимъ наши часы, онъ разбирается на циферблатѣ, какъ никто, онъ беретъ тогда вѣточку или соломинку съ земли и точно показываетъ часъ, который мы должны твердо помнить, и въ то же время онъ называетъ и опять называетъ число.

Вдругъ начинается громъ. Немного спустя, начинаютъ падать крупныя капли дождя, но солнце свѣтитъ. Я выбѣгаю и хочу перенести въ комнату и наши остальные вещи; но какой-то человѣкъ въ синей полотняной рубашкѣ, доходящей ему до колѣнъ, смотритъ на небо и объясняетъ мнѣ,

что дождь скоро перестанетъ; онъ еще указываетъ на себя и даетъ мнѣ понять, что онъ присмотритъ за вещами. Онъ уходитъ въ сарай, и возвращается со своимъ кафтаномъ и разстилаетъ его надъ болѣе открытымъ чемоданомъ.

Дождь становится сильнѣе, онъ переходитъ въ градъ. Градъ очень крупный и, падая, высоко подскакиваетъ надъ землей. Это напоминаетъ мнѣ о сильномъ градѣ въ жаркое лѣто въ американскихъ преріяхъ. Намъ приходилось тогда накидывать иной разъ наши куртки, или что намъ попадалось, на спины лошадей, а самимъ заползать подъ телѣги, чтобы не быть избитымъ градомъ до крови. И лошади, хорошо знакомыя съ явленіемъ издавна, только опускали голову, чтобы защитить глаза, и выдерживали удары.

Я прячусь въ стойло. Тамъ стоитъ корова съ теленкомъ, молодой верблюдъ и другія животныя, имъ всѣмъ, повидимому, хорошо, кромѣ овцы съ жирнымъ хвостомъ, лежащей въ загородкѣ. Овца больна и вздута, она тяжело стонетъ и закрываетъ глаза. Я иду къ своему чемодану за коньякомъ и наливаю въ пивной стаканъ, я озираюсь кругомъ и, убѣдившись, что я—одинъ, вливаю овцѣ нѣсколько добрыхъ глотковъ. Я вожусь съ этимъ долго, потому что животное не дается, но, наконецъ, я схватилъ ее за языкъ, и она глотаетъ хорошо. Языкъ былъ посинѣлый.

Выпивъ, овца фыркаетъ и трясетъ головой и лежитъ такъ тихо. Я надѣялся, что это вызоветъ потъ.

Градъ проходитъ, и солнце опять печетъ свободно. Я выхожу изъ хлѣва и осматриваю все кругомъ; земля дымится теплымъ паромъ. Мы находимся на высотѣ 1.727 метровъ надъ уровнемъ моря и съ сегодняшняго утра, на протяженіи 43 верстъ, поднялись почти на тысячу метровъ. Здѣсь, вокругъ Казбека, живутъ осетинцы, народъ, происхожденія и имени котораго никто не можетъ объяснить. Я охотно сдѣлалъ бы что-нибудь для науки во время этого путешествія, и было бы нетрудно произвести нѣсколько

изслѣдованій въ Осетіи. Мнѣ стоило бы только карабкаться нѣсколько часовъ въ горы, и я очутился бы въ Осетіи и могъ бы изслѣдовать ее. У меня были кое-какія вѣскія предположенія на этотъ счетъ, съ теченіемъ времени я прочелъ много книгъ о Кавказѣ. Здѣсь—колыбель челоуѣчества, здѣсь былъ прикованъ къ скалѣ Прометей, здѣсь горитъ вѣчный огонь у Баку, сюда явилось множество евреевъ послѣ вавилонскаго плѣненія, и здѣсь же по близости расположена гора Араратъ, которая, хотя и стоитъ въ Арменіи, но видна и отсюда. Мнѣ только нужно было достаточно времени, а не эти два жалкихъ часа. Я читалъ, что у осетинцевъ множество орудій, совершенно неизвѣстныхъ другимъ кавказскимъ племенамъ, и клещи, и квашня, и маслобойня, и пивная кружка, и вилы, и многое другое; это удивляло всѣхъ предыдущихъ изслѣдователей и ставило ихъ втупикъ. Но только доберись я до нихъ, такъ я прямо спросилъ бы ихъ, отъ какого же чорта они получили эти инструменты, купили они ихъ или же родились съ ними. Чего добраго, обнаружили бы негаданныя вещи, мнѣ, пожалуй, даже пришлось бы придумать новое ученіе о переселеніи народовъ, опровергнуть моихъ предшественниковъ по специальности, и Эккерта, и Гроссэ, и Опфертэ, и Нестора, и Боденштедта, и Реклю, и притти къ самостоятельнымъ результатамъ. Это, можетъ быть, не осталось бы безъ значенія и для меня самого, городъ украсился бы флагами при моемъ возвращеніи домой, меня просили бы прочесть докладъ въ Географическомъ Обществѣ, я получилъ бы большого Св. Олафа. Все это я видѣлъ въ душѣ.

Но вотъ является ко мнѣ Корнѣй, когда я стою далеко подъ горой, и докладываетъ, что намъ пора ѣхать.

Ѣхать? Это не по уговору. И я вынимаю часы и показываю Корнѣю число, которое тотъ отмѣтилъ соломой, и говорю, что еще остается цѣлый часъ. Но Корнѣй не согласенъ, онъ находитъ соломинку и указываетъ на часовую

стрѣлку и обозначаетъ, что намъ нужно ѣхать какъ разъ въ тотъ часъ, на которомъ она стоитъ. И мы стоимъ каждый со своей соломинкой и часами и совѣщаемся подъ горой; наконецъ, я долженъ уступить и послѣдовать за нимъ.

Моя первая мысль была объ овцѣ въ хлѣву, и изъ-за нея-то я оттягиваю нашъ отъѣздъ. Къ сожалѣнію, ея пѣсня спѣта; когда мы уѣзжали, она свалилась на бокъ и, повидимому, не долго могла протянуть.

Покидая станцію, мы встрѣчаемъ огромное стадо овецъ на дорогѣ. Оно останавливаетъ нашихъ лошадей, густо тѣснится вокругъ насъ и не даетъ намъ двинуться. У четырехъ пастуховъ длинныя посохи, кинжалы на животахъ и ружья черезъ плечо, кромѣ того, они съ собаками. Собаки желтовато-сѣрыя, въ нихъ мало собачьяго, онѣ больше похожи на бѣлыхъ медвѣдей.

Наконецъ, мы свободны и ѣдемъ дальше.

Дорога тянется долиною, но начинаетъ итти подъ уклонъ; такъ продолжается нѣсколько верстъ, и мы быстро поднимаемся впередъ. Потомъ дорога опять поднимается, круче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ и, начиная отсюда, мы ѣдемъ шагомъ по цѣлымъ часамъ. Мы проѣзжаемъ грузинское село съ церковью; въ общемъ здѣсь обработанной земли больше, и ближайшія горы поднимаются не такъ отвѣсно. Дно ущелья шире и зеленѣе, и самъ Господь воздвигъ прекраснѣйшія стѣны вокругъ огородовъ и поселковъ. Здѣсь тоже встрѣчаются коровы и волы, они маленькіе, но тучные и крѣпкіе, и встрѣчаются стада овецъ до тысячи головъ. Нѣсколько женщинъ стоятъ въ полѣ и жнутъ ячмень.

Новые грузинскіе поселки. Весь такой поселокъ сплошь да рядомъ одинъ непрерывный лабиринтъ домиковъ, одинъ надъ другимъ, наискось карабкающихся въ гору. Они не разъединены ни улицами, ни дорогами, а лишь лѣстницами, они расположены, какъ полки, одинъ надъ другимъ и другъ

подлѣ друга, буравя горный склонъ. Дома безъ оконъ и безъ другихъ отверстій, кромѣ дверей и отверстія въ крышѣ надъ очагомъ. Крыша плоская, то изъ дерна, то изъ плитокъ. Тамъ сидятъ женщины на своихъ подушкахъ, здѣсь же пляшутъ и играютъ, и семья не покидаетъ крыши ни днемъ, ни ночью, если только позволяетъ погода. У всѣхъ этихъ грузинскихъ деревушекъ такой видъ, точно надъ ними пронеслась буря, точно сорвало вихремъ верхнюю часть всѣхъ домовъ.

Село за селомъ. Въ каждомъ селѣ насъ обступаютъ нищенствующіе мальчики. Маленькія созданыица попрошайничаютъ съ такою назойливостью, равную которой мы встрѣтили только на обратномъ пути, когда мы пріѣхали въ Турцію. Въ другомъ полѣ стоятъ восемь женщинъ и жнутъ. Старшія робко нагибаются къ землѣ и продолжаютъ работать, но одна молодая дѣвушка выпрямляется, и смотритъ на насъ и смѣется. Она въ синемъ сарафанѣ, и волосы у нея сзади повязаны краснымъ платкомъ, ея бѣлые зубы сверкаютъ, у нея черные глаза. Когда ей больше не хочется смотрѣть на насъ, она перестаетъ смѣяться, равнодушно вскидываетъ голову и отворачивается. У насъ въ каретѣ вырывается легкой возгласъ: это движеніе головой было неподобно.

Село за селомъ. Благодаря подъему, дорога идетъ зигзагомъ, и Корнѣй, желая поберечь своихъ лошадей, ѣдетъ тихо и часто поитъ. У одного изъ водопоевъ насъ нагоняетъ чужой экипажъ, который Корнѣй преспокойно пропускаетъ впередъ, такъ что намъ, ѣдущимъ сзади, пыль становится невыносимой. Мы приказываемъ ему остановиться на время, чтобы дать пыли время развѣяться, и вообще мы не очень благодарны ему за его вялую ѣзду. Корнѣй же, напротивъ, очевидно находитъ, что все теперь отлично; онъ сидитъ и напѣваетъ.

Время клонится къ вечеру. Смеркается и становится замѣтно холоднѣе. Мы накидываемъ мѣховыя одѣяла себѣ на

плечи. Я замѣчаю, что стеариновое пятно на моей курткѣ снова затвердѣваетъ и бѣлѣетъ, оно, какъ термометръ, здѣсь среди высотъ; мы на высотѣ 2.000 метровъ. Мы продолжаемъ извиваться среди горъ. Корнѣй еще разъ поитъ лошадей, хотя уже такъ холодно. Всякія поля прекращаются, мы уже почти на границѣ пояса деревьевъ.

И вотъ мы грохочемъ по новому желѣзному мосту и пріѣзжаемъ на ночлегъ, на станцію Коби. За нѣсколько минутъ до нашего прибытія на мѣсто, Корнѣй вдругъ соскакиваетъ съ козель и начинаетъ тащить за хвостъ одну изъ своихъ лошадей. Вначалѣ мы не поняли этого страннаго приѣма, но, немного спустя, мы замѣтили, что животъ у лошади сильно вздуть, и что животное съ трудомъ можетъ двигаться.

VII.

Забавное и милое мѣсто.

Мы просимъ пріюта, но всѣ отдѣльныя комнаты заняты. Но благодаря этому, мы не остаемся безъ кроватки. Мою спутницу отводятъ въ большую общую комнату для женщинъ, а меня въ такую же для мужчинъ. Здѣсь обтянутыя кожей скамейки вдоль стѣнъ, и на одной изъ нихъ мнѣ предстоитъ спать. Хорошо. Мы просимъ поѣсть, и безо всякаго ожиданія получаемъ превосходное филе, шей и фруктовъ. Моя лихорадка опять увеличилась, такъ что меня уговариваютъ воздержаться отъ извѣстныхъ блюдъ и напитковъ; но довольство, что мы нашли это мѣсто въ горахъ, и что здѣсь такъ благоустроено, приводитъ къ тому, что я не обращаю вниманія на лихорадку и заказываю слѣдующее, противное діетѣ меню: филе, щи, фрукты и пиво и потомъ кофе.

Пока мы ѣдимъ, въ снѣгахъ появляется Корнѣй и хочетъ съ нами говорить. Намъ хорошо слышно его тамъ, и всякій разъ, когда кто-нибудь входитъ въ дверь, мы вдобавокъ видимъ его; но слуга держитъ нашу сторону и не хочетъ от-

влекать насъ отъ обѣда и вызвать насъ. Тогда Корнѣй, воспользовавшись минутой, пробирается къ намъ въ столовую.

Что ему нужно?

Корнѣй объясняетъ, что мы должны двинуться отсюда завтра въ шесть часовъ утра. Почему? Это противорѣчить уговору, мы раньше остановились на пяти, чтобы завтра къ вечеру добраться до Ананура. Тогда онъ отвѣчаетъ нѣчто чрезмѣрно сложное, но мы понимаемъ, что онъ проситъ насъ выйти съ нимъ.

И мы слѣдуемъ за нимъ.

Мы не беремъ ни шляпы, ни верхняго платья, полагая, что это сейчасъ же за дверью; но Корнѣй ведетъ насъ далеко по дорогѣ. Немного больше половины луны, но она свѣтитъ ярко и, кромѣ того, зажглось множество звѣздъ. Мы замѣчаемъ черную точку у края дороги; Корнѣй идетъ впередъ къ черной точкѣ. Мертвая лошадь! Пала одна изъ лошадей Корнѣя. Онъ опоилъ ее. Она лежитъ со вздутымъ, какъ шаръ, животомъ. Это — сто рублей! говоритъ Корнѣй. Онъ неутѣшенъ, онъ сопровождаетъ насъ назадъ къ прерванному обѣду и все время повторяетъ, что это стоитъ сто рублей. Ну, пропало сто рублей, разъ никто не вернетъ ихъ Корнѣю, то и нечего больше разговаривать. И чтобы отпустить его, я говорю Корнѣю приблизительно слѣдующее: Спокойной ночи! Завтра въ пять часовъ утра мы уѣзжаемъ.

— Нѣтъ, въ шесть,—отвѣчаетъ Корнѣй.

Мы несогласны. Корнѣй объясняетъ что-то, изъ чего мы понимаемъ, что теперь пропало сто рублей и на завтра у него остаются только три лошади.

Эта логика намъ неясна. Вѣдь съ его тремя лошадьми гораздо больше основаній начать путешествіе въ пять, если мы хотимъ добраться до Ананура. И послѣ долгихъ переговоровъ при помощи соломинки и часовъ и рѣзко высказаннаго

русскаго числа часовъ, Корнѣй наконецъ киваетъ и подчиняется. Спокойной ночи.

Пообѣдавъ, мы снова идемъ наружу посмотрѣть на мертвую лошадь. Зачѣмъ ее оттащили такъ далеко отъ станціи? Она же не должна была сколько-нибудь коробить здѣшнее кавказское христіанство? Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ странахъ, конечно, осталось кое-что отъ стараго ученія христіанъ держаться подальше отъ конины. Здѣсь теперь лежала эта толстая языческая туша, далеко на проѣзжей дорогѣ, и была въ сторонѣ отъ людей, повидимому, даже кожи не хотѣли спасать. И въ этомъ кавказцы правы. Если только здѣсь вообще замѣшано христіанство. Конечно, на Кавказѣ еще стоятъ развалины церквей со временъ царицы Тамары (1184 — 1212), какъ имѣются церкви и позднѣйшаго происхожденія; но значительная часть кавказцевъ—въ большей или меньшей степени—магометане еще и сегодня. У Баку какое-нибудь поколѣніе тому назадъ были даже огнепоклонники, а на южномъ Кавказѣ, въ Арменіи, говорятъ, еще живутъ поклонники сатаны. Когда жители средняго Кавказа были покорены Россіей и должны были присягнуть царю въ вѣрности, то они ставили непремѣннымъ условіемъ присягать именемъ своего собственнаго бога...

Мѣсяцъ и звѣзды свѣтятъ. Лошадь продолжаетъ лежать, огромная, языческая, отвратительная, двѣ собаки сидятъ и сторожатъ ее. И вотъ приходитъ человѣкъ съ клещами въ рукѣ. Это — молодой человѣкъ, онъ поворачиваетъ шаръ кругомъ и возитъ съ трупомъ и толкаетъ его ногою, чтобы заставить его снова лежать неподвижно. Онъ, пожалуй, не сталъ бы дѣлать этого съ христіанскимъ трупомъ. Теперь онъ снимаетъ подковы съ павшей лошади; вскорѣ послѣ этого является Корнѣй, и теперь они собираются снять и шкуру. Почему бы и нѣтъ?

Два человѣка распарываютъ кожу на животѣ и на ногахъ и начинаютъ сдирать. Корнѣй тихъ и молчитъ, но мо-

лодой человекъ жалуется, что плохо видно, онъ взглядываетъ на небо и ворчитъ и, повидимому, говоритъ: онъ еще не вычистилъ своей лампы сегодня вечеромъ! Тогда молодой человекъ отправляется за фонаремъ и возвращается назадъ. Съ нимъ является много народа, молодыхъ и старыхъ, точно они почуяли запахъ рѣзни, и, жадные, теперь они идутъ на нее.

Мы всѣ стоимъ и смотримъ.

Вдругъ многіе вынимаютъ свои ножи изъ ноженъ и начинаютъ сдирать кожу. Повидимому, они находятъ чистѣйшее наслажденіе въ этомъ, они щупаютъ руками обнаженное мясо и грѣются о него и глухо и горячо смѣются. Просыпаются язычники въ нихъ?

Кожа быстро содрана съ животнаго, и появляется другая лошадь съ повозкой, чтобы увезти падалъ прочь. Тогда одинъ разохотившійся человекъ вонзаетъ кончикъ ножа въ брюхо животному и вскрываетъ его. Всѣ издаютъ глухое восклицаніе, какъ бы въ знакъ своего наслажденія этимъ, и скоро многіе начинаютъ перебирать руками кишки и необыкновенно громко говорятъ, точно стараясь заглушить другъ друга. Самъ Корнѣй не участвуетъ въ этомъ, онъ болѣе христіанинъ, чѣмъ прочіе, онъ даже бросилъ языческую кожу на землю и не хочетъ имѣть никакого дѣла съ нею. Но онъ все же смотритъ на бойню, и даже въ его глазахъ, повидимому, вспыхиваетъ маленькій огонекъ.

И вотъ является какой-то человекъ со станціи, мы не вѣримъ своимъ глазамъ, это—нашъ хозяинъ. Онъ тоже хочетъ принять участіе? Онъ останавливаетъ уродованіе трупа и хочетъ получить разрѣшеніе Корнѣя взять часть туши. Корнѣй отворачивается и не соглашается. Хозяинъ суетъ ему нѣсколько монетъ, и Корнѣй отворачивается, даже принимая деньги. Тогда хозяинъ выбираетъ себѣ части, и многіе съ наслажденіемъ потрошатъ тушу. Хозяинъ беретъ двухъ человекъ на помощь и уноситъ филейную часть и бедра.

Филе, думаю я, филе и ши для будущихъ проѣзжихъ! Если хозяинъ и его домашніе—подходящій народъ, то, пожалуй, они сами будутъ лакомиться мясомъ сегодня же вечеромъ. Вѣдь это—конина.

Корнѣй теперь торопится увезти остатки лошади на подводѣ; но мясники продолжаютъ возиться надъ остатками, остались еще лакомые кусочки, и каждый беретъ себѣ часть и уноситъ бока, печень, легкія. И Корнѣй отворачивается и допускаетъ это. Остатокъ, который, наконецъ, увезли на подводѣ, все-таки былъ еще большой; вздутыя кишки.

Мнѣ пришлось вспомнить о Гоконѣ Адальстейнфострѣ на кровавомъ пиршествѣ при Ладѣ. Король воевалъ, чтобы избѣжать конины, но народъ старался, чтобы онъ ѣлъ. Но король былъ воспитанъ въ христіанской вѣрѣ въ Англіи и не хотѣлъ ѣсть конины. Тогда крестьяне просили его выпить супа; но онъ и этого не хотѣлъ, онъ отвернулся. Наконецъ, они требовали, чтобы онъ ѣлъ одинъ жиръ; но нѣтъ, король не поступился своимъ убѣжденіемъ. Тогда крестьяне хотѣли возстать противъ него. И тогда пришлось Сигурду Ярлу выступить посредникомъ. „Разинь только ротъ надъ ручкой горшка“, сказалъ онъ королю. Но ручка была жирна отъ пара изъ горшка, и король, прежде чѣмъ раскрыть ротъ, положилъ платокъ на ручку. И тогда онъ раскрылъ ротъ. Но ни одна изъ сторонъ не была довольна, говорить преданіе.

И потомъ возникъ споръ на рождественскомъ пиршествѣ зимою. Явились большія толпы крестьянъ и требовали, чтобы король приносилъ жертву. Но онъ не хотѣлъ. Когда ему приходилось пить поминальный кубокъ, онъ крестилъ его. Что онъ дѣлаетъ? спрашивалъ Коръ изъ Грютинга. Онъ дѣлаетъ знакъ молота Тора, отвѣтилъ Сигурдъ Ярль, молодецъ. Но поселяне были недовѣрчивы, они требовали, чтобы король выпивалъ поминальный кубокъ безъ знака молота Тора. И король отвернулся, но потомъ уступилъ и вы-

пиваль кубокъ, не крестя его. Потомъ снова появилась конина, и короля просили кушать. Но онъ отвернулся. Тогда поселяне грозили ему насиліемъ, и Сигурдъ Ярль просилъ его уступить. Но король былъ англійскій христіанинъ, онъ не былъ расположенъ къ этому. Онъ съѣлъ лишь нѣсколько кусочковъ конской печени.

Ахъ, Корнѣй Григорьевичъ, у тебя было много предшественниковъ и будетъ еще много преемниковъ. Такъ-то оно будетъ...

Мы возвращаемся на станцію и собираемся спать. Спокойной ночи. Но у меня только старый номеръ шведской „Новой Прессы“ для чтенія, и я уже прочелъ этотъ номеръ столько разъ, что я не въ состояніи найти какое бы то ни было удовольствіе въ этомъ. Тамъ пишутъ о *Военномъ судѣ въ Реннѣ*, о *Заговорѣ противъ республики*, о *Военныхъ слухахъ изъ Трансвааля*, о *Безпорядкахъ въ Богеміи*, о *Чумѣ въ Опорто*,—я не хотѣлъ ложиться и читать больше объ этихъ вещахъ. Ахъ, мнѣ еще много разъ пришлось ложиться спать съ этимъ чтеніемъ и находить утѣшеніе даже въ несчастныхъ *рыночныхъ цѣнахъ*. И только на обратномъ пути изъ поѣздки, въ сербскихъ равнинахъ, я пустилъ эту старую газету въ окно вагона...

Я снова выхожу въ ночную темноту и брожу вокругъ станціи. Я захожу на дворъ. Это—большое открытое мѣсто, окруженное со всѣхъ сторонъ домами. Въ кроткомъ сіяніи мѣсяца и звѣздъ приходятъ и уходятъ одѣтые въ кафтаны люди съ лошадьми, которыхъ ведутъ въ хлѣвъ или выводятъ для отъѣзда. Отъ поры до времени открывается дверь въ главное зданіе и выкрикивается на дворъ то или другое непонятное слово или имя, и въ отвѣтъ раздается другое непонятное слово изъ стойла. По серединѣ двора лежитъ верблюдъ и жуеетъ жвачку; какой-то человѣкъ дразнить его мимоходомъ и тычетъ въ него палкой, тогда онъ кричитъ и, лежа, подымаетъ голову въ ростъ человѣка. Я слышу, какъ лошади въ конюшняхъ фыркаютъ и жуютъ кукурузу.

Я чувствую себя поразительно хорошо съ этими людьми и животными въ звѣздную ночь. Точно я нашелъ уютный уголокъ даже здѣсь, въ далекомъ краю. Я останавливаю то одного, то другого человѣка и предлагаю ему папиросу, чтобы подружиться съ нимъ и чтобы меня не выпроводили отсюда, и давая ему огня, я освѣщаю его спичкой и смотрю, какой у него видъ. Всѣ они—худыя, красивыя фигуры, довольно похожія другъ на друга, смуглыя, арабскія. Вдобавокъ, они какъ стальные пружины, и отрадно наблюдать ихъ осанку и ихъ походку.

Все теперь было бы хорошо, не потеряй Корнѣй своего коня,—этихъ ста рублей.

Пока я брожу изъ стойла въ стойло, и прислушиваюсь, и присматриваюсь, Корнѣй тоже всплываетъ опять. Сто рублей! говоритъ онъ и печально качаетъ головой. Перестань, Корнѣй, думаю я. Но Корнѣй не перестаетъ, онъ идетъ за мной. И вотъ онъ снова называетъ шесть часовъ утра, какъ время завтрашняго отъѣзда. Я начинаю соображать, почему Корнѣй хочетъ сердить меня этимъ позднимъ часомъ, и прихожу къ заключенію, что онъ хочетъ вырвать у меня плату, взятку, выѣзжая въ пять часовъ. Разъ мы не настоящіе миссіонеры, то мы, можетъ быть, денежные люди, для которыхъ сто рублей не играютъ никакой роли. Нѣтъ ничего невозможнаго, что онъ именно такъ и разсуждаетъ, думаю я.

Я довольно крѣпко обнимаю Корнѣя, веду его съ собою къ какому-то человѣку, стоящему съ фонаремъ, и показываю ему цифру пять на моихъ часахъ. Потомъ я, правильно или неправильно, говорю ему по-русски: Пять часовъ. И въ то же время я кладу почти весь указательный палецъ Корнѣю на лобъ. И Корнѣй тупо киваетъ, онъ понялъ меня. Но онъ, повидимому, далеко не намѣренъ успокоиться на моемъ рѣшеніи. Тогда я долженъ уйти со двора, чтобы отдѣлаться отъ него.

Разумѣется, Корнѣй явится завтра только въ шесть часовъ утра, вопреки нашему контракту и моему рѣшительному заявленію. И тогда еще вопросъ, можемъ ли мы съ тройкою лошадей добраться до Ананура.

Мнѣ все-таки приходится итти въ домъ и ложиться.

Въ моей большой общей комнатѣ одинъ человѣкъ уже лежитъ и спитъ. У другой стѣны стоитъ офицеръ въ мундирѣ и готовитъ себѣ постель; у него свои простыни и бѣлыя наволочки. У него очень высокомѣрный видъ, и я не рѣшаюсь заговорить съ нимъ. У дверей, на голомъ полу, лежатъ солдаты. Онъ еще не спитъ. Онъ, очевидно, офицерскій денщикъ.

Я снова выхожу и направляюсь по дорогѣ, гдѣ лежала лошадь. На нѣкоторомъ разстояніи я слышу веселый говоръ множества людей, и я иду на звукъ. И вотъ я вижу, что подъ отвѣсной скалой разведенъ огонь, и я иду туда.

Я натыкаюсь на семь человѣкъ вокругъ костра. Великолѣпное зрѣлище. Они наварили конины, они теперь ѣдятъ, руки у нихъ и лица въ жиру, и каждый ротъ жусть и разговариваетъ. Когда я подхожу, они приглашаютъ и меня отвѣдать, одинъ человѣкъ, пальцами, протягиваетъ мнѣ кусокъ мяса и что-то говоритъ и улыбается, остальные также улыбаются и, чтобы подбодрить меня, киваютъ мнѣ. Тогда я беру мясо, но качаю головою и говорю: у меня лихорадка; это я нашель въ моемъ русскомъ „Переводчикѣ“. Но они не понимаютъ по-русски и обсуждаютъ, что я сказалъ, и когда это выясняется, то всѣ они начинаютъ довольно оживленно говорить. Насколько я теперь могу понять, они мнѣ объясняютъ, что конина—лучшее средство противъ лихорадки, и многіе изъ нихъ протягиваютъ мнѣ куски мяса. Тогда я начинаю ѣсть, и мясо вкусно. Соли? спрашиваю я. Одинъ человѣкъ понимаетъ меня и протягиваетъ мнѣ соли въ маленькой тряпочкѣ; но она грязна, и я долженъ закрыть глаза, когда беру. Сами люди ѣдятъ безъ

соли, они ѣдятъ быстро и безъ мѣры, и глаза у нихъ совсѣмъ безумные. Я думаю про себя: они какъ пьяные, а вѣдь невозможно, чтобы конина могла ихъ такъ опьянить. Я подсаживаюсь къ нимъ, чтобы наблюдать и объяснить это.

Они начинаютъ пить отваръ. Для этого они пользуются одною большою ложкой, которая поочередно идетъ кругомъ; ручка ложки измазана жиромъ. Попивъ супу и утоливъ жажду, они снова ѣдятъ мясо и продолжаютъ запивать его. Я совсѣмъ перестаю ѣсть, хотя, впрочемъ, ѣда подѣйствовала на меня хорошо и уничтожила мою лихорадку, и я благодарю ихъ, что больше не хочу, когда они все еще предлагаютъ мнѣ ѣсть.

Они ведутъ себя все страннѣе и страннѣе и продѣлываютъ съ мясомъ положительно лишнія вещи. Они прикладываютъ куски мяса къ щекамъ и тащатъ ихъ такъ короту, раньше какъ бы ласкаютъ себя ими, и при этомъ закрываютъ глаза и смѣются. Нѣкоторые же подсовываютъ мясо подъ носъ и держатъ его тамъ, чтобы сильнѣе почувствовать запахъ. Всѣ они лоснились отъ жира до самыхъ глазъ и чувствовали себя совсѣмъ хорошо, хотя чужой все время смотрѣлъ на нихъ. Они катались по землѣ, издавали звуки и, кромѣ себя, не обращали вниманія ни на кого...

Но вотъ идетъ Корнѣй, и я поднимаюсь, кланяюсь и ухожу. Добрый Корнѣй начиналъ надоѣдать.

Я иду опять по дорогѣ, но, вернувшись на станцію, я совсѣмъ не хочу ложиться спать, такъ легко я избавился отъ лихорадки. Я прохожу мимо строеній и сворачиваю по направленію къ горамъ. У подножья, я нахожу пару лошадей и пару повозокъ. Звѣзды мерцаютъ въ небесахъ, до меня доносится слабый шумъ Терека, черныя и безмолвныя горы стоятъ кругомъ. Ихъ подавляющее величіе дѣйствуетъ на меня, я закидываю голову и всматриваюсь въ ихъ вершины въ небесахъ. И смотря на звѣзды, я узнаю нѣкоторыя изъ

нихъ, но онѣ сдвинулись съ мѣста для меня. Большая Медвѣдица стоитъ прямо надъ моей головой.

Теперь уже вечеръ въ Норвегіи, думаю я, и солнце во многихъ мѣстахъ опускается въ море. Тамъ солнце красное, когда оно заходитъ, и тамъ, на самомъ сѣверѣ, оно часто еще краснѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Ну, теперь оставимъ это...

Никогда я не видѣлъ такого яркаго сіянія звѣздъ, какъ здѣсь, здѣсь, въ кавказскихъ горахъ. И полумѣсяцъ свѣтитъ, какъ полная луна. Это яркое сіяніе ночного неба базъ солнца—новость для меня, это захватываетъ меня и отвлекаетъ меня отъ тоски по родинѣ. Я сажусь на землю и смотрю вверхъ, и такъ какъ я изъ тѣхъ, кто въ отличіе отъ многихъ другихъ еще не рѣшилъ вопроса о Богѣ, то я сижу нѣкоторое время въ мысляхъ о Богѣ и его твореніи. Въ глубокой и волшебный міръ пришелъ я теперь, это старое мѣсто изгнанія оказалось самой поразительной изъ всѣхъ странъ. Я увлекаюсь все болѣе и болѣе и не думаю о снѣ. Горы становятся такими невѣроятными для меня, кажется, будто онѣ пришли изъ другого мѣста и теперь оставились прямо передо мной. Какъ люди, долго бывшіе одни, я говорилъ слишкомъ много съ самимъ собою, я ежился и дрожалъ отъ восторга и громко говорилъ. Я хотѣлъ лечь спать здѣсь. И я ложусь навзничъ и барахтаюсь и радуюсь всѣмъ тѣломъ, потому что все такъ прекрасно. Но холодъ теперь не такъ малъ, и у меня скоро мерзнетъ сторона обращенная вверхъ, и я встаю и иду къ лошадямъ.

Обѣ лошади стоятъ, разсѣдланныя и отпряженныя, но привязанныя каждая къ своей повозкѣ. У обѣихъ пустые мѣшки съ кукурузой на мордахъ. Я снимаю мѣшки, и я привязываю ихъ свободнѣе, чтобы онѣ могли сколько-нибудь щипать траву на зеленой горѣ. Потомъ глажу ихъ и ухожу.

Тогда лошади перестаютъ щипать траву, онѣ бьютъ ко-

пыткомъ и смотрятъ мнѣ вслѣдъ. И я глажу ихъ еще разъ, и онѣ хотятъ итти за мной, когда я ухожу. Очевидно, онѣ чувствуютъ себя одинокими и хотятъ быть на людяхъ.

Я не обращаю на это вниманія, но когда я отошелъ въ сторону, мнѣ приходитъ въ голову, что хорошо бы проѣхать верхомъ, и я поворачиваю назадъ. Я выбираю лошадь, которая лучше на видъ, хотя и она худа и очень неказиста, я отвязываю ее и сажусь. И вотъ я ѣду, въ косомъ направленіи, въ горы.

*

Все время тихо, я слышу только топотъ лошади. Станція давно скрылась изъ виду, горы и долины заслонили ее, но я знаю, какъ ѣхать назадъ.

Тропинки здѣсь нѣтъ, но лошадь все равно шагаетъ впередъ по твердой вершинѣ горы; когда она бѣжитъ рысью, ея острая спина врѣзается въ меня, потому что у меня нѣтъ сѣдла; но она также охотно скачетъ галопомъ, и тогда удобно.

Дальше гора уже не голая: то здѣсь, то тамъ попадаются лиственный кустарникъ и кусты исполинскаго папоротника. Проѣхавъ по нимъ нѣкоторое время, мы попадаемъ на тропинку. Она пересѣкаетъ нашу дорогу. Я останавливаюсь, смотрю вверхъ и внизъ и не совсѣмъ знаю, въ какую сторону мнѣ ѣхать. Пока я стою тамъ и соображаю, я вижу, что какой-то человѣкъ спускается по тропинкѣ съ горы; лошадь также смотритъ на него и поднимаетъ уши. Я слѣзаю и начинаю бояться, я взглядываю вверхъ на человѣка и взглядываю на лошадь и прислушиваюсь; я слышу тиканье моихъ часовъ въ карманѣ.

Когда человѣкъ подошелъ довольно близко, я киваю ему: здравствуй, молъ, я—твой другъ. На это онъ ничего не отвѣчаетъ, а только подходитъ ближе. Онъ въ сѣромъ бурнусѣ и огромной мѣховой шапкѣ, какія я видѣлъ у пасту-

ховъ. Значить, онъ—пастухъ, его рваный бурнусъ годился пастуху; но у него богатый поясъ, и кинжалъ, и пистолеть на боку. Онъ преспокойно проходитъ мимо. Я смотрю ему вслѣдъ и, когда онъ отходитъ на нѣсколько шаговъ, я оста- навливаю его. Я предлагаю ему папиросу. Онъ оборачи- вается и, въ изумленіи, беретъ папиросу и, закуривъ ее, онъ что-то говоритъ, пару быстрыхъ словъ. Я качаю головой и отвѣчаю, что я не понимаю его. Онъ говоритъ еще что-то; но такъ какъ я не умѣю говорить съ нимъ, то онъ ухо- дитъ своей дорогой.

Я чувствую величайшее удовольствіе, что эта встрѣча прошла такъ благополучно, и снова успокаиваюсь. Я глажу лошадь, привязываю ее къ кусту папоротниковъ, нѣсколько въ сторонѣ отъ тропинки, и даю ей пастись, самъ же са- жусь рядомъ. Нѣтъ, разумѣется, пастухъ не имѣлъ въ виду ничего дурного, только этого не доставало! Вдобавокъ онъ боялся меня. Онъ сердечно благодарилъ меня за папиросу. Представьте теперь, что этотъ человѣкъ захотѣлъ убить меня здѣсь, въ моемъ глубокомъ одиночествѣ и заброшен- ности. Что же тогда? Я бы бросился на него и схватилъ его за глотку. И задушивъ его почти до смерти, я бы сдер- жалъ себя немного и далъ бы ему возможность пожалѣть о своей жизни. Потомъ я бы покончилъ съ нимъ.

Я ничего не имѣлъ бы противъ, если бы кто-нибудь изъ соотечественниковъ, увидѣлъ меня въ этой ужасной борьбѣ съ дикаремъ...

Мнѣ немного холодно, но это не мѣшаетъ мнѣ чувство- вать себя хорошо. Развѣ выносимы эти люди, спящіе въ постеляхъ и посвящающіе ночные часы сплошной холѣ своей испорченности? Я самъ цѣлый вѣкъ пролежалъ въ европейскихъ кроватяхъ съ одѣялами, и слава Богу, что я выдержалъ это. Но я былъ человѣкъ борьбы.

Мѣсто, гдѣ я лежу, какъ тундра изъ горъ, мнѣ хотѣлось бы жить здѣсь; среди мѣсяца и звѣздъ и, можетъ быть, среди

рожденныхъ тучами существъ, которыя могли бы явиться ко мнѣ. Я не знаю, гдѣ я нашелъ бы воду, но я назвалъ бы мѣсто Источникомъ, потому что здѣсь такая глубина, хотя источникъ не обозначаетъ недостатка въ водѣ.

Я сажусь на лошадь и рѣшаю слѣдовать тропинкою внизъ. Лошадь отдохнула и хочетъ снова бѣжать рысью, но такъ какъ я почти соскальзываю ей на шею, то я удер- живаю ее. Вдругъ, на одномъ изъ поворотовъ я вижу бработанную долину внизу. Тутъ я слѣзаю и сообра- жаю. Передо мною стоятъ грузинскія жилища, нѣсколько маленькихъ избушекъ, вырытыхъ въ отвѣсѣ горы. Я не знаю, что мнѣ дѣлать, я боюсь ѣхать туда. Пожалуй, они могли бы еще отнять у меня лошадь.

Я отвожу лошадь назадъ, чтобы спрятать ее, и привя- зываю ее въ сторонѣ отъ тропинки. Самъ же я потомъ иду нѣсколько впередъ и осматриваюсь; я угналъ чужую лошадь, я долженъ убѣдиться, все ли спокойно изъ-за нея. Сначала я думалъ оставить лошадь, гдѣ она была, и отправиться въ долину одному, но потомъ я подумалъ: если что-нибудь слу- чится, то хорошо будетъ имѣть лошадь подъ рукой. Я слѣл и поѣхалъ внизъ.

Но когда я сталъ приближаться къ избушкамъ, я оста- новился и обдумалъ все еще разъ. Пожалуй, мнѣ не слѣ- довало продолжать эту затѣю. Но теперь было уже поздно, меня увидѣли собаки и начинаютъ лаять, немного спустя встаетъ какой-то человѣкъ на крышѣ своей избушки и смо- трить на меня, и мнѣ больше ничего не оставалось, какъ съѣзжать къ нему. Но я предпочелъ бы быть на станціи.

Уже собаки были непріятны на видъ, большія и желтыя, похожія на бѣлыхъ медвѣдей, онѣ закидывали головы, когда лаяли, и спина у нихъ щетинилась. У меня была маленькая надежда, что человѣкъ на крышѣ былъ тотъ самый пастухъ, котораго я недавно угостилъ папиросой и съ которымъ мы стали друзьями, но когда онъ сошелъ на землю, я тотчасъ

же увидѣлъ, что это—другой. Вмѣсто носковъ и сапогъ, ноги его были завернуты въ жалкіе лохмотья, у него тоже огромная мѣховая шапка, вообще же онъ одѣтъ легко.

Добрый вечеръ! привѣтствую я издалека. Онъ не понимаетъ моего русскаго языка и молчитъ. Онъ упорно и сумрачно молчитъ и смотритъ на меня. Тогда я вспоминаю магометанское привѣтствіе, которое, какъ я читалъ, принято у кавказскихъ племенъ, и я произношу арабское: Salam Aleicum! Это было понято въ тотъ же мигъ, потому ли, что я встрѣтилъ генія языковѣдѣнія, или потому, что арабскій—его родной языкъ. Онъ отвѣчаетъ: Va aleikum salam! и кланяется. Теперь онъ продолжаетъ говорить тѣми же звуками, но я, разумѣется, не понимаю ни слова и не могу рѣшить, на какомъ изъ пятидесяти кавказскихъ языковъ онъ говоритъ. Чтобы не стоять нѣмымъ, я прибѣгаю къ полдюжинѣ извѣстныхъ мнѣ русскихъ словъ; они не производятъ на него никакого впечатлѣнія.

Съ крыши избушки спускаются еще два полуголыхъ мальчика и въ крайнемъ изумленіи смотрятъ на меня. Эти малыши живутъ такъ далеко отъ людей, они еще не выучились искусству нищенства и стоятъ въ испугѣ и тихо. У нихъ смуглыя и некрасивыя лица, съ круглыми карыми глазами и широкими ртами.

Я протягиваю человѣку папиросу, чтобы дружелюбно построить его, и когда онъ беретъ ее и беретъ также и огонь, я снова приобретаю мужество и смѣлость. Мнѣ приходитъ въ голову, что я, пожалуй, могъ бы извлечь нѣкоторую пользу и для науки изъ этого путешествія, я могъ бы изслѣдовать жилище этого татарскаго пастуха. Я начинаю осматривать строеніе снаружи и, такъ какъ русскій языкъ не помогаетъ мнѣ, я преспокойно перехожу на норвежскій, который я знаю лучше, и прошу человѣка показать мнѣ свой домъ. Онъ, повидимому, не отказывается мнѣ въ этомъ, онъ только отворачивается нѣсколько въ сторону и дѣлаетъ свое част-

ное дѣло. Чтобы не прекращать нашего разговора, я наклоняюсь, куда нужно наклониться, и все время держу учтливую рѣчь, какъ если бъ онъ понималъ меня; отъ поры до времени я даже улыбаюсь, когда онъ говоритъ что-нибудь, что по моимъ соображеніямъ должно быть шуткой. Я даю дѣтямъ держать мою лошадь и сую имъ пару мѣдныхъ монетъ за это.

Домъ вырытъ въ скалѣ, но спереди, съ обѣихъ сторонъ дверного отверстія, онъ построенъ изъ камня и замазанъ известкой. Крыша далеко выдается и держится спереди на двухъ каменныхъ столбахъ; эти столбы даже слегка отесаны. Въ дверномъ отверстіи нѣтъ никакихъ дверей.

Готово.

Когда я смотрю наверхъ, чтобы изслѣдовать крышу, я замѣчаю, что тамъ лежатъ два человѣческихъ существа и смотрятъ на меня, они робко отодвигаются назадъ на крышѣ и набрасываютъ платки на лица. Гаремъ, думаю я, гаремъ пастуха овецъ! Бѣда съ этими восточными людьми, что они не могутъ оставить этого! Я охотно изслѣдовалъ бы крышу и ея обитателей, но человѣкъ, повидимому, не хочетъ приглашать меня туда, наоборотъ, онъ теперь дѣлаетъ видъ, будто мое посѣщеніе окончено. Тогда я вынимаю свою записную книжку и записываю все, что видѣлъ, чтобы показать ему, что у меня чисто научныя намѣренія, а разъ такъ, то мой прямой долгъ осмотрѣть внутренность его жилища, и я останавливаюсь въ дверяхъ и новою папиросой маню человѣка пойти за мной. Онъ беретъ папиросу и выпускаетъ меня.

Внутри темно, но человѣкъ зажигаетъ лампу. Меня поражаетъ, что онъ зажигаетъ глупую европейскую лампу; тогда я вспоминаю, что „вѣчный огонь“ древности былъ какъ разъ керосинъ и что, если гдѣ-нибудь на свѣтѣ долженъ горѣть керосинъ, то это на Кавказѣ. Очагъ стоитъ не по срединѣ избушки, но значительно ближе къ одной изъ

стѣнъ, онъ сложенъ изъ большихъ камней. То здѣсь, то тамъ на землѣ валяются чашки и посуда, деревянная, глиняная и желѣзная, и насколько я могу судить, я тутъ имѣю дѣло не съ рококо, и не съ Людовикомъ XVI, я чувствую недостатокъ въ строгомъ стилѣ, и передъ моими глазами вдругъ встаетъ брандвахта въ Христианіи во всемъ своемъ описуемомъ великолѣпіи. На стѣнахъ висятъ ковры. Это—вліяніе гарема, думаю я, нѣжная женская рука. Я беру лампу и освѣщаю ковры: восхитительные кавказскіе ковры, старые и новые, изъ плотной шерстяной пряжи съ разноцвѣтными фигурами. Рисунокъ персидскій.

Готово.

Я былъ не прочь присѣсть, но здѣсь ни одного стула; здѣсь лежатъ двѣ кучи сухого папоротника на полу, и я сажусь на одну изъ нихъ, причѣмъ она трещитъ. Вдругъ я вижу, что въ одномъ изъ угловъ что-то шевелится, и раздается человѣческой голосъ. Я снова беру лампу и освѣщаю уголь: тамъ лежитъ старая сморщенная женщина, она что-то нащупываетъ руками вокругъ себя, она слѣпа. Пастухъ, не проявившій до сихъ поръ ни малѣйшаго признака сантиментальности, теперь вдругъ становится нѣженъ и заботливъ, онъ спѣшитъ успокоить старуху и снова хорошенько закрыть ее. Это—его мать, думаю я. И я вспоминаю, что кавказцы, какъ я читалъ, нисколько не заботятся о желаніяхъ своихъ женъ, но покорно слушаются своихъ матерей. Таковъ обычай. Старуха не успокаивается, она хочетъ знать, что дѣлается кругомъ, и сынъ повторяетъ и повторяетъ объясненіе. Она такъ стара, съ острымъ носомъ, со складками вокругъ рта, глаза у нея въ пѣнѣ, на нихъ бѣлая пелена, они не узнаютъ никого. Когда лошадей и коровъ привязываютъ слишкомъ близко къ стѣнѣ, то онѣ становятся близоруки,—думаю я: у кавказской женщины та же судьба, ее привязываютъ слишкомъ близко къ стѣнѣ. И вотъ она слѣпнетъ.

Старуха, очевидно, отдаетъ распоряженіе, приказъ, который сынъ исполняетъ, разводя огонь на очагѣ при помощи листьевъ папоротника. Вспыхнуло великолѣпное пламя. Потомъ онъ начинаетъ жарить бараній бокъ въ желѣзной сковородѣ, онъ бросаетъ также кусочекъ мяса и въ огонь, въ воспоминаніе древняго языческаго обряда. Мясо хорошее и жирное, оно жарится въ своемъ собственномъ соку; оно распространяетъ нѣсколько приторный запахъ, но когда человѣкъ подаетъ мнѣ мясо, я принимаю и ѣмъ. У него странный вкусъ, но я получаю много кусковъ и ѣмъ. Конечно, я за это гостепримство могу благодарить эту старуху въ углу, и по моимъ выразительнымъ движеніямъ и знакамъ мясо было потомъ предложено и ей.

Послѣ хорошаго обѣда, я долженъ снова начать думать о моихъ изысканіяхъ и мнѣ очень хочется начать съ крыши. Тамъ теперь лежали двѣ женщины и коченѣли отъ холода, тогда какъ мы другіе пировали, и меня огорчало, что человѣкъ обошелся сердечно со своей матерью и совершенно забылъ про своихъ женъ. Въ вознагражденіе, я подарилъ бы имъ мѣди на низкіе башмаки, если бы я могъ пробраться къ нимъ. Я представлялъ себѣ, что одна была любимая жена пастуха и что она въ дѣйствительности была восхитительная женщина. Такой человѣкъ, какъ пастухъ, не стоилъ ея, и это я далъ бы ей понять. При извѣстномъ стараніи, я могъ бы устранить его. На ряду съ личнымъ удовлетвореніемъ, которое я могъ бы извлечь изъ этого, очень кстати было бы и галантное приключеніе для моего дневника.

Наконецъ, это могло бы имѣть большое значеніе и для всей жизни самой же любимицы-жены. Это разбудило бы ее. Это могло бы дать толчекъ цѣлому маленькому женскому движенію на Кавказѣ. Я не сталъ бы поступать круто и толкать ее, потому что женщина все-таки женщина; я думалъ, что для начала мнѣ лучше всего было бы написать ей что-нибудь. Человѣкъ, могущій выводить на бумагѣ та-

кіе рѣдкіе крючки, внушилъ бы ей уваженіе. Въ связи съ содержаніемъ написаннаго, это обнаружило бы все мое превосходство. Будь у нея альбомъ для автографовъ, я написалъ бы ей туда, и она могла бы открывать его, когда явилась бы охота. Я намекнулъ бы на печальную жизнь, которую она ведетъ; но въ то же время я утѣшалъ бы ее—дѣтьми. И именно въ этомъ мое превосходство одержало бы чрезвычайную побѣду. Я написалъ бы слѣдующее:

Любовь возстанье, вызовъ жизни старой,
Что, ставъ блаженствомъ, послѣ станетъ карой,
Чтобъ, въ карѣ, снова стать благословеньемъ,—
Согласны ль вы съ такимъ моимъ сравненьемъ.

Вотъ, что я хотѣлъ написать. Это очень хорошо сплетено, цѣлое четверостишіе. Съ первыми двумя строками она была бы согласна, но третьей она не поняла бы. Дѣти—благословеніе? Для молодой женщины? И тогда она будетъ вздыхать надъ жалкимъ утѣшеніемъ, которое я ей представляю. Но это утѣшеніе я прибавляю изъ хитрости. Она отлично пойметъ неутѣшительное состояніе, въ которомъ она находится подлѣ этого пастуха овецъ. Совершенно правильно, теперь она прозрѣла.

Это—сегодня вечеромъ.

Завтра вечеромъ, по условію, мы встрѣчаемся на другомъ берегу Терека, гдѣ, конечно, имѣется много хорошихъ мѣстъ. Ярко свѣтитъ мѣсяцъ и звѣзды, и мы полны настроенія.

— Первые двѣ строки тебѣ внушилъ самъ Аллахъ,—говоритъ она,—потому что онѣ такъ справедливы.

— А третья?—спрашиваю я, чтобы испытать ее.

— Нѣтъ, третья не для молодой женщины,—отвѣчаетъ она.

И я зналъ заранѣе, что такъ и будетъ. Все сложилось по плану.

— Стало быть, я выжилъ твоего мужа?—говорю я, желая воспользоваться этимъ.

Но съ этимъ она не согласна, какъ вообще не согласна, когда я хочу воспользоваться чѣмъ-нибудь. Я не совсѣмъ въ ея вкусъ, у меня нѣтъ ни пояса, ни блестящаго оружія за поясомъ, какъ нѣтъ и черныхъ великолѣпныхъ глазъ.

Тогда я начинаю умалывать пастуха и безпощадно смѣяться надъ его шапкой. Ты думаешь, въ моихъ путешествіяхъ по свѣту я гдѣ-нибудь видѣлъ подобное чудовище? спрашиваю я. Никогда! Это по поводу шапки. А что это за сапоги, въ которыхъ онъ ходитъ? Лохмотья, фру, лохмотья! Въ противовѣсъ чему я могъ бы показать ей, какія вещи носятъ сверху и внизу цивилизованные люди, если бы моя деликатность не заставляла меня оставаться застегнутымъ.

Но я все-таки показываю ей пряжку на моемъ жилетѣ, но ей это кажется украшеніемъ для шляпы. Я крѣпко зажимаю мой бумажникъ, пока мы устанавливаемъ это, чтобы не искушать этого дитяти природы. Она еще удивляется на перламутровыя запонки. А запонокъ она еще никогда не видѣла. Но когда она потомъ замѣчаетъ отдѣлку моихъ подтяжекъ, то она говоритъ, что она побѣждена и что это затѣйливѣе пояса ея мужа. Я обещаю ей пару подтяжекъ. Вдругъ она говоритъ, плутовка: третья строка тоже для молодой женщины! Теперь я ее поняла!

Тогда я долженъ кивать, вполне довольный, что весь мой планъ оказался положительно блестящимъ. И я тутъ же снимаю мои подтяжки и дарю ихъ ей.

Однимъ словомъ, она пробуждена. Въ ту же самую звѣздную ночь она обѣщаетъ мнѣ начать женское движеніе на Кавказѣ. А послѣднюю строку я прибавилъ для риемы, говорю я, наконецъ, такъ-то лучше, если ты захочешь пѣть это. Я представляю себѣ, что мои стихи могли бы стать народнымъ гимномъ въ этой странѣ...

Таковъ былъ мой планъ. Какое положеніе займетъ теперь по отношенію къ нему пастухъ? На Кавказѣ свирѣпствуетъ кровавая месть; старикъ Шамиль отмѣнилъ ее въ

Дагестанъ и въ Чечнѣ, но вообще-то не уничтожилъ ея. Пастухъ казался мнѣ довольно сумрачнымъ, и уже въ это время я нахожу нужнымъ, въ видахъ наибольшей предосторожности, предложить ему новую папиросу. Пожалуйста! сказалъ я и поклонился. Онъ взялъ папиросу и закурилъ ее. Это спокойствіе внушаетъ мнѣ подозрѣніе; когда Тиберій былъ любезенъ, онъ былъ наиболѣе опасенъ. Ты, пожалуй, изъ тѣхъ, кто только подкарауливаетъ, думаю я про пастуха, ты даже виду не подаешь, но ждешь удобнаго мгновенія,— именно такой видъ у тебя!

Было лучше имѣть лошадь подъ рукой.

Я кланяюсь и ухожу изъ пещеры, на открытый воздухъ. Пастухъ слѣдуетъ за мной. Тутъ я испугался и бросилъ не больше одного взгляда на крышу, и, полузакрытыми глазами, я могъ только разглядѣть, что любимая жена лежала тамъ на локтяхъ и умоляюще смотрѣла на меня. Когда я подошелъ къ лошади и хотѣлъ сѣсть, пастухъ окликнулъ меня и указалъ на сосѣдную пещеру, куда онъ хотѣлъ меня провести. Ловушка! думаю я, но долженъ казаться равнодушнымъ, чтобы обуздать его злодѣйство и кровожадность. Онъ не сдается, но плетется къ пещерѣ и киваетъ мнѣ. Тогда мнѣ приходится слѣдовать за нимъ.

Домъ—такой же на видъ, какъ предыдущій. Здѣсь пастухъ безъ всякихъ возраженій предоставилъ мнѣ изслѣдовать крышу. Она была плоская, изъ каменныхъ плитъ, лежавшихъ на деревянныхъ стропилахъ; она совсѣмъ не толстая. Дверное отверстіе здѣсь значительно темнѣе, чѣмъ другое дверное отверстіе; оно вело вглубь горы, настолько глубоко, что никакой вздохъ и никакой крикъ не могъ бы донестись отсюда наружу. И вотъ разбойникъ уходитъ въ это дверное отверстіе и киваетъ мнѣ.

Теперь я началъ взвѣшивать. Можетъ быть, это было научное дверное отверстіе перваго разряда, и внутренній голосъ побуждалъ меня исполнить свой долгъ и изслѣдо-

вать его. Но я доказывалъ, что моя вѣрная смерть не принесетъ никакой пользы наукѣ. Долгъ—что это? Услужливость. Да, но услужливость присуща и собакѣ: она никогда не устаешь,—она носить носку. А человѣкъ долженъ стоять мало-мальски выше животнаго.

Я взвѣшивалъ доводы за и противъ, и при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ я долженъ былъ простить себѣ это состояніе нерѣшительности. Впрочемъ, эта отвратительная, четырехугольная опредѣленность часто отталкивала меня; немного слабости, немного колебанія, что было не что иное, какъ утонченность чувства, помогало людямъ дѣйствительно съ большими удобствами жить другъ съ другомъ.

Тогда пастухъ улыбается и еще больше старается увлечь меня внутрь, а любимая женщина на другой крышѣ, повидимому, лежитъ теперь на локтяхъ и презираетъ меня. Ахъ, вотъ какъ, она—сообщница этого мошенника! Это повлияло на мое рѣшеніе. Я ей докажу! Я стиснулъ зубы и вошелъ въ пещеру. Моя научная любознательность побѣдила.

Внутри было темно, но пастухъ и здѣсь зажигаетъ нѣчто въ родѣ лампы. Она—желѣзная и съ шерстяной ниткой вмѣсто фитиля; свѣтъ слабъ, но его вполне достаточно для удара кинжаломъ.

Я почти готовъ броситься на человѣка, чтобы предупредить его, но тутъ пастухъ открываетъ пару маленькихъ животныхъ въ кучѣ листьевъ папоротника на полу. Это—два молодыхъ медвѣженка. Я смотрю то на животныхъ, то на человѣка и становлюсь смѣлѣе. Онъ что-то говоритъ, изъ чего я понимаю слово рубль, онъ беретъ одного изъ медвѣжатъ на руки и держитъ его передо мной и хочетъ продать его мнѣ.

Въ тотъ же мигъ я воспрялъ духомъ. У бѣднаго уродливаго татарина одни лишь мирные торговые виды на меня. Я сильнѣе, я слегка морщю носъ, что онъ, собственно, пригласилъ меня въ хлѣвъ; тамъ же стоитъ нѣсколько тол-

стыхъ козъ у стѣны, человѣкъ начинаетъ доить козъ и давать медвѣжатамъ молока.

— Сколько рублей? — спрашиваю я и поднимаю пять пальцевъ вверхъ.

Человѣкъ трясеть головой.

Я поднимаю десять пальцевъ, но онъ и на это трясеть головой. Изъ любопытства, сколько стоятъ кавказскіе медвѣжата, я хотѣлъ узнать требованіе человѣка и сожалѣлъ, что знаю по-арабски одно Salam aleikum. Человѣкъ вынимаетъ свой кинжалъ изъ ноженъ и проводитъ черточки на земляномъ полу. Не переставая онъ проводитъ двадцать черточекъ. Торговля не можетъ состояться. Онъ зачеркиваетъ пять черточекъ. Тогда я восклицаю: пятнадцать черточекъ за медвѣженка? Никогда!

Послѣ этого я ушелъ изъ хлѣва.

Моя миссія кончена. Я могъ бы послать на родину сообщеніе о томъ, что я достигъ большихъ научныхъ результатовъ и что мнѣ нужны по крайней мѣрѣ четыре года для обработки ихъ. Со спокойствіемъ и безпечностью, какихъ я не чувствовалъ у себя въ теченіе всей этой экспедиціи, я направился къ своей лошади, похлопалъ ее и былъ ея господиномъ. Тогда жалкій пастухъ протянулъ руку. Я перенесъ это и далъ ему послѣднюю папиросу. Онъ снова протянулъ руку, я кивнулъ ему въ знакъ того, что я и впредь расположенъ къ нему, и высыпалъ ему въ руку нѣсколько мѣдяковъ. И вотъ я вскочилъ на моего коня.

Со спины лошади, я бросилъ женщинамъ на крышѣ поразительно ободряющій взглядъ, что онѣ должны проснуться здѣсь на Кавказѣ, проснуться и пѣть мое стихотвореніе и выйти изъ своего печальнаго положенія.

И я уѣхалъ...

Въ концѣ концовъ, я поѣхалъ прямо подъ гору, чтобы найти главную дорогу, ведущую къ станціи. Уже прошла большая часть ночи, и приближалось утро; темнѣетъ; это—

переходный часъ, когда звѣзды исчезаютъ, а день еще не вспыхнулъ. Я выѣзжаю на шоссе и ѣду впередъ по нему, ѣду быстро, чтобы добраться до станціи, пока не разсвѣло. Вдругъ у меня мелькаетъ мысль, что конокрадство—самое позорное дѣяніе въ этой странѣ, и я сразу почувствовалъ страхъ: чѣмъ это кончится для меня?

Но кончилось хорошо. Я старался гнать лошадь въ мѣру, такъ что она не вспотѣла, а эти поразительныя кавказскія лошади какъ желѣзныя, онѣ переносятъ все, ничто на нихъ не дѣйствуетъ — за исключеніемъ слишкомъ холодной воды.

Начинало свѣтать. Когда показалась станція, я слѣзъ и повелъ лошадь прямо къ повозкѣ, вмѣсто того чтобы итти по дорогѣ. И это спасло меня. Иначе я встрѣтилъ бы двухъ одѣтыхъ въ бурнусы мужчинъ, которые, разговаривая, шли по дорогѣ. Они взглянули на меня, когда я попрежнему привязывалъ лошадь къ повозкѣ, но они подумали, что чужой просто стоитъ и гладитъ животное. Что я и дѣлалъ.

Я иду на станцію. То здѣсь, то тамъ, вокругъ домовъ, бродятъ высокія фигуры, выкрикиваютъ слово или имя и получаютъ отвѣтъ то вблизи, то издали. Далеко отъ всѣхъ домовъ, у каменной стѣны, я застаю какого-то человѣка, который сидитъ и играетъ на какомъ-то инструментѣ. Непостижимые люди, эти кавказцы, они совсѣмъ не ложатся! Человѣкъ—одинъ, онъ сидитъ на землѣ, спиною къ стѣнѣ, и играетъ, что Богъ на душу положить. А вѣдь еще темно, всего половина пятого, и, кромѣ того, холодно. Человѣкъ, можетъ быть, не въ своемъ умѣ, думаю я. Но въ его музыкѣ много смысла, хотя она бѣдна и однообразна. То, на чемъ онъ играетъ,—въ родѣ свирѣли.

Такъ какъ мнѣ кажется, что Корнѣй явится не скоро, то я вхожу на дворъ и наудачу выкрикиваю его имя. И Корнѣй дѣйствительно откликается, онъ былъ не далеко. Сейчасъ! отвѣчаетъ онъ и выходитъ. Я показываю ему

цифру пять на моих часах и смотрю на него. И Корнѣй киваетъ и объясняетъ, что онъ готовится.

Но Корнѣй не явился даже въ шесть. Моя спутница и я получаемъ завтракъ и приводимъ себя въ порядокъ, но Корнѣя все нѣтъ да нѣтъ. Тогда я немного разсердился на Корнѣя.

Только въ половинѣ седьмого онъ подѣхалъ къ воротамъ.

VIII.

Холодное утро, на землѣ иней, и дорога не пылитъ, какъ вчера. И Корнѣй не тотъ, что вчера, онъ молча сидитъ на козлахъ и не напѣваетъ. Тройка плетется мелкой рысью, но вскорѣ, когда подъемъ снова становится круче, она по цѣлымъ часамъ идетъ шагомъ.

Долина Терека кончается, рѣка поворачиваетъ въ горы, въ сторону отъ нашей дороги. Здѣсь больше уже нѣтъ никакой растительности. У одной голой горы, гдѣ дорога извивается передъ нами зигзагами до самой вершины, мы слѣзаемъ и взбираемся вверхъ по тропинкѣ въ то время, какъ карета поднимается и поднимается, пока догоняетъ насъ. Здѣсь наверху мы опять мелькомъ видимъ ледники Казбека, который вздымается къ небу, съ утреннимъ солнцемъ надъ собою.

Мы снова ѣдемъ едоль кручи. То здѣсь, то тамъ, дорога покрыта навѣсомъ отъ снѣжныхъ лавинъ и обваловъ. Точно мы ѣдемъ въ туннель съ желѣзной крышей надъ нами. Во многихъ мѣстахъ дорога разрушена, и ее исправляютъ, надсмотрщикъ и инженеръ показываютъ и командуютъ толпою рабочихъ. Изъ другихъ людей мы снова видимъ пастуховъ съ огромными стадами овецъ.

У какой-то новой голой горы Корнѣй останавливаетъ лошадей и ведетъ насъ къ кресту и источнику. Онъ набираетъ воды въ ладонь и показываетъ намъ; вода кипитъ.

Мы пьемъ, какъ и онъ, изъ источника, вода холодна, какъ ледъ, но она кипитъ съ подскакивающими пузырьками пѣны, наши руки бѣлѣютъ отъ нея, у нея вкусъ сельтерской.

Мы взбираемся все выше и выше; и лежитъ иней, и мы снова должны кутаться въ наши одѣяла отъ холода. Мы достигаемъ теперь высшей точки нашего путешествія, мой гипсометръ показываетъ почти 3.000 метровъ. Каменный столбъ съ надписью обозначаетъ высоту въ футахъ. Здѣсь Корнѣй отпрягаетъ одну изъ лошадей и привязываетъ ее сзади кареты. Потому что, начиная отсюда, лошадямъ больше не нужно тащить, а лишь упираться и сдерживать.

И въ тотъ же мигъ дорога идетъ внизъ. Здѣсь нѣтъ никакой ровной плоскости, дорога проложена по гребню горы, какъ единственному проходимому мѣсту. Высокія горы вокругъ насъ покрыты зеленью и лишены лѣса, и здѣсь видѣются копны сѣна до самой вершины.

Лошади бѣгутъ ровной рысью внизъ, отъ поры до времени онѣ скользятъ шагъ или два, потому что онѣ не могутъ сдержатъ кареты; но онѣ не падаютъ. По русскимъ романамъ, получается впечатлѣніе, что въ Россіи ѣздить съ неслыханной быстротою. На изображеніяхъ русскихъ курьеровъ тоже можно видѣть лошадей въ сказочномъ вихрѣ и, несмотря на это, кнутъ у кучера вскинуть вверхъ. У насъ тогда было представленіе, что мы неизбѣжно и лихо пронесемъ на нашей четверкѣ по Кавказу и спустимся по другую сторону, какъ какіе-нибудь сумасшедшіе люди. Мы были поражены, что ѣзда очень умѣренная. Тогда или Корнѣй Григорьевичъ былъ особенно остороженъ со своими лошадьми,—что, конечно, и было,—или русскіе поэты и художники преувеличили,—что они, конечно, тоже сдѣлали. Изъ всѣхъ ѣдущихъ, которыхъ мы наблюдали изъ поѣзда по всей Россіи, не было ни одного, кто бы ѣхалъ необыкновенно быстро. Напротивъ, желающимъ совершить быструю поѣздку я не могу

указать лучшей страны, чѣмъ Финляндія. Въ финляндскихъ городахъ я испыталъ высшее въ этомъ отношеніи. Маленькія финскія лошади, похожія на нашихъ фьордскихъ, несутся по улицамъ вихремъ, и на углахъ я не разъ летѣлъ на одномъ колесѣ. Финнъ кормить хорошо, но и ѣздитъ быстро; когда я иногда заступался за лошадь, то, улыбаясь, меня называли „лошадинымъ печальникомъ“. Я одинъ только разъ въ жизни водилъ человѣка въ полицію, и этотъ человѣкъ былъ финскій извозчикъ...

Лихорадка, бессонная ночь и холодъ въ горахъ дѣлаютъ меня сонливымъ, отъ поры до времени я дремлю, и это оживляетъ меня. Въ длинныхъ промежуткахъ, мы встрѣчаемъ телѣги, запряженныя двумя или четырьмя волами, тогда мы тихо проѣзжаемъ мимо; ровный ритмъ нашей кареты нарушается, и я просыпаюсь. Изрѣдка, даже здѣсь на высотахъ, мы минуемъ кремневый домъ, или пастушескую избушку, на крышахъ которыхъ сидятъ женщины въ красивыхъ синихъ сарафанахъ и возятся съ пряжей для ковровъ или платья. Когда мы проѣзжаемъ мимо, онѣ сидятъ немного и смотрятъ на насъ и переговариваются между собою, но когда мы, нѣкоторое время спустя, оглядываемся назадъ, онѣ уже снова принялись за работу. Полуголая дѣти долго бѣгутъ за нами, и ихъ можно прогнать только мѣдной монетой.

Дорога теперь становится болѣе дикой, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и желѣзные навѣсы надъ нею чаще; весною, во время таянія снѣговъ, этимъ навѣсамъ, конечно, приходится выдерживать вполне приличные обвалы. Налѣво, мы не видимъ ничего другого, кромѣ низенькой стѣны, а за нею — бездна. Раньше я никогда не видѣлъ такихъ безднъ, иногда мнѣ приходится вылѣзать изъ кареты и итти пѣшкомъ, и тогда я держусь ближе къ скалѣ. Но глубина влечетъ, влечетъ, отъ поры до времени я взглядываю внизъ и различаю въ бинокль крошечныя полоски полей на днѣ. Сидя въ каретѣ, я держусь какъ можно крѣпче.

Солнце льетъ свой свѣтъ на насъ, стеариновое пятно на моей курткѣ мигомъ исчезаетъ, мы снимаемъ наши одѣяла. Дорога идетъ внизъ, неизмѣнно внизъ, бездны становятся еще ужаснѣе, мы извиваемся по пропастямъ, зигзагами. Дорога часто скрыта, и одѣтые въ бурнусы люди ходятъ и починаютъ ее. Корнѣй больше не остороженъ, онъ даетъ лошадямъ ковылять быстрѣе, чѣмъ нужно, потому что онъ самъ со своего высокаго сидѣнія, очевидно, засмотрѣлся въ глубину. Такъ мы проѣзжаемъ станцію Гудауръ.

Здѣсь оказывается много хорошо построенныхъ каменныхъ домовъ, одинъ даже въ два этажа. Окрестности голыя-каменистыя, но производятъ пріятное впечатлѣніе; нѣсколько человѣкъ стоятъ въ дверяхъ и смотрятъ, какъ мы проѣзжаемъ станцію. Я получаю представленіе, будто сегодня воскресенье, хотя еще только пятница; у этихъ людей, стоявшихъ въ дверяхъ, былъ такой незанятый и безпечный видъ. Можетъ быть, по магометанскимъ порядкамъ у нихъ и праздникъ сегодня.

Мы продолжаемъ спускаться длинными зигзагами, то впередъ, то назадъ, средь горныхъ стѣнъ. Сопровождающія насъ телеграфныя проволоки иногда прикрѣплены къ самой горѣ, иногда же онѣ проходятъ подъ землею изъ-залавинъ. Я больше не иду пѣшкомъ, это дѣлается слишкомъ медленно, такъ что я задерживаю весь поѣздъ; но мнѣ давно слѣдовало итти пѣшкомъ изъ-за моихъ нервовъ. На встрѣчу намъ ѣдетъ почта, съ нею семь человѣкъ казаковъ съ заряженными ружьями, почтальонъ трубитъ въ свой рогъ, и мы сѣзжаемъ въ сторону и останавливаемся, пока онъ проѣзжаетъ. Потомъ опять подъ гору.

Корнѣй сидитъ, опустивъ возжи, и сонливо смотритъ въ безконечную глубину; когда одна лошадь скользитъ, другая должна удерживать ее. Я не смѣю схватить Корнѣя и встряхнуть его, онъ тогда совсѣмъ упустилъ бы своихъ лошадей изъ виду. Мнѣ приходится оставить все это такъ. Дорога

здѣсь построена вдоль отвѣсной горной стѣны, она лежитъ на желѣзныхъ балкахъ, она виситъ въ воздухѣ. Между тѣмъ мы этого не замѣтили, пока не сдѣлали нѣсколько изгибовъ внизъ по горѣ, и тогда мы закинули головы назадъ и смотрѣли вверхъ, на дорогу, по которой мы ѣхали. И это зрѣлище заставило насъ вздрогнуть.

На самомъ опасномъ мѣстѣ, гдѣ даже жалкая стѣна съ наружной стороны дороги была скрыта, появляются два мальчика шести, восьми лѣтъ, и начинаютъ плясать передъ нами и кувиркаться. Очевидно, маленькія испорченныя твари устроили здѣсь постоянную нищенскую станцію во время движенія. Я очень разсердился, когда они появились такъ неожиданно и даже испугали лошадей, бросившихся къ горной стѣнѣ, поэтому я хотѣлъ прогнать ихъ моей превосходной владикавказской палкой; но это не помогало. Они продолжали свою пляску и имѣли даже безстыдную, глупую дерзость кувиркаться у края дороги, гдѣ стѣна исчезла въ пропасть. Ничего не оставалось дѣлать, какъ достать мелочи и заплатить имъ. Они смотрѣли на насъ наивными большими глазами и съ такимъ видомъ, точно они и не догадываются о причинѣ бѣшенства на лицѣ его превосходительства. Вырвавъ деньги, они снова уползли за стѣну на краю бездны, гдѣ у нихъ, очевидно, была маленькая опора подъ ногами. И когда другая карета, можетъ быть, проѣзжала мимо въ теченіе дня, они снова высунулись своими маленькими тѣльцами и танцевали свой опасный танецъ.

Вдоль внутренняго края дороги, гдѣ свѣтитъ солнце, растетъ щавель и жесткій чертополохъ, на каждомъ шагу намъ попадается одуванчикъ и синяя фіалка, чрезвычайно нѣжная и красивая; ниже, мы встрѣчаемъ красный клеверъ, часы за часами тянется нашъ спускъ, хотя лошади все время бѣгутъ рысью. Почти черезъ три часа, наконецъ, мы выѣзжаемъ на нѣсколько болѣе ровную дорогу, мы на станціи Млеты, гдѣ должны отдыхать. Млеты лежатъ на высотѣ 1.500

метровъ надъ уровнемъ моря; стало быть, въ эти три часа мы опустились на 1.500 метровъ отъ вершины горы. Солнце здѣсь жаркое, сверхъ одѣяль, мы скинули все, что могли.

Корнѣй хотеть отдыхать четыре часа. Я вскрикиваю отъ изумленія и долго качаю передъ нимъ головою. Корнѣй тогда указываетъ на солнце и объясняетъ намъ, что жара здѣсь будетъ гораздо сильнѣе, но что въ теченіе четырехъ часовъ она уменьшится; несмотря на это, онъ все равно доставитъ насъ къ вечеру на станцію Анануръ. Мы соображаемъ и изучаемъ нашу профильную карту: до Ананура еще сорокъ верстъ, но изъ нихъ тридцать пять верстъ спускаются круто подъ гору, такъ что это будетъ сдѣлано быстро,—мы даемъ Корнѣю четыре часа и киваемъ ему, что, пусть такъ, мы согласны.

Здѣсь, въ Млетахъ, телеграфъ состоитъ изъ четырехъ проволокъ. Передъ нашимъ окномъ стоитъ усыпанная ягодами рябина и нѣсколько дальше отъ станціи—орѣшникъ; но больше нѣтъ никакой растительности. Здѣсь теперь сѣнокосъ, и неимоვნно большая толпа рабочихъ свозитъ сѣно съ луговъ. Млеты—большой городокъ, пожалуй, самый большой въ горахъ; но грязь здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, очень большая. Когда намъ по необходимости пришлось чистить наши ножи и вилки салфетками, то оказалось, что и сами салфетки нужно бросить, и мы прибѣгли къ нашимъ носовымъ платкамъ. Но ѣда и здѣсь была очень вкусная, намъ нужно было только не думать о томъ, какъ съ нею обращались на кухнѣ.

Пока мы сидѣли и кушали, въ комнату неожиданно вошелъ какой-то господинъ, и остановился и смотрѣлъ на насъ. Мы такъ и сѣли отъ изумленія, снова увидѣвъ его: это былъ спутникъ по поѣзду, офицеръ, который долженъ былъ сопровождать насъ черезъ горы, но свернулъ въ Пятигорскъ. Онъ вздрогнулъ, узнавъ насъ, и повернулся и вышелъ въ

дверь, не сказавъ ни слова. Послѣ нашего прїѣзда на станцію не появлялось ни одной кареты, офицеръ, стало быть, попалъ сюда до насъ, а это намъ было непонятно. Онъ прервалъ свое пребываніе въ Пятигорскѣ раньше времени и воспользовался днями, когда мы сидѣли во Владикавказѣ, чтобы проскользнуть мимо насъ—такъ, что ли? И зачѣмъ онъ затруднялъ себя всѣмъ этимъ, чтобы избѣжать насъ? Мы же и не хотѣли его проводить. И зачѣмъ онъ остановился въ Млетахъ?

Когда я послѣ обѣда сидѣлъ одинъ на балконѣ и курилъ, то въ выходной двери появился и офицеръ и подошелъ прямо ко мнѣ. Онъ снялъ шляпу и сказалъ по-англійски, что я, конечно, удивился, увидѣвъ его здѣсь. Я отвѣтилъ, что я собственно не думалъ о томъ, гдѣ г-ну офицеру слѣдовало быть въ данное мгновеніе. Тогда онъ только стоялъ и смотрѣлъ на меня и больше не спрашивалъ.

— Не долго же вы пробыли въ Пятигорскѣ,—сказалъ я, чтобы быть сколько-нибудь учтивымъ.

— Да,—отвѣтилъ онъ,—я кончилъ тамъ дѣла раньше, чѣмъ думалъ.

Такъ какъ я сидѣлъ, а онъ стоялъ, то я тоже поднялся; но постоявъ немного, я повернулся къ нему спиною и пошелъ въ комнату.

Офицеръ пошелъ за мной.

Въ снѣгахъ была лѣстница во второй этажъ, офицеръ остановился у этой лѣстницы и пригласилъ меня пойти съ нимъ наверхъ.

Сначала я хотѣлъ продолжать свой путь въ столовую и обидѣться на этого посторонняго человѣка; но потомъ мнѣ быстро приходитъ въ голову, что я въ Россіи, и что многіе русскіе нѣсколько непохожи на другихъ людей.

— Что вамъ угодно?—спросилъ я.

— Будьте любезны пойти со мной въ мою комнату,—отвѣчалъ онъ,—я хочу сообщить вамъ кое-что.

Я подумалъ одно мгновеніе и потомъ пошелъ за нимъ хотя его лицо было мнѣ противно.

Когда мы вошли въ его комнату, то, несмотря на жару, онъ закрылъ двери и окно.

— Присядьте, пожалуйста,—сказалъ онъ.—Конечно, вы удивились, заставъ меня здѣсь. Но дѣло въ томъ, что я кончилъ дѣла въ Пятигорскѣ скорѣе, чѣмъ рассчитывалъ.

— Это вы уже сообщали мнѣ,—отвѣтилъ я.

— Я искалъ тамъ одного человѣка, но не засталъ его.

— Какого человѣка? Какое мнѣ дѣло до него?

— Хорошо. Прежде всего позвольте вамъ сразу же сказать, что я намѣренъ говорить съ вами въ вѣжливомъ тонѣ.

Я засмѣялся и спросилъ:

— Да? Благодарю васъ.

— Вы, конечно, обратили вниманіе, что когда я недавно вошелъ въ столовую внизу и увидѣлъ васъ, то я вздрогнулъ. То была притворная дрожь.

— Притворная? Вотъ какъ.

— Я зналъ, что вы сидѣли тамъ.

— Ну, и что же?

— И когда я оставилъ поѣздъ и уѣхалъ въ Пятигорскъ, я не упустилъ васъ изъ виду.

Я началъ выходить изъ себя и спросилъ:

— Послушайте, любезный, что вамъ отъ меня нужно?

— Я ѣду по дѣламъ службы,—сказалъ онъ.—Моя поѣздка имѣетъ, собственно, въ виду другого человѣка, но я не оставляю и вашего дѣла. Откуда вы ѣдете?

— Изъ Финляндіи.

Онъ вынулъ бумагу, заглянулъ въ нее и сказалъ:

— Вѣрно.

— Вѣрно?—воскликнулъ я.—Что же именно вѣрно? Мнѣ не на шутку начинало казаться возможнымъ, что я имѣю дѣло съ полицейскимъ чиновникомъ, поэтому я отвѣ-

тиль, что я, какъ оно и было въ дѣйствительности, ѣду изъ Финляндіи.

— Мы, русскіе,—люди не строгіе,—продолжалъ онъ,—мнѣ было бы очень досадно причинить вамъ непріятности въ вашемъ путешествіи.

— Напротивъ, мнѣ очень пріятно бесѣдовать съ вами,—отвѣтилъ я.

Теперь я быстро соображалъ, что ему нужно отъ меня если онъ, въ симомъ дѣлѣ,—полицейскій. Разумѣется, онъ до смѣшного ошибся, говоря, что у него есть дѣло до меня. Я пріѣхалъ изъ Финляндіи, прожилъ тамъ годъ, не сдѣлалъ ничего дурного и не пытался сдѣлать что-нибудь дурное. Я читалъ лекцію въ Гельсингфорскомъ университетѣ, но она касалась литературныхъ вопросовъ, и нѣсколько статей, которыя я написалъ въ финскихъ газетахъ, тоже касались литературныхъ вопросовъ; въ политикѣ же я рѣшительно ничего не значилъ.

— Вы ѣдете на Востокъ?—спросилъ офицеръ.

— Да. Но будьте добры сказать, чего вы отъ меня хотите.

— Чего я хочу?—отвѣтилъ онъ.—Мнѣ хотѣлось бы предоставить вамъ преспокойно уѣхать. Мы, русскіе,—люди не строгіе. Но у меня предписаніе.

— Вотъ какъ?—сказалъ я и разсмѣялся.—И къ чему же сводится ваше предписаніе?

— Позвольте васъ спросить,—отвѣчала офицеръ,—не были ли всѣ почтовые лошади заняты во Владикавказѣ, когда вы пріѣхали туда?

— Да. Компанія французовъ заняла всѣхъ лошадей на цѣлую недѣлю,

Тогда офицеръ улыбнулся и сказалъ:

— Это я занялъ ихъ.

— Вы?

— Телеграммой изъ Пятигорска.

— Отлично. Что же изъ этого?

— Я затаюлъ вашъ отъѣздъ на одинъ день, чтобы явиться сюда въ горы раньше васъ.

Это казалось невѣроятнымъ, но тутъ сидѣлъ взрослый человѣкъ и говорилъ это.

— Теперь вы, пожалуй, могли бы сказать, чего вы собственно хотите отъ меня,—сказалъ я.

Офицеръ отвѣтилъ:

— Я долженъ арестовать васъ.

— Почему? За что?

— Ну, все это вы потомъ узнаете. Я не слѣдователь. У меня просто предписаніе.

— И ваше предписаніе сводится къ тому, чтобы арестовать меня?

— Да.

Я сидѣлъ одно мгновеніе и обдумывалъ это.

— Я вамъ не вѣрю,—сказалъ я и всталъ.

Офицеръ отошелъ къ окну и оставилъ мнѣ свободный доступъ къ двери, если бъ я захотѣлъ. Это подѣйствовало на меня.

— Во всякомъ случаѣ, это—чудовищное заблужденіе,—сказалъ я, вы смѣшиваете меня съ другимъ лицомъ. Вотъ мой паспортъ.

И я показалъ ему свой паспортъ.

Онъ заглянулъ въ паспортъ, прочелъ его, снова сложилъ и отдалъ мнѣ обратно.

— Все это я раньше зналъ,—сказалъ онъ.—Я знаю, что паспортъ у васъ былъ въ порядкѣ.

— Стало быть, вы признаетесь, что ошиблись лицомъ?

— Ошибся лицомъ?—отвѣтилъ онъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Онъ вынулъ изъ кармана нѣсколько фотографическихъ карточекъ, всѣ одного формата, ненаклеенныя. Онъ отобралъ одну изъ нихъ и протянулъ мнѣ.

Я почти не вѣрилъ своимъ собственнымъ глазамъ: то

была моя собственная фотографія. Прошло нѣкоторое время, пока я опомнился отъ изумленія, я забылъ замѣтить имя фотографа, забылъ замѣтить, въ какомъ платьѣ я былъ снятъ; во всякомъ случаѣ я не узналъ портрета, никогда не видѣлъ его раньше, но это было мое изображеніе въ профиль.

Когда онъ взялъ портретъ обратно и снова спряталъ его въ свой бумажникъ, то у меня появилось маленькое подозрѣніе, и я сказалъ:

— Эта фотографія, пожалуй, снята теперь же въ поѣздѣ? Я не узнаю въ ней одной изъ прежнихъ. Позвольте мнѣ взглянуть еще разъ.

Онъ медлилъ.

— Развѣ это не ваше лицо?—спросилъ онъ.

— Будьте добры показать мнѣ его еще разъ.—Это была любительская фотографія, кажется, я узналъ платье, вотъ это самое платье, въ которомъ я теперь стою.

Онъ принялъ свое рѣшеніе и еще разъ быстро протянулъ портретъ и сказалъ:

— Разумѣется, здѣсь то же платье, что на васъ. Я снялъ съ васъ фотографію теперь же въ поѣздѣ. Такъ я поступаю со всѣми, за кѣмъ я слѣжу. Стало быть, вы сами видите, что я не ошибся лицомъ.

Когда онъ повернулъ дѣло такъ, все это звучало правдоподобно, и одинъ мигъ я опять стоялъ въ странномъ волненіи. Если бъ теперь этотъ человѣкъ взялъ да арестовалъ меня, то все наше путешествіе было бы разстроено; и кромѣ того, Богъ вѣсть, какія продолжительныя непріятности я могъ бы навлечь на себя въ этой странѣ, гдѣ я не могъ защищаться. Я нѣсколько приунылъ и сказалъ:

— При другихъ обстоятельствахъ мнѣ было бы пріятно дать себя арестовать и пережить маленькое разнообразіе въ моемъ путешествіи; но теперь это не входитъ въ мои расчеты. Я не одинъ.

— Я очень сожалѣю—отвѣтилъ онъ.—Мнѣ хотѣлось бы пощадить и васъ, и вашу спутницу.

Я теперь думалъ объ этомъ, не шутя.

— Куда же вы отправите меня въ такомъ случаѣ?—спросилъ я.

Онъ отвѣчалъ:

— Я долженъ отправить васъ обратно во Владикавказъ.

Я снова спросилъ:

— Вы должны арестовать насъ обоихъ?

— Нѣтъ, одного васъ,—отвѣчалъ онъ.

Обратно черезъ горы! Поѣздка сама по себѣ не пугала меня; но наше путешествіе по Востоку было бы отложено и, пожалуй, окончательно разстроено.

— А вы не могли бы отправить меня въ Тифлисъ?—спросилъ я. Тифлисъ намъ по пути, въ Баку мы обратимся къ консулу, и онъ сразу выяснитъ это маленькое недоразумѣніе.

Офицеръ соображалъ.

— Чтобы помочь вамъ по возможности скорѣе избавиться отъ непріятностей, я отправлю васъ въ Тифлисъ,—отвѣтилъ онъ.

— Я вамъ очень благодаренъ,—сказалъ я.

Теперь мы оба сидѣли и обдумывали все это. И вотъ онъ кланяется и говоритъ:

— До нашего отъѣзда вы можете идти, куда хотите.

Мое подозрѣніе все еще не давало мнѣ покоя, и я спросилъ:

— Почему вы сначала сказали, что хотите отправить меня во Владикавказъ?

— Сначала во Владикавказъ,—съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ отвѣтилъ онъ.—Сначала я хотѣлъ отправить васъ во Владикавказъ. Да это было бы и самое удобное для васъ, потому что вамъ, собственно, предстоитъ ѣхать въ Петербургъ.

— Ахъ!

— И если я везу васъ въ Тифлисъ, то лишь съ тѣмъ, чтобы пойти навстрѣчу вашему личному желанію. Но это противорѣчитъ моимъ предписаніямъ.

— Покажите мнѣ ваши бумаги,—сказалъ я вдругъ.

Онъ улыбнулся и вынулъ изъ кармана тяжелый документъ съ печатами, который онъ положилъ передо мной. Языкъ и буквы были русскіе, такъ что я ничего не понималъ въ этомъ. Но офицеръ указывалъ на разныя мѣста въ документѣ и объяснялъ, что тутъ стояло его имя, тутъ стояло, что онъ полицейскій чиновникъ, а тутъ стояло, что полиція, куда бы онъ ни явился, должна оказать ему содѣйствіе.

Больше предпринять мнѣ было нечего, и я долженъ былъ отступить назадъ и молчать.

— Тогда вы, можетъ быть, разрѣшите мнѣ спуститься внизъ и сообщить моей спутницѣ объ этомъ перерывѣ нашего путешествія,—сказалъ я.

— Я какъ разъ объ этомъ и думаю,—отвѣтилъ онъ черезъ нѣкоторое время.—И я больше всего думаю объ этомъ изъ-за вашей спутницы. Поймите меня, какъ слѣдуетъ, изъ-за васъ тоже. Эго будетъ очень непріятно вамъ обоимъ.

— Дайте намъ только добраться до Тифлиса, и мы устроимъ все!

— Мнѣ очень непріятно разочаровывать васъ въ вашей твердой надеждѣ,—отвѣтилъ онъ,—но я долженъ васъ предупредить, что выясненіе этого дѣла можетъ потребовать много времени.

— Но я не сдѣлалъ рѣшительно ничего дурного!—воскликнулъ я.

— Разумѣется, нѣтъ. Я вамъ вѣрю. Но чтобы доказать это, понадобится много времени и много непріятныхъ хлопотъ. Повѣрьте мнѣ на слово.

И въ этомъ я ему повѣрилъ. Я опять упалъ духомъ, и смотрѣлъ въ землю и думалъ.

— Но возможенъ выходъ,—сказалъ онъ.—Я только укавываю вскользь.

— Есть выходъ?

— Долженъ быть выходъ. При нѣкоторой доброй волѣ съ обѣихъ сторонъ.

— Какъ же это?

— Мы, русскіе, люди не строгіе,—сказалъ онъ.—Иногда мы не прочь войти въ любовную сдѣлку.

Я смотрѣлъ на человѣка.

— Я могу войти въ сдѣлку съ вами?—спросилъ я.

Онъ пожалъ плечами и, вытянувъ немного руку, сдѣлалъ еврейское движеніе:

— Вотъ—выходъ. Намекъ на выходъ.

Тогда я сразу почувствовалъ себя спокойнымъ и разразился хохотомъ. Я похлопалъ его по плечу и сказалъ:

— Вы—великолѣпны! Вы—жемчужина! Какъ прикажете расплатиться съ вами за вашу получасовую бесѣду?

Онъ стоялъ, съ достоинствомъ и тихо, и позволялъ мнѣ хлопать себя по плечу.

— Такіе порывы я видѣлъ у многихъ,—сказалъ онъ.—Я вамъ охотно позволяю. Это приноситъ людямъ облегченіе

— Простите, но теперь я ухожу,—сказалъ я. И вы также простите, что я буду продолжать мой путь до Тифлиса въ нашей собственной каретѣ и безъ васъ.

— Я ничего не имѣю противъ,—отвѣтилъ онъ. Но вы должны быть готовы къ тому, что на каждой станціи, гдѣ вы будете отдыхать, и я буду отдыхать. Сегодня вечеромъ вы приѣдете въ Анануръ, и я приѣду туда.

— Милости просимъ!—сказалъ я и ушелъ.

Разумѣется, онъ не приѣдетъ. Онъ вовсе не полицейскій чиновникъ, онъ былъ жалкій обманщикъ, старавшійся выжать изъ меня немного денегъ. Онъ, конечно, былъ въ Пятигорскѣ

и проигралъ свои гроши, теперь онъ попалъ вглубь Кавказа и не могъ двинуться дальше, онъ засѣлъ крѣпко.

Я хотѣлъ совсѣмъ выбросить его изъ головы и не говорить моей спутницѣ ни слова объ этомъ человѣкѣ.

Мы покинули Млеты.

IX.

Теперь у насъ была другая рѣка, Арагва. Она той же величины и столь же красива, какъ и Терекъ, и сопровождаетъ насъ всю дорогу. Горы, какъ и по ту сторону,—высотой въ три, четыре тысячи метровъ, нѣкоторыя—голыя, сплошь зеленыя отъ долины до облаковъ, другія же—курчавыя, поросшія густымъ, густымъ кустарникомъ до самой вершины. Изъ убогой флоры вдоль дороги, мы видимъ гераній, горчицу и желтый просвирнякъ, совершенно покрытые известковой пылью. И человѣческія жилища тѣ же, что по ту сторону; и здѣсь, какъ тамъ, мы проѣзжаемъ мимо пастуховъ, стадъ, дорожныхъ рабочихъ. Очень пыльно, солнце грѣетъ жарко; спина Корнѣя вся усѣяна мухами.

Мы подѣзжаемъ къ двухъэтажному каменному дому, крытому черепицей, въ нѣмецкомъ стилѣ, въ нашемъ горманскомъ; тамъ тянется выкрашенный въ черную и бѣлую краску шлагбаумъ поперекъ дороги: здѣсь русскія власти взимаютъ дорожныя. Корнѣй показываетъ свою квитанцію, что онъ уже уплатилъ во Владикавказѣ, шлагбаумъ подымается, и мы проѣзжаемъ.

Послѣ долгой ѣзды подъ гору мы прибываемъ на станцію Пассанануръ, которую мы тотчасъ же покидаемъ. Здѣсь много частныхъ каменныхъ дачъ съ бѣлоснѣжной известковой штукатуркой; надъ всѣмъ этимъ вздымается русская часовня самыхъ пестрыхъ цвѣтовъ, какъ темный, синій, красный. Мы опять опустили приблизительно на четы-

реста метровъ, растительность становится богаче, въ долинѣ нестерпимо жарко. Народонаселеніе—грузины, они живутъ въ такихъ же, расположенныхъ ярусами, избушкахъ, какъ мы видѣли раньше, одна надъ другою вверхъ по горѣ.

Въ исполинскій разрывъ въ рядѣ горъ, налѣво, мы видимъ, далеко, далеко въ сторонѣ, другую долину, гдѣ выступаютъ такія же, какъ здѣсь, деревни и избушки и желтыя пятна полей по склонамъ горъ. И тамъ живутъ люди,—думаемъ мы,—они, можетъ быть, столь счастливы, какъ мы, и у нихъ есть свои радости и горести, свой трудъ и свой покой. И въ молодости у нихъ есть своя любовь, а въ старости свой клочекъ земли и свои овцы.

Нѣтъ ни одной, ни одной такой вещи на свѣтѣ, какъ быть вдали отъ всего!—думаю я дальше. Я помню это изъ моего дѣтства, когда я пасъ скотъ дома. Въ хорошую погоду я лежалъ на спинѣ въ верескѣ и исписывалъ указательнымъ пальцемъ все небо и переживалъ блаженные дни. И я позволялъ животнымъ по цѣлымъ часамъ бродить, какъ хотятъ, и когда мнѣ нужно было разыскать ихъ, я только взбирался на холмъ или карабкался на высокое дерево и прислушивался съ раскрытымъ ртомъ. Тамъ наверху, я отлично слышалъ, откуда доносился звонъ колокольчиковъ, и скоро находилъ скотъ. Козламъ я давалъ иногда табакъ, который я кралъ для нихъ, а коровамъ давалъ соли. Барановъ же я училъ бодаться со мною.

Была несравненная жизнь. И никто не долженъ думать, что въ дождливую погоду мнѣ бывало хуже. Тогда я сидѣлъ подъ кустомъ или подъ отвѣсной скалой, и былъ подъ отличнымъ закрытіемъ. Тамъ я сидѣлъ и тихо распѣвалъ, или писалъ что-нибудь на бѣлой берестѣ, или же вырѣзалъ что-нибудь ножомъ. Я зналъ каждый уголокъ мѣстности и, когда мнѣ нужно было догнать скотъ, я только перебѣгалъ подъ другую, извѣстную мнѣ, скалу, и мнѣ опять было хорошо. Никому, кто съ дѣтства не привыкъ къ этому самъ,

нельзя представить себѣ тонкаго и страннаго наслажденія, которое можно испытать, оставаясь въ дождливую погоду въ поляхъ и сидя тамъ въ закрытомъ мѣстѣ. Впослѣдствіи я пытался написать что-нибудь объ этомъ, но это мнѣ не удалось. Я хотѣлъ попробовать придать этому немного стиля, чтобы быть понятнымъ, но тогда это исчезло для меня.

Когда я пасъ, я ходилъ въ деревянныхъ башмакахъ, и въ дождь ноги у меня, конечно, были мокрыя отъ мокрой земли. Но наслажденіе чувствовать хорошую теплую деревянную опору подъ подошвами, хотя я весь былъ мокрый, превосходить десять другихъ наслажденій моихъ послѣдующихъ лѣтъ. Очевидно, потому, что я не зналъ ничего лучшаго въ то время. А вѣдь тогда я отличалъ столь же хорошо, какъ теперь, то, что было пріятно, отъ того, что дѣлало больно. Въ пору грибовъ, къ концу лѣта, скотина бѣгала за грибами, какъ сумасшедшая. Въ особенности коровъ никакъ нельзя было сдерживать; но такъ какъ колокольчики были именно на коровахъ, то онѣ увлекали за собой и все стадо въ своей вознѣ. И пастуху приходилось быть на ногахъ почти весь день и мало отдыхать. Мое маленькое тѣло бывало разбито и болѣло отъ непрерывнаго бѣганья день изо дня, и тогда у меня было только то единственное удовольствіе въ жизни, что я самъ собиралъ грибы и давалъ ихъ коровамъ, которыхъ я больше всего любилъ. И коровы давали много молока отъ грибовъ. Но въ это время было не такъ ужъ весело быть пастухомъ. Нѣтъ, нѣтъ.

Я сижу и думаю обо всемъ этомъ теперь, когда я качу въ каретѣ по широкой дорогѣ на Кавказѣ. Все такъ странно во мнѣ, я чувствую, что я могъ бы пустить здѣсь корни и быть такъ благодатно далеко отъ міра. Другое дѣло было бы, если бъ у меня оказалось достаточно культуры, чтобы довольствоваться моей текущей жизнью, но у меня нѣтъ ея... Я смотрю въ послѣдній разъ въ долину налѣво, гдѣ видны маленькія желтыя пятна полей, и пастухи овецъ, и маленькія

избушки, и мнѣ кажется, что тамъ поразительно красиво и покойно. Кружатся орлы надъ стадами на горѣ. И все тамъ празднично. Пастухъ сегодня, конечно, вычистилъ свой блестящій поясъ и прихорашивается для своей дѣвушки...

Я дремлю и думаю и засыпаю. Часа черезъ два намъ начинаютъ попадаться каштаны; мы продолжаемъ спускаться; лошади бѣгутъ рысью.

Появляется караванъ пустыхъ возовъ намъ навстрѣчу, ихъ тащатъ волы, погонщики вытянулись во всю длину на днѣ своихъ возовъ и спать; мы отъѣзжаемъ порядочно въ сторону и пробираемся мимо. Но ярмо у одного быка оказалось между рогами, его шею согнуло, онъ долженъ итти бокомъ. Моя спутница хочетъ вылѣзть и поправить ярмо; когда же мы объясняемъ Корнѣю, что намъ нужно, онъ не останавливается, но продолжаетъ ѣхать и не понимаетъ ни слова. Такъ—теперь мы пропустили весь караванъ, уже поздно дѣлать что-нибудь. Корнѣй снова пускаетъ лошадей рысью. И воля продолжаетъ свой многоверстный путь, нѣмой, выпучивъ глаза, со скрученной шеей. Намъ вдругъ становится тяжело въ каретѣ, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но время, часы, уравниваютъ все: черезъ нѣкоторое время мнѣ приходитъ въ голову утѣшеніе для насъ въ томъ, что есть и люди, которымъ приходится трудно. Чѣмъ раньше такой воля надорвется подъ ярмомъ, тѣмъ лучше для него. Это—его надежда. То же бываетъ, когда человѣкъ попадаетъ въ бѣду и вспоминаетъ, что еще есть выходъ, въ возможности сдѣлать жизнь настолько короткой, какъ ему самому угодно. Нитцше правъ: этотъ выходъ утѣшилъ не одного человѣка въ ночи...

Часы идутъ, время идетъ. Сказочная страна снова красива.

У одного водопоя доброму Корнѣю Григорьевичу опять угодно пропустить чужую карету впередъ. Это—русская семья. Она ѣдетъ скорѣе насъ. Мы видѣли этихъ людей въ Коби; но такъ какъ мы сегодня выѣхали гораздо раньше ихъ, то

они бы не должны были нагнать насъ. Теперь мы вступаемъ въ ихъ пыль, и намъ почти нельзя дышать.

Тогда я хватаю Корнѣя за плечо и даю ему понять, что онъ сдѣлалъ. Одно мгновеніе онъ въ ужасѣ смотритъ на меня и останавливаетъ лошадей. Но онъ, повидимому, ничего не понимаетъ и хочетъ снова ѣхать. Тогда я соскакиваю и держу лошадей и вообще поступаю строго съ Корнѣемъ; но онъ только больше и больше изумляется странной болѣзни, овладѣвшей мною. Онъ видитъ пыль, она тихо стоитъ надъ дорогой, гдѣ проѣхала карета, она ѣстъ глаза и ему и намъ, это — известковая пыль, она ложится бѣлымъ налетомъ на карету; но Корнѣй не въ состояніи понять, что мы не можемъ ѣхать въ ней. Мнѣ приходится держать лошадей пять минутъ, пока намъ можно ѣхать дальше. Мнѣ начинаетъ становиться ясно, почему приказаніе, царское слово, необходимо въ этомъ великомъ народѣ. Эти люди такъ глупы въ нѣкоторыхъ вещахъ, они могутъ ковылять въ степи, и пасти овецъ, и стоять въ своемъ полѣ и работать немного лопатой. Но ихъ мозги такъ тупы въ абстрактныхъ вещахъ... Я даю себѣ слово свести съ Корнѣемъ маленькіе счеты въ Тифлисъ.

Мѣсяць уже совсѣмъ ярокъ, пять часовъ, солнце и мѣсяць одновременно освѣщаютъ мѣстность, и очень тепло. Этотъ міръ не какъ всякій другой міръ, какой я знаю, и я снова прихожу къ тому, что мнѣ хотѣлось бы остаться здѣсь на всю жизнь. Теперь мы спустились настолько, что снова начинается виноградъ, и есть орѣхи въ лѣсу, и солнце и мѣсяць свѣтятъ въ перегонку. Человѣкъ безпомощенъ передъ этимъ великолѣпьемъ, и если бъ жить здѣсь, можно было бы видѣть это каждый день и бить себя въ грудь отъ изумленія. Народъ здѣсь выдержалъ борьбу, которая грозила опустошеніемъ, но онъ все побѣдилъ, онъ крѣпокъ и здоровъ, и процвѣтаетъ, и сегодня составляетъ въ общей сложности народъ въ десять милліоновъ. Кавказецъ не знаетъ

повышенія и паденія курса на Нью-Йоркской биржѣ, его жизнь не состязаніе, у него есть время жить, и онъ можетъ достать птицу съ деревьевъ или зарѣзать свою овцу, чтобы жить. Но вѣдь европейцы и янки, какъ люди, выше? Одинъ Богъ знаетъ. Одинъ Богъ и больше никто не знаетъ, настолько это подлежитъ сомнѣнію. Нѣкоторые люди велики, потому что окружающее ничтожно, потому что вѣкъ, несмотря на все, ничтоженъ. Я думаю о великихъ именахъ въ одной моей области, и ихъ много номеровъ въ длинномъ ряду, этихъ членовъ пролетаріата гениевъ. Яцѣлыхъ двадцать изъ нихъ промѣнялъ бы на одного коня Маренго. Цѣнности имѣютъ передвижную цѣну: театральныи ореолъ соответствуетъ здѣсь блестящему поясу, и время уничтожаетъ и то и другое, время мѣняетъ ихъ на другія цѣнности. Кавказъ! Кавказъ! Не даромъ величайшіе гиганты поэзіи, какихъ знаетъ міръ, великіе русскіе, были здѣсь и черпали изъ твоихъ источниковъ...

Шесть часовъ. Теперь мы на двѣ тысячи метровъ ниже, чѣмъ когда мы были на вершинѣ Дарьяльскаго прохода. Солнце зашло, мѣсяць свѣтитъ одинъ, тепло и бесконечно тихо. Дорога теперь неожиданно начинаетъ подниматься въ гору, мы ѣдемъ только шагомъ. Горы становятся ниже, онѣ переходятъ въ длинные холмы, надъ которыми ширится небо. Рѣзко темнѣетъ. Теперь мы у станціи Анануръ.

*

Здѣсь стоитъ множество людей на дворѣ и на верандѣ, въ вечерней теплотѣ. Мы вылѣзаемъ и входимъ въ домъ.

Какой-то человѣкъ, повидимому, хозяинъ, говоритъ намъ что-то и загараживаетъ намъ дорогу. Онъ говоритъ не по-русски, но, очевидно, на одномъ изъ кавказскихъ нарѣчій. Мы ставимъ наши вещи и не обращаемъ вниманія на хозяина. Вдругъ появляется одѣтый въ бурнусъ человѣкъ, который обращается къ намъ на быстрѣйшемъ французскомъ

языкъ и объясняетъ намъ, что для насъ нѣтъ ни одного свободнаго мѣста на станціи.

Что же было дѣлать?

Онъ кричитъ внизъ маленькому человѣку, въ неимоверно длинномъ бурнусѣ, стоящему на дорогѣ; его зовутъ Григоріемъ. Едва Григорій услышалъ, въ чемъ дѣло, онъ киваетъ, что мы можемъ получить ночлегъ, и указываетъ впередъ.

Тогда мы выносимъ наши вещи, садимся въ карету и ѣдемъ. Григорій бѣжитъ съ нами. Ему какихъ-нибудь пять-десять лѣтъ, но онъ бѣжитъ, какъ мальчикъ, хотя онъ въ длиннѣйшемъ кафтанѣ, и на немъ много оружія.

Григорій ведетъ насъ къ странному двухэтажному каменному строенію, на каменныхъ столбахъ. Ничего подобнаго я еще не видѣлъ. И въ самомъ домѣ были самыя поразительныя дыры, углы и перегородки. Насъ отвели въ комнату наверху. Можно ли намъ оставить эту комнату за нами одними? Да. И наши вещи перенесли. Нельзя ли намъ получить бифштексъ съ картофелемъ, хлѣба и пива? Григорій киваетъ и летитъ по лѣстницѣ въ своею бурнусѣ.

Мы выходимъ и осматриваемся: темныя и совсѣмъ низкія горы; лунный свѣтъ; прямо на югъ башни и купола монастыря, на мѣдной крышѣ котораго почилъ лунный свѣтъ. Эти свѣтлые купола на темномъ фонѣ поразительно прекрасны. Внизу, по дорогѣ, бродятъ люди и лошади; проѣзжаетъ почтальонъ и трубитъ въ свой рогъ.

Когда мы возвращаемся домой, Григорій встрѣчаетъ насъ и говоритъ, что онъ ходилъ на станцію, но не могъ достать бифштекса. Если мы взамѣнъ хотимъ чего-нибудь другого?— И Григорій вынимаетъ изъ-за пазухи своего бурнуса живого цыпленка. Мы киваемъ, что безподобно имѣть и цыпленка. И Григорій летитъ внизъ.

Немного спустя Григорій обезглавилъ цыпленка; изъ нашего окна мы видимъ свѣтъ на дворѣ: это Григорій разводитъ огонь и собирается быть поваромъ. Очагъ подъ от-

крытымъ небомъ, топливомъ служатъ стебли подсолнечника, который здѣсь, какъ маленькое деревцо, и горитъ превосходно. Григорій ставитъ горшокъ съ водою на огонь; когда вода нагрѣлась, онъ погружаетъ въ нее цыпленка и начинаетъ щипать его. Онъ кажется маленькимъ и чернымъ и подземнымъ въ свѣтѣ огня. Григорій дѣлаетъ свою работу добросовѣстно, онъ даже опаливаетъ послѣдній остатокъ пуха на цыпленкѣ, прежде чѣмъ жарить его.

Мы получаемъ нашу ѣду, превосходнаго вкуса; но уже во время обѣда насъ такъ жестоко кусаютъ клопы, что мы должны кончать ѣду раньше времени. Насѣкомыя переползаютъ на насъ съ одѣялъ на постеляхъ, гдѣ мы сидимъ за неимѣніемъ стульевъ. Значитъ, предстоитъ веселая ночь! думаемъ мы и рѣшаемъ лечь, какъ можно позднѣе. Мы снова идемъ на воздухъ.

У Григорія лавка внизу, онъ—купецъ, и когда онъ не прислуживаетъ намъ, онъ стоитъ въ своей лавчонкѣ и продаетъ много дорогихъ нѣмецкихъ товаровъ, которыхъ у него вдоволь. И онъ не безъ гордости показываетъ намъ эти товары, прибывшіе изъ такихъ далекихъ странъ, карманныя зеркальца и кошельки и перочинные ножи. Но тамъ же на полу лежитъ и большая куча кавказскихъ ковровъ, и намъ гораздо любопытнѣе посмотрѣть на нихъ. Не будь только такъ далеко, далеко до родины! И не будь эти ковры такъ тяжелы! Но они не дороги. Очень художественная ткань. У женщинъ, смастерившихъ ихъ, было много времени, безконечно много времени.

На улицѣ тихо, больше нѣтъ никакого движенія; но люди и не думаютъ ложиться. То здѣсь, то тамъ сидитъ народъ и разговариваетъ у края дороги; они дѣлаютъ то же, что дѣлали бы сосѣди у меня на родинѣ: курятъ свои трубки, опустили руки на колѣни и вертятъ соломинку пальцами. Станціонныя лошади ходятъ и щиплютъ траву то здѣсь, то тамъ на землѣ,—нѣсколько подалеке, у стѣны

дома, кто-то играет на струнном инструментѣ и подпѣваетъ. Мы прислушиваемся и подходимъ ближе. Молоденькій мальчикъ сидитъ и играетъ, его пѣніе монотонно, но пріятно въ вечерней тишинѣ. Мелодія напоминаетъ намъ народныя пѣсни, изданныя Торомъ Ланге, мы теперь такъ глубоко понимаемъ его текстъ и понимаемъ, какой тонкій поэтъ этотъ датчанинъ въ изгнаніи.

Уже поздно, но мальчикъ сидитъ и играетъ у стѣны, а молодежь и старики сидятъ и бесѣдуютъ у дороги. У здѣшнихъ людей столько времени, часъ-два не играетъ для нихъ никакой роли. Обильная роса, земля—влажная, но здѣшніе люди переносятъ и сырость, они привыкли къ этому съ дѣтства. Когда же они встаютъ и идутъ, то они идутъ, какъ стальные пружины. По всему Кавказу люди одинаковы, даже пастухъ, даже погонщикъ воловъ ходитъ стройно и прямо, съ выпяченной грудью и эластическими движеніями. Но женщинъ мало видно, онѣ, главнымъ образомъ, сидятъ у себя; магометанство крѣпко держится до сихъ поръ.

Когда мы приходимъ домой, то каждая изъ нашихъ постелей покрыта парой кавказскихъ ковровъ. Чтобы сдѣлать намъ пріятное, Григорій далъ намъ новые ковры изъ своей лавки. Спать здѣсь будетъ довольно жестко; но кровати забавны, и ковры великолѣпны.

Теперь на Григорія находить наитіе, что моей спутницѣ нужна простыня, такъ какъ онъ замѣчаетъ, что мы не привезли съ собой простынь, какъ обыкновенно водится. Григорій—образованный человекъ, его купеческая жизнь развила въ немъ глубокое чувство чистоты, это его беспокоитъ, и теперь онъ не можетъ видѣть кровати безъ простынь. Чтобы показать ему, какъ поступаютъ генералы въ походѣ, я заворачиваюсь въ ковры и ложусь, не раздѣваясь. И съ этимъ Григорій не споритъ, онъ не вмѣшивается въ генеральскую нечистоплотность; но онъ летитъ внизъ въ свою лавку и отрываетъ два аршина полотна, ко-

торое онъ даритъ моей спутницѣ на простыню. Сдѣлавъ это, онъ кланяется и уходитъ. Мы подумываемъ, не вынести ли ковры и не вытрясти ли ихъ хорошенько прежде, чѣмъ пользоваться ими; но мы оставляемъ эту мысль, чтобы не обидѣть Григорія. И вотъ мы ложимся съ Божьей помощью.

Но раздается стукъ въ окно.

Я выхожу и застаю Корнѣя. Онъ хочетъ условиться насчетъ завтрашнихъ часовъ. Я беру Корнѣя за шиворотъ и, рука въ руку, мы спускаемся по лѣстницѣ. Мы выходимъ на свѣтъ изъ лавочки, и на моихъ часахъ я показываю Корнѣю, что мы должны выѣхать въ пять.

Онъ настаиваетъ на шести.

Тогда раздается голосъ, обращающійся къ Корнѣю на его родномъ языкѣ, я оборачиваюсь и стою лицомъ къ лицу съ офицеромъ. Этотъ проклятый полицейскій чиновникъ все-таки явился за нами, какъ сказала. Онъ слегка кланяется мнѣ, и потомъ снова обращается къ Корнѣю и съ невозможнымъ властнымъ видомъ говоритъ ему нѣсколько короткихъ словъ. Потомъ онъ вынимаетъ свои часы, указываетъ на цифру пять и говоритъ: Въ пять часовъ, какъ князь приказалъ. Потомъ онъ показываетъ на дорогу и говоритъ: Ступай! Послѣ чего Корнѣй снимаетъ свою кучерскую шапку и, ковыляя, исчезаетъ въ тотъ же мигъ.

Я остаюсь одинъ съ офицеромъ.

— Надѣюсь, вы нашли сносное помѣщеніе,—говоритъ онъ.—Я остановился въ станціонномъ зданіи. Я сожалѣю, что заранѣе заказалъ комнату, которую иначе могли бы взять вы и ваша спутница. Я не зналъ, что здѣсь будетъ такъ полно.

— Мы нашли хорошее помѣщеніе,—отвѣтилъ я и пристально смотрѣлъ на него.

— Отлично. Спокойной ночи!—сказалъ онъ и ушелъ.

Онъ сдержалъ такъ свое слово и поѣхалъ за нами. Я началъ колебаться въ моей увѣренности. Онъ отлично могъ

быть и полицейскимъ чиновникомъ, хотя онъ и хотѣлъ вступить со мной въ сдѣлку. Судя по тому, что я читалъ о русскихъ чиновникахъ, взятка не была неслыханнымъ дѣломъ среди нихъ; въ его намеки на выходъ, можетъ быть, какъ разъ заключалось лучшее доказательство того, что онъ—полицейскій. Было невесело знать, что за тобой слѣдятъ и преслѣдуютъ такимъ образомъ и, видить Богъ, завтра утромъ я спрошу этого человѣка, сколько ему нужно, чтобы оставить насъ въ покоѣ; а то онъ возьметъ да схватитъ насъ при самомъ въѣздѣ въ Тифлисъ. Я пойду къ нему завтра рано на станцію и дамъ за насъ выкупъ, и нашъ день пройдетъ безъ заботъ.

Съ этой слабостью въ сердцѣ я легъ въ постель.

X.

Очень неприятная ночь. Жесткія деревянныя доски въ кровати и чудовищныя клопы непрерывно беспокоили насъ. Корнѣй постучался въ половинѣ пятаго, когда намъ, наконецъ, удалось крѣпко заснуть.

Но Корнѣй и не думалъ поднимать насъ сейчасъ же. Лошади у него были еще совсѣмъ не готовы, онъ явился исключительно лишь съ тѣмъ, чтобы узнать, нельзя ли намъ отложить нашъ отъѣздъ до шести. Корнѣй былъ и остался нашимъ крестомъ.

Я не зналъ, дать ли мнѣ ему пощечину или уступить его требованію. Я выбралъ среднее, я снова схватилъ его за шиворотъ, повелъ его внизъ по лѣстницѣ, на самую улицу, встряхнулъ его и велѣлъ ему, немедленно отправиться за лошадьми. И Корнѣй ушелъ; но мой поддѣльный повелительный видъ, кажется, не оказалъ на него никакого вліянія.

Теперь я могъ воспользоваться ожиданіемъ и посѣтить

полицейскаго, попросить у него извиненія, что явился такъ рано, и передать ему сумму, какую онъ потребуетъ. Я думалъ, не попросить ли мнѣ квитанціи, но это, пожалуй, могло бы оскорбить его, между джентельменами подобныя вещи излишни. Одному Богу извѣстно, сколько мнѣ придется выложить! Но я потребую возвращенія суммы и въ худшемъ случаѣ поставлю русскому правительству на видъ дипломатическія осложненія.

Но послѣ холоднаго обтиранія и превосходнаго завтрака изъ баранины, которую принесъ Григорій, мое мужество возросло. Хорошій сонъ послѣдняго часа былъ тоже какъ нельзя кстати, однимъ словомъ, нервы у меня были крѣпкіе и спокойныя, и я хотѣлъ пренебречь полицейскимъ. Если же нельзя будетъ иначе, то пускай онъ беретъ меня при въѣздѣ въ Тифлисъ, кровожадный песь, палачъ! Взять меня? Хе-хе, онъ—мошенникъ, еврей, занимавшійся вымогательствомъ. Я поведу его въ полицію. Попадись-ка онъ теперь мнѣ подъ руку, я бы показалъ ему! Онъ дѣлалъ умно, что убрался.

Я бродилъ кругомъ и вытягивался и чувствовалъ себя превосходно.

— Эй, Григорій!

Является Григорій.

Сколько ему нужно за ночлегъ?

Шесть рублей.

Не угодно ли? Я предлагаю ему два рубля. И кончаю на трехъ. И вдобавокъ, мы расстаемся друзьями. Вотъ видите, я былъ несравнененъ въ своихъ поступкахъ, когда хотѣлъ!

Но Корнѣя все нѣтъ. Въ половинѣ шестого я отправляюсь разыскивать его. Я засталъ его за преспокойной болтовнею съ кучеромъ русскаго семейства, которое проѣхало мимо насъ вчера. Лошади у него были запряжены, но онъ преспокойно давалъ имъ стоять, продолжая разговаривать.

Увидѣвъ меня, онъ засуетился, вскочилъ на козлы и поѣхалъ. И потолкую же я съ добрымъ Корнѣемъ въ Тифлисъ!

Когда мы уложили наши вещи въ карету, было уже шесть часовъ; Корнѣй настоялъ таки на своемъ часѣ. Мнѣ не хотѣлось уѣхать бродягою, и я зашелъ въ лавку проститься съ Григоріемъ. Тамъ оказался и полицейскій чиновникъ. Онъ снова поразилъ меня. Я оставилъ свой планъ проучить его и машинально простился съ Григоріемъ.

Полицейскій снялъ шапку и обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Вы будете отдыхать въ Челканахъ, гдѣ отдыхаю и я. Я буду черезъ часъ послѣ васъ.

И я не убилъ его тутъ же, онъ обезоружилъ меня, и я не могъ бы поступить такъ ни съ однимъ человѣкомъ въ этотъ мигъ. Да и много ли мужества можно ожидать отъ человѣка, который не спалъ двѣ ночи и, кромѣ того, страдалъ кавказской лихорадкой! Мнѣ было все прощительно. Богъ знаетъ, не было ли вдобавокъ у этого всемогущаго русскаго сыщика наручней въ карманѣ. Вѣдь раньше онъ однимъ словомъ задержалъ всѣхъ почтовыхъ лошадей во Владикавказѣ.

Все мое положеніе было таково, что я долженъ былъ капитулировать и уйти своей дорогой...

Тихое, теплое утро, еще не разсвѣло. Мы проѣзжаемъ мимо монастыря съ мѣдными главами; но я говорю себѣ, что еще слишкомъ темно, чтобы я могъ лучше разсмотрѣть ихъ. А вся суть въ томъ, что послѣ встрѣчи съ полицейскимъ я теперь опять нахожусь въ безпокойномъ состояніи. Я положительно не въ духѣ. Лишь бы мнѣ набраться мужества и силы къ нашей ближайшей встрѣчѣ.

Много верстъ мы ѣдемъ въ гору. Я сплю часъ, мы оба спимъ въ каретѣ, даже самъ Корнѣй дремлетъ на козлахъ. Послѣ сна, я опять храбръ и ѣду въ самомъ радостномъ настроеніи.

Земля здѣсь все время становится плодороднѣе и плоднѣе; тянутся лѣса по обѣ стороны дороги, лѣса дикой яблони. Яблоки маленькія; безмолвные смуглые люди бродятъ то здѣсь, то тамъ и собираютъ ихъ въ мѣшки, пока свѣтаетъ. Для меня загадка, когда кавказцы спятъ. Эти люди ходятъ теперь здѣсь и собираютъ плоды на разсвѣтѣ, точно они только это и дѣлали всю ночь. Они провели ночь въ лѣсу, чтобы сегодня пораньше приняться за работу изъ-за жары.

Становится совсѣмъ свѣтло, и дорога больше не поднимается, мы снова ѣдемъ подъ гору. Теперь мы проѣзжаемъ все большія и большія площади воздѣланной земли; видъ здѣсь шире; женщины носятъ воду изъ Арагвы, въ кувшинахъ на плечахъ. Теперь снова точно воскресное утро для меня, надъ землею праздникъ, и женщины высоко приподнимаютъ мое настроеніе. Я читалъ, будто кавказскія женщины маленькаго роста и невзрачны на видъ, вполне возможно, что вообще-то оно и справедливо; но эти женщины во всякомъ случаѣ были высоки и стройны, а ихъ походка была неподобна. Ихъ нѣсколько, но мы слышимъ лишь тихій разговоръ между собой. Онѣ поднимаются одна за другою отъ рѣки, вереницею, гуськомъ, съ кувшинами на плечахъ, подбоченясь одною рукою. Ничего подобнаго мы не видѣли; онѣ идутъ, скользятъ, у нихъ синіе и красивые сарафаны и шелковые платки на головахъ.

Всякій разъ, когда мы видѣли это шествіе, мы всячески старались заставить Корнѣя ѣхать тише, чтобы мы могли встрѣтить женщинъ, когда имъ нужно было переходить дорогу. Но проклятый Корнѣй, какъ отрекшійся отъ міра молоканинъ, не обращалъ вниманія на наши движенія и знаки. Насколько мы могли разглядѣть, женщины были совсѣмъ некрасивыя. У нихъ былъ такой нечистый цвѣтъ лица, въ синихъ крапинкахъ. Но онѣ были высокія и стройныя, какъ лоза, и держали грудь высоко.

Далѣ, по дорогѣ движется толпа молоденькихъ мальчиковъ и играетъ. Ихъ до десяти, двѣнадцати, всѣмъ менѣе двадцати лѣтъ. Они бѣгаютъ и безстрашно и ловко прыгаютъ въ своей игрѣ; у какого-то ручья они не идутъ по мосту, но перескакиваютъ около него; вообще кажется, будто они ищутъ преградъ. Хотя мы пересѣкаемъ одну ихъ толпу, мы не слышимъ никакихъ замѣчаній позади насъ, мальчики заняты лишь одною своею игрою. Лица у нихъ веселыя и живыя. Только одинъ изъ нихъ настолько уже выросъ и настолько богатъ, что получилъ блестящій поясъ; но онъ къ тому же и идетъ среди остальныхъ гордо, какъ жеребенокъ.

Мы приѣзжаемъ на станцію Душетъ. Здѣсь снова начинается виноградъ, настолько мы уже спустились внизъ. Станція стоитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ городка, самый же городокъ намъ виденъ на разстояніи полуверсты; въ немъ около четырехъ тысячъ жителей. Большая и высокая старая церковь: остатокъ крѣпостной стѣны и массивная башня напоминаютъ о минувшихъ временахъ, когда князья Арагвы воевали съ грузинами.

Мы проѣзжаемъ станцію.

Наша дорога проходитъ уже не по горамъ, здѣсь большія равнины съ лугами и полями. Нѣсколько горъ еще виднѣются сзади насъ и налѣво, но онѣ больше не кажутся высокими, настолько мы удалились отъ нихъ.

Мы теперь видимъ дорогу на три версты впередъ и, по обѣ стороны, всюду работаетъ народъ въ поляхъ, одни пахутъ, другіе жнутъ золотистую рожь съ короткою соломой. Здѣсь пахутъ на десяти или двѣнадцати волахъ за каждымъ плугомъ, длинною вереницей, по два въ рядъ. А разъ мы видѣли восемнадцать быковъ за однимъ плугомъ, и четыре человекъ погоняли ихъ. Всякій разъ, когда борозда кончалась, и нужно было повернуть плугъ, требовалось большое искусство, чтобы снова привести воловъ въ порядокъ.

У погонщиковъ длинные бичи, которыми они стегаютъ какъ разъ того вола, который долженъ получить ударъ, кромѣ того, они погоняютъ воловъ всевозможными звуками и воемъ и поднимаютъ большой крикъ.

Жители здѣсь преимущественно земледѣльцы, дома, въ которыхъ они живутъ, становятся выше, и виноградники вокругъ нихъ больше. Здѣсь лѣса дикихъ сливъ и вишенъ; холмы до самой вершины покрыты кустарникомъ.

Солнце жжетъ сильно,—каково-то будетъ дальше, днемъ! Пыльно, но и съ пылью позднѣе будетъ хуже. Мы снова видимъ нашу дорогу на много верстъ впередъ. Она проходитъ по широкой равнинѣ на днѣ ущелья. Мѣстность такая ровная, что Арагва никакъ не можетъ выбраться изъ нея, но извивается поразительными изгибами взадъ и впередъ, взадъ и впередъ, и ищетъ выхода.

Мы спимъ часа два и приѣзжаемъ въ Челканы. Уже полдень, мы вылѣзаемъ. Въ виду жары, Корнѣю нужны четыре часа на отдыхъ, какъ вчера. Еще тридцать пять верстъ до Тифлиса, но половина дороги идетъ подъ гору, а другая половина — равниной, — хорошо, Корнѣю даются четыре часа.

XI.

И здѣсь хозяинъ является съ живымъ цыпленкомъ, предлагая намъ его къ обѣду, и мы опять киваемъ, что цыпленокъ хорошъ. Впрочемъ, потомъ оказывается, что хозяинъ — родившійся на Кавказѣ нѣмецъ и что нѣмецкій — его родной языкъ. Но онъ говоритъ и по-англійски. Такимъ образомъ, здѣсь намъ уже не нужно прибѣгать къ знакамъ.

На станціи появляется жандармскій офицеръ. Онъ разсматриваетъ насъ и ведетъ подозрительный разговоръ съ хозяиномъ. Съ офицеромъ два солдата, съ которыми онъ разговариваетъ отъ поры до времени.

Мое беспокойство снова съ силою пробуждается и отбивает у меня охоту къ цыпленку и къ ѣдѣ и ко всему: эти жандармы, конечно, выѣхали навстрѣчу по распоряженію полицейскаго чиновника, чтобы схватить меня здѣсь. И упрямый же я, заносчивый глупецъ, что не вошелъ вчера въ сдѣлку съ этою ужасною особою! Но теперь уже было поздно. А вообще слѣдуетъ ладить съ ужасными особами и задабривать ихъ и стараться не перечить имъ больше всю жизнь.

Можетъ быть, мнѣ теперь придется кончить свои дни въ русской тюрьмѣ, ѣхать въ цѣпяхъ въ Петербургъ, гдѣ меня похоронятъ заживо въ Петропавловской крѣпости. Я продолблю мой каменный столъ моимъ худымъ локтемъ, когда я буду сидѣть и думать, опирая голову на руку, и испишу стѣны въ моей жалкой камерѣ изреченіями, которыя впоследствии будутъ изслѣдованы и изданы въ видѣ книги. Мнѣ воздадутъ всевозможныя награды послѣ смерти; но что мнѣ въ этомъ пользы теперь? Я никогда не мечталъ о чести въ видѣ моихъ бронзовыхъ статуй во всѣхъ городахъ Норвегіи, напротивъ, всякій разъ, когда я думалъ объ этихъ статуяхъ послѣ моей смерти, я предпочиталъ получить ихъ стоимость теперь же.—Наличныя на столъ! Но теперь моя судьба здѣсь. А что будетъ съ моими научными открытіями для Географическаго Общества? Они будутъ уничтожены, сожжены на моихъ глазахъ палачемъ на каменномъ дворѣ крѣпости. И кругомъ будутъ стоять солдаты со штыками, и прочтутъ приговоръ, и я взойду на костеръ и буду до послѣдняго издыханія говорить: А земля все-таки кругла! И вотъ передъ крѣпостными воротами трубить герольдъ и машетъ платкомъ и скачетъ на взмыленномъ конѣ и кричить: Пардонъ, именовъ императора! И я помилованъ пожизненнымъ заключеніемъ. И тогда я прошу смерти, и стою тамъ съ безпримѣрно гордою осанкою въ огнѣ и прошу смерти вмѣсто жизни. Но, несмотря на мой протестъ, без-

человѣчные палачи берутъ меня и снова уводятъ къ каменному столу, который я источилъ моимъ раздумьемъ...

Пока мы сидимъ за обѣденнымъ столомъ, жандармскій офицеръ черезъ хозяина, какъ переводчика, спрашиваетъ, не видѣли ли мы офицера по дорогѣ.

Я не отвѣчаю и не жую цыпленка, я вдругъ совершенно сытъ. Стало быть, была связь между жандармами и полицейскимъ!

Хозяинъ повторяетъ свой вопросъ.

— Да,—отвѣчаетъ моя спутница,—мы видѣли какого-то офицера.

— Какой онъ былъ? Средняго роста, довольно полный, съ еврейскимъ лицомъ, еврей?

— Да, именно.

Жандармскій офицеръ показываетъ намъ фотографію полицейскаго чиновника, который былъ въ поѣздѣ въ офицерской формѣ. Онъ?

— Да.

Жандармскій офицеръ кланяется и удаляется, онъ снова идетъ къ своимъ солдатамъ и тихо говоритъ съ ними. Потомъ онъ уходитъ на веранду и смотритъ на дорогу: очевидно, онъ ждетъ полицейскаго чиновника каждую минуту.

— Ты такой блѣдный,—говоритъ моя спутница.

Я встаю изъ-за стола и тоже выхожу на веранду. Но я не пошелъ къ лѣстницѣ, чтобы не быть остановленнымъ громовымъ: Стой! Я сѣлъ въ своей бѣдѣ и громко дышалъ.

Кромѣ жандарма, на верандѣ сидитъ молодой англичанинъ, ѣдущій черезъ горы во Владикавказъ. Я завидую его невыразимому спокойствію. Молодой бриттъ, какъ всѣ путешественныя бритты, самодоволенъ, нѣмъ, равнодушенъ ко всему на свѣтѣ. Онъ куритъ свою трубку, и выкуриваетъ ее до конца, и выстукиваетъ ее, и снова набиваетъ ее и продолжаетъ курить, при этомъ онъ до того смѣшонъ, что совершенно не замѣчаетъ насъ остальныхъ, тоже присут-

ствующихъ здѣсь. Я посмѣиваюсь надъ нимъ, желая задѣть его, но онъ дѣлаетъ видъ, что не слышитъ. Гм! говорю я, но онъ не оборачивается. Напротивъ, ему попала пылинка въ глаза, и теперь онъ вынимаетъ карманное зеркальце и, не переставая курить, изслѣдуетъ глаза. Я завидую его пылинкѣ въ глазу. Несомнѣнно, жандармъ—мой врагъ и скоро схватитъ меня; но что онъ могъ подѣлать съ этимъ лично? Тутъ виновата система. Онъ былъ образованный человѣкъ, и взглядывалъ на меня, иногда и, повидимому, проклиналъ свою судьбу. Но для англичанина меня какъ бы не существовало.

Тогда мы слышимъ карету на песчаной дорогѣ; жандармскій офицеръ вскакиваетъ и исчезаетъ въ дверь, какъ бы желая спрятаться. Карета останавливается передъ верандой, и полицейскій чиновникъ вылѣзаетъ. Онъ явился, какъ заранее предупреждалъ, часомъ позже насъ. Проходя мимо меня, онъ, по обыкновенію, приподнимаетъ шляпу и, улыбаясь, замѣчаетъ:

— Какъ сказали: черезъ часъ послѣ васъ.

Онъ вошелъ въ столовую и спросилъ ѣсть.

Тогда я имѣю отсрочку, пока онъ поѣстъ, думаю я, потомъ онъ, скажетъ слово и покажетъ, и подойдутъ жандармы и возьмутъ меня.

Но жандармы въ это мгновеніе исчезли, и офицеръ, и солдаты, какъ въ воду канули. Куда же они дѣвались? Поразительная страна, этотъ Кавказъ! Я сидѣлъ тутъ, плѣнный на верандѣ, и могъ сойти по лѣстницѣ, если бъ захотѣлъ. Мнѣ давали время и возможность предупредить правосудіе и надѣть себѣ петлю на шею и сократить свою жизнь. Они были такъ беззаботны. Но имъ никакъ нельзя было быть безпечными, но ожидать отъ меня всего.

Выходить моя спутница и сообщаетъ мнѣ, что тутъ нѣчто готовится. Жандармскій офицеръ и оба его солдата стоятъ въ сѣняхъ во второмъ этажѣ и прислушиваются сверху и ведутъ себя подозрительно. Можетъ быть, имъ

нужно арестовать кого-нибудь, отвѣчаю я, почти лишившись чувствъ.

Хозяинъ прислуживаетъ полицейскому чиновнику съ величайшей предупредительностью и величаетъ его превосходительствомъ; онъ, конечно, понимаетъ, что имѣетъ дѣло со всемогущимъ человѣкомъ. И его превосходительство важенъ и кратокъ въ своихъ распоряженіяхъ за столомъ и, съѣвъ свой обѣдъ, онъ столь же важно и кратко расплачивается и выходитъ къ намъ на веранду.

Онъ садится рядомъ съ англичаниномъ, который, конечно, не подвигается ни на вершокъ. Онъ вынимаетъ платокъ съ короной и вытираетъ пыль съ лица, потомъ вынимаетъ портсигаръ съ короной и закуриваетъ сигару. И вотъ онъ сидитъ и куритъ и молчитъ.

Моя спутница спускается по лѣстницѣ и направляется въ поле собирать цвѣты. А мы, трое мужчинъ, остаемся сидѣть.

Тогда я вижу, что жандармскій офицеръ украдкой спускается по лѣстницѣ со второго этажа. Гдѣ-то раздается нѣмой крикъ въ моей груди, и я поднимаюсь и стою. Теперь свершилось! Даже хозяинъ появляется въ дверяхъ въ столовую, чтобы быть зрителемъ. Жандармскій офицеръ выходитъ на веранду и останавливается передъ полицейскимъ. Хорошо ли я видѣлъ? Хорошо ли я слышалъ? Онъ кладетъ ему руку на плечо и арестуетъ его. Вы—мой плѣнный!—говоритъ онъ по-французски.

Полицейскій чиновникъ смотритъ на офицера и въ первое мгновеніе вздрагиваетъ. Потомъ стряхиваетъ пепель со своей сигары и отвѣчаетъ:

— Что вы говорите?

— Что я васъ арестую.

— Почему? Что вамъ нужно?

Стоявшая на-готовѣ карета подкатываетъ къ верандѣ, солдаты берутъ полицейскаго чиновника каждый за руку и

уводятъ его внизъ на дорогу; офицеръ идетъ за ними. Я слышу, какъ еврей увѣряетъ жандармскаго офицера, что онъ затѣваетъ опасную затѣю, у него имѣются бумаги, онъ можетъ удостовѣрить свою личность, только дайте срокъ! Четыре челоѣка размѣщаются въ каретѣ, кучеръ щелкаетъ кнутомъ, и карета уѣзжаетъ по направленію къ Тифлису.

Я стоялъ.

Я поворачивался и сюда и туда и искалъ глазами объясненія. Англичанинъ не соблаговолилъ взглянуть, онъ снова сидѣлъ съ карманнымъ зеркальцемъ и изслѣдовалъ свой глазъ. Какъ только ко мнѣ вернулась рѣчь, я спросилъ хозяина, что все это значило. Неужели здѣсь произведенъ арестъ?

Хозяинъ кивнулъ и даже не задумывался.

— Но послушайте!—восклицаю я.—Вы киваете, какъ будто все это пустяки. Взяли да арестовали живого челоѣка въ этотъ мигъ?

— Да. По донесенію изъ Пятигорска,—отвѣчаетъ хозяинъ.

Я не могъ понять такого неслыханнаго дѣянія прямо на нашихъ глазахъ. Если бъ что-нибудь подобное случилось со мною, я бы провалился сквозь землю, сказалъ я.

У хозяина былъ равнодушный видъ.

Тогда я сказалъ:

— Вамъ все кажется, что это пустяки. Какъ, по-вашему, я долженъ былъ перенести подобную вещь? И какъ, по-вашему, моя спутница перенесла бы?

— Нѣтъ-нѣтъ, но вѣдь не васъ же арестовали,—отвѣтилъ хозяинъ и тотчасъ же ушелъ.

Но теперь я радовался и восхищался всѣмъ этимъ. Хотя лихорадка снова завладѣла мной, и я дрожалъ, и все мое тѣло обливалось холоднымъ потомъ, но во мнѣ не было ни одной клѣточки, которая не ликовала бы отъ радости.

Вернулась моя спутница и сказала:

— Краска опять появилась на твоемъ лицѣ.

— Да,—отвѣтилъ я,—мнѣ надоѣло ходить тутъ и молчать и думать о волѣ. Помнишь вола, котораго мы видѣли, ярмо у него оказалось между рогъ, онъ шель со скрученной шеей. Теперь ему хорошо.

— Хорошо? Какъ же это?

— Офицеръ разказывалъ мнѣ. Помнишь, офицеръ изъ поѣзда. Онъ ѣхалъ сейчасъ же за нами, онъ тоже видѣлъ вола.

— Ну и что же?

— Онъ поправилъ ярмо.

— Слава Богу!—сказала моя спутница.

Я тоже былъ доволенъ. Я назвалъ пару блюдъ, которыя я могъ сѣсть теперь, и хотя мнѣ отвѣтили добрымъ советомъ отмѣнить это и, въ виду моей лихорадки, взять что-нибудь другое, но я упорствовалъ въ своемъ безуміи и требовалъ вредныхъ вещей. У меня появился такой чудовищный аппетитъ.

Равнымъ образомъ, мнѣ хотѣлось, чтобы англичанинъ больше не былъ такъ молчаливъ и такъ нелюдимъ. Тѣмъ болѣе, что моя спутница ушла, и у меня было свободное поле дѣйствія. И вотъ я обратился къ англичанину и, чтобы озадачить его, сказалъ:

— А въ Опорто чума. Вы это знаете?

Онъ смотрѣлъ на меня.

Я повторилъ, что въ Опорто чума; но это, повидимому, не испугало его. Онъ продолжалъ курить.

Я досталъ тогда мой номеръ „Новой прессы“ и сказалъ англичанину:

Я какъ разъ обратилъ вниманіе на послѣднія рыночныя цѣны въ Финляндіи,—гуси стоятъ тамъ отъ 1 марки до 1 марки 75 пѣни штука.

Маленькій бриттъ все еще пытался игнорировать меня: но онъ былъ слишкомъ молодъ, онъ не могъ выдержать

характера, и было забавно видѣть, какъ онъ боролся со своимъ неиспытаннымъ достоинствомъ.

— Гуси?—спросилъ онъ.—Въ Финляндіи? Какъ же это?

— Вы ѣдете черезъ горы, сказала я,—потомъ вы проѣдете всю Россію и, наконецъ, пріѣдете въ Финляндію; откуда вы отправитесь домой къ вашему милому и любезнѣйшему народу, англичанамъ. Я хотѣлъ предупредить васъ относительно цѣны въ Финляндіи, чтобы вы знали это, когда будете заказывать обѣды. Помните, что не за пару, а за штуку.

— Сколько, вы сказали?—спросилъ онъ.

— Отъ одной марки до одной марки семидесяти пяти.

— Сколько это на англійскія деньги?

Я приблизительно зналъ и могъ сказать ему.

— Я не ѣду въ Финляндію,—сказалъ онъ.

Было невозможно вовлечь его въ бесѣду.

Я могъ, пожалуй, найти у него интересъ къ чему-нибудь другому, подумалъ я, и началъ читать въ газетѣ *О военныхъ службахъ изъ Трансваали*. И вотъ я прочелъ это, и перевелъ ему и терзалъ его незнаніемъ самыхъ простыхъ словъ на его языкѣ, и призывалъ его на помощь. Наконецъ, онъ сидѣлъ совершенно тупо и на всѣ мои обращенія отвѣчалъ: Да. И вотъ онъ всталъ и потребовалъ, чтобы ему подали его телѣгу, я выжилъ его. Уходя, онъ хотѣлъ собрать остатки своего великобританскаго характера: онъ снова не замѣчалъ меня. Тогда я сказалъ:

— Счастливаго пути! Не забывайте вѣжливо кланяться, когда будете приходить и уходить. Таковъ обычай на свѣтѣ.

Онъ покраснѣлъ, какъ ракъ, и, въ замѣшательствѣ, слегка приподнялъ свою шляпу.

И уѣхалъ...

Я видѣлъ однажды англичанина на конкѣ въ Мюнхенѣ, онъ былъ художникъ, живописецъ, ему нужно было въ галлереею Шака. Мы ѣдемъ по улицѣ полнымъ ходомъ,

ребенокъ, маленькая дѣвочка чуть была не раздавлена, она падаетъ, оказывается подъ лошадьми, онъ ее топчутъ, калѣчатъ; но намъ удается вытащить ее живой. Въ это время бриттъ стоитъ и курить свою трубку. Когда все готово и проходитъ одно мгновеніе, пока кучеръ ѣдетъ дальше, то бриттъ раздраженно смотритъ на свои часы. Всѣ мы смотримъ на него, но для него насъ не существуетъ, на своемъ поразительномъ англо-нѣмецкомъ языкѣ онъ требуетъ деньги обратно, онъ хочетъ уходить. Тогда одинъ пассажиръ протягиваетъ ему истраченную имъ сумму. Онъ бросаетъ на пассажира равнодушный взглядъ, медленно отводитъ свои глаза и не беретъ денегъ. Его ничуть не трогаетъ закипѣвшее вокругъ него негодованіе, и эта его стойкость, конечно, встрѣтила бы одобреніе у всѣхъ его соотечественниковъ: правильно, будь только стоекъ, Джонъ! Онъ простоялъ въ конкѣ до самаго мѣста своего назначенія. Тогда онъ сошелъ.

Часто, конечно, хорошо, и даже лучше, что не слишкомъ много народа бросается на мѣсто катастрофы. Но всѣ могутъ, безъ запрета, забыть докурить свои трубки, всѣ могутъ, смотрѣть, почувствовать маленькую дрожь. Всѣ. Безъ запрета.

Будь я англійскимъ королемъ, я бы шепнулъ на ушко своему народу маленькій совѣтъ. И мой народъ сталъ бы самымъ великолѣпнымъ народомъ на свѣтѣ.

Теперь насъ нагоняетъ карета, обогнавшая насъ вчера. Русская семья обѣдаетъ, даетъ лошадямъ только три четверти часа на отдыхъ и должна снова ѣхать. Теперь и Корнѣй подаетъ свою карету и хочетъ уѣзжать одновременно. Остаются еще три четверти до четырехъ, какъ онъ требовалъ; но теперь Корнѣй уступчивѣе, онъ хочетъ воспользоваться случаемъ имѣть попутчиковъ. Онъ останавливается сзади другой кареты и киваетъ намъ. Мы предоставляемъ ему кивать. Онъ начинаетъ звать, ругаться, онъ даже по-

сылаетъ русскихъ поговорить съ нами на европейскомъ языкѣ и сдвинуть насъ съ мѣста. Но мы неподвижны. Русскіе уѣзжаютъ.

Корнѣй остается и смотритъ на уѣзжающую карету и, въ бѣшенствѣ, бранитъ насъ. Мы предоставляемъ ему браниться. У него все навыворотъ, у Корнѣя: не выговори онъ четырехъ часовъ, онъ самъ взялъ бы ихъ, теперь же, когда онъ получилъ ихъ, они ему ненужны. Но если онъ ждалъ какой-нибудь прибавки за то, что онъ не везъ насъ въ пыли отъ предыдущей кареты, то онъ ошибался. Онъ не получить никакой прибавки. Потому что всю дорогу онъ дѣлалъ все наоборотъ.

*

Но мы пытаемъ Корнѣя не больше получаса, и ѣдемъ. И Корнѣй угрюмъ и золь и ѣдетъ порядочно, какъ бы желая догнать первую карету и позлить насъ. И мы предоставляемъ ему ѣхать. Если мы хорошо знаемъ Корнѣя, то ему скоро надоѣстъ гнать своихъ лошадей, слишкомъ скоро.

Мы ѣдемъ по широкой равнинѣ и видимъ, какъ дорога, желтѣетъ далеко впереди насъ въ зеленой мѣстности. Немного спустя, намъ попадается кукуруза. Мы теперь на высотѣ Тифлиса, около четырехсотъ пятидесяти метровъ надъ уровнемъ моря; начиная отсюда, у насъ ровная дорога. Земля здѣсь плодородная; кукуруза, которой, по старой поговоркѣ, нужно сто дней тепла, хорошо созрѣваетъ здѣсь. Вдоль дороги стоятъ пирамидальные тополя, ивы, дикія фруктовыя деревья, низкіе холмы; передъ нами синѣютъ вдали горы, но и онѣ кажутся низкими.

У одного водопоя Корнѣй слѣзаетъ, осматриваетъ каждую лошадь и поливаетъ имъ головы водою. Онъ снова обнаруживаетъ свою молоканскую предосторожность, замѣчая, что его слишкомъ быстрая ѣзда не можетъ вызвать нашего

протеста, и начиная отсюда, онъ ѣдетъ ровно, какъ прежде. А можетъ быть такъ и нужно, жара нестерпима, мы должны держать руки подъ фартукомъ, иначе солнце жжетъ сквозь перчатки.

Мы видимъ вдали замокъ съ огромными башнями, вообще же мы видимъ одни луга, поля, изрѣдка нѣсколько деревьевъ, маленькіе грузинскіе домики изъ кремня и глины, пашущихъ воловъ.

Нѣсколько разъ намъ встрѣчаются повозки съ парусиновымъ верхомъ, влекомыя волами, которые плетутся лѣнивымъ шагомъ. Въ возахъ сидятъ и лежатъ люди другого типа, цыгане, рыжеватые кочевые татары. На одномъ возу было десять человѣкъ. Одна молодая дѣвушка въ красномъ платкѣ, красивая и прямая, сидитъ и смѣется намъ, показывая бѣлые зубы.

Мы подѣзжаемъ къ развалинамъ огромнаго замка изъ камня и глины, къ хаосу распавшихся стѣнъ. Стѣны потрескались, но нѣкоторыя изъ нихъ еще вздымаются метровъ на пятьдесятъ; два изъ множества выступаютъ, кажется, вотъ-вотъ обрушатся. Можетъ быть, это—одинъ изъ многочисленныхъ въ Грузіи и на Кавказѣ дворцовъ царицы Тамары. Немного дальше отъ этихъ развалинъ мы встрѣчаемъ два храмообразныхъ строенія, окруженныхъ множествомъ человѣческихъ жилищъ: это монастырь и церковь по обѣ стороны дороги, оба очень похожіе другъ на друга своей старинной и странной внѣшностью. Множество домовъ вокругъ нихъ портитъ ихъ видъ, нѣкоторые изъ нихъ въ два этажа, всѣ—въ современномъ стилѣ, со ставнями и черепичными крышами, всѣ скучные, всѣ глупые, безъ стыда, какъ выродки.

Потомъ мы приближаемся къ большому замку, который мы видѣли вдали. Это не развалины, но цѣлая сѣть надстроекъ, то круглыхъ, то четырехугольныхъ, но огромная главная часть—круглая и напоминаетъ замокъ Св. Ангела въ Римѣ. Замокъ хорошо сохранился и въ немъ живутъ,

это—замокъ Арма-Цике, самая старая резиденція въ краѣ. Мы слышали, что теперь онъ обращенъ въ монастырь, но я не знаю подробностей.

Теперь мы проѣзжаемъ лѣсопильную мельницу. Она работаетъ не паромъ и не водой, она работаетъ человѣческой силой. Четыре человѣка стоятъ по два съ каждой стороны исполинской пилы и пилятъ доски. Они стоятъ съ непокрытыми головами, въ красныхъ фланелевыхъ платьяхъ съ ногъ до головы. Ихъ видъ и ихъ вѣчное движеніе вверхъ и внизъ надъ пилой дѣлаетъ ихъ похожими на вырѣзанныя изъ дерева и окрашенныя въ красный цвѣтъ куклы.

Наконецъ мы добираемся до станціи Мчета.

Здѣсь Корнѣй въ послѣдній разъ пытается выжать изъ насъ маленькую пользу: онъ оборачивается на козлахъ и предлагаетъ намъ ѣхать отсюда до Тифлиса по желѣзной дорогѣ. Тогда намъ нужно было бы сначала заѣхать въ городъ, а потомъ на вокзалъ, расположенный нѣсколько въ сторонѣ, потомъ ждать поѣзда, возиться въ жару съ чемоданами и прочими вещами, потомъ снова тратиться на билеты, — я снова поворачиваю Корнѣю носъ прямо впередъ и говорю слово, которымъ все сказано: Тифлисъ! И Корнѣй угрюмъ и золъ и снова ѣдетъ нѣсколько быстрее.

Города Мчета мы почти не видѣли. Онъ расположенъ при впаденіи Арагвы въ Куру, онъ—одно изъ самыхъ древнихъ мѣстъ въ Грузіи и, раньше Тифлиса, былъ столицею края. Я читалъ, что городъ теперь бѣденъ и въ развалинахъ; говорятъ, самое важное зданіе въ немъ — соборъ IV вѣка. Здѣсь гробница грузинскихъ царей.

Немного впереди Мчета мы снова подъѣзжаемъ къ шлагбауму, гдѣ Корнѣю приходится показывать квитанцію на уплоченныя деньги. По насыпи проходитъ поѣздъ изъ Баку, мы насчитываемъ сорокъ шесть сѣрыхъ цилиндрическихъ керосиновыхъ вагоновъ-цистернъ въ поѣздѣ. Мы попадаемъ въ ужасную вонь керосина.

Телеграфъ теперь въ двѣнадцать проволокъ. Мы приближаемся къ Тифлису.

Всю дорогу мы ѣдемъ вдоль р. Куры. Кура величава и красива. Мы должны пересѣчь полотно желѣзной дороги; но спускается шлагбаумъ передъ прибывающимъ поѣздомъ, и мы должны ждать. Проносится поѣздъ, въ немъ снова сорокъ восемь керосиновыхъ вагоновъ, онъ грохочетъ среди холмовъ, какъ водопадъ. Потомъ шлагбаумъ поднимается, и мы ѣдемъ дальше.

Теперь мы видимъ вдали Тифлисъ, какъ точку, какъ отдѣльный міръ. Надъ городомъ виситъ туча дыма. Стало быть, это — Тифлисъ, который описывали многіе русскіе поэты, и гдѣ происходитъ дѣйствіе столько русскихъ романовъ. Въ одинъ мигъ я становлюсь, какъ юноша, и смотрю изумленно впередъ и слышу, какъ стучитъ мое сердце. У меня то же ощущеніе, съ какимъ я въ первый разъ собирався слушать лекцію Георга Брандеса. Это было въ одной изъ университетскихъ аудиторій въ Копенгагенѣ. Мы безконечно долго стояли подъ дождемъ на улицѣ. Вдругъ дверь раскрылась, и мы побѣжали вверхъ по лѣстницѣ, по коридору, въ какой-то залъ, гдѣ я нашель себѣ мѣсто. Потомъ долго ждали снова, залъ наполнялся, стоялъ гулъ и ропотъ голосовъ. Вдругъ наступила тишина, мертвая тишина, и я слышалъ, какъ билось мое сердце. И вотъ онъ взошелъ на кафедру... Но оказалось, что я самъ могъ бы говорить гораздо лучше. Разумѣется.

Мы ѣдемъ по бесплодной и пустынной песчаной равнинѣ, надъ дорогой стоитъ густая и неподвижная пыль, мы встречаемъ почву. Вооруженный ящикъ наигрываетъ мелодію на своей зурнѣ, я снимаю шляпу, ящикъ кланяется въ отвѣтъ, и онъ продолжаетъ играть и проѣзжаетъ. Мы встречаемъ много и много воловъ, ословъ и погонщиковъ, экипажей, всадниковъ, рабочихъ возовъ съ кладью. Мы встречаемъ также пьяныхъ, чего мы не видѣли во всю поѣздку черезъ

горы. И вот мы въѣжаемъ въ городъ. Уже темнѣетъ, на улицахъ и въ домахъ зажигаютъ огни, взадъ и впередъ спуютъ люди. И отъ поры до времени идетъ персь по улицѣ, въ большомъ тюрбанѣ, съ длинною бородой и невозмутимымъ спокойствіемъ. Онъ идетъ своей походкой, какъ верблюдъ.

И вотъ мы расплачиваемся съ Корнѣемъ. Получивъ плату, онъ требуетъ на чай. Я велю переводчику отвѣтить, что Корнѣй не заслужилъ никакихъ денегъ на чай. Но когда ему объясняютъ, въ чемъ заключается его незаслуженность, то у него такой видъ, будто онъ во всю свою жизнь не возилъ болѣе непорядочной княжеской четы. Онъ ничего не понимаетъ. Но онъ все-таки получаетъ рубль на молоко. Но Корнѣй Григорьевичъ недоволенъ такой маленькой подачкой, и онъ ругается такъ долго и такъ краснорѣчиво, что его, наконецъ, выводятъ изъ гостиницы.

XII.

Было слишкомъ жарко сегодня ночью, я спалъ спокойно. Я неоднократно просыпался, вытирался, отдувался и пыхтѣлъ и снова засыпалъ.

Когда я разъ проснулся, моя спутница сидѣла и читала книгу при лампѣ. Я былъ слишкомъ скованъ сномъ и лихорадкой, чтобы выяснитъ значеніе этого сумасбродства. Неужели тутъ были тайкомъ привезенныя книги, тогда какъ я все время морилъ себя старымъ номеромъ „Новой Прессы“? Никогда не слѣдуетъ имѣть спутниковъ во время путешествія, спутники думаютъ только о себѣ и берутъ лучшіе куски!

Послѣ тревожнаго полусна, я снова просыпаюсь и озираюсь кругомъ. Уже довольно свѣтло, пять часовъ. Я вскакиваю и одѣваюсь. Потомъ я говорю черезъ комнату, обращаюсь къ другой стѣнѣ и сообщаю, что больше невозможно спать.

Тогда моя спутница спрашиваетъ:

— Что это за полисмэна ты встрѣтилъ въ дорогѣ?

— Полисмэна? Вотъ какъ, ночнымъ чтеніемъ былъ мой дневникъ! Я ничего не сообщалъ о полицейскомъ чиновникѣ, конечно, нѣтъ, я пощадилъ другихъ и одинъ хранилъ тайну въ моей груди; развѣ я не имѣю права на признательность?

— Право же, не годится лгать такъ грубо—слышу я потомъ отъ стѣны.—И твоей поѣздкѣ въ горы изъ Коби я тоже не вѣрю.

Объ этой поѣздкѣ я тоже ничего не сообщалъ. Я предпринялъ эту поѣздку съ научной цѣлью, съ радостью принесъ въ жертву сонъ одной ночи, чтобы быть опорой Географическаго Общества, безропотно переносилъ всякія невзгоды,—такъ-то ведетъ себя истинный открыватель.

— Вдобавокъ,—говоритъ мой спутникъ,—вдобавокъ мнѣ кажется, что ты описываешь слишкомъ много мелочей.

Тогда чаша переполнилась. Моя добрая спутница воспользовалась ночнымъ часомъ, когда болѣзнь и лихорадка помѣшали мнѣ защититъ себя и свои вещи, и перерыла весь мой дорожный архивъ. Хорошо же! Но моя добрая спутница хотѣла еще внушить мнѣ неувѣренность въ самомъ себѣ въ вопросѣ о моей способности вести превосходный дневникъ. Тогда чаша переполнилась.

— Я уйду въ городъ, — сказалъ я и со строгимъ видомъ ушелъ изъ комнаты...

* Гостиница еще спала; но когда я спустился въ переднюю, выскочилъ швейцаръ и протиралъ глаза. Онъ былъ изъ тѣхъ пройдохъ въ гостиницахъ на Востокѣ, бѣгло говорящихъ на такомъ французскомъ языкѣ, какой только можно встрѣтить. Я молчу, потому что я не могу отвѣтить даже однимъ словомъ на тысячу; я только дѣлаю знакъ открыть дверь. Выйдя на улицу, я связалъ все, что сказалъ мнѣ этотъ человѣкъ: онъ въ одинъ пріемъ поздоровался со

мною, высказался о погодѣ, освѣдомился, хорошо ли я спалъ, предложилъ мнѣ свои услуги въ качествѣ переводчика по городу. Я только это и понялъ; но очень многого я не уловилъ. Да—теперь я помню, что онъ еще хотѣтъ вычистить мои башмаки.

Еще такъ рано,—но народъ уже сидитъ у своихъ дверей и разговариваетъ или бродитъ по улицамъ, кавказцы не спятъ. Солнце еще не всходило, но было теплое, ясное утро. Напротивъ гостиницы расположенъ большой паркъ, и я направляюсь туда, пересѣкаю его и выбираюсь на другую сторону. Большинство встрѣчныхъ людей ходятъ въ кавказскомъ платьѣ съ оружіемъ; нѣкоторые же одѣты по-европейски и носятъ котелки; офицеры въ черкесской формѣ. Я почти не вижу женщинъ.

Я собственно имѣлъ въ виду, до завтрака, изучить городъ вдоль и поперекъ, но я скоро убѣдился, что это неисполнимо; я почувствовалъ голодъ и купилъ мѣшочекъ винограда, которымъ и подкрѣпился, но, какъ сѣверянину, мнѣ нужно было мяса и много хлѣба, чтобы быть сытымъ. Я обошелъ паркъ и вернулся въ гостиницу.

Еще никто не вставалъ. Въ передней швейцаръ снова принялся за свой французскій языкъ, но, чтобы спастись отъ него, я толкнулъ какую-то дверь и очутился въ читальнѣ. Здѣсь я нашелъ на одномъ изъ столовъ Бѣдекера по Россіи и Кавказу; я раскрылъ на Тифлисъ и сталъ читать.

Моя собственная гостиница, Лондонъ, была снабжена звѣздочкой. Въ городѣ было 160 тысячъ жителей, изъ которыхъ мужчинъ было вдвое больше, чѣмъ женщинъ. Въ городѣ говорили на 70 языкахъ. Средняя температура лѣта была 21 и средняя температура зимы—1 градусъ. Тифлисъ находился подъ властью римлянъ, персовъ и турокъ, и теперь находится подъ властью русскихъ. Своимъ развитіемъ въ новѣйшее время онъ обязанъ своему благоприятному

положенію въ качествѣ перекрестка на торговыхъ трактахъ отъ Каспійскаго и Чернаго морей, отъ армянскаго плоскогорья и, чрезъ Кавказскія горы, отъ Россіи. Въ городѣ великолѣпный музей, театръ, картинная галлерей, ботанической садъ, цитадель. Въ городѣ имѣется еще дворецъ грузинскихъ царей, но теперь онъ обращенъ въ тюрьму. Въ городѣ, наконецъ, имѣется статуя какого-то русскаго генерала. Но высоко, высоко надъ городомъ расположенъ Давидовъ монастырь. Онъ расположенъ на священной для грузинъ горѣ Мтацминдѣ. У монастыря стоитъ памятникъ Грибоѣдова.

Я закрываю Бѣдекера и вспоминаю, что я читалъ о Грибоѣдовѣ. Немного. Только то, что онъ написалъ „Горе отъ ума“, эту единственную общественную сатиру, сдѣлавшую его имя въ Россіи бессмертнымъ. Этихъ хитрыхъ словъ *горе отъ ума* я не понимаю; но книга переведена подъ заглавіемъ *Проклятіе Генія* или похожимъ заглавіемъ, различнымъ на различныхъ языкахъ. Грибоѣдовъ былъ женатъ на княжнѣ изъ Тифлиса, и ей было только шестнадцать лѣтъ. Онъ былъ посломъ въ Персію, гдѣ былъ убитъ чернью тридцати пяти лѣтъ отъ роду, но вдова прожила еще двадцать восемь лѣтъ и отказывала всѣмъ женихамъ. Потомъ она поставила мужу прекрасный памятникъ у Давидова монастыря. На немъ имѣется ея надпись объ его незабвенности.

Я начинаю вспоминать много русскихъ поэтовъ, бывавшихъ здѣсь, въ Тифлисъ, Пушкина, Лермонтова, Толстого и много другихъ. И, наконецъ, я сижу долго и составляю для самого себя нѣкоторое понятіе о русскомъ творчествѣ вообще. Еще такъ рано, я еще одинъ занимаю эту маленькую комнату, весьма подходящую для составленія маленькаго понятія, потому что она такая милая и тѣсная и въ ней даже нѣтъ ни одного окна, открытаго на улицу.

*

Русское творчество вообще такъ огромно и такъ трудно

обнять его. Нѣсколько широкое,—это зависитъ отъ простора русской земли и русской жизни. Здѣсь—безпредѣльность во всѣ стороны. Я оставляю нѣсколько въ сторонѣ Ивана Тургенева. Онъ былъ европеецъ, настолько же французъ, какъ и русский. Его люди не отличаются непосредственностью, этой склонностью къ бездорожью, къ „неуравновѣшенности“, присущей единственно русскому народу. Возможно ли въ другой странѣ, чтобы пьяница, котораго нужно арестовать, освободился тѣмъ, что сталъ бы обнимать полицмана по серединѣ улицы и цѣловать его и просить прощенія? Герои Ивана Тургенева—мягкіе и удивительно прямолинейные люди, они думаютъ и поступаютъ уже не по-русски. Но они такъ пріятны, настолько логичны, настолько французы. Тургеневъ не былъ сильный умъ, но онъ былъ доброе сердце. Онъ вѣрилъ въ гуманизмъ, въ изящную литературу, въ западно-европейское развитіе. Въ то же самое вѣрили и его французскіе современники, но не всѣ русскіе, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ Достоевскій и Толстой, опровергали его прямолинейность. Гдѣ западно-европеецъ видѣлъ спасеніе, они видѣли безнадежность. И они впали въ самое несвоевременное богопочитаніе семидесятыхъ годовъ: почитаніе Бога. Иванъ Тургеневъ былъ твердъ, онъ нашель ясный широкій путь, который тогда находила посредственность вообще, и дорога годилась для него, и онъ пошелъ по ней. Рассказываютъ, что когда онъ, окончивъ берлинскій университетъ, вернулся на родину, онъ „привезъ съ собой свѣжій воздухъ культуры“. И лежа на своемъ смертномъ одрѣ, онъ написалъ Толстому трогательное письмо, гдѣ умолялъ его вернуться къ своей прямолинейности и заняться больше беллетристикой. Онъ былъ бы такъ счастливъ, писалъ онъ, если бъ его мольба была услышана.

Когда Тургеневъ умиралъ, то умиралъ искренно вѣрующій.

Но Достоевскій умиралъ, какъ фанатикъ, безумецъ, гений.

Онъ былъ такой же разорванный и безудержный, какъ его герои. Его славянофильство было, пожалуй, нѣсколько слишкомъ истерично, чтобы быть глубокимъ, это было раздражительное упрямство болѣзненного гения, онъ кричалъ о немъ, шипѣлъ о немъ. И его вѣра въ русскаго Бога была, можетъ быть, не тверже, чѣмъ вѣра Тургенева въ Бога Европы, иначе говоря, они оба вѣрили непреложно. Гдѣ онъ—какъ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“—хочетъ быть философомъ, онъ обнаруживаетъ поразительную запутанность. Онъ болтаетъ, говоритъ, пишетъ въ одинъ приемъ. Пока опять не попадаетъ въ область—гдѣ вся сила его пера. Никогда человѣческая сложность не была такъ тщательно расчленена, какъ у него, психологическое чутье его всеильно, ясновидяще. При попыткѣ опредѣлить его не оказывается мѣрки, онъ—единственный. Его современники хотѣли измѣрить его, но имъ не удалось, потому что онъ былъ такъ непростительно великъ. Представьте, былъ человекъ, котораго звали Некрасовымъ, редакторъ журнала „Современникъ“. Однажды является къ Некрасову молодой человекъ и передаетъ ему рукопись, человекъ зовутъ Достоевскимъ, а свою рукопись онъ назвалъ „Бѣдными людьми“. Некрасовъ читаетъ, пораженъ, ночью же бѣжитъ въ городъ и будить великаго Бѣлинскаго восклицаніемъ: у насъ появился новый Гоголь! Но Бѣлинскій, какъ подобаетъ критику, скептикъ, и только прочтя рукопись, онъ сталъ радоваться вмѣстѣ съ Некрасовымъ. При первой своей встрѣчѣ съ Достоевскимъ онъ горячо привѣтствовалъ молодого автора; но тотъ сейчасъ же оттолкнулъ отъ себя великаго критика тѣмъ, что считалъ себя гениемъ. Ни больше, ни меньше. Маленькій великій Бѣлинскій не нашель у Достоевскаго общепринятой скромности. Онъ былъ внѣ мѣрила, единственный. Но тогда, какъ я читалъ, Бѣлинскій сталъ очень сухъ. Какое несчастье! писалъ онъ, Достоевскій—несомнѣнный талантъ; но если онъ уже теперь воображаетъ себя гениемъ, вмѣсто того,

чтобы работать над своимъ развитіемъ, то онъ далеко не уйдетъ!—И Достоевскій вообразилъ себя гениемъ, и работалъ надъ своимъ развитіемъ и такъ далеко ушелъ, что еще никто не возвысился до него. Богъ знаетъ, если бъ Достоевскій не вообразилъ себя гениемъ, сталъ бы ли онъ приниматься за разрѣшеніе *величайшихъ* задачъ. И теперь вотъ у него двѣнадцать томовъ, и ихъ нельзя даже сравнивать съ двѣнадцатью томами другого автора. Нѣтъ, даже съ двадцатью четырьмя томами другого. Вотъ, на примѣръ, маленький рассказъ „Кроткая“. Крошечная книжечка. Но она слишкомъ велика для всѣхъ насъ, слишкомъ недосыгаемо велика. Пусть всѣ признаютъ это.

Однако, это выраженіе Бѣлинскаго восхитительно, думаю я, сидя здѣсь,—утвержденіе, что Достоевскій не далеко уйдетъ, если онъ уже теперь вообразилъ себя гениемъ, вмѣсто того, чтобы работать надъ своимъ развитіемъ. Бѣлинскій читалъ и изучалъ то, что было ходячимъ представленіемъ въ Западной Европѣ въ его время. Столько-то фунтовъ англійскаго ростбифа въ недѣлю, прочесть столько-то книгъ, осмотрѣть столько-то галлерей, столько-то „культурнаго воздуха“,—таково „развитіе“ генія. Достоевскому слѣдовало поучиться кое-чему, и прежде всего скромности, что въ глазахъ всѣхъ рядовыхъ людей является добродѣтелью...

И я думаю о Толстомъ. И я не могу отдѣлаться отъ подозрѣнія, что въ жизнь этого великаго художника вкралось нѣчто поддѣльное, произвольно ложное. Первоначально это могло произойти отъ искренней безпомощности; что-нибудь должно было овладѣть сильнымъ человѣкомъ, и когда мірскія радости были исчерпаны, то онъ со всей своей врожденной прямою впалъ въ религіозное ханжество. Вначалѣ онъ, конечно, проигрывалъ мало, но онъ былъ слишкомъ силенъ, чтобы остановиться, и вотъ это стало его привычкой, можетъ быть, даже его природой. Опасно начинать игру. Генрикъ Ибсенъ довелъ ее до того,

что годами, въ опредѣленный часъ, сидѣлъ сфинксомъ на опредѣленномъ стулѣ въ опредѣленномъ кафе въ Мюнхенѣ. Потомъ ему пришлось продолжать игру; и когда онъ уѣхалъ, ему и впредь пришлось сидѣть на людяхъ сфинксомъ въ опредѣленный часъ и на опредѣленномъ стулѣ. Потому что люди ждали этого. Иногда это, можетъ быть, ужасно мучило его; но онъ былъ слишкомъ силенъ, чтобы перестать. Ахъ, что—за силачи, эти Толстой и Ибсенъ! Многіе другіе во всякомъ случаѣ не могли бы вести подобной игры болѣе одной недѣли. А можетъ быть оба они проявили бы больше силы, еслибъ остановились во-время. Къ несчастью, они теперь возбуждаютъ насмѣшку, какъ у меня, такъ и у другихъ обыкновенныхъ людей. Конечно, они достаточно велики, чтобы вынести это; насъ самихъ засмѣютъ въ свою очередь. Но будь они нѣсколько болѣе велики, они, пожалуй, не стали бы относиться къ самимъ себѣ такъ ужъ серьезно. Они бы улыбнулись слегка своему собственному многолѣтнему чудачеству. То, что они внушаютъ другимъ, а въ заключеніе и самимъ себѣ, что эта ихъ игра составляетъ ихъ необходимость, вскрываетъ недостатокъ въ ихъ личности, который умаляетъ ихъ, унижаетъ ихъ. И только великимъ художественнымъ произведеніемъ и можно возмѣстить этотъ ущербъ. Стояніе на одной ногѣ, — поза, естественное положеніе — стояніе на двухъ ногахъ безъ гримасъ.

„Война и миръ“, „Анна Каренина“—болѣе великихъ произведеній въ своемъ родѣ никто не создавалъ. И ничего удивительнаго, что впечатлительный коллега даже на смертномъ одрѣ проситъ больше такихъ. Но когда я теперь сижу здѣсь и думаю объ этомъ, я могу съ радостью понять и съ радостью простить Толстому его отвращеніе сидѣть и создавать людямъ даже самую великолѣпную художественную произведенія. Поставлять изящную литературу могутъ другіе, кто чувствуетъ себя при этомъ хорошо, кто высоко

цѣнить эту дѣятельность и находить въ ней высокую честь. Но съ чѣмъ я, по моему разумѣнію, несогласенъ, это съ суетной попыткой великаго поэта сочинять философію, мышленіе. Она-то и искажаетъ его положеніе въ позу. Онъ раздѣляетъ судьбу Ибсена. Ни одинъ изъ нихъ не—мыслитель, но они оба стоятъ на одной ногѣ и хотятъ стоять такъ. Они будто глубже отъ этого, они думаютъ, что такъ лучше. И вотъ мы, остальные, настолько малы, что смѣемся надъ ними—хотя они такъ велики, что переносятъ это. Мышленіе—одно, а резонерство другое. И мечтаніе—третье. Они—мечтатели; но таковы многіе. Одинъ крестьянинъ изъ Гудбрансдалена мечталъ всю свою жизнь, и у него была такая хорошая голова, что всѣ говорили о немъ. И любовь у него была столь же большой, какъ у любого поэта. Между прочимъ онъ самостоятельно выдумалъ часы, которые должны были показывать время на всѣ четыре стороны сразу. Онъ былъ въ горахъ и везъ домой сѣно скотинѣ, когда онъ выдумалъ это. И когда онъ потомъ рассказывалъ объ этомъ событіи, то плакалъ въ своей великой мечтательности, и всегда прибавлялъ, что онъ и въ этотъ день везъ домой сѣно съ горъ. И онъ казался диковинкой и самому себѣ и жителямъ всего прихода.

Философія Толстого—смѣсь изъ старыхъ избитыхъ истинъ и поразительно несовершенныхъ собственныхъ измышленій. Не даромъ онъ принадлежитъ къ народу, который за всю свою историческую жизнь не выставилъ ни одного мыслителя. Какъ равнымъ образомъ и народъ Ибсена. И Норвегія и Россія создали много великаго и хорошаго, но лишь ни одного мыслителя. До появленія обоихъ великихъ поэтовъ, Толстого и Ибсена.

Мнѣ вполне понятно, что поэты стали мыслителями въ этихъ странахъ: у насъ не было никого другого, пригоднаго для этого. И это не произвольный выборъ, въ этомъ большая послѣдовательность, что мыслителями стали поэты,

а не сапожники. И я могъ бы даже объяснить, какъ это, на мой взглядъ, произошло. Но я долженъ еще разъ посмотреть, хорошо ли закрыты окна, прежде чѣмъ излагать это.

Кто жилъ достаточно долго, чтобы помнить семидесятые годы, тотъ знаетъ, какая переменна произошла съ поэтами, начиная съ этого времени. До этого они были пѣвцами, выразителями настроенія, рассказчиками, потомъ они увлеклись духомъ времени и стали работниками, воспитателями, реформаторами. Это англійская философія съ ея стремленіемъ къ практической пользѣ и счастью начала руководить людьми и преобразовывать литературы. Появилось творчество, гдѣ было мало фантазіи, но много старанія и много здраваго разсудка. Можно было писать обо всемъ, что валялось подъ ногами обыкновеннаго человѣка, лишь бы оставаться „вѣрнымъ дѣйствительности“, и это создало множество великихъ писателей во всѣхъ странахъ. Литература раздулась. Она популяризировала науку, занималась общественными вопросами, преобразовывала учрежденія. Въ театрѣ можно было видѣть спинной хребетъ доктора Ранка и мозгъ Освальда въ драматическомъ обличіи, въ романахъ было еще больше свободнаго простора, простора даже для обсужденій объ ошибкахъ въ переводѣ библіи. Поэты стали людьми съ сужденіемъ обо всемъ; люди спрашивали себя иногда, что поэты думали о теоріи эволюціи, что Зола подмѣтилъ въ законахъ наслѣдственности, что Стриндбергъ открылъ въ химіи. Все это привело къ тому, что поэты передвинулись на другое мѣсто въ жизни, котораго они раньше никогда не занимали. Они стали руководителями народовъ, они знали все и поучали всему. Журналисты интервьюировали ихъ о вѣчномъ мирѣ, о религіи, о всемірной политикѣ, и если въ иностранной газетѣ иногда появлялась замѣтка о нихъ, то отечественныя газеты видѣли въ этой замѣткѣ доказательство того, что за молодцы ихъ поэты.

Наконецъ, люди должны были проникнуться представлениемъ, что ихъ поэты—завоеватели міра, они неотразимо проникали въ духовную жизнь эпохи, они приводили народы въ мечтательность. Это повседневное бахвальство должно было, наконецъ, повліять на людей, у которыхъ уже и безъ того была склонность къ поэѣ. Какимъ изумительнымъ молодцомъ ты сталъ! говорили они сами себѣ; но объ этомъ пишутъ во всѣхъ газетахъ и говорятъ всѣ люди, значитъ, это такъ! И разъ у народовъ не было другихъ людей мысли, то поэты стали еще и мыслителями. И они заняли это мѣсто безъ отговорокъ и безъ улыбки. У нихъ, можетъ быть, была философская подготовка, какая вообще бываетъ у образованныхъ людей, и съ нею-то, какъ съ основаніемъ, они становились на одну ногу, морщили лобъ и возвѣщали своему вѣку философію.

Такимъ-то, въ общихъ чертахъ, образомъ все это и случилось. А разъ игра была начата, необходимо было продолжать ее. Хотя было бы больше величія и силы прекратить ее.

Великій поэтъ Толстой—и его не миновала судьба умирить себя, въ качествѣ мыслителя. Его врожденная склонность къ этой профессіи многимъ другимъ представляется гораздо меньшею, чѣмъ, можетъ быть, представляется ему самому; я не знаю, что думаютъ другіе, но я допускаю это. Отъ поры до времени въ газетахъ появляются разные образцы его мышленія, и кромѣ того онъ нерѣдко пишетъ книгу, гдѣ онъ излагаетъ свои сужденія объ этой жизни и грядущей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ обнародовалъ свое знаменитое ученіе о безусловномъ цѣломудріи, о полномъ половомъ воздержаніи. Когда противъ этого ученія возражали, что земля въ такомъ случаѣ стала бы пустыней, то мыслитель отвѣтилъ: Да, въ этомъ-то и суть, она должна стать пустыней!—Ахъ, старое ученіе!

Одинъ маленькій эскизъ Толстого носитъ заглавіе,

„Много ли земли нужно одному человѣку?“ Рѣчь идетъ объ одномъ крестьянинѣ, Пахомѣ, который находитъ, что у него слишкомъ мало земли, и вотъ онъ прикупаетъ пятнадцать десятинъ. Черезъ нѣкоторое время у него возникаетъ ссора съ его сосѣдями, послѣ чего онъ рѣшаетъ купить еще и ихъ землю, и теперь онъ становится маленькимъ помѣщикомъ. Но когда прошло еще нѣкоторое время, къ Пахому является одинъ крестьянинъ съ Волги и рассказываетъ ему, какъ тамъ хорошо живется крестьянамъ, сколько даровой земли они могли получить и на сколько тысячъ рублей они продаютъ въ годъ пшеницы. Пахомъ ѣдетъ на Волгу. Здѣсь онъ не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій съ полученіемъ земли, и онъ беретъ себѣ вдоволь; но въ своемъ усиліи получить больше, все больше, Пахомъ окончательно надрывается. Его рабочіе находятъ его въ полѣ мертвымъ. Вотъ онъ и свалился. Тогда его слуги взяли да вырыли могилу своему хозяину—и могила была длиною въ три аршина. И говорить мыслитель, столько-то земли и нужно одному человѣку, три аршина для могилы.

Можетъ быть, правильнѣе было бы сказать, что трехъ аршинъ земли слишкомъ мало для одного человѣка; но столько нужно для одного трупа. Равно какъ можно было сказать, что человѣку не нужно даже этихъ трехъ аршинъ. Во-первыхъ, потому, что трупъ пересталъ быть человѣкомъ во-вторыхъ же, потому, что трупъ можетъ обойтись и безъ погребенія. И мыслитель можетъ получить свои три аршина обратно.

Другая маленькая вещь Толстого заключается въ слѣдующемъ: Одинъ человѣкъ былъ недоволенъ своей долей и ворчалъ на Бога. Онъ сказалъ: добрый Богъ даетъ другимъ богатства, а мнѣ ничего не даетъ. Какъ я могу пробиваться въ жизни, разъ у меня нѣтъ ничего?—Одинъ старецъ услышалъ эти слова и сказалъ: неужели ты такъ бѣденъ, какъ тебѣ кажется? Развѣ Богъ не далъ тебѣ молодости и здо-

ровья? Да, этого человекъ не могъ отрицать, у него были и молодость и здоровье.—Старецъ взялъ тогда человекъ за правую руку и сказалъ: дашь ты отсѣчь эту руку за тысячу рублей?—Нѣтъ, человекъ не хотѣлъ.—Тогда лѣвую?—Даже этой—нѣтъ.—Но ты позволилъ бы лишить тебя свѣта глазъ твоихъ за десять тысячъ рублей?—Боже, [упаси! человекъ не хотѣлъ этого.—Тогда старецъ сказалъ: вотъ видишь, сказалъ онъ, какія богатства далъ тебѣ Господь, а ты еще жалуешься!

Допустимъ, что это былъ бѣдный человекъ безъ правой руки, безъ лѣвой руки, безъ глазъ, стоящихъ десять тысячъ рублей, и вотъ пришелъ къ нему старецъ и сказалъ: Ты бѣденъ? Но у тебя же есть желудокъ, стоимостью въ пятнадцать тысячъ рублей и спинной хребетъ—около двадцати тысячъ!

Говорятъ, слово Толстой значить толстякъ...

Онъ не лишень логики. За что онъ берется, онъ сплетаетъ въ то, во что оно, по его разумѣнью, должно быть сплетено. Онъ не лишень и органовъ. Но самый центръ мышленія у него пустъ. У челна есть весла и принадлежности; но въ немъ нѣтъ гребца.

Или же это я лишень всякой способности разобраться въ этомъ. То, какъ я сужу, есть лишъ сужденіе, необязательное для всѣхъ, оно просто—мое. Я думаю, что можно, конечно, отыскать и еще худшее философское убожество, чѣмъ въ разсужденіяхъ Толстого.

Но онъ гораздо симпатичнѣе другихъ его коллегъ, играющихъ въ мыслителей. Потому что его душа такъ безмѣрно богата и такъ открыта. Онъ не закрываетъ своего рта послѣ первыхъ десяти словъ и не заставляетъ отгадывать скрытыя за ними непостижимыя глубины; онъ говоритъ дальше и дальше, громко и съ предостереженіемъ и съ Истинно говорю вамъ. Онъ не очень заботится о томъ, какъ бы не сказать лишняго, чтобы міръ могъ заглянуть въ него;

онъ говоритъ болѣе, чѣмъ охотно. И голосъ у него глубокъ и великъ безъ аффектаціи. Онъ—древній пророкъ, да. И въ наше время нѣтъ ему равнаго.

И люди могутъ слышать его слова и взвѣшивать ихъ и отводить имъ надлежащее мѣсто. Или могутъ поучаться у нихъ и жить по нимъ. Они и это могутъ. Если только людямъ безразлично, что ихъ понятія о земномъ возможномъ и разумномъ будутъ такъ беззащитно поставлены вверхъ ногами.

XIII.

Мы осмотрѣли городъ безъ содѣйствія говорливаго швейцара, и безъ всякаго посторонняго содѣйствія. Городъ былъ совсѣмъ не интересенъ; но въ немъ былъ маленькій уголокъ, куда мы то и дѣло возвращались, никогда не уставая осматривать, это—азиатскій кварталъ. Магазины съ зеркальными окнами, конка, театръ Варьете, господа и дамы въ европейскихъ платьяхъ преобладали въ городѣ; но ничего этого не было въ азиатскомъ кварталѣ, даже улицъ почти не было, здѣсь были одни лишъ закоулки, лабиринты съ лѣстницами вверхъ и внизъ, отъ дома къ дому.

И здѣсь сидѣли всевозможныя народности въ своихъ лавчонкахъ и продавали поразительныя вещи. Въ Тегеранѣ и Константинополѣ торговали персы и турки; здѣсь же были всѣ кавказскія народности, грузины, горцы, древнеалтайскія племена, всякаго рода татары, потомъ индо-европейцы, какъ персы, курды, армяне, люди изъ глубины Аравіи и изъ глубины Туркестана, люди изъ Палестины и Тибета. И все здѣсь было такъ мирно, никто не торопился, восточное спокойствіе почилло на людяхъ. Бѣлые и пестрые тюрбаны преобладали, и только изрѣдка зеленый или синій вѣнчалъ великолѣпную голову съ длинной бородой. Пояса были либо изъ чеканнаго металла, либо, какъ у персовъ, изъ разноцвѣтнаго шелка. Кавказцы, курды и армяне носили оружіе.

Было очень жарко въ обѣденные часы, но во многихъ

мѣстахъ улицы были съ навѣсомъ и въ тѣни. Ослы, лошади и собаки перемѣшиваются съ людьми. Одна лошадь стоитъ на солнцекѣ, когда мы являемся, она вся избита, у нея большія раны и тучи мухъ сидятъ на ранахъ. Лошадь ничего не замѣчаетъ, исхудалая до крайности, она стоитъ тамъ и низко опускаетъ голову и даетъ мухамъ сидѣть. Она совершенно слаба; когда мы отгоняемъ отъ нея мухъ, она, повидимому, не получаетъ никакого облегченія, она лишь стоитъ и печется на солнцѣ и тупо смотритъ. Такъ какъ она запряжена въ рабочую повозку, то она, конечно, ждетъ своего хозяина. Раны у нея воняютъ... Это—твердая лошадь, стойкая лошадь. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она могла бы найти спасеніе въ тѣни; но она стоитъ. И ей безразлично, что на ней сидятъ мухи, настолько теперь неправомерно ея разрушеніе.

Вмѣстѣ съ ослиами, лошадьми и собаками сидятъ ремесленники за своими работами на улицѣ. Кузнецы раскаляютъ желѣзо въ своихъ маленькихъ горнахъ и куютъ его на маленькихъ наковальняхъ; слесаря пилятъ, рубятъ, чеканятъ и сверлятъ, иногда они оправляютъ бирюзу и другіе камни. Портные шьютъ длинные бурнусы, работаютъ на шейныхъ машинахъ Запада, вооруженные съ ногъ до головы, съ огромными мѣховыми шапками на головахъ. Еще дѣсти лѣтъ тому назадъ и наши норвежскіе портные и башмачники работали со шпагой на боку; здѣсь этотъ обычай еще сохранился.

Въ лавкахъ почти всюду шелковые товары, вышивки, ковры, оружіе, украшенія. Если приходишь и хочешь торговаться, можешь преспокойно осматривать все, не купивъ ничего, а если торговля и состоялась, тоже хорошо, эти купцы все принимаютъ съ блаженнымъ спокойствіемъ. Чрезвычайная грязь во всѣхъ лавкахъ; а въ магазинахъ ковровъ даже драгоцѣнные ковры лежатъ на полу, въ дворахъ, на лѣстницѣ и улицѣ, до другого дома. Драгоцѣнные

персидскіе и кавказскіе ковры. И люди и собаки топчутъ ихъ и до того пачкаютъ, что больно смотрѣть.

То здѣсь, то тамъ сидитъ писецъ въ маленькой будкѣ и пишетъ людямъ, что имъ нужно. Онъ весь обложенъ книгами со странными буквами, и не диво, что онъ сталъ такой сѣдой и почтенный, думаемъ мы, разъ онъ знаетъ такія буквы и можетъ разбирать ихъ. Мы видѣли также и молодыхъ, серьезныхъ людей съ рукописями подъ мышкой; это—ученики богослововъ и правовѣдовъ, идущіе къ своему учителю или возвращающіеся отъ него. Когда кто-нибудь изъ нихъ подходитъ къ прилавку писца, то онъ кланяется и почтительно привѣтствуетъ. Искусство писать—священное искусство, даже бумага, на которой пишутъ, священна. Знаменитый шейхъ Абдуль-Кадеръ-Гилани никогда не проходилъ мимо писчебумажной лавки, предварительно не очистивъ себя омовеніемъ, и, наконецъ, онъ сталъ такимъ святымъ и неземнымъ человѣкомъ, что по цѣлымъ недѣлямъ былъ живъ одною единственною маслиной. Бумага служить къ распространенію священной книги, поэтому она такъ уважается. Бумагу для переписыванія ея выбираютъ съ величайшею заботливостью, чинятъ перо и наливаютъ чернила съ молитвою. И вообще-то искусство писать и читать должно стоять еще высоко въ Исламѣ. Но о какой-нибудь учености, какъ, на примѣръ, въ великія времена въ Самаркандѣ, уже не можетъ быть рѣчи. Объ этомъ я прочелъ у Вамбери. Хотя бы мы обратились даже къ Константинополю, Каиру или Бухарѣ, университеты и тамъ въ крайнемъ упадкѣ, и гдѣ раньше арабскіе ученые отовсюду собирали учениковъ, тамъ теперь сидитъ одинъ учитель и обучаетъ дѣтей съ длинной палкой въ рукѣ. И все-таки—старая культура умираетъ медленно; въ Средней Азіи есть мѣста, гдѣ имѣются высшія школы, пользующіяся такимъ высокимъ уваженіемъ, что привлекаютъ къ себѣ учениковъ изъ Аравіи, Индіи, Кашмира, Китая, даже съ приволжскихъ

странъ. И у отдѣльныхъ лицъ можно, конечно, встрѣтить иногда огромную ученость.

И мы сами проходимъ мимо этихъ лавокъ съ письмами и бумагою съ благоговѣніемъ. Потому что люди въ нихъ очаровательно почтенны.

Почтенны—кто здѣсь не почтененъ? Если мы останавливаемся у лавки и владѣльца не оказывается, онъ не бѣжитъ къ намъ и не проситъ войти. Онъ предоставляетъ намъ стоять. Онъ можетъ сидѣть у сосѣда и болтать, онъ тамъ и продолжаетъ сидѣть. И когда съ другого конца улицы начинаютъ кричать, что у него покупатели, и только тогда онъ медленно и величественно встаетъ и идетъ. Почему онъ не пришелъ раньше? Почему не сейчасъ же? Да потому, что самъ онъ не долженъ замѣтить своего покупателя, хотя онъ все время видѣлъ насъ. Восточный человѣкъ не такъ жаденъ—пока онъ еще не испорченъ жителями Запада. И когда мы идемъ дальше по улицѣ и входимъ въ другую лавку, гдѣ владѣлецъ отсутствуетъ, то первый купецъ хочетъ оплатить тѣмъ же и кричитъ второму, что у него въ лавкѣ покупатели. Послѣ чего тотъ является. Въ этомъ сказалось безпримѣрное и блаженное равнодушіе къ намъ, „англичанамъ“.

Теперь швейцаръ гостиницы все-таки всплываетъ прямо передъ нашимъ носомъ въ азіатскомъ кварталѣ. Онъ вынюхалъ нашу дорогу и разыскалъ насъ. И онъ говоритъ и здороваётся со всѣми тюрбанами и показываетъ намъ оружіе и ковры и портитъ намъ всю улицу. Но нужно отдать справедливость, онъ знаетъ закоулки, которыхъ мы не нашли бы. Онъ, не стѣсняясь, водилъ насъ черезъ одну лавку и дворъ въ другую, которая должна была быть еще паразительнѣе. И онъ бродилъ съ нами кругомъ. Иногда мы сядились, и намъ приносили кофе и папиросы или трубку. И мы могли и не покупать ничего изъ товаровъ, а просто осматривать все.

Случалось, мы заходили къ обладателямъ зеленого тюрбана. Они совершили свои три путешествія ко гробу Пророка, они видѣли Мекку, они были благочестивые и святые, мы, такъ сказать, оказывались въ высшемъ обществѣ. И здѣсь почтенность была высокомерна.

— Не прогнѣвайся на меня, говорили мы,—можно взглянуть на эти ковры?

— Сколько вамъ угодно?—былъ отвѣтъ.

Переводчикъ говоритъ:

Эти чужестранцы, можетъ быть, хотятъ купить эти ковры. Отвѣтъ:

Я имъ дарю ихъ!

Переводчикъ передаетъ намъ отвѣтъ и благодаритъ отъ нашего лица.

И мы должны отвѣтить взаимностью. Переводчикъ говоритъ:

Эти чужестранцы изъ такихъ далекихъ странъ, но они—хорошіе люди и они рады сдѣлать тебѣ подарокъ. Они—бѣдные люди, и у нихъ нѣтъ ни драгоценностей, ни коня; но у нихъ есть немного денегъ, совсѣмъ немного денегъ, на которыя они должны были ѣхать дальше, но теперь они хотятъ подарить ихъ тебѣ. Сколько по твоему счету они должны дать тебѣ?

Почтенному мусульманину смертельно постыли деньги, и онъ не отвѣчаетъ.

Переводчикъ убѣдительно и съ почтеніемъ возобновляетъ вопросъ.

Тогда мусульманину становится противно быть неласковымъ съ чужестранцами и не принимать ихъ подарка, и онъ отвѣчаетъ, что онъ можетъ взять сто рублей.

Переводчикъ передаетъ отвѣтъ. Тутъ по крайней мѣрѣ на двѣ трети больше за коверъ, говоритъ онъ и прибавляетъ: Теперь я отвѣчу старику, что если вы дадите ему

сто рублей, то вы *заплатите* за коверъ, а этого не предполагалось.

Мы поняли, что торгъ въ этихъ краяхъ долженъ состояться такимъ именно путемъ, и мы предоставляемъ переводчику дѣйствовать и объясняться, какъ ему угодно.

Теперь идутъ длинные переговоры между ними. Мы не разъ отходимъ къ двери и хотимъ уйти отсюда, но они продолжаютъ торговаться и разговаривать, и дѣло кончается тѣмъ, что мы получаемъ коверъ, за сколько сами хотимъ. И мы расстаемся съ благочестивымъ человѣкомъ самымъ дружескимъ и самымъ почтительнымъ образомъ.

Но времени—его-то у насъ было вдоволь.

Тюрбанъ у торговцевъ пестрый, поэтому мы видѣли здѣсь столько пестрыхъ тюрбановъ. Но здѣсь почти столько же и бѣлыхъ, потому что бѣлый тюрбанъ—признакъ знатности, учености, благочестія, что часто равносильно шарлатанству. Кто не захочетъ быть знатнымъ, ученымъ и благочестивымъ? И вотъ многіе и стараются внушить другимъ, что они въ дѣйствительности таковы. Тюрбаны у евреевъ и христіанъ—черные и изъ грубой шерстяной ткани, какъ знакъ ихъ рабства; въ Персіи этимъ паріямъ вообще запрещено носить тюрбанъ.

Но кто же эти кирпично-красные люди, изрѣдка показывающіеся на улицахъ? Они красятъ бороды, ладони и всѣ десять ногтей на ихъ пальцахъ краскою. Это—персы, афганцы, иногда же—татары. Они выступаютъ такъ гордо, точно кирпично-красный цвѣтъ — единственный цвѣтъ на свѣтѣ. Встрѣтивъ эту диковинку впервые, европеецъ выпяливаетъ на нихъ глаза, потомъ онъ уже свыкается со зрѣлищемъ и смотритъ на него, какъ, напримѣръ, смотритъ на тюрбаны. И кто видѣлъ индѣйцевъ въ боевыхъ нарядахъ и парижскую кокотку въ полномъ облаченіи, тотъ думаетъ про себя: не одни эти чудаки красятся, и только краска у нихъ другая.

Въ Тифлисѣ мы слышали отъ свѣдушихъ людей, что право краситься такою краскою дается извѣстной степенью благочестія. Оказалось, что это неправильно, въ Персіи даже женщины красятся такъ, а Вамбери передаетъ, что этою же краскою красятъ даже маленькихъ дѣтей. Не говоря уже о томъ, что лошади изъ шахскихъ конюшенъ узнаются по крашеннымъ хвостамъ. Но возможно, что здѣсь въ Тифлисѣ установился мѣстный обычай, по которому эту роскошь могутъ позволить себѣ только благочестивые, потому что эту краску мы видѣли исключительно у важныхъ людей.

И азіатскій кварталъ лежитъ теперь тихо и мирно гдѣ-то на свѣтѣ. Хотя онъ окруженъ современнымъ американскимъ шумомъ торговаго города, но самъ онъ тихъ. Лишь изрѣдка раздается здѣсь громкое слово и рѣдкій ненужный крикъ. Однѣ тихія рѣчи и степенно кивающіе тюрбаны. Женщинъ здѣсь мало видно, но отъ поры до времени онѣ могутъ стоять по двѣ, каждая съ ребенкомъ на рукѣ, и тоже тихо разговариваютъ. Армяне у своихъ лавокъ представляютъ исключеніе; они предлагаютъ свое оружіе и громко надуваютъ своихъ покупателей, здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Еврей можетъ обмануть десять грековъ, но армянинъ обманываетъ и грековъ и евреевъ, какъ намъ говорили на Востокѣ. Но вѣдь армянамъ принадлежитъ и гора Араратъ и верховья четырехъ рѣкъ, гдѣ былъ расположенъ рай. И вдобавокъ они — христіане, и стало быть значительно болтливѣе магометанъ. И тамъ, гдѣ они добились экономического господства, они проявляли иногда свое огромное превосходство тѣмъ, что не отвѣчали на поклонъ бѣднаго мусульманина. Конечно, мусульманинъ, съ своей стороны, не думалъ обижаться на это, вѣдь ничто не можетъ нарушить его покой — это было бы лишь тогда, если бъ невѣрный оскорбилъ его религиозныя представленія, осквернилъ его святыню, или соперникъ приблизился къ

его женщинѣ. Тогда онъ издалъ бы крикъ, какъ самецъ-верблюдъ, и пошелъ бы быстрѣе. Только тогда. Если у него есть чѣмъ жить, и судьба не поразила его болѣзною, то онъ доволенъ и благодаренъ, если же онъ терпитъ нужду и недостатокъ, то онъ и этотъ жребій переноситъ съ достоинствомъ. Онъ не жалуется въ газетахъ. Вѣдь ничто не можетъ измѣнить волю Аллаха, и онъ покоряется ей. Восточныя страны — родина фатализма, этой древней и испытанной философіи съ ея простою и абсолютною системой. И если есть еще страны и племена, исповѣдующія другія системы, то все же не одна личность возвращается назадъ къ фатализму. И снова стоитъ передъ его непреложностью. Онъ такой простой и испытанный, онъ — желѣзо...

Когда мы собрались уходить, лошадь все еще стоически стояла на солнцѣ. И запахъ ея ранъ привлекалъ тучи мухъ...

Каждый день мы возвращались въ азіатскій кварталъ въ Тифлисъ, потому что это былъ міръ, столь отличный отъ нашего. Но къ концу мы уже не такъ широко раскрывали глаза, мы смотрѣли на вещи обычными глазами и находили и здѣсь знакомыя въ жизни черты. Ачри Држумънъ рассказываетъ объ одномъ изъ своихъ носильщиковъ въ Африкѣ, объ одномъ щеголѣ, отказавшемся носить тяжести на своей головѣ, чтобы не испортить своей забавной прически. Мы нашли щеголей и здѣсь, среди людей съ тюрбанами. Какъ нашли и ревность. Если женщина съ покрываломъ стояла на улицѣ и разговаривала со старшею, она вѣдь не могла не приподнять иногда покрывала. И тогда могъ явиться поклонникъ и мимоходомъ шепнуть пару быстрыхъ словъ, потомъ онъ могъ получить отвѣтъ красавицы въ видѣ ли поклона, или же въ видѣ двухъ-трехъ пальцевъ ея руки. Въ то время какъ старая женщина стояла тамъ, и была невиновата, и ничего не замѣчала, и оказы-

валась сообщницей. Но иногда могъ явиться и собственникъ, собственникъ женщины, и онъ могъ крикнуть, какъ верблюдъ, хотя бы онъ былъ важенъ и выкрашенъ въ кирпично-красный цвѣтъ. Но тогда женщины вдругъ исчезали и убѣгали въ свою повседневную клѣтку съ рѣшетками на окнахъ.

XIV.

Мы въ поѣздѣ въ Баку.

Мы хотѣли ѣхать вторымъ классомъ, но онъ былъ такъ переполненъ пассажирами, что пришлось оставить эту мысль, мы съ трудомъ могли найти мѣсто для себя, но негдѣ было поставить наши вещи; тогда мы долго искали пріюта и, наконецъ, перебрались съ нашими чемоданами въ первый классъ. Когда это было улажено, мы свалились. Термометръ въ купѣ показывалъ нѣсколько больше 31 градуса.

До насъ сидѣли уже три господина въ купѣ. Двое изъ нихъ смотрѣли на насъ съ большимъ недовольствомъ, когда мы вломились, третій же, напротивъ, молча курилъ въ свою огромную бороду и даже подобралъ подъ себя ноги, чтобы пропустить насъ къ окну.

Какъ всегда и всюду на свѣтѣ приходится испытывать одно и то же въ желѣзнодорожномъ купѣ: только съ большою неохотою даютъ входящему мѣсто. На него смотрятъ, какъ на своего врага, ненавидятъ его, затрудняютъ ему доступъ къ мѣсту, не отвѣчаютъ, когда онъ приподнимаетъ шляпу и кланяется. А на ближайшей станціи этотъ такъ недружелюбно встрѣченный пассажиръ становится столь же недружелюбенъ къ новому приходящему!

Еще одно наблюденіе: если входитъ только одинъ господинъ, то онъ скромнень и иногда даже спрашиваетъ, есть ли еще свободное мѣсто. И онъ тихо садится. Это произ-

водитъ примиряющее впечатлѣніе. Но если онъ приходитъ въ сопровожденіи другого господина, товарища, то онъ тотчасъ же бросаетъ свои вещи на полку и говоритъ другому: здѣсь отличное мѣсто. Онъ безъ стѣсненія передвигаетъ остальной багажъ и даже ждетъ, чтобы ему помогли пришедшіе раньше. Поэтому путешественникъ больше всего боится появленія въ купѣ двухъ пассажировъ, приходящихъ вмѣстѣ и знакомыхъ...

И на этой линіи локомотивъ отапливается сырою нефтью, такъ что стоитъ нестерпимая вонь при такой жарѣ. Но намъ, курящимъ, не такъ плохо,—въ особенности на меня папиросы дѣйствуютъ освѣжающе. Здѣсь курятъ во всѣхъ купѣ безъ исключенія; даже въ дамскихъ отдѣленіяхъ имѣются пепельницы. И ужасная грязь здѣсь, по сидѣньямъ и стѣнкамъ ползаютъ клопы.

Кондукторъ знаетъ нѣсколько французскихъ словъ и, когда я передаю ему бумажку для уплаты разницы между вторымъ классомъ и первымъ, онъ беретъ деньги и уходитъ. На ближайшей станціи онъ приноситъ наши добавочные билеты и сдачу. Тогда въ дѣло вмѣшивается длиннобородый пассажиръ. Онъ, повидимому, знаетъ добавочную таксу отъ начала до конца, и онъ начинаетъ провѣрять кондуктора. Слѣдуютъ вопросы и отвѣты, и я долженъ выложить полученныя деньги на столъ, ихъ пересчитываютъ и оказывается, что не хватаетъ рубля. Кондукторъ что-то говоритъ: ему мало дали на станціи, тамъ произошла ошибка; но бородатый господинъ, въ отвѣтъ, произноситъ нѣсколько рѣшительныхъ словъ, и кондукторъ вынимаетъ рубль изъ кармана и прибавляетъ къ моимъ деньгамъ. Но теперь бородачъ становится положительно высокомеренъ и обстоятеленъ, и желая показать, что онъ за птица, онъ требуетъ, чтобы кондукторъ остался, пока онъ еще разъ не пересчитаетъ денегъ. Я кланялся и неоднократно благодарилъ ихъ обоихъ, потому что теперь все было въ порядкѣ.

Бородачъ, очевидно, былъ высшій желѣзнодорожный служащій, онъ вынулъ изъ кармана пачку печатныхъ желѣзнодорожныхъ документовъ и подарилъ кондуктору таксу.

Мѣстность печальная и бѣдная, все выжжено и засыпано пескомъ пустыни, пескомъ степей. Лѣсовъ нѣтъ. Мы приѣзжаемъ на станцію Акстафу, гдѣ есть ресторанъ. Меня все время трясла лихорадка, и, чтобы утолить жажду, я пилъ легкое русское пиво, но такъ какъ казалось, что отъ пива становится еще жарче, то я перешелъ на кавказское вино. У этого вина тотъ же вкусъ, что у нѣкоторыхъ итальянскихъ винъ, и одно мгновеніе оно мнѣ помогло замѣчательно. Одно мгновеніе. Потомъ же стало еще хуже. Мнѣ слѣдовало пить чай. Недаромъ мѣстные жители возятъ съ собою самовары даже въ поѣздѣ и проводятъ цѣлый день за чаепитіемъ. Въ Акстафѣ я перешелъ въ другую крайность и пилъ воду. Воду изъ рѣки Куры. А это было самое безумное. Потому что тотъ, кто разъ напился изъ р. Куры, будетъ вѣчно тосковать по Кавказу...

Приходитъ вечеръ. Пассажиры вышли, мы—одни. Кондукторъ знаетъ такъ мало по-французски, что принимаетъ насъ за французовъ, и въ этихъ мѣстахъ очень благосклонны къ намъ, французамъ, послѣ кронштадтскаго свиданія. Кондукторъ сообщаетъ, что мы получимъ отдѣльное купѣ на всю ночь; онъ просто запретъ нашу дверь. И хотя онъ дѣлаетъ это не безъ надежды на благодарность, все же это доказываетъ большую природную доброту.

Потомъ мы даже слышали, что кондукторъ, какъ тѣлохранитель, боролся ночью у нашей двери, не давая контролеру, или кому-то другому, войти къ намъ. Кто-то настойчиво требовалъ открыть дверь, но кондукторъ заступался за насъ и убѣдительно отвѣчалъ, что мы—французы, и что у меня лихорадка. И двери не открыли. Не будь этихъ чудовищныхъ клоповъ, мы могли бы спать мирно и спокойно. Какъ только стало немного свѣтать, я вышелъ изъ купѣ.

Свѣтало и была луна; холодно, тихо.

Равнины, безконечныя равнины безъ малѣйшаго дерева. Кажется, будто направо озеро, но это не озеро. Часъ за часомъ оно все тянется тамъ и не мѣняется, это—солончаковая степь. Отсюда, издали, кажется, что это—озеро, и что мы ѣдемъ по этому озеру. Свѣтаеть; соль, пластъ за пластомъ, лежитъ въ степи. А соль священна, и на Кавказѣ есть соль. Даже солью богата эта поразительная страна. И отсюда-то, въ свое время, драгоценный товаръ возили въ маленькихъ мѣшкахъ до самаго Багдада, до самой Индіи. Не расточайте соли, она священна! У Леонардо да Винчи Иуда опрокидываетъ солонку, и какъ плохо кончилъ Иуда. У евреевъ, о соли говорится отъ Книгъ Моисея до Посланий къ Коринейнамъ, и у всѣхъ народовъ она была столь же дорога и священна.

Солончаковой степи раньше мы никогда не видѣли.

И здѣсь же мы впервые увидѣли караванъ верблюдовъ. Животныя идутъ, одно за другимъ, гуськомъ, въ двадцать головъ, съ тяжелой кладью на спинѣ, покачиваясь, мѣрнымъ шагомъ двигаясь по степи. Нѣкоторые изъ сопровождающихъ ихъ людей идутъ сзади, другіе же ѣдутъ высоко, высоко на спинахъ верблюдовъ. Отъ каравана не доносится ни малѣйшаго звука. Безмолвно и величественно плетутся животныя и люди своей дорогою на югъ, въ Персію.

XV.

Половина седьмого утра. Баку окутанъ одною огромною тучей бѣлой пыли. Все здѣсь то бѣлаго, то сѣраго цвѣта, известковая пыль ложится на людей и животныхъ, на дома, оконныя стекла и немногочисленныя растенія и приземистыя деревья въ паркѣ. Я вывожу буквы въ пыли, на столѣ въ гостиницѣ, но, немного спустя, онѣ снова засыпаются пылью и исчезаютъ.

Потомъ же, по всему городу носится запахъ керосину. Онъ всюду, на улицахъ и въ домахъ. Керосинъ примѣшивается къ воздуху, которымъ дышишь и, прежде чѣмъ сколько-нибудь привыкаешь къ этому воздуху, непрерывно кашляешь. Керосинъ примѣшивается и къ пыли на улицѣ, и когда дуетъ вѣтеръ—что здѣсь бываетъ почти всегда—отъ этой пропитанной керосиномъ пыли появляются жирныя пятна на платьѣ. Намъ казалось, что мы посѣтили самое нездоровое мѣсто на землѣ, хотя мы и увидѣли Каспійское море.

Въ Баку около 135 тысячъ жителей, и онъ—самый важный торговый городъ на Каспійскомъ морѣ. Въ гавани большое движеніе на пароходахъ, лодкахъ, по желѣзной дорогѣ и множество всякихъ паровыхъ машинъ. Среди этого современнаго движенія, странное впечатлѣніе производятъ на меня вереницы верблюдовъ передъ каждымъ складомъ, гдѣ они лежатъ и нагружаются товарами. Въ глазахъ у верблюда можетъ быть странно злое выраженіе. Одно полунагруженнаго верблюда заставили однажды встать и потомъ снова заставили лечь. Онъ это сдѣлалъ, но съ такимъ видомъ, точно онъ поклялся отомстить. Онъ показывалъ крупныя желтыя коренныя зубы, и глаза у него стали злыя, бѣшенныя. Потомъ онъ получилъ ударъ по мордѣ и закрылъ свои глаза. Но когда я сталъ наблюдать за нимъ, то замѣтилъ, что онъ немного пріоткрылъ глаза и косымъ взглядомъ посматривалъ на своего мучителя.

Намъ предстояло поѣхать въ Черный Городъ, предмѣстье Баку, резиденцію керосиновыхъ компаній. Насъ везетъ персь; всѣ извозчики здѣсь—персы. Они ѣдутъ, какъ дьяволы, и когда не умѣешь говорить съ ними, а сами они не хотятъ понять христіанскихъ знаковъ пожалѣть лошадей, то остается лишь дѣлать одно: смиренно сидѣть. И еще одно: вылѣзть.

Я далъ кучеру ясными знаками понять, что лошади—такія же Божьи твари, какъ мы, и что по новѣйшимъ изы-

сканіямъ у нихъ есть даже душа, и что онѣ, стало быть, почти какъ люди; но проклятый персъ смѣялся надъ моими западными теоріями и продолжалъ скакать и везти насъ въ Черный Городъ то на одномъ колесѣ, то на другомъ. Тогда мы остановили этого человѣка, заплатили и стали ждать паровой конки. Вы думаете извозчикъ извлекъ какое-нибудь назиданіе изъ этого урока? Ни малѣйшаго. Онъ же раньше возилъ „англичанъ“, и зналъ, что они — чудаки. Онъ принялся завтракать на козлахъ. Онъ вынулъ изъ-подъ сидѣнья два ломтя пшеничнаго хлѣба и кисть винограда и поочередно ѣлъ ихъ. Мы должны были думать объ извозчикахъ въ нашемъ собственномъ миломъ климатѣ пожирателей мяса.

Паровая конка доставила насъ на мѣсто нашего назначенія. Черный Городъ минированъ трубами, по которымъ идетъ керосинъ, трамвай проходитъ по маленькимъ жирнымъ прудамъ, выливающимся изъ земли и сверкающимъ тончайшими металлическими переливами. Вонь здѣсь еще сильнѣе, чѣмъ въ Баку. Все здѣсь было такъ засалено и засыпано пескомъ, но все же кое-гдѣ былъ маленькій садикъ у человѣческаго жилья—въ отличіе отъ керосиновыхъ городковъ въ Пенсильваніи, которые я видѣлъ. И люди были иначе одѣты здѣсь,—въ шелкъ, въ персидскій шелкъ, какъ богатые, такъ и бѣдные.

Мы спросили, гдѣ домъ Нобеля, и было все равно, что спрашивать, гдѣ королевскій дворецъ, живя въ Христианіи. Мы разыскали нашего спутника въ поѣздѣ по Россіи, инженера и его семью; у нихъ былъ чистый и уютный домикъ и у нихъ былъ садъ во дворѣ, гдѣ фру сама насажала акацій. Этимъ замѣчательнымъ людямъ жилось здѣсь пріятно и славно; но иногда имъ приходилось закрывать окна, когда запахъ снаружи становился слишкомъ силенъ. И было довольно тяжело сидѣть съ закрытыми окнами въ такую-то жару. У инженера была кавказская лихорадка всѣ годы,

которые онъ прожилъ здѣсь. Онъ избавлялся отъ нея, когда лѣтомъ уѣзжалъ въ отпускъ, къ себѣ, въ Финляндію, и снова схватывалъ ее, когда возвращался въ Баку. Фру же, родившись здѣсь, напротивъ, была, какъ дома, и защищала Баку съ любовью.

Инженеръ водилъ меня по многочисленнымъ зданіямъ и заводамъ и конторамъ огромнаго предпріятія. У фирмы свои собственныя кузницы, литейни, плотничьи мастерскія, мастерскія моделей, чертежныя. Во многихъ изъ этихъ заведеній служатъ финны, шведы и датчане. Инженеръ водилъ меня и по фабрикамъ. Здѣсь были такія чудовищныя печи что я терялся, температура доводилась до 400 градусовъ тепла. Это былъ бѣлокальный жаръ, изъ этого бѣшеннаго огня вырывался какой-то звукъ, похожій на гудѣніе колеса. Преслѣдуемый этимъ бѣлымъ гудѣніемъ, я поспѣшилъ назадъ къ двери и остановился только гдѣ-то въ мастерской, гдѣ я снова могъ видѣть и слышать по-человѣчески.

Инженеръ всюду давалъ мнѣ объясненія. Но когда я хотѣлъ записывать, онъ просилъ не дѣлать этого. Онъ не зналъ, понравится ли это его хозяйкамъ. И я избѣгалъ писать на виду у всѣхъ, но держалъ книжку за спиной и писалъ. Но это была трудная работа и подвигалась очень медленно, и я пропустилъ много отвѣтовъ на мои вопросы, потому что мнѣ нельзя было достаточно быстро записывать ихъ. И кромѣ того, буквы оказались совсѣмъ невозможными, въ своей неразборчивости онѣ были похожи на рисунки въ книгахъ грамотѣя въ Тифлисѣ. Въ заключеніе же, я долженъ былъ быть такъ кратокъ, что уже по этой простой причинѣ моя записка непонятна.

Что, напримѣръ, значитъ слѣдующее мѣсто: 261 паровой котель? Не знаю. Такое количество паровыхъ котловъ, конечно, можетъ дать мнѣ понятіе о могуществѣ фирмы; но, виноватъ, я не знаю, гдѣ они стоятъ, каково ихъ примѣненіе, почему они непрерывно отапливаются. Нобель былъ

богатый человек, и, разумеется, у него была возможность завести у себя порядочное количество котлов. Он любил паровые котлы и любил разводить огонь под ними. Когда он увидѣлъ, что у Сюлли Прюдома не было огня под его котломъ, онъ далъ ему сто тысячъ кронъ на топливо.

Другое мѣсто въ моихъ замѣткахъ гласитъ слѣдующее: 13 сортовъ индиго въ стаканахъ.

Здѣсь я совсѣмъ непонятенъ. Я отлично понимаю, что Нобель придумывалъ краски. Этотъ проклятый городъ Баку до такой степени побѣлѣлъ отъ извести, что прямо съ ума сойдешь. Но красить его 13-ю различными сортами индиго, пожалуй, уже слишкомъ. Этого и Нобелю нельзя. Это — щегольство.

Позвольте признаться, что мои замѣтки запутаны. Строки вверхъ и внизъ идутъ такъ, что мнѣ больно смотрѣть на нихъ, и я думаю, что индиго попало не въ свою строчку. Не слѣдуетъ обвинять меня въ легкомыслии, при изученіи моего дневника, я добросовѣстно разгадываю темныя мѣста и, объяснивъ ихъ, радуюсь, какъ всякій другой ученый.

А суть, по моему мнѣнію въ слѣдующемъ:

Инженеръ сперва повелъ меня въ одинъ домъ. Туда валилась зеленая каша, которая, казалось, была отнюдь не дороже любой другой грязи; но то было сырье, нефть. И здѣсь, въ этомъ домѣ, бурда превращалась въ бензинъ, газолинъ, лигоринъ и т. д. Потомъ онъ повелъ меня въ другой домъ и показалъ мнѣ, чѣмъ сырая нефть можетъ стать дальше, и перечислялъ масла въ такомъ длинномъ порядкѣ, что мнѣ невыносимо разобратся въ моихъ замѣткахъ. Было очень трудно записывать все это за своей спиной, и я прямо сказалъ, что въ этой грязи, на мой взглядъ, слишкомъ много перегонныхъ веществъ. Много перегонныхъ веществъ? отвѣчалъ инженеръ и показалъ мнѣ полку, гдѣ стояло 13 сортовъ въ стаканахъ. И тутъ я сдѣлалъ нѣ-

сколько шаговъ назадъ, не могъ удержаться въ строчкахъ въ моемъ дневникѣ.

Но инженеръ продолжалъ объяснять мнѣ все, относящееся къ нефти. И когда все извлечено, сказалъ онъ, то остается вотъ это. Здѣсь онъ показалъ мнѣ огромныя хранилища съ чѣмъ-то, что онъ называлъ металлическимъ жиромъ. Я слышалъ о множествѣ всякихъ жировъ, и о свиномъ салѣ, и жирныхъ селедкахъ и трупномъ жирѣ, но никогда не слыхалъ о жирѣ металлическомъ. А здѣсь-то онъ и былъ. И сказать правду, онъ имѣлъ видъ отвратительной мази. Но то, что отличалось такимъ жалкимъ видомъ, что у меня и у инженера появились слезы на глазахъ, былъ — главный продуктъ. Раньше мы его сваливали въ море, сказалъ онъ, теперь же употребляемъ въ топливо, мы топимъ имъ наши котлы, приводимъ въ движеніе наши машины и желѣзныя дороги, снабжаемъ пароходы на Каспійскомъ морѣ, отправляемъ его въ Астрахань и снабжаемъ имъ рѣчные пароходы на Волгѣ. Боже милосердый! сказалъ я.—И въ заключеніе мы перегоняемъ изъ него *кубовыя краски, индиго*, продолжалъ онъ. Вотъ я и вписалъ индиго въ мою книжку, куда попало, и ошибся строчкой.

*

Инженеръ ѣдетъ съ нами въ городъ и водить насъ всюду. Нестерпимо жарко, и я покупаю готовую желтую шелковую куртку въ какой-то лавкѣ. Теперь у меня получился нѣсколько странный видъ. Но мнѣ стало легче жить, когда я расстался съ моимъ скандинавскимъ камзолемъ. Въ придачу я запасся еще вѣромъ.

И всѣ люди были одѣты здѣсь болѣе или менѣе странно; городъ — настолько персидскій, что онъ уже не европейскій, и настолько европейскій, что еще не персидскій. Шелковыхъ платьевъ здѣсь вдоволь; мы видѣли дамъ въ шелковыхъ юбкахъ съ ручной вышивкой; но сверху могли висѣть очень жалкія берлинскія бездѣлушки. Господа въ персидскихъ

шелковыхъ платьяхъ щеголяли въ разноцвѣтныхъ нѣмецкихъ бумажныхъ галстукахъ на шеѣ. Въ гостиницѣ были драгоценныя персидскія ковры, на полу и на лѣстницахъ, и были персидскія чехлы на диванахъ и стульяхъ; но сами диваны и стулья были, такъ называемой, вѣнской работы, какъ и туалетное зеркало съ мраморнымъ подзеркальникомъ. А хозяинъ носилъ золотыя очки...

Мы ѣдемъ въ замокъ. Онъ расположенъ по срединѣ стараго Баку, огромный, персидско-византійскій, съ завитками. Онъ окружаетъ ханскій дворецъ и двѣ мечети. Ханскій дворецъ — теперь военный складъ и пройти за линію стѣнъ можно только съ разрѣшенія коменданта. Но чтобы получить это разрѣшеніе, я долженъ былъ послать свою карточку. А карточекъ у меня не было.

Я стою передъ караульнымъ и не знаю, какъ мнѣ быть. Разъ во Владикавказѣ была такая удача съ карточкой Венцеля Гагельстама, то теперь тебѣ слѣдуетъ попробовать устроиться съ карточкой его жены, думаю я. И кладу передъ караульнымъ мою карточку, гдѣ было напечатано: Фру Марія Гагельстамъ. Онъ киваетъ и проситъ показать мой паспортъ. Господи, утѣшь и помоги мнѣ теперь! думаю я; но я выкладываю паспортъ. Онъ смотритъ на оба документа, сличаетъ имена и находитъ, конечно, что буквы совпадаютъ. Потомъ онъ стучитъ въ дверь и, съ паспортomъ и карточкой, входитъ къ коменданту. Теперь должно было обнаружиться, удастся ли мое плутовство. Я не очень рассчитывалъ.

Начальникъ караула возвращается, передаетъ мнѣ паспортъ и посылаетъ молодого поручика показать намъ все. Я спасенъ. Поручикъ кланяется и идетъ съ нами. Какъ закъ съ заряженнымъ ружьемъ слѣдуетъ за нами пятамъ.

Въ это время мои спутники стояли снаружи и ничуть не тревожились.

Ханскій дворецъ, говорятъ, пятнадцатаго вѣка. Снаружи смотрѣть было не много, а внутрь насъ не пускаютъ. Разумѣется, двери не заперты, потому что у всѣхъ воротъ и входовъ вовсе нѣтъ дверей; но во внутренніе покои и закоулки низложеннаго властелина намъ нельзя проникнуть. Поручикъ говорилъ только по-русски, и было хорошо, что съ нами былъ инженеръ.

Намъ показали главный входъ, кромѣ тонкаго персидскаго орнамента надъ дверью особой роскоши здѣсь уже не было. Входъ въ гаремъ былъ узокъ, какъ и подобаеть быть восточному входу для женщинъ; особый входъ для фаворитокъ былъ нѣсколько лучше. Въ длинныхъ корридорахъ были отверстія въ маленькія комнатки, кельи, и этихъ комнатокъ было много. У послѣдняго хана въ Баку было полсотни женъ, рассказываетъ поручикъ; и онъ бѣжалъ со всѣми, когда въ 1808 году русскіе завоевали его страну и заняли его городъ. Но онъ былъ большой негодяй, этотъ самый Гуссейнъ-Кули-Ханъ, онъ приказалъ заколотъ кинжаломъ покорителя, генерала Циціанова, въ то самое мгновеніе, когда ему передавали ключи города.

Теперь мы стояли передъ дворцомъ восточнаго властелина. Что онъ былъ выстроенъ въ менѣе мирное время, видно было по все еще окружающей его стѣнѣ съ бойницами. Это жилище нужно было защищать оружіемъ. Въ домѣ совсѣмъ нѣтъ оконъ, а лишь большія полукруглыя отверстія, сквозь которыя свѣтъ проникаетъ въ длинный рядъ палатъ. Здѣсь, между колоннами, былъ настоящій рай, такой тѣнистый для насъ, приходящихъ съ палящаго солнца. Мы прошли въ глубь, сколько могли пройти: здѣсь принимали народъ, здѣсь былъ залъ суда, гдѣ объявлялись приговоры, здѣсь палата со своего рода возвышеніемъ, гдѣ властелинъ, можетъ быть, сидѣлъ на своемъ тронѣ. Наши шаги отдавались въ каменныхъ стѣнахъ. Всего сто лѣтъ тому назадъ мы не могли бы двигаться здѣсь столь свободно.

потому что ханъ въ Баку былъ могущественный властелинъ.

За стѣнами замка были двѣ мечети, и въ особенности у одной изъ нихъ были очень тонкіе орнаменты вокругъ портала. Мы ждали, что какой-нибудь мулла начнетъ созывать съ вершины минарета вѣрующихъ на молитву; но прошло двѣнадцать часовъ, а онъ не появлялся. Когда мы сказали это поручику, онъ тотчасъ же крикнулъ нѣсколькимъ старикамъ въ тюрбанахъ, сидѣвшимъ поблизости мечети; въ концѣ концовъ они поняли его; они покачали головами: мулла былъ боленъ.

Русскій поручикъ со своимъ казакомъ водилъ насъ всюду вокругъ замка, и когда мы разставались и благодарили его, то, улыбаясь, онъ отвѣтилъ, что ему было только пріятно услужить намъ. И онъ стоялъ долго, приложивъ руку къ козырьку.

Мы думали поѣхать въ Кизъ-Кале, къ Башнѣ Дѣвы, о которой ходитъ романтическое преданіе, но была такая рѣзкая жара, что мы отказались. Мы поѣхали въ паркъ. Здѣсь все увяло на солнцѣ, выгорѣло, покрылось пылью, посѣрѣло. Было больно смотрѣть. Здѣсь было немного маленькихъ деревьевъ, акацій, миндальныхъ деревьевъ, фиговыхъ; здѣсь было также немного бѣдныхъ цвѣтовъ, которые привыкли сохранять жизнь отъ дождей до дождей. Все производило безрадостное впечатлѣніе. Листья, которые я смочилъ слюной и очистилъ отъ пыли, я долженъ былъ вытирать осторожно, потому что они трещали, до того они были сожжены солнцемъ и известковой пылью. Черезъ какой-нибудь мигъ послѣ того какъ я открылъ имъ поры и они начали дышать, они такъ жалостно свернулись отъ зноя, что я долженъ былъ снова посыпать ихъ известковою пылью. Не будь обильной росы ночью, они бы погибли.

Но въ солончаковой степи живетъ чертополохъ при еще

худшихъ условіяхъ. Земля, въ которой онъ растетъ, состоитъ изъ глины и соли, и вѣтеръ и солнце жжетъ его—чертополохъ стоитъ тамъ маленькими кустами. Онъ жестокъ, твердъ, онъ какъ металлическая проволока съ шипами. На эти крошечные участки съ чертополохомъ смотришь съ глубокой радостью. Онъ стоитъ, какъ упорное маленькое племя. Упорное. Дождавшись влаги, онъ наклоняется—какъ наклоняется человѣкъ въ благодарность за ласковое слово; но въ долгую и нестерпимую засуху онъ только еще больше поднимается и становится прямой, неподвижный, твердый—какъ человѣкъ въ бѣдѣ.

И только челюсти верблюда, сильныя, какъ машина, и могутъ откусить такой чертополохъ.

XVI.

Для поѣздки къ керосиновымъ источникамъ въ Балаханахъ въ наше распоряженіе предоставляется пароходъ изъ Нобелевскаго флота. И не въ первый разъ большой корабль фирмы везъ туда посѣтителей; съ большой готовностью такъ дѣлается изъ года въ годъ и не считается событіемъ. Съ нами любезно поѣхало много скандинавцевъ и давали намъ объясненія.

Былъ тихій вечеръ съ луннымъ свѣтомъ. Послѣ получаса ѣзды отъ Баку было видно, какъ море кипитъ черными водоворотами. И водовороты мѣняются, перемѣщаются, сливаются съ другими водоворотами, и своимъ непрерывнымъ движеніемъ напоминаютъ сѣверное сіяніе. Зажигаютъ горсть стружекъ и бросаютъ внизъ въ водовороты, и въ тотъ же мигъ море на этомъ мѣстѣ все въ огнѣ. Море горитъ. Черные вихри—нефтяной газъ. И мы должны плыть взадъ и впередъ въ пламени и тушить огонь винтомъ.

Мы ѣдемъ дальше и высаживаемся на берегъ. Земля влажна и жирна отъ масла, а по песку идешь, какъ въ

мыль, и здѣсь преобладаетъ рѣзкій запахъ нефти и керосина и вызываетъ у насъ, непривычныхъ, головную боль. Область нефти раздѣлена на бассейны, на окруженные песочными валами озера; но бесполезно замыкать масло, оно просачивается въ валы и дѣлаетъ и ихъ жирными и влажными.

Сырая нефть была извѣстна евреямъ и грекамъ древности, и здѣсь на Апшеронскомъ полуостровѣ, она очень долгое время употреблялась населеніемъ на топливо и освѣщеніе. Но только въ послѣдніе тридцать лѣтъ стали добывать изъ нея керосинъ. Не говоря уже о „13 сортахъ въ стаканахъ“, какъ еще болѣе позднихъ продуктахъ. Теперь здѣсь, сколько видитъ глазъ,—цѣлый городъ буровыхъ башенъ, самый злокачественный въ мірѣ и невѣроятный городъ черныхъ, жирныхъ, грубосколоченныхъ буровыхъ башенъ. Но въ нихъ грохочутъ машины день и ночь; рабочіе перекрикиваются, чтобы заглушить шумъ, башни дрожатъ отъ чудовищнаго бурава, который врѣзается въ землю. Рабочіе—персы и татары.

Мы входимъ въ одну изъ башенъ. Я задѣваю шляпой балку, и шляпа становится такъ жирна и черна, что она, повидимому, испорчена навсегда; но меня увѣряютъ, что на фабрикахъ въ Баку дѣло одного мгновенія удалить изъ нея масло химическимъ путемъ. Шумъ ужасенъ; смуглые татары и желтые персы стоятъ, каждый у своей машины, и наблюдаютъ за работой. Здѣсь откачивается нефть: черпало уходитъ въ землю и черезъ 50 секундъ возвращается назадъ съ 1.200 фунтовъ нефти, потомъ снова уходитъ, остается 50 секундъ въ землѣ и возвращается назадъ съ новыми 1.200 фунтовъ нефти—круглая сутки, все время. Но скважина стоила денегъ, она—глубиною въ 500 метровъ, и бурили ее годъ, и она обошлась въ 60.000 рублей.

Мы идемъ къ другой башнѣ: здѣсь бурягъ. Скважина еще суха, буравъ работаетъ день и ночь въ песокъ и камнѣ,

въ скалѣ. Эта скважина—прихотливая скважина, она извѣстна своимъ своенравіемъ во всемъ городѣ башенъ. Это мѣсто нашли въ прошломъ году; были вѣрные признаки нефти, какъ, впрочемъ, во всѣхъ здѣшнихъ мѣстахъ, и начали бурить. Проникли на 50 метровъ въ землю, стало быть, почти никуда не проникли,—вдругъ нефть вырывается вверхъ, неудержимый фонтанъ взлетаетъ надъ землей, убиваетъ людей, разрываетъ башню. Фонтанъ дикъ и безпорядоченъ, онъ выбрасываетъ нефть съ такой неудержимой силой, что образуетъ вокругъ себя озеро, заливая землю. Стараются запрудить его и насыпаютъ валы, но плотины слишкомъ тонки, приходится возводить новые валы, внѣ первыхъ—фонтанъ выбрасываетъ нефти на полтора милліона рублей въ сутки. Въ двое сутокъ. Потомъ останавливается. И никакою земною силой нельзя было заставить его дать еще хотя бы одинъ литръ нефти. Онъ закупорилъ скважину. Очевидно, онъ нашелъ скалу въ нѣдрахъ земли и закрылъ ею отверстіе. Потомъ все время бурили и бурили, но безуспѣшно; теперь проникли на 650 метровъ въ глубину, все напрасно. И продолжаютъ бурить; вѣдь кончится же скала когда-нибудь. Желтые персы и черные татары стоятъ тамъ съ опасностью для жизни; начнетъ бить этотъ буянъ, какъ въ тотъ разъ, и Аллахъ вскинетъ всѣхъ людей вверхъ, сквозь крышу буровой скважины, и въ одинъ мигъ разорветъ ихъ въ куски. Но, видно, такъ судилъ Аллахъ. *La illaha il Allah.*

Этого шума машинъ первоначально не знало это мѣсто. Америка осквернила его и внесла свой лягъ въ святыню. Потому что это—область „вѣчнаго огня“ древности. Отъ Америки здѣсь никуда не убѣжишь: способъ буренія, машины, самъ продуктъ перегонки, керосинъ, все это—Америка,—маккавей жгли „густую воду“ для очищенія храма. И уставъ отъ шума и полуслѣпнувъ отъ нефтяныхъ газовъ, мы собираемся покинуть эти мѣста и уѣзжаемъ домой на пароходѣ Роберта Фултона.

Завтра мы осмотримъ Сураканы. Слава Богу, тамъ долженъ быть храмъ Огню.

Очевидно, мы заимствовали очень много нашихъ религиозныхъ представлений у иранскихъ племенъ. Древніе израильтяне никакъ не могли остаться внѣ духовнаго вліянія окружающихъ народовъ, кое-что они заимствовали у Египта во время своего пребыванія тамъ, кое-что у Ассирии, Вавилона, Персіи. Судя по Ветхому Завету, дѣятельность злыхъ духовъ, одержимость дьяволомъ были еще неизвѣстны Израилю; у персовъ же, добрыхъ и злыхъ духовъ было великое множество. Жители Месопотаміи, судя по надписямъ, переняли эти представленія отъ персовъ и занесли ихъ на западъ, къ сирійскимъ племенамъ, и во времена Христа, по крайней мѣрѣ, въ Иудеѣ ученіе о духахъ и дьяволахъ было уже въ полномъ цвѣтѣ. И теперь оно вошло въ христіанство. Послѣ чего оно перешло ко многимъ народамъ и сожгло много вѣдьмъ на кострахъ. Потомъ дошло даже до Финмаркена и сожгло много женъ, которыя были настолько одержимы, что не могли плыть по водѣ „какъ плотъ“.

И вотъ мы стоимъ на томъ мѣстѣ, откуда христіанство заимствовало свое поэтическое представленіе о „вѣчномъ огнѣ“. Здѣсь таился въ землѣ огонь, который не нуждался ни въ какомъ питаніи, онъ горѣлъ совершенно самъ собой и никогда не погасалъ, такой огонь былъ святъ. Древніе были такіе плохіе ученые, они не знали, что нефть возникла изъ доисторическаго растительнаго міра, какъ и каменный уголь. Они совсѣмъ не знали, что позднѣе наука оставила эту теорію и перешла къ другой: что нефть обязана своимъ происхожденіемъ животнымъ веществамъ въ землѣ, говоря прямо, рыбамъ. Древніе были такъ глупы въ наукѣ. Они знали только эту густую воду, они зажигали ее и она горѣла, горѣла вѣчно. Они поставили ее въ связь съ Митрой, съ солнцемъ, которое тоже горѣло вѣчно и было ликомъ

Бога. И эта вода была священна для нихъ, они поклонялись ей, совершали паломничества къ ней. И когда кто-то воздвигъ храмъ надъ этимъ источникомъ огня, то ихъ признательность была безпредѣльна.

Но потомъ среди добрыхъ иранцевъ родился великій основатель ихъ религіи, по имени Зардуштъ, Заратустра. Ему казалось, что его народъ поклонялся чужимъ богамъ— какъ всѣ основатели религій думаютъ о своемъ народѣ— и вотъ онъ училъ, что теперѣ не нужно столько боговъ. Онъ рѣшилъ, что долженъ быть одинъ добрый богъ, именуемый Ормуздомъ, и одинъ злой богъ, именуемый Ариманомъ. Этого было достаточно. Но съ теченіемъ времени ему понадобился еще одинъ богъ, и онъ долженъ былъ стоять выше всѣхъ другихъ и долженъ былъ называться Митрой. И Митра дѣйствительно былъ великъ въ Иранѣ.

И этому самому Митрѣ поклонялись и здѣсь, у священнаго огня возлѣ Баку.

И Заратустра обосновалъ свою религію глубже и завершилъ ее. Онъ училъ, что кромѣ трехъ боговъ, изъ которыхъ Митра былъ главный, были еще три разряда добрыхъ сверхъестественныхъ существъ, ангеловъ, которые также были выше людей. Потомъ были три разряда злыхъ сверхъестественныхъ существъ, демоновъ, дьяволовъ. Однимъ словомъ, Заратустра научилъ христіанство многимъ хорошимъ вещамъ.

И все было хорошо и прекрасно.

Но вотъ случилось, что иранцамъ было мало однихъ боговъ, и имъ нужны были и богини. *Ou est la femme?*— говорили они. И они назначили богиней одну женщину, и ее звали Анаитисъ. Но теперь-то начали измѣнять и улучшать ученіе Заратустры и стали брать боговъ безъ разбора, даже изъ Вавилона, даже изъ Греціи, и народъ снова впалъ въ идолопоклонство и многобожіе. Иранскіе цари презирали ученіе Заратустры, оно было не иноземное и, стало быть,

много ли въ немъ блеска? Цари покровительствовали эллинству, и самъ народъ нашель маленькую прорѣху въ своей религии и указываль на эту прорѣху и подняль шумъ. Это было начало Добра и Зла, котораго Заратустра не выяснилъ, взаимоотношеніе между добрымъ богомъ и злымъ. Иранцы говорили такъ: если добро и зло возникли изъ Ормузда, стало быть, изъ одного и того же основного существа, то они утрачиваютъ свой характеръ абсолютныхъ противоположностей,—объясни же намъ это маленькое обстоятельство, говорили они, мы называемъ это прорѣхой. Какъ видите, иранцы не знали нашей мудрости въ этомъ вопросѣ, мы объясняемъ подобную мелочь змѣемъ и яблокомъ.

Между тѣмъ, благодаря этому, ученіе Заратустры утратило свое вліяніе, и, когда странюю завладѣли магометанскіе калифы, оно было почти искоренено. Но нѣсколько твердо вѣрующихъ переселились, съ незыблемымъ ученіемъ, въ Индію и живутъ тамъ до сихъ поръ подъ именемъ парсовъ, другіе же уцѣлѣли въ Персіи, всего нѣсколько тысячъ, такъ называемые гебры, огнепоклонники. Нѣкоторые изъ нихъ до самаго послѣдняго времени жили возлѣ храма Огня близъ Баку.

Поэтому сюда пріѣзжали на поклоненіе и парсы изъ Индіи и гебры изъ Персіи. Для этихъ благочестивыхъ людей Митра былъ тотъ же, что прежде, Богъ надъ богами, вѣчный, какъ солнце и вѣчный огонь. У человѣка не было болѣе священнаго мѣста. У выскочекъ, у магометанъ, была одна Медина, и въ Мединѣ была только гробница; здѣсь же былъ живой огонь, своего рода солнце въ землѣ, Богъ. Еще вдали, при первомъ появленіи бѣлаго храма, пилигримы бросались на землю и трепетали, и смиренно, часто падая ницъ, они приближались къ храму. Бѣдные и нищіе стали эти люди, выскочки сдѣлались господами ихъ народа и оттѣснили ихъ самихъ въ глухой уголь ихъ собственной земли; но въ ихъ сердцахъ было великое утѣшеніе, что

только они одни и вѣровали въ единого и истиннаго Бога. Магометанскіе калифы и персидскіе шахи подвергали ихъ горькому гоненію, когда они шли къ своему бѣлому храму: но такъ велика была ихъ вѣра, что они предпочитали надѣвать нечистое платье выскочекъ, чѣмъ отказаться отъ своего опаснаго пугешествія въ Баку.

И когда они прибывали къ храму, то вокругъ этого благословеннаго дома оказывались маленькія кельи и убѣжища, гдѣ они могли жить. И въ каждой кельѣ горѣла маленькая керосиновая лампа, маленькое, никогда не изсякавшее, солнце. И здѣсь гебры и парсы лежали ницъ и были далеко отъ міра.

Но вотъ, въ эти мѣста вторглась и завывла Америка. И когда однажды явились пилигримы, то они нашли керосиновый заводъ подлѣ самой святыни. Всѣ маленькія солнца въ кельяхъ погасли, всѣ струи газа потекли на фабрику.

Тогда гебры и парсы мало-по-малу покинули это мѣсто. Пришлецы съ востока воевали съ ними, но пришлецы съ запада побѣдили ихъ. И, побѣжденные, они удалились въ глухой уголь своей земли. Ихъ святыня при Баку стала теперь одною сказкой. Но живой огонь будетъ святъ для нихъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній изъ этихъ вѣрующихъ не умретъ. Потому что они—огнепоклонники.

XVII.

Мы не можемъ получить денегъ здѣсь по нашему аккредитиву, этому французскому документу, гдѣ звучитъ столь благодатно крупная сумма. Даже отдѣленіе нашего Тифлисскаго банка въ Баку раньше не видѣло такой бумаги и, нерѣшаясь выдавать намъ по ней деньги, отослало насъ въ Тифлисъ. Ничего не подѣлаешь, мы должны еще разъ ѣхать въ Тифлисъ.

Но деньги намъ были нужны сейчасъ же, нужно было уплатить по счету въ гостиницѣ, и, кромѣ того, мы хотѣли

купить кое-что въ городѣ. По совѣту инженера, я отправился къ директору фирмы Нобеля, г-ну Гагелину, одновременно и шведско-норвежскому консулу въ Баку, и получилъ отъ него сто рублей. Я получилъ эти деньги по первому же слову и росписка была отклонена. Г. Гагелинъ былъ изысканный, любезный человекъ и вдобавокъ снабдилъ насъ рекомендательнымъ письмомъ къ одному высокопоставленному лицу въ Тифлисъ. Онъ не спѣшилъ, у него нашлось время выслушать мое маленькое объясненіе, что эти деньги мнѣ нужны теперь же, и что я отошлю ихъ ему изъ Тифлиса. Да, спасибо, хорошо, отвѣтилъ онъ и полѣзъ въ свой ящикъ за бумажками. Я хотѣлъ показать ему аккредитивъ, но это было излишне—сказалъ онъ,—и только когда я развернулъ бумагу, онъ лишь мелькомъ заглянулъ въ нее. Но тогда дѣло уже было кончено. Было довольно таки пріятно встрѣтить это довѣріе, вмѣсто того, чтобы сперва услышать вопросъ объ аккредитивѣ. И все-таки мнѣ ни на одинъ мигъ не показалось, что я не стою здѣсь передъ большимъ дѣльцомъ. Взглядъ, который онъ бросилъ на бумагу, вполне опредѣленно упалъ на показанную въ ней сумму, на самое существенное, главное.

На обратномъ пути въ Тифлисъ, въ нашемъ купѣ сидѣли два странно одѣтыхъ человека, желтые азіаты, одинъ въ бѣломъ, другой въ сѣромъ кафтанѣ, поверхъ шелкового нижняго платья. Брюки у нихъ широки, какъ юбки, на ногахъ—длинные сапоги изъ краснаго сафьяна, голенища натянуты на брюки и вышиты на пяткахъ. У нихъ пояса, но нѣтъ оружія. У обоихъ тюрбанообразныя шапки на головахъ и на пальцахъ у нихъ кольца съ бирюзой.

Татарскаго вида господинъ въ европейскомъ платьѣ разговариваетъ съ ними. Тотъ же татаринъ знаетъ немного по-нѣмецки и можетъ объяснить намъ, что тѣ двое—изъ Бухары и теперь ѣдутъ въ Медину. Пилигримы во второмъ

классѣ въ поѣздѣ! Это—богатые купцы, у нихъ есть средства на путешествіе.

Купцы ведутъ себя странно, они снимаютъ сапоги и сидятъ босые въ виду жары. Впрочемъ, у нихъ были чистыя и очень красивыя ноги. Русскій кондукторъ, проходя мимо, кратко приказалъ имъ надѣть сапоги снова, и они повиновались. Повиновались, но безъ смущенія: разумѣется, имъ приходится преклониться передъ обычаемъ чужой страны, но вѣдь бухарскіе обычаи—самые лучшіе. Они гордились Бухарой, не было ничего равнаго Бухарѣ. Они вынули изъ мѣшковъ свою ѣду, она состояла изъ твердыхъ, какъ камень, пшеничныхъ сухарей съ маленькими дырками, и изюма. Они предлагали и намъ попробовать и гордо говорили: кушайте, бухарское добро! Ихъ чайники были изящной формы и, конечно, стоили не мало, бока у нихъ были эмалированы и усѣяны камнями.

Татаринъ, какъ такой же магометанинъ, даетъ намъ кое-какія объясненія на наши вопросы.

Почему эти двое совершаютъ такое далекое путешествіе? У нихъ же есть свой святой гробъ въ Бухарѣ.

Татаринъ спрашиваетъ купцовъ и узнаетъ, что да, у нихъ есть гробница Бахединна. Но у нихъ нѣтъ гроба Пророка. И у нихъ нѣтъ Мекки, какъ нѣтъ и горы Арафа.

Какой дорогой они ѣдутъ?

Черезъ Константинополь въ Дамаскъ, гдѣ они присоединятся къ каравану.

— А не больше ли была бы заслуга ѣхать сухимъ путемъ? Я читалъ объ этомъ.

— Пророкъ не воспретилъ ѣздить морскимъ путемъ.

— А сами вы откуда будете?—спрашиваю я татарина.

— Я изъ Тифлиса.

— Гдѣ же вы изучили бухарскій языкъ?

— Я не былъ въ Бухарѣ.

— Но гдѣ же вы изучили бухарскій языкъ?

— Я не изучалъ бухарскаго языка. Я изъ Тифлиса.

— Вы же говорите на языкѣ купцовъ?

— Нѣтъ, они говорятъ на моемъ. Они—купцы, вотъ они и выучились. И съ большимъ презрѣніемъ прибавляетъ: А я не изучалъ бухарскаго языка.

— Но вы же изучали нѣмецкій?—спрашиваю я и не понимаю его разсужденія.

— Я знаю еще русскій и англійскій,—гордо отвѣчаетъ онъ. И оказалось, что онъ зналъ нѣсколько англійскихъ словъ.

Конечно, мы имѣли дѣло съ *современнымъ* татаринѣмъ.

Онъ обращался съ обоими пилигримами очень свысока и смѣялся, когда имъ было приказано снова надѣть сапоги. Но больше всего насъ удивило то, что онъ носилъ современный револьверъ въ карманѣ. Онъ вынулъ этотъ револьверъ и показалъ пилигримамъ, но мы получили впечатлѣніе, что онъ, собственно, хотѣлъ похвастать передъ нами. Было интересно встрѣтить такого человѣка.

Отъ поры до времени, когда поѣздъ останавливался, оба паломника выскакивали изъ купе и бѣжали къ опредѣленному вагону въ поѣздѣ, гдѣ они начинали принимать разныя позы: нагибались впередъ, и выпрямлялись, и кланялись, и складывали обѣ руки на груди. Татаринъ объясняетъ намъ, что въ поѣздѣ ѣдетъ эмиръ бухарскій, и передъ нимъ-то стоятъ они и дѣлаютъ эти странныя движенія.

— Самъ эмиръ бухарскій?

— Да.

— Онъ тоже ѣдетъ въ Медину?

— Нѣтъ. Онъ ѣдетъ въ Константинополь, къ султану.

Мы немного говоримъ объ этомъ. Въ такомъ случаѣ, мы въ очень тонкомъ обществѣ. Эмиръ сидитъ въ вагонѣ перваго класса, въ самомъ концѣ вагона, объяснилъ татаринъ, и вся его безчисленная свита ѣхала во второмъ и третьемъ классѣ, по чину. Мы больше не удивлялись, что

поѣздъ такой длинный. Но почему же въ Баку не было большого движенія, разъ тамъ былъ эмиръ бухарскій? Татаринъ находитъ это вполне естественнымъ; вѣдь эмиръ бухарскій не царь. Но онъ же правитъ большою и извѣстною страной съ милліонами жителей? Да, но надъ нимъ стоитъ царь; царь правитъ многими странами и ста двадцатью милліонами людей.

Я защищалъ эмира бухарскаго самымъ безкорыстнымъ образомъ; но татаринъ стоялъ за царя.

Мы почувствовали желаніе посмотрѣть на этого подлиннаго восточнаго правителя, и мы начали сами ходить къ единственному въ поѣздѣ вагону перваго класса, чтобы хоть однимъ глазомъ взглянуть на него; но намъ не удавалось. Наконецъ, мы начали, повидимому, приближаться къ Тифлису, а эмира бухарскаго мы все еще не видѣли. Я рѣшаю пойти въ первый классъ и посмотрѣть.

У дверей не видно никакой стражи, и такъ какъ всѣ вагоны—проходные, то я пробираюсь туда безъ всякой помѣхи, пока мы ѣдемъ. Я заглядываю во всѣ отдѣленія въ первомъ классѣ, но не нахожу никого, кто бы могъ быть эмиромъ, тамъ сидитъ лишь нѣсколько бѣлогрудыхъ европейцевъ. Тогда я обхожу весь третій классъ и ищу свиты эмира, и тамъ дѣйствительно сидитъ много всякихъ мужчинъ и женщинъ на деревянныхъ скамейкахъ, но никто не кажется мнѣ принадлежащимъ къ свитѣ эмира.

Татаринъ обманулъ меня.

Я пробираюсь назадъ черезъ всѣ вагоны; во время моего продолжительнаго путешествія поѣздъ свиститъ передъ Тифлисомъ, и я возвращаюсь въ свое купе какъ разъ въ ту минуту, когда поѣздъ останавливается. Оба пилигрима приводили въ порядокъ свои матрацы и свои мѣшки; татаринъ исчезъ.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что татаринъ издѣвался надъ нами и просто сочинилъ эту исторію объ эмирѣ бухарскомъ.

Теперь намъ не удалось увидѣть уже второго восточнаго властелина, считая хана Баку, котораго уже давно не стало.

Теперь мы поняли, почему пилигримы предпринимали эти путешествія къ вагону перваго класса: они творили тамъ свои молитвы и предпочли дѣлать это передъ тихимъ вагономъ, гдѣ никто не высывался изъ оконъ.

Пилигримы? Они, пожалуй, даже не пилигримы; проклятый татаринъ могъ и тутъ солгать. Попадись онъ мнѣ, я бы показалъ ему! Но зачѣмъ онъ вообще дурачилъ насъ? Пожалуй, изъ простаго желанія устроить себѣ забавное зрѣлище. Я читалъ, что жители Востока могутъ устраивать иногда самыя уморительныя штуки съ путешествующими „англичанами“ и надрываются отъ самаго блаженнаго смѣха, когда это удается. Строго говоря, нѣтъ ничего удивительнаго, что восточные жители нѣсколько вознаграждаютъ себя за назойливость и любопытство жителей Запада. Сами они считаютъ ниже своего достоинства обнаруживать изумленіе передъ чѣмъ бы то ни было, тогда какъ мы таращимъ глаза на необычныя вещи, показываемъ другъ другу, издаемъ восклицанія. Я видѣлъ араба, пріѣхавшаго въ Парижъ. Онъ шелъ по улицамъ въ своемъ бѣломъ развѣвающимся одѣяніи, и парижане, этотъ сверхъ всякой мѣры безшабашный народъ, были тотчасъ же поражены такимъ рѣдкимъ зрѣлищемъ. А арабъ шелъ своимъ спокойнымъ шагомъ.

Татаринъ, ты былъ правъ, проучивъ насъ!

Но намъ нужно было выяснить, въ самомъ ли дѣлѣ мы ѣхали съ пилигримами. Я подхожу къ одѣтому въ бѣлое бухарцу, показываю прямо на него и потомъ показываю на югъ и спрашиваю:

Медина?

Онъ этого не понимаетъ.

Я роюсь въ моемъ словарѣ и нахожу имя по-арабски. Тогда лицо у него проясняется, и бухарецъ въ сѣромъ подходить и показываетъ на себя и на югъ и отвѣчаетъ:

Medinet el Nabi Om el Koga, въ Медину и Мекку.

Я снимаю шляпу передъ ними и низко кланяюсь. И за это они, повидимому, уважали меня, хотя я не могъ сказать ни слова и пожелать имъ счастливаго пути.

*

Я отправляюсь одинъ въ Тифлисскій банкъ за деньгами и обѣщаю скоро вернуться. Но въ банкѣ отвѣтили, что еще слишкомъ рано, соответствующій служащій не придетъ раньше десяти; я долженъ ждать. Тогда я ухожу въ городъ, смотрю на людей и въ окна магазиновъ и покупаю фотографіи. Здѣсь я между прочимъ купилъ и эмира бухарскаго и его перваго министра, снятыхъ вмѣстѣ. Солнце поднимается быстро и становится жарко, свѣтлое утро, и въ паркѣ поютъ маленькія птички знакомыми голосами. Въ десять часовъ я вернулся въ банкъ, нашель соответствующее окошко и соответствующаго служащаго и передалъ мой аккредитивъ. Пока я стою у отверстія, я сдвигаю шляпу на затылокъ отъ жары.

Тогда является посланный отъ директорскаго стола, чтобы я снялъ шляпу. Я смотрю на маленькаго татарина, который посылаетъ мнѣ приказаніе,—Господи, это же—тотъ самый человекъ, который одурачилъ меня исторіей съ эмиромъ бухарскимъ. Пока я смотрю на него, онъ сидитъ и дѣлаетъ мнѣ рѣзкіе знаки обнажить голову.

Мнѣ уже больше не кажется, чтобы высокомѣрный татаринъ имѣлъ право учить меня, напротивъ, у меня снова появляется желаніе истребить его. При самомъ моемъ входѣ въ банкъ я видѣлъ, что здѣсь много татаръ, грузинъ и русскихъ военныхъ сидѣло въ шапкахъ, почему же тогда я-то долженъ снимать шляпу? Чтобы заманить директора къ себѣ, я иронически низко снимаю передъ нимъ шляпу и снова надѣваю ее. И даже нѣсколько разъ опускаю руку до полу, чтобы стѣтнуть, какъ низко я кланялся. Тогда служащіе вокругъ меня начали хихикать. Директоръ под-

нялся со своего стула и направился ко мнѣ. Развѣ я не видѣлъ, что у него былъ револьверъ въ карманѣ? Смѣлъ я оказывать сопротивленіе такому-то человѣку? Но уже приближаясь ко мнѣ издали, онъ больше не шель такимъ рѣшительнымъ шагомъ и, подойдя ко мнѣ, онъ вполне дружелюбно сказалъ, что здѣсь принято снимать шляпы, когда приходятъ въ домъ. Въ этомъ онъ былъ до извѣстной степени правъ, и я уже не могъ убивать его, разъ онъ повернулъ дѣло такъ, и я былъ радъ, въ душѣ, что мнѣ ненужно убивать его. Но я ему прямо заявилъ, что я не намѣренъ выслушивать его замѣчанія, здѣсь онъ—мой слуга, я оказалъ ему честь, приказавъ выписать аккредитивъ и на его маленькій банкъ. Наконецъ онъ присмирѣлъ и просилъ меня присѣсть, пока я ждалъ.

Теперь мой татаринъ сидѣлъ и хотѣлъ продолжать подтрунивать надъ своимъ „англичаниномъ“. Но когда шутки больше не удались, онъ тотчасъ же присмирѣлъ. Онъ даже пересталъ расчитывать на уваженіе къ его револьверу, на эту бездѣлушку, пользующуюся въ Европѣ такимъ глубокимъ почетомъ, онъ совершенно присмирѣлъ. Его превосходство было не врожденное, онъ выучился ему, напустилъ его на себя; въ этомъ сказала европейская деморализація.

Въ какомъ-нибудь европейскомъ банкѣ онъ, видно, выучился еще и тому, что въ банковомъ учрежденіи нужно быть важнымъ и натянутымъ. Банкъ не лавка; гни спину здѣсь! Богъ знаетъ, откуда взялась вначалѣ эта важность; она должна была возникнуть изъ преклоненія передъ деньгами, золотомъ. Когда входишь въ банкъ, то прежде всего на всѣхъ окошкахъ читаешь, куда обратиться. Но когда приходишь къ данному окошку, то часто отсылаютъ къ другому „прямо напротивъ“, и среди всѣхъ окошекъ на противоположной сторонѣ нужно еще потрудиться отыскать нужное. Здѣсь выкладываешь свою маленькую бумажку, чекъ къ акцептаціи и уплатѣ, и онъ заносится въ книгу и отсылается

ко второму и третьему окошку, гдѣ его опять записываютъ въ книги и подтверждаютъ, и наконецъ клиентъ долженъ самъ отыскать послѣднее окошко, гдѣ человѣкъ будетъ столь счастливъ, что получить деньги. И при всѣхъ этихъ строгостяхъ и формальностяхъ клиентъ стоитъ, какъ проситель; уже у перваго окошка, откуда его отсылаютъ къ окошку „прямо напротивъ“, онъ замѣчаетъ по тону, что здѣсь очень тяжелая дѣятельность. Но вся эта процедура совершается убійственно медленно, чего, конечно, не бываетъ въ любомъ другомъ учрежденіи.

А вѣдь банкъ—лавка, торговая лавка, гдѣ покупаютъ и продаютъ. А завѣдующіе здѣсь—тѣ же слуги, торговцы, что и въ другихъ лавкахъ. Но только попробуйте думать такъ!

Банкамъ не мѣшало бы поучиться немного у почтоваго вѣдомства. Вѣдь почтовое вѣдомство оперируетъ съ количествомъ денегъ и денежныхъ цѣнностей въ тысячу разъ большимъ, чѣмъ большинство банковъ, и все же не прибѣгаетъ ни къ какимъ чудачествамъ. Человѣкъ пишетъ свою фамилію на листѣ бумаги, вручаетъ листъ и получаетъ денежное письмо.

Я не знаю болѣе легкаго и счастливаго способа полученія денегъ, какъ по почтѣ. Эти деньги приходятъ утромъ, пока еще человѣкъ не всталъ, онъ будятъ человѣка, онъ являются съ неба. И всѣ дурные ночные сны о комъ-то, что приходитъ и беретъ мебель, забываются въ тотъ же самый мигъ...

Мы много часовъ бродимъ по Тифлису и попадаемъ въ азіатскій кварталъ и разсматриваемъ металлическія издѣлія и ковры и жителей Востока. А время уходитъ. И когда я наконецъ прихожу въ почтовое отдѣленіе, чтобы отослать консулу Гагелину сто рублей, то оказывается уже поздно, денежная экспедиція заперта. Тогда у насъ опять оказывается достаточное основаніе еще разъ посѣтить азіатскій кварталъ.

Но вечеромъ мы убѣждаемся, что намъ еще нельзя оставаться съ Кавказомъ. Теперь мы снова были въ Тифлисъ, но мы должны ознакомиться немного и съ западной частью страны, съ Грузіей, Гуріей,—и въ ближайшій день, къ вечеру, мы сидѣли въ поѣздѣ по дорогѣ въ Батумъ на Черномъ морѣ.

XVIII.

Не очень много увидишь въ странѣ изъ окна желѣзнодорожнаго вагона. Будь у насъ возможность и время, мы бы предприняли это путешествіе на лошадахъ, верхомъ, и сдѣлали длинныя поѣздки въ боковыя долины. Теперь же намъ приходилось смотрѣть на мѣстность, по которой мы ѣхали, изъ окна и наблюдать людей, ѣхавшихъ вмѣстѣ съ нами. Конечно, и того и другого оказалось болѣе, чѣмъ достаточно.

Мы ѣдемъ много, много часовъ, а мѣстность бесплодна; но это мало-по-малу мѣняется, и наконецъ мы попадаемъ въ самую плодородную область Кавказа. Растительность здѣсь до того роскошна, что я не видѣлъ ничего подобнаго. Лѣса кажутся непроницаемыми, и когда мы останавливаемся на станціяхъ и можемъ присмотрѣться нѣсколько ближе, то лѣса стоятъ въ сплошной ткани вьющихся растений. Здѣсь растутъ каштаны, грецкій орѣшникъ и дубъ, а подъ ними кусты мелкаго орѣшника. На расчищенныхъ подъ пашню маленькихъ участкахъ разводится кукуруза, виноградъ и всякаго рода фрукты, все стоитъ и кипитъ, и растетъ, и зрѣетъ на корню, всюду пахнетъ яблоками. Мы всматриваемся въ этотъ благословенный, безпримѣрный край; здѣсь такая красота и богатство, и мы видѣли это! Мѣсяцъ взошелъ раньше захода солнца, звѣзды и здѣсь высыпали роємъ и поѣздъ плыветъ въ серебряномъ морѣ надъ землею.

Намъ теперь не видно почти ничего, кромѣ линій, но

линіи тонкія. Здѣсь и возвышенности, и холмы, и долины. силуэты скалъ. Костеръ въ иномъ селѣ—какъ кровь въ бѣломъ свѣтѣ. И всюду вечеръ и ночь безмятежно тихи и теплы. Я могу замѣтить, что здѣсь выпадаетъ обильная роса, мои перчатки прилипаютъ къ рукамъ, и моя желтая шелковая куртка нѣсколько темнѣетъ отъ сырости. И лихорадка гонитъ меня прочь съ платформы.

Но въ докучномъ купѣ почти немислимо оставаться, въ немъ такой же скудный свѣтъ и мое единственное чтеніе—все та же старая газета. Я коротаю время въ попыткѣ заставить мои часы ходить; потому что теперь они стояли. И меня не удивляло, что они наконецъ устали, вѣдь я то и дѣло переводилъ ихъ впередъ и назадъ, впередъ и назадъ, въ послѣднія недѣли. Одно время было въ Петербургѣ и одно въ Москвѣ, когда мы подѣхали къ Дону, настало совсѣмъ другое время, а во Владикавказѣ намъ пришлось поставить часы на полчаса впередъ. Но теперь время мѣнялось каждый день, при перевалѣ черезъ горы въ Тифлисъ; наконецъ-то у насъ былое постоянное время, въ тѣ дни, которые мы провели здѣсь. Но не успѣли мы пріѣхать въ Баку, какъ весь этотъ нефтяной народъ сталъ смѣяться надъ нашимъ жалкимъ тифлисскимъ временемъ и заставилъ насъ принять свое. И теперь, когда мы снова вернулись въ Тифлисъ, время Баку не годилось для обѣдовъ и отхода поѣзда. Мои часы, раньше, выносили все; теперь они остановились. Въ сущности было забавно видѣть въ нихъ такую самостоятельность, послѣ того какъ я такъ во-дилъ ихъ за носъ.

Провозившись столько времени съ часами и частью разобравъ ихъ и не имѣя возможности снова собрать ихъ безъ множества инструментовъ, я завязалъ все въ мой носовой платокъ. Я предпринялъ экскурсію къ концу поѣзда въ третій класъ. Здѣсь еще никто не ложился; кавказцы не спятъ. Я ишу себѣ мѣста, какъ если бы я былъ здѣсь дома,

и два имеретинца нѣсколько подвигаются и предлагают мнѣ сѣсть. Въ отвѣтъ я даю имъ по сигарѣ, и они благодарятъ меня. Но у меня не было больше сигаръ для тѣхъ, кто сидѣлъ противъ насъ.

Здѣсь было непростительно много клоповъ; но во всякомъ случаѣ лучше было не ложиться, чѣмъ спать въ такихъ жалкихъ условіяхъ, и я курилъ и съ радостью наблюдалъ моихъ спутниковъ. Повидимому, всѣ они были бѣдные люди, но всѣ были одѣты по-черкесски, съ оружіемъ и прочими принадлежностями. Нѣсколько мужчинъ украсили свои головы гладко-вышитыми платками, своего рода коврикомъ, который стягивался узломъ на затылкѣ. Они были красивые люди. Женщинъ здѣсь не было.

Вскорѣ, мнѣ все-таки стало нѣсколько скучно сидѣть здѣсь и не понимать ни одного живого слова изъ того, что здѣсь говорилось, и такъ какъ здѣсь не было ни музыки, ни пѣнія, то я всталъ и пошелъ въ слѣдующій вагонъ. Здѣсь было нѣсколько спавшихъ персовъ; но всѣ остальные не спали, а сидѣли и тихо разговаривали. На одной изъ скамеекъ лежитъ балалайка среди прочаго багажа, и я прошу сидящихъ поближе сыграть, но они не отвѣчаютъ. У нихъ недружелюбный видъ, точно они знали, что у меня больше нѣтъ сигаръ. Тогда я ушелъ отъ нихъ.

Большую часть ночи я брожу изъ вагона въ вагонъ и, когда поѣздъ останавливается, я выскакиваю и развлекаюсь тѣмъ, что смѣшиваюсь съ народомъ на станціяхъ. Лихорадка при этомъ сильно трясетъ меня, и я отлично знаю, что даю ей хорошую пищу этой моей неразумной ночью жизни; но я далъ бы ей пищу и тѣмъ, что легъ бы и спать бы, т. е., поддался бы ей, и тогда я предпочитаю не спать, потому что это веселѣе. Но наконецъ я сѣлъ въ мое купѣ и проспалъ добрый часъ.

Къ счастью, я просыпаюсь какъ разъ на разсвѣтъ и снова вижу себя въ сказочной странѣ. Мы оказались нѣ-

сколько выше въ горахъ и теперь спускаемся внизъ, внизъ по изнемогающей отъ своего плодородія землѣ. Здѣсь растутъ плоды и виноградъ въ дикомъ состояніи, и живутъ и бродятъ всевозможныя птицы и звѣри въ лѣсу.

Свѣтаетъ; вскорѣ всплываетъ солнце на горизонтѣ, въ это самое мгновеніе локомотивъ подаетъ пронзительный сигналъ. Мы описываемъ дугу, я высовываюсь съ платформы и вижу, какъ работаютъ блестящія части машины. Мнѣ чудится, что я поднимаюсь и лечу, все такъ горделиво и такъ величаво; свистящій локомотивъ среди горъ несется непреодолимо и шумно, какъ богъ.

Мы скоро будемъ у цѣли. Мы видимъ море направо внизу, — Черное море.

XIX.

Батумъ—городъ съ сорока или нѣсколько больше тысячами жителей и до извѣстной степени имѣетъ тотъ же видъ, что Тифлисъ и Баку, съ большими современными каменными зданіями и маленькими забавными каменными избушками со временъ турокъ, вперемежку. Улицы въ немъ широкія, но не мощеныя, здѣсь ѣздятъ и ходятъ по песку. Въ гавани снуютъ корабли, маленькія парусныя суда изъ южныхъ городовъ, до самой Турціи, и большіе европейскіе пароходы, плавающіе въ Александрію и Марсель.

Городъ расположенъ въ болотистой и нездоровой, но плодородной мѣстности, окруженной лѣсами, полями кукурузы, виноградниками. Высоко, то здѣсь, то тамъ, горы выжжены и по ихъ голымъ склонамъ кочуютъ курды и пасутъ своихъ овецъ. Изъ темныхъ лѣсовъ торчатъ развалины замковъ. Въ такой обстановкѣ лежитъ Батумъ — на болотѣ.

Моя лихорадка здѣсь становится хуже, чѣмъ гдѣ-либо, зависитъ ли это отъ стола въ гостиницѣ, или отъ город-

ского воздуха. Мнѣ даже было очень трудно пойти на почту съ деньгами консула Гагелина. Человѣкъ изъ гостиницы провожаетъ меня туда. Помѣщеніе темное и довольно грязное. Когда я подхожу къ окошку, мой проводникъ шепчетъ: Снимите шляпу! Я посмотрѣлъ на него, онъ несъ свою шапку въ рукѣ. Я тоже снялъ шляпу и держалъ въ рукѣ. Таковъ ужъ обычай въ этой странѣ, что нужно подходить къ окошку съ непокрытой головой; и татаринъ въ Тифлисъ, пожалуй, былъ болѣе правъ, чѣмъ я.

Я сдалъ мое письмо и получилъ маленькую квитанцію. Но въ этой квитанціи я не понимаю ни слова. Она еще хранится у меня, потому что я еще до сихъ поръ не знаю, получилъ ли консулъ свои деньги.

Потомъ человѣкъ изъ гостиницы идетъ со мной къ часовщику. Это—армянинъ, какъ и мой проводникъ. Увидѣвъ, что я разобралъ свои часы, часовщикъ вскрикиваетъ и начинаетъ выражать свое сомнѣніе, возможно ли еще починить ихъ. Я объясняю, что я самъ—часовщикъ, нельзя ли безъ глупостей; я дамъ ему 1—одинъ—рубль, если онъ удалитъ песчинку, которая попала въ часы, и лежитъ тамъ и держитъ колеса. Но часовщикъ улыбается и трясетъ головой, что онъ, молъ, не станетъ чинить часовъ, даже за пять рублей. Тогда я вырываю часы и съ моимъ проводникомъ отправляюсь къ другому часовщику.

Это—старикъ, русскій, онъ сидитъ передъ своей дверью и просто грѣется на солнцѣ. Мой проводникъ беретъ на себя руководство и по собственному почину говоритъ, что я—великій чужеземный часовщикъ, который только хочетъ одолжить маленькій инструментъ, чтобы собрать свои часы. Русскій стоитъ, разинувъ ротъ, его голубые глаза широко раскрыты на меня. Какъ онъ можетъ отдать свой инструментъ? Чѣмъ же онъ самъ будетъ работать, если кто-нибудь явится съ часами. Нѣтъ, онъ не могъ. Но войдите, покажите мнѣ часы. Пружина.

Мы вошли въ лавчонку. Я доставилъ этому человѣку заработокъ. Когда онъ взялъ часы въ руки и разсматривалъ ихъ въ лупу, то на вискахъ у него выступили синія жилы, точно онъ думалъ. Онъ больше не былъ для меня чужимъ, выраженіе его лица напомнило мнѣ другихъ людей, которые стараются объяснить что-нибудь. Не такъ опасно—сказалъ онъ. Стоять—сказалъ я. Но онъ повторилъ, что это было не такъ ужъ опасно.

Онъ приставилъ длинную, тонкую трубку ко рту и дунулъ въ часы съ опредѣленнаго края. Все-таки песчинка, подумалъ я. Онъ снова разсматривалъ часы въ лупу, потомъ онъ взялъ щипцы и вытащилъ изъ часовъ маленькой кончикъ волоса и поднялъ его вверхъ. Часы въ тотъ же мигъ начали ходить. Потомъ онъ снова завинтилъ ихъ. Сколько это будетъ стоить? Тридцать копеекъ.

Такой дешевой цѣны я никогда не встрѣчалъ.

Но теперь я съ трудомъ держался на ногахъ и присѣлъ въ лавкѣ. Когда старикъ русскій узналъ, въ чемъ дѣло, онъ посылаетъ моего проводника въ аптеку за лекарствомъ. Въ это время онъ занимаетъ меня разговоромъ и, въ полномъ довѣріи, называетъ меня часовыхъ дѣлъ мастеромъ. Я приблизительно только одно это слово и понималъ.

Когда принесли лекарство, часовщикъ отмѣрилъ мнѣ полстакана. Я подумалъ: если здѣсь хининъ, то это ни къ чему. Лекарство имѣло привкусъ перечной мяты, но было жирное, маслянистое, и послѣ мнѣ долго пришлось курить, чтобы удержать его. Но оно мнѣ дѣйствительно нѣсколько помогло и настолько оживило меня, что я могъ уйти съ моимъ проводникомъ. И мнѣ съ каждымъ шагомъ становилось лучше.

*

Въ жизни въ Батумѣ есть нѣчто южно-американское. Въ столовую гостиницы приходятъ люди, одѣтые въ со-

временныя платья, въ шелку и драгоценностяхъ. И люди ѣдятъ тонкія блюда и пьютъ шампанское. Двѣ дамы—еврейки, очевидно, мать и дочь,—жалуются лакею, что ихъ салфетки не чисты. Приносятъ другія салфетки на тарелки, но даже эти не кажутся имъ чистыми и имъ нужно получить новыя салфетки въ третій разъ. Потомъ онѣ вытираютъ стаканъ, ножъ и вилку, прежде чѣмъ пользоваться ими; пальцы у нихъ жирныя и черныя, усыпанныя брилліантовыми кольцами. Потомъ онѣ ѣдятъ. Пообѣдавъ, онѣ требуютъ чашки съ водой, моютъ руки, точно онѣ дома ежедневно продѣлываютъ это, когда обѣдаютъ со своими Авраамами или Натанами. Потомъ онѣ берутъ зубочистки и чистятъ свои зубы, при чемъ онѣ закрываютъ ротъ, другою рукою, какъ дѣлали на ихъ глазахъ другіе тонкіе люди въ Батумѣ. Этикетъ различенъ подъ различными широтами; здѣсь онъ былъ такой. И одинъ стоитъ другого. Какой-нибудь французскій король дѣлалъ многое, чего не сталъ бы дѣлать китайскій императоръ. И наоборотъ.

За каждымъ столомъ въ этой кавказской столовой люди ведутъ себя неодинаково. Здѣсь сидѣлъ даже молодой китаецъ съ длинной толстой косою на спинѣ и обѣдалъ съ двумя дамами. Онъ былъ очень занятъ ухаживаньемъ за одною изъ нихъ, которая, казалось, была его невѣстой, и даже во время самаго обѣда, онъ выбѣжалъ изъ комнаты и вернулся съ цвѣтами для нея. Онъ уже пересталъ быть китаецемъ; его поведеніе было такъ самоувѣренно, и онъ щеголялъ передъ красавицею своимъ французскимъ выговоромъ. То, что онъ сохранилъ свое китайское платье, дѣлало его рѣдкостной птицею въ этихъ мѣстахъ, и молодая дама, повидимому, гордилась вниманіемъ, которое онъ обращалъ на себя.

Южно-американскій характеръ оставался вѣренъ себѣ, даже когда гости уплачивали свои счета. Они предпочитаютъ выложить излишне крупную бумажку, которую служащій

олженъ мѣнять у самого хозяина. И они даютъ много на чай. И оставляютъ вино въ бутылкахъ и стаканахъ недопитымъ. Двѣ еврейки оставили свою бутылку недопитой до половины; онѣ торопились уходить. Потому что тамъ, у стола съ китаецемъ, смѣялись и слишкомъ громко говорили, а въ этомъ было мало изящества. Онѣ бросили много недовольныхъ взглядовъ на желтаго человѣка. И вотъ онѣ ушли и сѣли въ свою карету, стоявшую у подъѣзда...

Магазины въ городѣ набиты нѣмецкими и восточными товарами, попережку. Здѣсь же можно получить турецкія и арабскія вещи, какъ персидскіе ковры и армянское оружіе. У населенія замѣтна склонность одѣваться по-европейски, даже подлинныя татары могутъ ходить въ куртки и котелки. Но въ глубинѣ души они все-таки татары: однажды мы видѣли магометанское богослуженіе, гдѣ присутствовало много такихъ, одѣтыхъ по-европейски, господъ. Но старыя персы совершенно вытѣснили ихъ своими длинными, до полу, платьями и своими тюрбанами.

Отъ поры до времени мы встрѣчали такого стараго перса на улицѣ. Онъ могъ быть такой высокій и стройный, хотя онъ былъ старъ, и онъ шелъ съ извѣстнымъ спокойствіемъ и достоинствомъ, хотя бы онъ былъ порядочно оборванъ. Однажды я шелъ за такимъ старикомъ, чтобы посмотрѣть, какъ онъ будетъ вести себя всю дорогу. Онъ шелъ домой. Онъ выходилъ на воздухъ и грѣлся на солнцѣ, теперь онъ шелъ домой отдыхать. Мы пришли къ маленькому дому съ плоской крышей и наружной лѣстницею; онъ поднялся по лѣстницѣ, вошелъ въ сѣни и сталъ взбираться по новой маленькой лѣстницѣ въ нѣсколько ступеней. Снаружи много народа смотрѣло на меня, и я былъ не очень смѣлъ, но я вошелъ въ сѣни и пробрался до послѣдней лѣстницы. Здѣсь не было ни дверей въ дверномъ пролетѣ, ни стеколъ въ оконной дырѣ въ стѣнѣ, такъ что здѣсь дуло и было холодно. Я больше не слышалъ шаговъ старика и не видѣлъ

его больше; но, поднявшись на нѣсколько ступеней, я увидѣлъ старика лежащимъ тутъ же на голомъ полу, положивъ одну изъ своихъ рукъ подъ голову. Мнѣ показалось, что это—жесткая постель для такого старика; но онъ былъ доволенъ ею. И онъ не приводилъ никакого надсмотрщика, чтобы показать, какой у него сквознякъ въ домѣ. Онъ не вскрикнулъ при видѣ меня, но у него появилось идиотское выраженіе, и, замѣтивъ, что я тревожу его, я скрестилъ руки на груди и поклонился; этимъ я имѣлъ въ виду выказать ему своего рода привѣтъ, прежде чѣмъ уйти.

Такъ вотъ, какъ лежать эти великолѣпные старики, которыхъ мы встрѣчаемъ изрѣдка днемъ, думалъ я. Повидимому, имъ не очень удобно, но они довольны своей долей и старятся и умираютъ. И если они прожили свою жизнь такъ, что могутъ нарисовать зеленый тюрбанъ на своемъ могильномъ столбѣ, то у нихъ ни въ чемъ, рѣшительно ни въ чемъ не было недостатка въ ихъ существованіи, тогда Аллахъ былъ милостивъ къ нимъ. А у нихъ вѣдь нѣтъ ни человѣческихъ правъ, ни права голоса, ни промышленныхъ союзовъ. И они не ходятъ съ газетой „Впередъ“ въ карманѣ. Бѣдный Востокъ, мы, пруссаки, мы, американцы, должны пожалѣть о тебѣ, должны!..

Въ Батумѣ есть и свои бульвары. При заходѣ солнца бульваръ на набережной кипитъ экипажами и пѣшеходами. И здѣсь есть лошади, какъ огонь, и шелестящій шелкъ, и зонтики, и улыбки, и поклоны, совсѣмъ, какъ въ южно-американскомъ городѣ. Равно какъ и здѣсь имѣются уличные щеголи, франты, въ высокихъ, какъ манжеты, воротникахъ, вышитой шелковой рубашкѣ, въ шляпѣ со шнуркомъ и съ палкой, толщиною въ руку. Щеголь и здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ, милѣйшій человѣкъ. Познакомившись съ нимъ кемного, будешь очарованъ его добродушіемъ и его услужливостью. Онъ рядится не изъ высокообрія, но онъ тоже хочетъ быть избраннымъ, и вотъ онъ выбираетъ это

внѣшнее средство, быстро ведущее къ цѣли и стоящее мало хлопотъ. Шляпа можетъ скорѣе сдѣлать человѣка извѣстнымъ, чѣмъ книга или художественное произведеніе. Этимъ пользуется щеголь: а почему бы нѣтъ? Онъ, пожалуй, даже испытываетъ в н у т р е н н ю радость быть разодѣтымъ и тогда онъ какъ бы щеголь по призванію. Богъ знаетъ, можетъ быть и его миссія въ жизни велика и оправдана. Онъ—пробный камень моды, онъ—форпостъ, онъ влечетъ моду за собой, узаконяетъ ее, вводитъ ее. И отнюдь нельзя закрывать глаза на мужество, которое при этомъ ему приходится обнаруживать иногда съ этимъ манжетомъ на шеѣ.

Я какъ разъ видѣлъ въ Батумѣ франта, у котораго были самые длинные и самые остроконечные башмаки въ мірѣ. Прохожіе смотрѣли на эти башмаки и осматривали всего человѣка и смѣялись надъ нимъ. Но онъ не уходилъ въ боковую улицу и не прятался, онъ шелъ дальше и переносилъ міръ. Нашелся болванъ, который хотѣлъ плюнуть ему на лакированные башмаки; но тогда франтъ показалъ ему свою чудовищную палку, и тотъ успокоился. Когда я приподнял шляпу и попросилъ огня, онъ тоже приподнял шляпу и далъ мнѣ огня отъ всего сердца. И пошелъ дальше, со всей своей нарядностью и со своимъ уморительнымъ шведскимъ пробормомъ на затылкѣ...

У подѣзда гостиницы изрѣдка попадался персидскій дервишъ, монахъ, студентъ богословія. Онъ былъ завернутъ въ пестрый коверъ, и онъ шелъ съ обнаженной головою и босой, съ длинными волосами и бородой. Отъ поры до времени, онъ устремлялъ тупой взглядъ на прохожаго и начиналъ что-то говорить. Въ гостиницѣ разказывали, что онъ былъ сумасшедшій, Аллахъ коснулся его, и поэтому онъ былъ трижды святъ. Если только онъ не прикидывался сумасшедшимъ. Повидимому, онъ любилъ быть на виду, вести себя какъ святой и странный, обращать на себя вниманіе и получать подаваніе. Онъ былъ такой замѣчательный человѣкъ,

что его портретъ продавался даже у фотографовъ. Повидимому, онъ привыкъ къ благоговѣнію, предметомъ котораго онъ былъ со всѣхъ сторонъ, и чувствовалъ себя хорошо, что оно не прекращалось. Онъ былъ красивый человѣкъ съ необыкновенно бѣлой кожей, русыми волосами и сверкающими глазами. Даже люди въ гостиницѣ, такіе же татары, бросали все и смотрѣли на него и благоговѣію обращались съ нимъ, когда онъ проходилъ. О чемъ же онъ говорилъ?

— Пусть онъ скажетъ что-нибудь,—сказалъ я, и потомъ расскажите мнѣ.

Швейцаръ спросилъ, чѣмъ онъ можетъ ему служить.

Дервишъ отвѣтилъ:

— Вы всѣ ходите, поникнувъ головою, а я хожу, поднявъ голову. Я вижу все, всѣ глубины.

— Давно ли онъ сталъ видѣть всѣ глубины?

— Давно.

Когда же это случилось?

— Я увидѣлъ другой міръ, тогда и случилось. Я вижу Единственного.

— Кто же—Единственный?

— Не знаю. Онъ принуждаетъ меня. Я часто бываю на горѣ.

— На какой горѣ?

— Птицы слетаютъ ко мнѣ.

— На горѣ?

— Нѣтъ, здѣсь на землѣ...

Мнѣ, конечно, хотѣлось обнаружить догадливость и понять это, какъ слѣдуетъ, и, такъ какъ онъ былъ мнѣ подозрителенъ, то я отнесся довольно свысока къ его поддѣльному сумасшествію и ушелъ, не давъ ему ничего. Но увидѣвъ, что онъ ничуть не провожалъ меня недовольнымъ взглядомъ, какъ надо было ожидать, я сталъ менѣе увѣренъ, и вернулся и далъ ему мелочи. Если этотъ человѣкъ притворялся, то притворялся мастерски. Но какъ же смо-

трѣть на эту фотографію, гдѣ онъ, казалось, позировалъ. И на эти его неподвижные гипнотическіе глаза, которыми онъ, какъ мнѣ казалось, заигрывалъ. А это вниманіе, котораго онъ, казалось, ждалъ, потому что былъ сумасшедшій. Мнѣ очень хотѣлось бы наблюдать этого человѣка, когда онъ взбирался по лѣстницѣ въ свой уголъ и ложился наединѣ..

Лихорадка истощаетъ мои силы. Лекарство часовщика, которое я продолжаю принимать, больше не помогаетъ мнѣ. И мнѣ приходится уѣзжать отсюда, не осмотрѣвъ всего, не побывавъ въ лѣсахъ и не повидавъ жилища курда. Сегодня ночью, когда, въ сильнѣйшемъ приступѣ лихорадки, я хотѣлъ разбудить кого-нибудь въ гостиницѣ, я вышелъ на улицу, въ лавку, гдѣ я видѣлъ бутылки въ окнѣ. За маленькимъ прилавкомъ стоялъ человѣкъ, а нѣсколько смуглыхъ людей сидѣли на полу и пили изъ жестяныхъ стакановъ.

Я подхожу къ прилавку и спрашиваю коньяку. Человѣкъ за прилавкомъ понимаетъ меня и ставитъ бутылку. Она—неизвѣстной мнѣ марки и на ней напечатано: Одесса. Тьфу! говорю я; нѣтъ ли другого? Онъ не понимаетъ. Я самъ достаю съ полки другую бутылку коньяку. Оказывается, что она—той же одесской марки, но на ней пять звѣздочекъ. Я смотрю на нее и изслѣдую, и нахожу, что это—простой коньякъ. Нѣтъ ли у него получше? Онъ не понимаетъ. Я считаю передъ нимъ звѣздочки, и прибавляю самъ карандашемъ еще двѣ. Онъ понимаетъ. Онъ дѣйствительно приноситъ одесскую бутылку съ шестью звѣздами. Сколько она стоитъ? Четыре съ половиною рубля. А предыдущая? Три съ половиною. Рубль за звѣзду. Я все таки взялъ бутылку съ пятью звѣздами, и оказалось, что это—чрезвычайно крѣпкій коньякъ, отъ котораго я заснулъ.

И сегодня, вопреки мудрости всѣхъ разсудительныхъ женъ и всѣхъ туристовъ, моя лихорадка меньше, хотя я пилъ коньякъ ночью.

*

Время уже къ вечеру. Я сижу здѣсь у открытаго окна и вижу голыхъ людей, ѣдущихъ купать лошадей въ Черномъ морѣ. Тѣла ихъ чернѣютъ на синей водѣ. А солнце все еще озаряетъ развалины замка Тамары, который вздымается надъ волнистымъ лѣсомъ.

Завтра мы снова ѣдемъ въ Баку и потомъ дальше на Востокъ. Стало быть, скоро мы покинемъ этотъ край. Но я всегда буду тосковать по немъ. Потому что я пилъ воду изъ р. Куры.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	стр.
Викторія	9
Въ сказочной странѣ	117

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

А. СЕРАФИМОВИЧЪ. У ОБРЫВА.—А. КУПРИНЪ. БРЕДЪ.—
С. СЕРГЪЕВЪ-ЦЕНСКИЙ. ЛѢСНАЯ ТОПЬ.—Н. ГАРИНЪ.
КОГДА-ТО...—БОР. ЗАЙЦЕВЪ. ПОЛКОВНИКЪ РОЗОВЪ.

II.

ГОРОДЪ: В. ВРЮСОВЪ. ГОРОДЪ. (Стихотвореніе).
М. ДОВУЖИНСКИЙ. ГОРОДЪ. БУДНИ. ПРАЗДНИКЪ.
Л. БАКСТЪ. УЛИЦА. Н. ГЕРИХЪ. ГОРОДЪ.

(Рисунки).

III.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

В. МУЙЖЕЛЬ. ПОКА...—А. КОЙРАНСКИЙ. ХОЛОДЪ.—
И. БУНИНЪ. У ИСТОКА ДНЕЙ.—БОР. ЗАЙЦЕВЪ. МАЙ.

II.

Стихи.

ИВ. БУНИНЪ. ПЕТРОВЪ ДЕНЬ. ПРОВОДЫ. ГЕЙМДАЛЬ.
АЛЕКСАНДРЪ ВЪ ЕГИПТЪ.

СЕРГ. ГОРОДЕЦКИЙ. РУСЬ. ВЕСНЯНКА.
АЛ. БЛОКЪ. Н. Н. ВОЛОХОВОЙ. ЛЕГЕНДА.

III.

АЛЕКСАНДРЪ ВЕНУА. „СМЕРТЬ“ 6 рис.

IV.

СЕНТЪ ЖОРЖЪ ДЕ-БУЭЛЬЕ. КОРОЛЬ БЕЗЪ ВѢНЦА.

*Разрѣшенный авторомъ переводъ съ французскаго
Зин. Венгеровой и И. В. Бинштока.*

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. ТЪМА.—ИВ. БУНИНЪ. АСТМА.—
БОР. ЗАЙЦЕВЪ. СЕСТРА.—А. КУПРИНЪ. ИЗУМРУДЪ.—
А. СЕРАФИМОВИЧЪ. ПЕСКИ.

II.

АЛ. БЛОКЪ. Стихи.
Г. ЧУЛКОВЪ. ЗОЛОТАЯ НОЧЬ. Стихи.

III.

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. ТВОРИМАЯ ЛЕГЕНДА. Романъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

БОР. ЗАЙЦЕВЪ. АГРАФЕНА.—СЕМЕНЪ ЮШКЕВИЧЪ.
ПОХОЖДЕНІЯ ЛЕОНА ДРЕЯ.

II.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. ИСПОЛНЕННОЕ ОБЪЩАНІЕ. Поэма.
АЛ. БЛОКЪ. КЛЕОПАТРА. ТЫ И Я. Стихотворенія.

III.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. СМЕРТЬ ЧЕЛОВѢКА.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ

КНИГА ПЯТАЯ.

I.

ШАЛОМЪ АШЪ. САББАТАЙ ЦЕВИ.

II.

К. БАЛЬМОНТЪ. ЛИТВА.

III.

С. СЕРГЪЕВЪ-ЦЕНСКІЙ. БЕРЕГОВОЕ.—ЛЕОНИДЪ АН-
ДРЕЕВЪ. РАЗКАЗЪ О СЕМИ ПОВѢШЕННЫХЪ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

I.

МОРИСЪ МЕТЕРЛИНКЪ. СИНЯЯ ПТИЦА.—К. БАЛЬ-
МОНТЪ. 1) КРИКЪ ВЪ НОЧИ. 2) РЕВНОСТЬ.

II.

А. БЪЛЫЙ. ГОЛОСА ВЪ ПОЛЯХЪ. Стихи.—Н. МИНСКІЙ.
1) ВИДѢНІЕ. 2) ТРЕУГОЛЬНИКЪ. Стихи.

III.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. МОИ ЗАПИСКИ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

ЛЕОНИДЪ СЕМЕНОВЪ. 1. У ПОРОГА НЕИЗБѢЖНОСТИ.
2. ЛИСТКИ. М. РОЗЕНКНОПЪ. ГОРОДЪ.—А. ЧАПЫГИНЪ.
1. ПРОЗРѢНІЕ. 2. ОБРАЗЪ.—ВѢРА ЯРОВАЯ. ТРИ КОМ-
НАТЫ.—О. МИРТОВЪ.—КАШТАНЫ.—СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦ-
КІЙ. 1. КРОТЫ 2. ЯРМАРКА. 3. СКАЛЫ.—ВЛ. ВОЛЬКЕН-
ШТЕЙНЪ. ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. Г. УЭЛЛСА

ВЪ ДЕВЯТИ ТОМАХЪ.

Подъ редакціей В. Г. ТАНА съ портретомъ и предисловіемъ автора къ русскому изданію и вступительной статьей В. Г. ТАНА.

Переводы исключительно съ оригинала В. Г. Тана, Н. А. Морозова, К. Чуковского и др.

- Томъ I. Странные рассказы.
- „ II. Когда спящій проснется.
- „ III. Грядущіе дни. Машина времени.
- „ IV. Пища боговъ.
- „ V. Борьба міровъ.
- „ VI. Дни кометы.
- „ VII. Первые люди на лунѣ.
- „ VIII. Невидимка. Островъ д-ра Моро.
- „ IX. Предвкушенія.

Вышелъ томъ I. Содержаніе: Биографія и вступ. статья.

Странные рассказы. Пер. В. Г. Тана и К. Чуковского.

КНУТЬ ГАМСУНЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ВЪ ДВѢНАДЦАТИ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ автора и критико-биографическимъ очеркомъ.

Переводы исключительно съ норвежскаго
при влижайшемъ участіи:

К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса и С. Полякова.

- Томъ I. Духовная жизнь совр. Америки. Голодь.
- „ II. Мистеріи.
- „ III. Редакторъ Люнге.
- „ IV. Новь.
- „ V. Панъ. Сіеста.
- „ VI. У вратъ царства. Драма жизни. Закать.
- „ VII. Викторія. Въ сказочной странѣ.
- „ VIII. Мункенъ. Вендтъ.
- „ IX. Поросль.
- „ X. Царица Тамара. Дикій хоръ.
- „ XI. Мечтатель. Воинствующая жизнь.
- „ XII. Подъ осенними звѣздами.

Вышли томъ V. Содержаніе: Панъ. Перев. С. Полякова.—
Сьеста. Пер. С. Полякова. Цѣна 1 р. 25 к.

Томъ VII. Содержаніе: Викторія. Пер. Ю. Балтрушайтиса.—
Въ сказочной странѣ. Пер. Балтрушайтиса. Цѣна 1 р. 40 к.

Томъ VI. Содержаніе: У вратъ царства. Пер. Э. Коммиссаржевскаго. Драма жизни. Пер. С. Полякова. Закать Пер. С. Городецкаго. Цѣна 1 р. 40 к.

„СЪВЕРНЫЕ СБОРНИКИ“

изъ произведеній
скандинавскихъ писателей

КНИГА ПЕРВАЯ.

(2-ое изданіе).

Іенсъ Петеръ Якобсень. Могенсъ (пер. А. Острогорскій).
Пусть розы здѣсь цвѣтутъ (пер. А. Блока).—Зельма Лагер-
лефъ. Семь смертныхъ грѣховъ (пер. С. Городецкаго).—
Августъ Стриндбергъ. Преступникъ (пер. С. Городецкаго).—
Германъ Бангъ. Четыре бѣса. Ея высочество (пер. Федора
Сологуба).—Оскаръ Левертинъ. Зельма Лангерлефъ (статья).
Теодоръ Вольфъ. Іенсъ Петеръ Якобсень (статья).
Цѣна книги 1 рубль.

КНИГА ВТОРАЯ и ТРЕТЬЯ.

А. Купринъ. О Кнутъ Гамсунъ. Кнутъ Гамсунъ. Мистеріи.
Пер. А. Острогорскій. Ола Гансонъ. *Sensitiva amorosa*. Пер.
Ю. Балтрушайтиса. Цѣна 1 р. 50 коп.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Іенсъ Петеръ Якобсень. Нильсъ Люне. Романъ. Пер. С. Го-
родецкаго. Гаральдъ Геффдингъ. Потомокъ Гамлета (статья о
Киркегоръ). Серенъ Киркегоръ. I. Несчастнѣйшій II. Афо-
ризмы. Пер. Ю. Балтрушайтиса. Цѣна 1 р. 20 к.

КНИГА ПЯТАЯ.

I. Альмквистъ. Мельница въ Шельнуръ. Августъ Стринд-
бергъ. I. Высшая цѣль. II. Сказка о Сенъ Готардъ. III. Поль-
листа бумаги. IV. Соната призраковъ. Я. Седербергъ I. По
теченію. II. Мелкій дождь. III. Сатана, маіоръ и придворный
проповѣдникъ. IV. Воздаяніе за грѣхъ. V. Вездомная собака.
VI. Тѣнь. Цѣна 1 рубль.

С. РАФАЛОВИЧЪ. „ОТВЕРГНУТЫЙ ДОНЪ-ЖУАНЪ“.

Цѣна въ переплетѣ 60 коп.

ФРАНКЪ ВЕДЕКИНДЪ. ТОМЪ I. „ГИДАЛЛА“.

ПЕР. В. ВАСИЛЕВСКАГО.

„МУЗЫКА“ ПЕР. З. ВЕНГЕРОВОЙ.

Цѣна 1 р. 20 к.

ТОМЪ II. ЛУЛУ: а) „ВАМПИРЪ“ ПЕР. ВС. МЕЙЕРХОЛЬДА;

б) „ЯЩИКЪ ПАНДОРЫ“ ПЕР. ГИБЕРМАНЪ.

Цѣна 1 р. 25 к.

ФРАНКЪ ВЕДЕКИНДЪ. „ПРОБУЖДЕНІЕ ВЕСНЫ“.

ПЕР. ПОДЪ РЕДАКЦ. ФЕДОРА СОЛОГУБА.

Цѣна въ переплетѣ 75 к. (разошлось).

АЛ. БЛОКЪ. ТРИ ПЬЕСЫ: „БАЛАГАНЧИКЪ“.

„КОРОЛЬ НА ПЛОЩАДИ“. „НЕЗНАКОМКА“.

Цѣна 1 руб. 20 к.

ЕВ. ЧИРИКОВЪ. „МАРЬЯ ИВАНОВНА“

Комедія въ 4 д. Ц. 60 к.

С. НАЙДЕНОВЪ. „ХОРОШЕНЬКАЯ“.

Комедія въ 4 д. Ц. 60 к.

С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ. „СМЕРТЬ“.

Пьеса въ 5 д. Ц. 75 к.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. „ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА“.

Обложка, заставки и концовки В. ЧЕМБЕРСА. Цѣна 60 к.

(разошлось).

ЛЕВЪ СУЛЕРЖИЦКІЙ „АНТОНЪ ЧЕХОВЪ и ХУДОЖЕ-
СТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ“ (готовится къ печати).

ЛЕВЪ СУЛЕРЖИЦКІЙ. „К. С. СТАНИСЛАВСКІЙ и
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ“ (готовится къ печати).

„ТЕАТРЪ“

(КНИГА О НОВОМЪ ТЕАТРѢ).

(Изд. 2-е.)

СОДЕРЖАНІЕ:

А. ЛУНАЧАРСКІЙ. ТЕАТРЪ и СОЦІАЛИЗМЪ.—Е. АНИЧКОВЪ.
ТРАДИЦІЯ и СТИЛИЗАЦІЯ.—А. ГОРНФЕЛЬДЪ. ДУЗЕ, ВАГНЕРЪ,
СТАНИСЛАВСКІЙ.—АЛ. ВЕНУА. БЕСѢДА О БАЛЕТѢ. ВС. МЕЙЕР-
ХОЛЬДЪ. ТЕАТРЪ (къ исторіи и техникѣ).—ФЕДОРЪ СО-
ЛОГУБЪ. ТЕАТРЪ ОДНОЙ ВОЛИ.—ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. ПРИН-
ЦИПЫ ТЕАТРА БУДУЩАГО.—С. РАФАЛОВИЧЪ. ЭВОЛЮЦІЯ
ТЕАТРА.—ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. РЕАЛИЗМЪ и УСЛОВНОСТЬ
НАСЦЕНЪ.—АНДРЕЙ ВЪЛЫЙ. ТЕАТРЪ и СОВРЕМЕННАЯ ДРАМА

Обложка АЛ. ВЕНУА.

Цѣна 2 рубля.

Леонидъ Андреевъ. Царь Голодь. Представленіе въ пяти картинахъ съ прологомъ. Рисунки Е. Лансере. Ц. 1 р.

Леонидъ Андреевъ. т. V. Разказы безсмертнаго. Цѣна 1 р. 25 к.

Бор. Зайцевъ. Разказы. Книга I.

Волки. Мгла. Тихія зори. Священникъ Кронидъ. Хлѣбъ, Люди и Земля. Деревня. Мифъ. Черные вѣтры. Завтра (2-ое изданіе). Цѣна 50 коп.

Бор. Зайцевъ. Разказы. Книга II.

I. Полковникъ Розовъ. Молодые. Ласка. II. Любовь. Май. III. Сестра. Гость. IV. Аграфена. V. Спокойствіе (Печатается). Ц. 1 р.

С. Сергѣевъ-Ценскій. Разказы. Томъ I.

Тундра. Умру я скорб. Маска. Взмахъ крыльевъ. Дифтеритъ. Бредъ. Улолокъ. Вѣрю. Скука. Поляна. Погость. Молчальники. Садъ. Батенька. Убийство. Цѣна 1 руб.

С. Сергѣевъ-Ценскій. Разказы. Томъ II.

Снѣжное поле. Мертвецкая. Кукушка. Гроза. Ясный день. Проталина. Ожиданіе. Пьяный Курганъ. Отъ трехъ бортовъ. Безстѣнное. Цѣна 1 руб.

С. Сергѣевъ-Ценскій. Томъ III (печатается).

В. Муйжель. Разказы. Томъ I.

Мужичья смерть. Въ кухнѣ. Солдаты. Аренда. Бабыя жизнь. Цѣна 1 руб.

Маркъ Криницкій. Разказы. Томъ I. Содержаніе.

Тора-Аможе. Наслѣдственность. Необходимость жить. Тайна барсука. Матерія. Проклятѣе. Ефимъ. Слѣпецъ. Пошлость. Ложь. Оплоть общества. Цѣна 1 руб.

Федоръ Сологубъ. Мелкій бѣсъ. Романъ. (3-ье изданіе).
Цѣна 1 р. 75 к.

Федоръ Сологубъ. Тяжелые сны. Романъ. 3-ье изданіе.
Цѣна 1 р. 60 к.

Федоръ Сологубъ. Книга разлукъ. Разказы.
Они были дѣти. Въ толпѣ. Голодный блескъ.
Цѣна 1 р.

Шоломъ Ашъ. Разказы. Томъ I. Цѣна 1 руб.

Шоломъ Ашъ. Городокъ. Поэма изъ еврейской жизни. (Разошлось).

Г. Чулковъ. Анархическія идеи въ драмахъ Ибсена. Ц. 30 к.

К. Ковальскій. Терновый вѣнецъ. Разказы.
Первый вальс. Весна. Только шагъ! Смѣхъ и плачь. Полуночное солнце. На черноземѣ. Человѣкъ, который... Тоска по родинѣ. Ц. 1 р.

Октавъ Мирбо. 638—Е—8. (Путешествіе въ автомобилѣ).
Единственный, разрѣшенный авторомъ, переводъ съ рукописи для издательства „Шиповникъ“ (З. Венгеровой и Л. Бинштока). Цѣна 1 руб. 25 коп.

Анатоль Франсъ. Разказы Жака Турнеброша. Единственный, разрѣшенный авторомъ, переводъ съ рукописи для издательства „Шиповникъ“. (Н. Минскаго). (Печатается).

Анатоль Франсъ. Островъ пингвиновъ. Единственный разрѣшенный авторомъ переводъ съ рукописи З. Венгеровой. Цѣна 1 р. 40 к.

А. Серафимовичъ.
ДѢТСКІЕ РАЗСКАЗЫ

съ рисунками Б. КУСТОДИЕВА.

Цѣна 1 р.

МОРЩИНКА

Сказка А. Ремизова. Рисунки М. Довужинскаго.

Цѣна въ переплетѣ 50 к.

Байронъ. Каинъ. Переводъ Ив. Бунина. Обложка, заставки и концовки В. Чемберса. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к. Ц. безъ переплета 1 р.

Евг. Тарасовъ. Земная дали. Вторая книга стиховъ. Обложка И. Билибина. Цѣна 60 к.

Н. Д. Бальмонтъ. Птицы въ воздухѣ. Строки напѣвныя. Обложка И. Билибина. Цѣна 2 р. Его же. Зеленый Вертоградъ. Слова поцѣлуйныя. Обложка И. Билибина. Цѣна 2 р.

Андрей Бѣлый. Пепель. Цѣна 2 р. (печат.).

Открытыя письма на социально-политическія темы въ исполненіи художниковъ „Simplicissimus“.

Сюжеты:

1. Даѣ власти.	14. „Власт. земли“. Негусъ.	28. Прощаніе.
2. Религіозное рвеніе.	15. Сказка.	29. Послѣ выборовъ.
3. Великодушный хозяинъ.	16. Кивокъ свыше.	30. Непонятныя.
4. Въ циркѣ.	17. Соціальная политика.	31. Реакція.
5. На распутьи.	18. Общественная нравственность.	32. „Послушайте, хозяинъ“.
6. Депутация.	19. Благородное воспитаніе.	33. Искусное управленіе.
7. Чернь—Толпа—Народъ.	20. Весна.	34. Подраздѣленіе.
8. Рѣшеніе соціального вопроса.	21. Къ закону о стачкахъ.	35. Время власти.
9. Кошмаръ капитализма.	22. Въ большомъ городѣ.	36. Умѣренность.
10. Казнь.	23. „Пожалуйста, миленькій чортъ“.	37. Въ ломбардѣ.
11. Поздней осенью.	24. Философъ.	38. Властелинъ.
12. „Властители земли“.	25. Человѣкъ со вкусомъ.	39. Интернаціональное средство противъ „революціонеровъ“.
13. Вильгельмъ II.	26. Стачка.	40. Сверхчеловѣкъ.
14. „Властители земли“.	27. Подштанники либерала.	41. Наслѣдный принцъ.
15. Рузвельтъ.		

Цѣна красочныхъ—5 к. шт.

Цѣна однотонныхъ—3 к. шт.

К. Марксъ. Къ критикѣ политической экономіи. Съ предисл. К. Каутскаго. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изд. и предисл. къ русск. изд. П. П. Румянцева. Цѣна 90 к.

А. Луначарскій. Религія и социализмъ, т. I ц. 1 р. 50 к

А. Луначарскій. „ „ „ т. II (печат.).

Гюберъ Лягарделль. Революціонный синдикализмъ. Авторизованный переводъ съ рукописи. Ц. 40 к.

А. Лабріола. Реформизмъ и синдикализмъ (Реформизмъ и социальная революція). Съ пред. автора къ русск. изд. Пер. съ итальянскаго, подъ ред. и съ послѣсловіемъ А. Луначарскаго. Ц. 1 р. (конф.).

К. Каутскій. Античный міръ, іудейство и христіанство съ пред. автора къ русск. изд. Авторизованный пер. съ рукописи Н. Рязанова. Ц. 2 р. 25 к.

А. Луначарскій. Три кадета. Цѣна 40 коп. (конф.).

А. Амфитеатровъ и Е. Аничковъ. I Побѣдоносцевъ, какъ общественный дѣятель. II Побѣдоносцевъ и православная церковь. Ц. 50 к.

А. Амфитеатровъ. Современныя сказки. Цѣна 55 коп.

А. Луначарскій. Пять фарсовъ для любит. Ц. 40 к.

Ө. Сологубъ. Политическія сказочки. (Разошлось).

Парвусъ. По тюрьмамъ во время революціи. Ц. 75 к.

Н. Троцкій. Туда и обратно. 1. Въмѣсто предисловія. 2. Отъ Петербурга до Березова. 3. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ по этапамъ. 4. Мой побѣгъ — 800 верстъ на оленяхъ. Цѣна 60 коп.

ПОСТУПИЛИ НА СКЛАДЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ССЫЛЬНЫМЪ И ЗАКЛЮЧЕННЫМЪ.

(сборникъ).

2-ое изданіе.

Содержаніе: Леонидъ Андреевъ. Елеазаръ. М. Арцыбашевъ. Подпрапорщикъ Гололобовъ.—В. Вересаевъ. Издали.—Н. Гаринъ. Ревекка.—А. Купринъ. Какъ я былъ актеромъ.—В. Муйжель. Кошмаръ. Стихотворенія: С. Верхоянцевъ.—А. Лукьяновъ.—П. Я. (Л. Мельшинъ).—В. Н. Фигнеръ.—А. Серафимовичъ. На морѣ.—Танъ. Христось на землѣ.—Н. Тимковскій. Акваріумъ.—Е. Чириковъ. Облава.—С. Юшкевичъ. Новый пророкъ.

Цѣна книги 1 рубль.

Габріэль Девилль. Капиталь. Изложеніе 1-го тома „Капитала“ Маркса. Со вступительной статьей „Очеркъ научнаго социализма“. Пер. съ франц., подъ редакціей І. Гольденберга. Цѣна 75 к.

Шоломъ Ашъ. Времена Мессіи. (На пути въ Сіонъ). Пер. Е. Троповскаго. Цѣна 50 к.

Марія Шефферъ. Среди арестантокъ. Цѣна 60 к.

Ст. Шибышевскій. Узы. Драма въ 3 дѣйст. Ц. 75 к.

А. Немоевскій. Письма ненормальнаго человѣка. Ц. 80 к.

Ю. Жулавскій. Разказы и стихотворенія въ прозѣ. Ц. 1 р.